

Социология

ЖУРНАЛ РОССИЙСКОЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ АССОЦИАЦИИ

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени

10
2024

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

Костерин А.А., Бычков П.И. Социальное прогнозирование в условиях неопределенности: особенности качественных показателей 6

Стоянов А.С. Киберсоциальность: ожидания личного и социального в диалектике реальностей 12

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

Ардашев Р.Г. Ментальное здоровье молодежи: депрессия и суицид в общественном сознании 21

Багаева А.В. Коммуникативная роль собственных имен в международных отношениях 26

Журавлева И.А. Экогород в представлениях жителей Байкальского региона 33

Иванов Р.В. Экологический патриотизм в Байкальском регионе: перспектива развития экорегиона 39

Магранов А.С., Месхи Б.Б., Печкуров И.В. Представления современной молодежи о зарубежных политических лидерах (на примере исследования в г. Таганрог) 44

Маслодудова Н.В. Межнациональные браки: оценка современной молодежи 50

Чжао Ли Цзяфэн. Влияние гендерной теории на репродуктивный выбор женщин в Китае 56

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

Баев П.А. Парадоксы трудовых ценностей современной молодежи 63

Ван Юаньсин. Исследование влияния старения населения на рынок труда Китая и меры реагирования ... 68

Вельмисова Д.В., Потемкин М.С. Социальное воспроизводство человека в территориальных образованиях 78

Гильдингерш М.Г. Корпоративный университет как инструмент эффективного развития кадрового потенциала организации 86

Гончарова И.В., Пушкарева Н.Н., Гуров Г.А. Адаптация иностранных студентов: социологический анализ и практика управления 91

Кравченко А.И. Принудительный труд в дореволюционной России 98

Ретинская В.Н., Мурзина И.А. Концептуальные основания мониторинга влияния на общество цифровизации деятельности органов государственной власти 107

Сушко В.А. Государственная политика по развитию цифровой экономики в рамках стратегии цифрового развития 114

Основан в марте 2004 года. Выходит 12 раз в год

Учредители: Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова; Российская социологическая ассоциация

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации Российской Федерации.

Свидетельство о регистрации ПИ № 77-17521 от 24.02.2004. ISSN 1812-9226

Адрес редакции: 119992, Москва, Ленинские горы, МГУ им. М.В. Ломоносова, социологический факультет, 3-й учебный корпус

Тел.: (495)939-24-05;

e-mail: socjournal.msu@gmail.com

http://soziologi.ru

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

Главный редактор – **Добренков Владимир Иванович**, доктор философских наук, профессор; зам. главного редактора – **Кравченко Альберт Иванович**, доктор философских наук, профессор; зам. главного редактора – **Зырянов Владимир Викторович**, кандидат экономических наук, доцент кафедры социальных технологий, МГУ имени М.В. Ломоносова; ответственный секретарь – **Агапов Платон Валериевич**, кандидат социологических наук, доцент, доцент по кафедре истории и теории социологии, МГУ имени М.В. Ломоносова; Зав. редакцией – **Казакова Александра Андреевна**, старший преподаватель кафедры Истории и теории социологии социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

Барков Сергей Александрович, доктор социологических наук, профессор, зав. кафедрой социологии организации и менеджмента социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова; **Желтов Виктор Васильевич**, доктор философских наук, профессор; **Мамедов Агамали Кулам-Оглы**, доктор социологических наук, профессор, зав. кафедрой социологии коммуникативных систем социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова; **Петров Владимир Николаевич**, доктор социологических наук, профессор, преподаватель кафедры социологии Кубанского государственного университета; **Силасте Галина Георгиевна**, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, научный руководитель Департамента социологии Факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве РФ; **Багдасарьян Надежда Гегамовна**, доктор философских наук, профессор, МГТУ им. Н.Э. Баумана; **Рахманов Азат Борисович**, доктор философских наук, социологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова; **Грибальних Татьяна Ивановна**, доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой социальной философии и социологии Института социальных наук ИГУ; **Добренкова Екатерина Владимировна**, доктор социологических наук, профессор, ректор Международной Академии Бизнеса и Управления; **Бурмыкина Ирина Викторовна**, доктор социологических наук, профессор, проректор по научно-методической работе, Липецкий государственный педагогический университет; **Маршак Аркадий Львович**, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института социологии РАН; **Осипов Александр Михайлович**, доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Научно-исследовательского центра, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого; **Афонин Юрий Алексеевич**, доктор экономических наук, профессор, Самарский государственный экономический университет.

СОСТАВ МЕЖДУНАРОДНОГО СОВЕТА

Ахметов Сайранбек Махсутович, ректор Казахстанского университета инновационных и телекоммуникационных систем КазИИТУ, доктор технических наук, профессор, академик Национальной инженерной академии Республики Казахстан, академик РАЕН; **Вукичевич Слободан**, профессор, факультет философии, Университет Черногории

Кропп Фредрик, декан факультета Монтеррейского университета США; **Митрович Любиша**, профессор, директор Института социологии Университета г. Ниш, Сербия; **Титаренко Лариса Григорьевна**, доктор социологических наук, профессор, факультет философии и социальных наук, Белорусский государственный университет, Республика Беларусь; **Фарро Антонио Луиджи**, профессор, доктор социологических наук, профессор Римского университета «Сапиенца», г. Рим, Италия; **Чжан Шу-хуа**, доктор политических наук, профессор, директор Института научной информации Академии общественных наук Китая, главный редактор журнала «Общественные науки за рубежом»; **Соколова Галина Николаевна**, доктор философских наук, профессор, заведующий отделом экономической социологии и социальной демографии Института социологии НАН Беларуси Минск.

СОСТАВ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

Осипов Геннадий Васильевич, академик РАН, доктор философских наук, профессор; **Скворцов Николай Генрихович**, доктор социологических наук, профессор, декан факультета социологии СПбГУ; **Осипова Надежда Геннадьевна**, доктор социологических наук, профессор, декан социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова; **Иванов Вилен Николаевич**, член-корр. РАН, доктор философских наук, профессор; **Хунагов Рашид Думаличевич**, доктор социологических наук, профессор; **Волков Юрий Григорьевич**, доктор философских наук профессор, директор Института социологии и регионоведения Южного федерального университета, директор Южно-Российского филиала Института социологии РАН, заведующий кафедрой теоретической социологии и методологии региональных исследований; **Ивченков Сергей Григорьевич**, доктор социологических наук, профессор, зав. кафедрой социологии молодежи Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского; **Дзущев Хасан Владимирович**, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии и социальных процессов ФГБОУ ВПО «Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова».

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Уважаемые коллеги! Обращаем Ваше внимание на то, что экспертиза материалов статей производится профильными исследовательскими комитетами Российской социологической ассоциации для внутреннего пользования. После экспертизы статьи поступают в Редакцию журнала, где проходят редакторскую и корректорскую правку. Редакция оставляет за собой право сокращать объем статей и редактировать их в соответствии с требованиями научного журнала. Рукописи статей не возвращаются; с авторами в переписку Редакция не вступает; гонорар авторам не выплачивается.

Отпечатано в типографии ООО «Стромынка Принт», Москва, ул. Стромынка, д. 18

Тираж 300 экз. Формат А4. Подписано в печать: 30.10.2024 Цена свободная

Все материалы, публикуемые в журнале, подлежат внутреннему и внешнему рецензированию.

Издание не подлежит маркировке согласно п. 2 ст. 1 Федерального закона от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию».

Ушаков Е.В. Практико-ориентированные исследования случаев в публичном управлении: особенности и перспективы развития 119

Рочева Я.С., Шавонин А.Л. Проблемы изучения социальной инклюзии инвалидов в современном обществе 124

Шадрин А.А. Применение социального-управленческой технологии нейминга высшего учебного заведения: на примере Университета ИТМО 128

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

Кидямкин А.А. Значение традиций храмоздательства в социокультурной среде современности России 137

Шантаков А.М., Цыденов А.Б. Буддийский форум в цифровом пространстве: репрезентация и аудитория 143

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

Мочалов Е.В. Нравственные идеи и уроки Ф.М. Достоевского в XXI веке 149

ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ, ФИЛОСОФИЯ РЕЛИГИИ

Ван Линь. Реализация идей философских систем конфуцианства, буддизма и даосизма в китайской культуре 155

Елдин М.А., Захаров А.В., Кидямкин А.А. Византизм, культура евразийского социума и духовные ценности современности: социально-философский аспект 160

Емелькина И.В., Мочалов Е.В. Эволюция представлений о феномене «совесть» в православном богословии I–IV вв. 165

Рахимова М.В. Отражение театральности как философско-антропологического феномена в научном дискурсе 172

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

Бабашов А.К., Стутко А.Н., Аалиева Ш.К., Брусиловский Д.А., Апсаматова Э.Д. Эволюция идеологии в контексте духовного наследия 178

Брусиловский Д.А., Апсаматова Э.Д., Гао Тянь Цзинь, Ху Сяоминь. Идеологический дискурс и искусственный интеллект в политических коммуникациях 186

Равочкин Н.Н., Рвалов П.Н., Закиров С.А. Современные когнитивные практики в социальной философии: аналитическая и герменевтическая методология 193

Тылик А.Ю. Философские основания дискуссий в области образовательной политики: на примере дискурса о ваучерном финансировании школ 198

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Ерёмина Е.В. Трудовая миграция: сущность и тенденции в России 204

Дао Ньы. Роль буддизма Тхеравады в жизни кхмерского народа на территории Вьетнама 209

Подчуфаров И.В., Потемкина Ю.Г. Влияние глобальных миграционных процессов на формирование кросс-культурного управления человеческими ресурсами в российских компаниях 213

Сухарев Е.С., Потемкина Ю.Г. Выявление детерминантов факторов межкультурных коммуникативных практик российской молодежи 219

TABLE OF CONTENTS

THEORY AND METHODOLOGY

Kosterin A.A., Bychkov P.I. Social forecasting in conditions of uncertainty: features of qualitative indicators..... 6

Stoyanov A.S. Cybersociality: expectations of personal and social in the dialectic of realities 12

SOCIAL STRUCTURE, SOCIAL INSTITUTIONS AND PROCESSES

Ardashev R.G. Mental health of young people: depression and suicide in public consciousness 21

Bagaeva A.V. The communicative role of proper names in international relations 26

Zhuravleva I.A. Ecocity in the views of residents of the Baikal region 33

Ivanov R.V. Ecological patriotism in the Baikal region: prospects for the development of the ecoregion 39

Magranov A.S., Meskhi B.B., Pechkurov I.V. The ideas of modern youth about foreign political leaders (based on the example of a study in Taganrog)..... 44

Maslodudova N.V. Interethnic marriages: assessment of modern youth 50

Zhao Li Jiafeng. The influence of gender theory on reproductive choices among Chinese women 56

SOCIOLOGY OF MANAGEMENT

Baev P.A. Paradoxes of labor values of modern youth 63

Wang Yuanxing. Study on the Impact of Population Aging on China's Labor Market and Response Measures..... 68

Velmisova D.V., Potemkin M.S. Social reproduction of man in territorial entities..... 78

Gildingersh M.G. Corporate University as a tool for effective development of the organization's human resources potential 86

Goncharova I.V., Pushkareva N.N., Grigory A.G. Adaptation of international students: sociological analysis and management practice..... 91

Kravchenko A.I. Forced labor in pre-revolutionary Russia 98

Retinskaya V.N., Murzina I.A. Conceptual foundations for monitoring the impact of digitalization of government agencies on society 107

Sushko V.A. State policy for the development of the digital economy within the framework of the digital development strategy 114

Ushakov E.V. Practice-oriented studies in public administration: features and prospects of development 119

Rocheva Y.S., Shavonin A.L. Problems of studying social inclusion of people with disabilities in modern society 124

Founded in March 2004. Published 12 times a year
 Founders: **Moscow State University named after M.V. Lomonosov; Russian Sociological Association**
 The magazine is registered with the Ministry of Press and Information of the Russian Federation.
 Certificate of registration of PI No. 7717521 dated February 24, 2004. ISSN 18129226
 Editorial address: 119992, Moscow, Leninskie Gory, Moscow State University. M.V. Lomonosov, Faculty of Sociology, 3rd Academic Building
 Tel.: (495)9392405;
 email: socjournal.msu@gmail.com
 http://soziologi.ru

EDITORIAL BOARD OF THE MAGAZINE

Chief Editor – Dobrenkov **Vladimir Ivanovich**, Doctor of Philosophy, Professor; deputy editor-in-chief – **Albert Ivanovich Kravchenko**, Doctor of Philosophy, Professor; deputy editor-in-chief – **Vladimir Viktorovich Zyryanov**, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Social Technologies, Moscow State University named after M.V. Lomonosov; executive Secretary – **Agapov Platon Valerievich**, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Associate Professor at the Department of History and Theory of Sociology, Moscow State University named after M.V. Lomonosov; Head by the editors – **Alexandra Andreevna Kazakova**, senior lecturer of the Department of History and Theory of Sociology, Faculty of Sociology, Moscow State University. M.V. Lomonosov.

Barkov Sergey Aleksandrovich, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head. Department of Sociology of Organizations and Management, Faculty of Sociology, Moscow State University. M.V. Lomonosov; **Zhelto Viktor Vasilevich**, Doctor of Philosophy, Professor; **Mamedov Agamali Kulamogly**, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head. Department of Sociology of Communication Systems, Faculty of Sociology, Moscow State University. M.V. Lomonosov; **Petrov Vladimir Nikolaevich**, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Lecturer in the Department of Sociology of Kuban State University; **Sillaste Galina Georgievna**, Doctor of Philosophy, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Scientific Director of the Department of Sociology, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation; **Bagdasaryan Nadezhda Gegamovna**, Doctor of Philosophy, Professor, MSTU. N.E. Bauman; **Rakhmanov Azat Borisovich**, Doctor of Philosophy, Faculty of Sociology, Moscow State University. M.V. Lomonosov; **Tatyana Ivanovna Grabelnykh**, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Social Philosophy and Sociology, Institute of Social Sciences, ISU; **Dobrenkova Ekaterina Vladimirovna**, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Rector of the International Academy of Business and Management; **Burmykina Irina Viktorovna**, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Vice-Rector for Scientific and Methodological Work, Lipetsk State Pedagogical University; **Marshak Arkady Lvovich**, Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher at the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences; **Osipov Alexander Mikhailovich**, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chief Researcher of the Research Center, Novgorod State University named after Yaroslav the Wise; **Afonin Yuri Alekseevich**, Doctor of Economics, Professor, Samara State Economic University.

COMPOSITION OF THE INTERNATIONAL COUNCIL

Akhmetov Sairanbek Makhsutovich, Rector of the Kazakhstan University of Innovation and Telecommunication Systems KazITU, Doctor of Technical Sciences, Professor, Academician of the National Engineering Academy of the Republic of Kazakhstan, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences; **Vukicevic Slobodan**, Professor, Faculty of Philosophy, University of Montenegro; **Kropp Fredric**, Dean of Faculty, University of Monterrey, USA; **Mitrovic Ljubisa**, professor, director of the Institute of Sociology of the University of Nis, Serbia; **Titarenko Larisa Grigorievna**, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Faculty of Philosophy and Social Sciences, Belarusian State University, Republic of Belarus; **Farro Antimo Luigi**, professor, doctor of sociological sciences, professor at the Sapienza University of Rome, Rome, Italy; **Zhang Shuhua**, Doctor of Political Sciences, Professor, Director of the Institute of Scientific Information of the Chinese Academy of Social Sciences, Editor-in-Chief of the journal "Social Sciences Abroad"; **Sokolova Galina Nikolaevna**, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Economic Sociology and Social Demography, Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus Minsk.

COMPOSITION OF THE EDITORIAL BOARD

Osipov Gennady Vasilevich, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Philosophy, Professor; **Skvortsov Nikolay Genrikhovich**, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Dean of the Faculty of Sociology of St. Petersburg State University; **Osipova Nadezhda Gennadievna**, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Dean of the Faculty of Sociology of Moscow State University. M.V. Lomonosov; **Ivanov Vilen Nikolaevich**, corresponding member. RAS, Doctor of Philosophy, Professor; **Khunagov Rashid Dumalichevich**, Doctor of Sociological Sciences, Professor; **Volkov Yuri Grigorievich**, Doctor of Philosophy, Professor, Director of the Institute of Sociology and Regional Studies of the Southern Federal University, Director of the South Russian Branch of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Head of the Department of Theoretical Sociology and Methodology of Regional Studies; **Ivchenkov Sergey Grigorievich**, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology of Youth, Saratov State University. N.G. Chernyshevsky; **Dzutsev Khasan Vladimirovich**, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology and Social Processes, Federal State Budgetary Educational Institution Higher professional education « North Ossetian State University named after K.L. Khetagurova.»

NOTE TO AUTHORS

Dear Colleagues! We draw your attention to the fact that the examination of article materials is carried out by specialized research committees of the Russian Sociological Association for internal use. After the examination, the articles are sent to the Editorial Board of the journal, where they undergo editorial and proofreading. The editors reserve the right to reduce the length of articles and edit them in accordance with the requirements of the scientific journal. Manuscripts of articles are not returned; The editors do not enter into correspondence with the authors; No royalties are paid to the authors.

Printed at the printing house of Stromynka Print LLC, Moscow, st. Stromynka, 18
 Circulation 300 copies. A4 format. Signed for printing: 10/30/2024 Free price

All materials published in the journal are subject to internal and external review.

The publication is not subject to labeling in accordance with clause 2 of Art. 1 of Federal Law No. 436FZ of December 29, 2010 "On the protection of children from information harmful to their health and development."

Shadrin A.A. Application of social-managerial technology of naming a higher educational institution: the example of ITMO University 128

SOCIOLOGY OF CULTURE

Kidyamkin A.A. Church building and the revival of Russia's spiritual traditions..... 137

Shantakov A.M., Tsydenov A.B. The Buddhist Forum in Digital Space: Representation and Audience 143

THEORY AND HISTORY OF PHILOSOPHY

Mochalov E.V. Moral ideas and lessons of F.M. Dostoevsky in the XXI century 149

PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY, PHILOSOPHY OF CULTURE, PHILOSOPHY OF RELIGION

Wang Lin. Implementation of the ideas of the philosophical systems of Confucianism, Buddhism and Taoism in Chinese culture..... 155

Eldin M.A., Zakharov A.V., Kidyamkin A.A. Byzantinism, the culture of the Eurasian society and the spiritual values of modernity: the socio-philosophical aspect 160

Yemelkina I.V., Mochalov E.V. The evolution of ideas about the phenomenon of "conscience" in Orthodox theology of the I–IV centuries 165

Rakhimova M.V. Reflection of theatricality as a philosophical and anthropological phenomenon in scientific discourse 172

SOCIAL PHILOSOPHY

Babashov A.K., Smutko A.N., Aliyeva Sh.K., Brusilovskii D.A., Apsamatova E.D. Evolution of ideology in the context of spiritual heritage 178

Brusilovskii D.A., Apsamatova E.D., Gao Tianjing, Hu Xiaomin. Ideological discourse and artificial intelligence in political communications 186

Ravochkin N.N., Rvalov P.N., Zakirov S.A. Contemporary cognitive practices in social philosophy: postmodern and phenomenological methodology..... 193

Tylik A.Yu. Philosophical foundations of discussions in the field of educational policy: the example of the discourse on voucher financing of schools..... 198

INTERDISCIPLINARY RESEARCH

Eremina E.V. Labor migration: the essence and trends in Russia 204

Dao Nhu. The Role of Theravada Buddhism in the Life of the Khmer People in Vietnam 209

Podchufarov I.V., Potemkina Ju.G. The influence of global migration processes on the formation of cross-cultural human resource management in Russian companies 213

Sukharev E.S., Potemkina Ju.G. Identification of determinants of factors of intercultural communicative practices of Russian youth..... 219

Социальное прогнозирование в условиях неопределенности: особенности качественных показателей

Костерин Артём Андреевич,

адъюнкт кафедры социологии Военного университета имени князя Александра Невского
E-mail: Kosterin.a1917@gmail.com

Бычков Петр Иванович,

к.с.н., доцент, старший научный сотрудник научно-исследовательского отдела Военного университета имени князя Александра Невского
E-mail: Pbychkov64@yandex.ru

В статье рассматривается применение социального прогнозирования в управлении подразделениями Сухопутных войск Вооруженных Сил Российской Федерации (далее СВ ВС РФ). Одной из затрагиваемых тем является описание особенностей субъектно-объектных отношений при формировании социального прогноза. Данная тема помогает прийти к определенным выводам в рамках распределения управленческих полномочий и направлений сосредоточения внимания в процессе прогнозирования. Другой затрагиваемой темой является компоновка социального прогноза в рамках выполнения боевых (специальных) задач, в том числе в условиях специальной военной операции (далее СВО). Кроме того, автором затрагивается тема предметной области социального прогнозирования в рамках особенностей боевых (специальных) задач в условиях СВО. Применительно к боевым задачам в условиях СВО, период применения СВ ВС РФ будет являться особым (специальным) периодом.

Ключевые слова: прогнозирование, социальная среда, прогнозный фон, уровень устойчивости, поведение, намерения.

В рамках существующих принципов и подходов в отношении роли и места социального прогнозирования в управлении подразделениями СВ ВС РФ, хотелось бы определить некоторые особенности данного процесса, его направлений и направлений.

Субъект и объект социального прогнозирования

В рамках управления подразделениями СВ ВС РФ в особый (специальный) период, данный компонент в настоящее время остается не регламентированным. В целях понимания особенностей СВО, описываемых в статье, необходимо определить и охарактеризовать существующий период. Таким образом, в нашем понимании *особый (специальный) период* – это временной промежуток, характеризующийся совокупной особенностью мероприятий, сопутствующих подготовке и выполнению задач специальной военной операции, полноценно не сопоставимый с другим периодом выполнения боевых (специальных) задач, конституированным существующими нормативными и правовыми актами. В рамках данного понятия мы будем рассматривать следующие направления.

Распорядительный элемент системы военного управления определяет роль и место руководителя подразделения при выполнении боевых (специальных) задач в качестве субъекта управления. Согласно требований руководящих документов боевого (оперативного) управления, субъект управления уполномочен принимать решения на реализацию имеющихся у него сил и средств по своему усмотрению. В рамках принимаемых решений он руководствуется основным типовым набором последовательных действий вышестоящего распорядительного органа управления. В системе порядковой регламентации видовой и функциональной деятельности этот типовой набор можно считать *планом*. Соответственно, выполнение перечня задач, определяемых планом, будет являться основной функциональной деятельностью субъекта управления.

Одной из особенностей управления для субъекта управления является некоторое количество управляемых сред объекта управления: социальная, социотехническая и техническая [1]. Для

выполнения задач в системе управления существуют акторы управления (заместители и помощники). Направлениями их деятельности является узконаправленная работа с каждой из перечисленных сред в отдельности. При переходе на особый (специальный) период, роль и место акторов управления определяются структурно-нормативными актами. Эта особенность определяется приоритетной необходимостью в разделении имеющихся сил, средств и резервов по направлениям: *прямое применение* и *восполнение*. В рамках технической среды: вооружения, военной и специальной техники (далее ВВСТ), средств защиты и т.п. прямое применение и восполнение регламентировано и является видимой и «осязаемой» областью деятельности. Где прямое применение – это выполнение задач, а восполнение – восстановление боеспособности в тыловых районах. Роль субъекта управления в отношении технической среды регламентируется наглядностью и сведениями о состоянии своих резервов. Тем самым, командир подразделения может управлять механизмом применения и пополнения технической среды подразделения в физическом пространстве и с возможностью видеть последствия принимаемых решений.

По подобному принципу можно рассмотреть социотехническую среду подразделений, где прямое применение – это реализация умений и навыков во взаимодействии с технической составляющей при выполнении задач [2]. В отношении восполнения можно сказать, что это будет процессом, направленным на повышение квалификации, переподготовку или изучение новых образцов ВВСТ. Элементом восполнения социотехнической среды можно считать получение нового рефлексивного, мышечно-моторного и технологического опыта вне выполнения боевых (специальных) задач. В особый (специальный) период социотехнический компонент при непосредственном выполнении боевых (специальных) задач имеет тыловые районы в физическом пространстве в качестве размещения людских резервов. По прямой подобности с восполнением ВВСТ социотехническая среда может наблюдаться с позиций потерь или демонстрации низких навыков. В таком случае, оценка субъектом управления состояния социотехнической среды подразделения будет иметь наглядность, «осязаемость» и будет позволять осуществлять регулятивное вмешательство.

Прямое применение социальной среды в настоящий момент обобщенно интерпретируется как реализация социальных сил подразделения для выполнения поставленных задач. В рамках такого подхода процесс управления можно характеризовать как менеджериальное управление. При выполнении боевых (специальных) задач такой подход с позиции субъекта управления остается наиболее применительным. Кроме того, сопутствующими параметрами социальной сре-

ды подразделения будут являться показатели ее уровня моральной, психологической и политической устойчивости (далее – уровня устойчивости). Уровень устойчивости при выполнении боевых (специальных) задач понимается как фактическая способность выполнять эти задачи с прямыми или потенциальными, сопутствующими угрозами для здоровья и жизни. В рамках задач особого (специального) периода управление уровнем устойчивости может рассматриваться субъектом управления как самоорганизованный процесс [3]. Причиной такого подхода может являться невозможность «осязаемости» и, соответственно, отсутствие конкретных, однозначных и (или) универсальных технологий управления уровнем устойчивости. В таком случае, возникает необходимость в некотором разграничении управленческих компетенций между субъектом управления и актором управления в подразделении.

Актор управления в подразделении – специалист по формированию уровня устойчивости в подразделении, является подчиненным субъекту управления. Деятельность актора по формированию уровня устойчивости в основном реализуется в условиях отсутствия прямой угрозы здоровью и жизни (в период мирного времени). Во время выполнения боевых (специальных) задач роль и место актора управления в социальной среде подразделения нормативно не регламентирована. Опыт «замполитов» в подразделениях Красной армии в настоящее время не может коррелировать с деятельностью нынешних органов военнополитической работы по причине принципиальных отличий государственно строя СССР и РФ. В современных вооруженных конфликтах и при выполнении боевых (специальных) задач «замполит» или актор управления не выдвигается в авангарде и не призывает подразделение к наступлению. Тем не менее, при переходе с мирного времени на особый (специальный) период, в структуре подразделений актор управления остается. Вопрос о реализации функциональных полномочий актора управления при выполнении боевых (специальных) задач остается до конца не определенным.

При реализации управленческих полномочий субъекта управления при выполнении боевых (специальных) задач, восполнение уровня устойчивости социальной среды подразделения осуществляется после выполнения задач. В контексте менеджериального управления, восполнение социальной среды – это доукомплектование подразделений до их необходимого численного состава. В рамках военно-институционального управления – это процесс регулирования морального, политического и психологического состояния до необходимого уровня [4]. Это обуславливается как приоритетностью выполнения пунктов плана субъектом управления, так и не полностью раскрытым процессом оценки уровня устойчивости. Не сложно заметить, что фактическая наблюдаемость

и «осязаемость» управляемых элементов будет сосредотачивать на себе основное внимание руководителя. Так как в первую очередь оценка выполняемых боевых (специальных) задач будет производиться исходя из видимых и «осязаемых» сил и средств. Социальная среда подразделений по большей части рассматривается как «оператор» ВВСТ или как специалист в структурно-функциональном устройстве подразделения. Справедливость таковых субъектно-объектных отношений может обуславливаться особенностью боевой работы. Тем не менее остается затрагиваемая в меньшей степени, но являющаяся необходимой, управленческая работа в отношении регулирования уровня устойчивости. В данном случае мы хотим обратить внимание на управление *поведением* социальной среды при выполнении боевых (специальных) задач.

Управление поведением в социальной среде подразделений рассматривается субъектом управления, скорее, как сопутствующий компонент боевого (оперативного) управления. Сосредоточение основных усилий при создании гомеостатичности социальной среды направлено на формирование моральной, политической и психологической устойчивости и осуществляется в мирное время. Отдельной работой по формированию устойчивости можно отметить деятельность акторов управления в зонах восстановления боеспособности. Сущность работы по управлению поведением заключается в большей степени в убеждении личного состава в правильности и однозначности статусно-ролевой ориентации [5]. В таком случае возникает несколько вопросов в отношении целевого направления деятельности субъекта управления и актора управления по формированию уровня устойчивости.

Утверждая, что актор управления является основным и главным специалистом в отношении формирования уровня устойчивости в подразделении, имеет смысл произвести разграничение в отношении функциональной деятельности между актором и субъектом в управлении. Опираясь на особенности боевой работы подразделений, хотелось бы разделить потенциальные и прямые возможности субъекта управления и актора при выполнении боевых (специальных) задач в особый (специальный) период. В данном случае речь идет о распределении полномочий в рамках функциональной деятельности на уровне военно-институционального воздействия на уровне автономного управления. Резюмируя вышеизложенные утверждения, стоит определить некоторые положения, которые вытекают из системного анализа управления подразделениями ВС РФ в особый (специальный) период.

1. Субъект управления функционально не ориентирован полноценно производить цикл регулирования социальной среды подразделения на военно-институциональном уровне.

2. Актор управления фактически способен и ориентирован организовывать цикл регулирования социальной среды подразделения на военно-институциональном уровне; является более профессионально подготовленным в отношении реализации механизма формирования уровня устойчивости социальной среды подразделения.

3. Управление поведением социальной среды подразделения при выполнении боевых (специальных) задач стоит возложить на актора управления в объеме автономного управления.

Разграничение и определение особенностей боевого (оперативного) управления будет являться исходным структурно-технологическим требованием для внедрения механизма социального прогнозирования в управлении подразделениями ВС РФ при выполнении боевых (специальных) задач.

Параметры, границы и механизм

Социальное прогнозирование в управлении подразумевает поиск и технологическую разработку вариантов развития событий при определенных условиях, рассматриваемых для принятия решения. Предметная область прогнозирования будет нами определена в качестве поведения социальной среды подразделения при выполнении боевых (специальных) задач. Субъектом формирования прогноза будет нами определен актор управления – специалист по формированию уровня устойчивости. Не до конца решенным остается вопрос об определении исходных статусно-ролевых определителей военно-институционального воздействия.

В таком случае, направлениями институционального воздействия нами будут определены социальные практики в парадигме теории социального действия структурно-функциональных [6] элементов подразделения и в парадигме формирования социальных полей через сумму капиталов [7]. Исходя из этого, технологическими параметрами прогноза будут являться:

- период упреждения;
- ретроспективный период;
- перспективный период;
- доверительный интервал.

В качестве технологических компонентов прогноза мы можем определить:

- текущая оценка уровня устойчивости;
- номинальная оценка уровня устойчивости;
- допустимые отклонения уровня устойчивости;
- алгоритм регулирования уровня устойчивости.

Исходя из вышеперечисленного, этапы прогнозирования нами будут определены следующим образом.

1. *Диагностика.* Мониторинг и соотношение оценок уровня устойчивости к предстоящим боевым (специальным) задачам. Подразумевает под собой деятельность актора управления в интерак-

тивном взаимодействии с социальной средой подразделения по ее оценке.

2. *Анализ предстоящих задач в объеме экстраполяции подобных параметров и характеристик.* При выполнении ближайшей задачи – наблюдение и оценка динамики поведения социальной среды подразделений. При выполнении дальнейшей задачи – сравнение уровней устойчивости от первичного состояния до состояния после выполнения дальнейшей задачи по характерным признакам.

3. *Выявление и разработка вариантов развития событий при соблюдении определенных условий.* Определение набора поведенческих шаблонов и их приращение к результатам оценки обстановки. При выполнении ближайшей задачи – наблюдение за поведением социальной среды подразделения. При выполнении дальнейшей задачи – разработка методов по превентивному воздействию на намерения социальной среды подразделений.

4. *Номинальная оценка выявленных и разработанных вариантов развития событий.* Стратификация уровня устойчивости поведенческой деятельности социальной среды подразделений по степени риска: **максимальная, допустимая, устойчивая.** При выполнении ближайшей задачи – сопоставление существующего уровня устойчивости к характеристикам предстоящей боевой (специальной) задаче. При выполнении дальнейшей задачи – определение степени риска в поведении социальной среды подразделений и верификация «динамических скачков» (переход риска уровня устойчивости от устойчивого до максимального, минуя промежуточный); выявление потенциальных и фиксация фактических социальных агентов по оценке характерных поведенческих признаков.

5. *Определение способов институционального регулирования.* С учетом основных инструментов военно-институционального управления [8], выбор способов воздействия на социальную среду подразделений будет осуществляться путем оценки уровня риска поведения. Исходя из существующих ценностей, убеждений и норм института военной службы, пропаганда и убеждение должны опираться на те из них, которые окажутся наиболее динамичными или неустойчивыми. Характерными признаками можно считать поведенческие действия при выполнении боевых (специальных) задач в сравнении с предписанными нормами института военной службы.

Такое видение социального прогнозирования можно рассматривать как область боевого (оперативного) управления, которая позволяет рассматривать поведенческую динамику в социальной среде как прогнозный фон. Исходя из этого, функции социального прогнозирования в управлении будут определяться в качестве превентивной формы распределения имеющихся капиталов. Благодаря умелому применению инструментов социального прогнозирования можно решать не-

сколько задач одновременно. Например, на этапе диагностики состояния социальной среды подразделения, мы можем выявлять некоторые субъективные предрасположенности отдельных структурных элементов. В процессе мониторинга в особый (специальных) период могут наглядно демонстрироваться такие способности, которые было бы невозможно выявить в период мирного времени по объективным причинам. Благодаря результатам диагностики и анализу полученной информации мы способны оперативно принимать определенные кадровые решения на уровне подразделения и с учетом выявленных профессиональных компетенций. Технологически, данная процедура может помогать умело и грамотно реализовывать боевой потенциал подразделения в особый (специальный) период.

Степень реализации социального прогнозирования может быть определена в зависимости от параметров, по которым будет осуществляться анализ прогнозного фона. Мы можем сказать, что в социальной среде подразделения на настоящий момент учтены не все параметры. Опираясь на существующие эмпирические данные можно утверждать, что особый (специальный) период предусматривает особую форму реализацию социального прогноза. В том числе, социологическое исследование, проведенное автором в 2024 году [9], подтверждают, что качественные показатели социального прогноза являются не менее актуальными, чем количественные [10]. Здесь мы пытаемся обратить внимание на совокупность всех имеющихся параметров социального фона в контексте применения их в социальном прогнозировании. Высокая динамика боевых (специальных) задач в совокупности с некоторой лиминальностью способны трансформировать социальный фон подразделения и зачастую не в сторону стабильности. Поэтому, исходя из целей социального прогноза, его функций и методов, набор параметров можно определить, как совокупность показателей состояния социального фона на этапе выполнения задачи и набор факторов влияния.

Данный подход может демонстрировать нам комплекс процедур и операций по воздействию на социальную среду с позиции основного компонента прогнозного фона. Как было выявлено в ходе описания этапов прогнозирования, прогнозирование динамики социальной среды подразделений в мирное время остается относительно не применительным. Учитывая тот факт, что сам процесс прогнозирования относится к перспективной или «загоризонтной» форме управленческого процесса, то применительно к социальному прогнозированию будет определяться ряд существенных отличий.

Во-первых, с точки зрения научно-технологического подхода, вариативность динамики социальной среды подразделения при выполнении боевых (специальных) задач весьма предположи-

тельна. Это связано с двумя конкретными и известными в объеме экстраполяции показателями, которые можно рассматривать как векторные. В данном случае, эти векторы будут иметь противоположное направление и определяться так:

- направление по обеспечению реализации боевого потенциала;
- направление по дестабилизации социального фона.

В рамках парадигмы П. Бурдьё (социальные поля) в совокупности с парадигмой Т. Парсонса (теория действия) управленческое воздействие на эти векторные показатели будет осуществляться с позиции формирования у объекта управления устойчивого интенционального нарратива. В этом случае, мы хотим обратить внимание на прогнозный фон, как на совокупность капиталов объекта управления, которая должна подвергаться регулированию за счет воздействия на реализацию личностного потенциала каждого структурного элемента [11].

Во-вторых, габарит перспективы социального прогнозирования как поиска вариантов развития динамики социальной среды при выполнении боевых (специальных) задач можно определить как краткосрочные или оперативные. При этом, ретроспектива прогноза перед каждым новым социальным прогнозом в управлении будет определяться в виде совокупности подобных событий или явлений в приращении к состоянию уровня устойчивости на текущий момент. Такое положение дел определяет социальное прогнозирование как цикл непрерывного управленческого вмешательства с учетом моральной упругости подразделения (Н. Головин).

Необходимо учитывать тот факт, что реализация потенциала объекта управления может зависеть не только от суммы его капиталов, но и от персональных качеств субъекта управления и акторов социальной среды подразделения. Благодаря данным особенностям, мы хотим обратить внимание, что социальное прогнозирование может являться той областью управления, которая реализует свои полномочия на краткосрочные перспективы. В нашем случае, речь идет о временном промежутке с момента выполнения дальнейшей задачи подразделениями ВС РФ после выполнения задачи ближайшей.

В-третьих, условия внешней среды, определяемые нами как условия выполнения боевых (специальных) задач, в контексте динамики социальной среды представлены как особая форма реализации человеческого капитала. В данном случае, мы хотим обратить внимание на набор параметров, учитываемых при составлении прогноза динамики социальной среды в особый (специальный) период. Кроме особенностей социального прогнозирования в условиях выполнения боевых (специальных) задач – сравнительно короткого промежутка времени, существует еще и содержательные

особенности социального прогноза. Мы хотим сказать, что условия выполнения боевых (специальных) задач дополняются такой особенностью внешней среды, как неопределенность. При переходе от ближайшей задачи к дальнейшей социальная среда подразделения способна претерпевать деструктивное воздействия внешних факторов, которое способно влиять на снижение как боеспособности, так и боеготовности. В таком случае, речь идет о необходимости институционализации компенсаторного параметра социального фона, способного противостоять факторам неопределенности на том уровне, на котором будет осуществляться функциональная реализация капиталов социальной среды подразделения.

Заключение

При анализе существующих порядка и способов оценки развития событий, мы зачастую не обращаем внимание на видовые и средовые особенности процесса прогнозирования. Используя в качестве основных компонентов только количественные показатели, мы с высокой долей вероятности можем столкнуться с «темными пятнами» в процессе социального прогнозирования. Таким образом, выявление качественных или функционально-качественных показателей динамики социальной среды подразделений могут помочь пересмотреть некоторые управленческие шаблоны. Утверждая это, мы пытаемся частично компенсировать влияние неопределенности на социальную среду за счет воздействия на социальную среду через институциональные характеристики военной службы. Такой принцип может позволить пересмотреть границы социального прогнозирования и, соответственно, выявить новые, качественные показатели социальной среды.

Литература

1. Карпович А.И. Определение категории устойчивости в сложных социотехнических системах / А.И. Карпович, А.В. Никифорова, А.Н. Полетаikin // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2017. № 1. С. 147–163.
2. Икрамов Д.Б. Определение категории совокупного социального потенциала в контексте стратегического развития социотехнической организации институционального типа: на примере Вооруженных Сил Российской Федерации // Социология. 2024. № 6. 211 с.
3. Ключко В.Е. Самоорганизация в психологических системах: проблемы становления ментального пространства личности (введение в трансспективный анализ). – Томск: 2005. – 174 с.
4. Арзамаскин Ю.Н., Вакаров А.Ф. Морально-психологическое обеспечение боевых дей-

- ствий частей и соединений в вооруженных конфликтах, локальных и региональных войнах. – М.: ВУ, 2004. – 283 с.
5. Красноперова, Ю.В. Реализация интерактивного аспекта поведения в интервью: статусно-ролевые и психологические аспекты / Ю.В. Красноперова, В.В. Тарасенко // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 2. С. 544.
 6. Парсонс Т. Система современных обществ / Пер. с англ. Л.А. Седова и А.Д. Ковалева. Под ред. М.С. Ковалева. – М.: Аспект Пресс, 1998. – 270 с.
 7. Бурдые П. Формы капитала // Экономическая социология. 2002. Т. 3. № 5. 258 с.
 8. Костерин А.А. Социальное прогнозирование как элемент военно-институционального управления / А.А. Костерин, М.В. Барановский // Социология. 2024. № 3. 191 с.
 9. Кишинская В.С. Качественные данные и методы социологического исследования // Петербургская социология сегодня. 2011. Т. 1. 386 с.
 10. Исследование проведено в рамках диссертационной работы по теме: «Социальное прогнозирование в управлении подразделениями Вооруженных Сил Российской Федерации (на примере специальной военной операции)».
 11. Колпаков В.М. Стратегический кадровый менеджмент: учеб. пособие / В.М. Колпаков, Г.А. Дмитренко. 2-е изд., перераб. и доп. – К.: МАУП, 2005. – 752 с.

SOCIAL FORECASTING IN CONDITIONS OF UNCERTAINTY: FEATURES OF QUALITATIVE INDICATORS

Kosterin A.A., Bychkov P.I.

Military University named after Prince Alexander Nevsky

The article discusses the application of social forecasting in the management of units of the Ground Forces of the Armed Forces of the Russian Federation (hereinafter referred to as GF RAF). One of the topics covered is the consideration of the features of subject-object relations in the formation of a social forecast. This topic helps

to come to some considerations within the framework of the distribution of managerial powers and areas of focus in the forecasting process. Another topic covered is the layout of the social forecast in the framework of combat (special) operation, including in the context of a special military operation (hereinafter referred to as SMO). With regard to combat missions in the conditions of the SMO, the period of application of the GF RAF will be allocated by us as a special period.

Keywords: forecasting, social environment, predictive background, level of stability, behavior, intentions.

References

1. Karpovich A.I. Definition of the category of stability in complex socio-technical systems / A.I. Karpovich, A.V. Nikiforova, A.N. Poletaikin // Bulletin of Perm National Research Polytechnic University. Social and Economic Sciences. 2017. No. 1. P. 147–163.
2. Ikramov D.B. Definition of the category of aggregate social potential in the context of strategic development of an institutional-type socio-technical organization: on the example of the Armed Forces of the Russian Federation // Sociology. 2024. No. 6. 211 p.
3. Klochko V.E. Self-organization in psychological systems: problems of formation of the mental space of the individual (introduction to transpective analysis). – Tomsk: 2005. – 174 p.
4. Arzamaskin Yu. N., Vakarov A.F. Moral and psychological support of combat operations of units and formations in armed conflicts, local and regional wars. – M.: VU, 2004. – 283 p.
5. Krasnoperova Yu.V. Implementation of the interactive aspect of behavior in an interview: status-role and psychological aspects / Yu.V. Krasnoperova, V.V. Tarasenko // Modern problems of science and education. 2014. No. 2. P. 544.
6. Parsons T. The system of modern societies / Transl. from English by L.A. Sedov and A.D. Kovalev. Under the editorship of M.S. Kovaleva. – M.: Aspect Press, 1998. – 270 p.
7. Bourdieu P. Forms of capital // Economic sociology. 2002. Vol. 3. No. 5. 258 p.
8. Kosterin A.A. Social forecasting as an element of military-institutional management / A.A. Kosterin, M.V. Baranovsky // Sociology. 2024. No. 3. 191 p.
9. Kishinskaya V.S. Qualitative data and methods of sociological research // Petersburg sociology today. 2011. Vol. 1. 386 p.
10. The study was conducted as part of the dissertation on the topic: “Social forecasting in the management of units of the Armed Forces of the Russian Federation (using the example of a special military operation)”.
11. Kolpakov V.M. Strategic personnel management: textbook / V.M. Kolpakov, G.A. Dmitrenko. 2nd ed., revised. and additional. – K.: MAUP, 2005. – 752 p.

Киберсоциальность: ожидания личного и социального в диалектике реальностей

Стоянов Александр Сергеевич,

кандидат социологических наук, доцент кафедры «Рекламы и связей с общественностью» Академии гражданской защиты МЧС России
E-mail: stoianoff@mail.ru

Продолжение...

Во 2-й части дана краткая характеристика творческому и механическому развитию общества и индивида. Проанализированы механизмы преобразования основных сфер взаимодействия (природы, человека, общества), их основа и взаимосвязь с соответствующими им классами реальности (объективной, субъективной, социальной), а также отличия первых от последних. Показано, что деформация общества обусловлена деформацией социальной реальности посредством технологических изменений в средствах коммуникации – предоставляемой среде взаимодействия индивидов, имеющей свойства управляемости доступа и существенного влияния на субъективную реальность последних, что даёт индивиду ложное ощущение причастности к процессу познания (равенство уникальных), обеспечивая классовое информационное неравенство (неравенство однородных) на пути к тотальной киберсоциальности.

Ключевые слова: киберсоциальность, ожидания, социальная реальность, объективная реальность, субъективная реальность, творческое развитие, механическое развитие, равенство уникальных, неравенство однородных, контроль

Социальную реальность можно рассматривать как своего рода аналогию компьютерной операционной системы (*среды* – системы исходных кодов 1-го уровня) в которую погружены различные автономные программы (системы 3-го и последующих уровней), взаимодействующие в системе кодов 1-го уровня – *среде* – виртуальной социальной реальности. В чём мы убедимся позднее. Об этих аналогиях указано и в ранних работах отечественных социологов, где показывается проявление социального программирования как феномена человеческой жизнедеятельности в мыследеятельности и социальном действии [Маркин, 1998: 15].

С другой стороны, «возникновение у животных субъективной реальности (CP) было исторически первой формой виртуальной реальности, открывавшей по мере развития всё более широкий диапазон таких способностей, как прогнозирование, планирование, пробные действия в виртуальном плане и другие подобные операции, позволявшие приспосабливаемость к среде. В ходе антропогенеза произошло качественное развитие CP, возникает сознание, а вместе с ним язык. Особенностью сознания по сравнению с животной психикой является то, что психическое отображение и управление сами становятся объектом отображения и управления. Возникает способность по существу неограниченного производства информации об информации» [Дубровский, 2018: 191]. Но здесь реальность (среда) может быть как социальной, так и объективной (природной) либо их совокупностью, находящей отражение в субъективной реальности... Что подтверждает вышеуказанную взаимосвязь и диалектику 3-х классов реальности, отображаемую в ходе эволюции матери (человека) вплоть до изменения их соотношения в соответствии с вышеприведённой схемой (см. табл. 1, рис. 2¹).

При развитии индивида, определим это как переход из квадранта I в поле квадранта II «объективно-субъективных целей» характерных для него в процессе приближения и подстраивания индивида к природе (см. рис. 2), предпринимается попытка ухода от «искусственно сконструированной» социальной реальности посредством постановки себе целей непротиворечащих сфере

¹ Здесь и далее ссылки на: Стоянов А.С. Киберсоциальность: ожидания личного и социального в диалектике реальностей // Социология. – 2024. – № 9. С. 54–62.

природы и выхода на взаимодействие в объективной реальности (как в старь). Последние призваны снять различные внутренние его (индивида) противоречия и вернуть человека в «лоно объективной реальности» без особых усилий над собой в поисках объективных взаимосвязей посредством интеллекта (и это есть сделка с «самим собой», т.е. компромисс!). Наиболее яркий, по сути, пример здесь – это уход в различные «зелёные движения», организации защиты животных, экологические организации и т.п. Другое дело, что уровень взаимодействия по «целям» не предполагает особых интеллектуальных усилий и часто эти цели сформированы извне. Сознательное отшельничество на лоне природы, уход в религию и монастырь – также актуальные примеры данного квадранта, предполагающего *возврат к «природе человека и общества (общины)»*. Здесь, по сути, наблюдаем возврат к «истокам», своего рода различный традиционализм (фундаментализм, догматизм), полагающий априорную объективность и достоверность «старых, проверенных» ценностей (цель – оформленная ценность), знаний и постановка на их основе субъективных целей, что подтверждено нашими исследованиями [Стоянов, 2022 а, b; Стоянов, Адаева, 2021].

При доминировании (индивида) личности над инстинктами, с момента установления контроля над последними, человек может творчески себя реализовать в различных квадрантах схемы, но III-й квадрант (см. рис. 2) здесь рассматривается как наиболее выдающийся в механизмах познания через формирование субъективно-объективных ожиданий индивидом (см. табл. 1). Именно здесь достигается слияние субъективных ожиданий с объективной реальностью, т.е. возникает возможность подтверждения актуальности любых знаний посредством точности их прогноза, т.е. совпадения ожиданий индивида – наиболее вероятного будущего состояния объекта или среды взаимодействия – с действительностью. Другими словами, это максимальное соответствие субъективных ожиданий относительно всей действительности с направлением максимального развития механизма познания объективной реальности – интеллекта. Как результат – *«творческое развитие»* индивида с возможностью развития общества и цивилизации в целом! Другой вопрос, сможет ли общество, часто находясь в отрыве от объективной реальности, своевременно воспринять и оценить передовые идеи высокоразвитого индивида, бросившего вызов обществу, даже несмотря их на реализацию в объективных приборах и механизмах.

Ярчайший пример уникального дальнейшего развития интеллекта индивида в отрыве от общества (см. табл. 1) – Никола Тесла, «открывший явление переменного тока, создатель многофазного двигателя и генератора, вращающегося магнитного поля, радиосвязи, телеавтоматики, изобре-

татель, на чьих патентах, строго говоря, основана энергетика XX столетия, он десятилетиями работал в одиночку, пытаясь дать объяснения космическим процессам и мечтая соединить в идеале материальное и духовное, подобно тому, как он осуществлял это практически в своих открытиях»¹.

Примеров высмеивания в обществе (в лучшем случае) и остракизма носителей передовых идей, даже воплощённых уже в промышленных образцах, существенно опередивших их современников, превеликое множество. В худшем случае это может закончиться психиатрической клиникой. Яркий пример этого – прототип главного героя фильма «Игры разума» – лауреат Нобелевской премии по экономике 1994 г. Джон Форбс Нэш-младший².

Но парадокс в том, что «человек вне общества» мало кому интересен! Даже психиатрам он интересен настолько, насколько обладает социальными характеристиками – имуществом, идеями (либо их несовпадением с доминирующими), опасностью для окружающих людей либо сложившихся социальных институтов и структур...

Поэтому обществу не интересны ни объективная реальность, ни правда. **Обществу необходима предсказуемость посредством (де-)формирования социальной реальности исходя из господствующей идеологии и мировоззрения лиц, обладающих ресурсами для этого! В концепции «Общество ожиданий» это достигается путём выработки и синхронизации взаимных ожиданий** [Стоянов, 2022b: 25].

Ожидания, как одна из базовых форм взаимодействия в субъективной (механизм познания – передача информации через ДНК) и социальной реальностях (пословицы – ожидания как дологический тип сознания [Стоянов, 2019: 87]), закрепляются информационно в виде цепочек ЗИО (Знак – Интерпретация – Ожидание) [Стоянов, 2016: 164]. Последние формируются независимо от форм проявления в двух информационных классах реальности (гены (интеллект) – в субъективной реальности; массовое сознание посредством (не-)вербальной информации СМК в социальной реальности), позволяют существовать и взаимодействовать любым типам систем: от биологических и кибернетических (механических) до социальных и инди-

¹ Тесла Н. Статьи. Самара: Издательский дом «Агни», 2008. С. 9.

² В 1949 году 21-летний учёный написал диссертацию о теории игр. Сорок пять лет спустя он получил за эту работу Нобелевскую премию. В 1954 был арестован и был лишён допуска к секретным проектам в корпорации RAND. В 1958 г. был принудительно подвергнут психофармакологическому лечению. В 1980-х болезнь, к удивлению врачей, стала отступать, и он вновь занялся математикой. Нэш писал в автобиографии: «Сейчас я мыслю вполне рационально, как всякий учёный. Не скажу, что это вызывает у меня радость, какую испытывает всякий выздоравливающий от физического недуга. Рациональное мышление ограничивает представления человека о его связи с космосом».

См. Назар С. Игры разума. История жизни Джона Нэша, гениального математика и лауреата Нобелевской премии (1998). М.: АСТ: CORPUS, 2017. – 752 с.

видуальных. Этим обеспечивая для элементарного носителя реальности максимально возможную прогнозируемость (само-)взаимодействия с потенциальной средой (природой, обществом, виртуальной сетью) или объектом взаимодействия (человеком, субъектом, личностью, индивидом).

Всё вышеперечисленное подвергается преобразованию в социальной реальности по простой причине – объект или среду взаимодействия (массовость – общество как среда для личности) проще формировать изначально в детском возрасте массово формируя субъективную реальность человека в соответствии с потребностями социальной системы, нежели потом перестраивать либо дополнять виртуальной субъективную реальность последнего.

В эпоху развития технологий массового воздействия на индивидуальные субъективности культурная идентичность и связанные с ней смыслы могут трансформироваться вплоть до существенных искажений (смены) основывающейся на них социальной реальности (включая ценностные и мировоззренческие убеждения), что может стать и уже становится фактором политической и экономической конкуренции в глобальном мире [Белокобыльский, Левицкий, 2018: 77].

В социальной реальности степень развития механизмов преобразования человека вопреки здравому смыслу хорошо иллюстрируют не только кибертехнологии. Так исследования в биотехнологии скрещивания человека с животными, которые начались около ста лет назад, пока (?) не дали результата. Но опыты биолога И.И. Иванова по скрещиванию обезьяны с человеком¹, имевшие поддержку не только советской номенклатуры, но и парижского института Пастера, с евгенической целью получения «*homo obediens* – человека послушного», щедро спонсировались на международном уровне.

Развитие механизмов преобразования человека идёт одновременно по нескольким направлениям также в кибертехнологиях (доступ к ресурсам

¹ Иванов считал, что опыты по скрещиванию людей с обезьянами нужно вести по двум направлениям: оплодотворять самку гориллы семенем человека, а женщину – семенем самца гориллы. «В феврале 1926 г. советское правительство и АН СССР командировали в Африку крупнейшего специалиста в области искусственного осеменения домашних животных профессора Иванова (1870–1932). Целью поездки была постановка опытов искусственного оплодотворения самок шимпанзе семенем человека... в обезьяньем питомнике Киндия во Французской Гвинее ... для дальнейших экспериментов, которые он планировал провести в Советском Союзе на женщинах, но не на черных, а на белых и при этом добровольно и сознательно согласившихся в них участвовать на базе Сухумского питомника обезьян. ... Решение ставить эксперименты на женщинах объяснялось просто: длительное содержание человекообразных обезьян представлялось проблематичным, а при проведении опытов на женщинах потребовалось бы, как не раз отмечал Иванов, намного меньше взрослых обезьян в качестве доноров семени, чем в том случае, если бы искусственному осеменению подвергались самки шимпанзе» [Россианов, 2006].

через идентификацию: его предоставление через мобильные технологии или физическое чипирование). Ещё 2007 г. в России принята «Стратегия развития электронной промышленности России на период до 2025 года». Уже в то время в ней были даны точные прогнозы по развитию электроники. *Нанoeлектроника будет интегрироваться с биообъектами*, и обеспечивать *непрерывный контроль за поддержанием их жизнедеятельности*², улучшением качества жизни, и таким образом сокращать социальные расходы государства³.

Получат распространение средства прямого беспроводного контакта мозга человека с окружающими его предметами, транспортными средствами и другими людьми. Тиражи такой продукции превысят миллиарды штук в год из-за ее повсеместного распространения, так как *способность производить все компоненты сетевых систем будет означать установление фактического контроля над всеми их пользователями*, что неприемлемо для многих стран с точки зрения сохранения их суверенитета. *Облик промышленного производства при этом все более будет напоминать микроэлектронно-фармацевтические производства*⁴.

Учитывая современные тенденции информационных технологий в развитии дешёвых и высокоточных (92,2%!) механизмов распознавания можно уверенно заявить: *мы на пороге глобальных из-*

² Технологии двойного назначения. Итогом геномного сканирования станет разработка «генетических» цифровых платформ и их наполнение картами генных сетей с индивидуальными проблемными дефектами, которые будут служить источниками данных для анализа, научных исследований, образовательных программ вузов и машинного обучения; Для лечения когнитивных и других расстройств будут применяться нанороботы – устройства размером с клетку крови, функционирующие внутри тела человека; Расширение сферы применения цифрового идентификатора для предоставления социальной поддержки жителям: Трансформация социальной карты в смарт-карту – единый цифровой идентификатор для получения сервисов и услуг, в том числе для проведения коммерческих транзакций; Постепенный отказ от использования физических носителей и переход к идентификации жителя по биометрическим данным.

Направления развития Умного города Москвы // Человеческий и социальный капитал. URL: <https://www.mos.ru/2030/n/n1/> (дата обращения: 19.02.2021).

³ NFC-микрочипы (Near Field Communication (NFC) – технология беспроводной высокочастотной связи малого радиуса действия. На расстоянии до 10 см позволяет провести бесконтактный обмен данными между устройствами) имплантировали под кожу группе работников телекоммуникационной компании Tele2. По словам работодателя, делается это для удобства сотрудников. Чипированный человек сможет без ключей и электронных карт проходить через пропускные системы предприятия, открывать шкафы и пользоваться офисной техникой. Чипы устанавливаются в добровольном порядке. URL: <https://lv.sputniknews.ru/Baltics/20181012/9648263/estonii-predpriyatiya-vzhivlyayut-chipy-sotrudnikam.html> (дата обращения: 19.02.2021).

⁴ Министерство промышленности и энергетики российской федерации приказ от 7 августа 2007 года N 311 Об утверждении Стратегии развития электронной промышленности России на период до 2025 года. URL: <http://docs.cntd.ru/document/902063681> (дата обращения: 19.02.2021). – С. 59–60.

менений в технологиях взаимодействия человека с социальной реальностью вплоть до коррекции его субъективной реальности минуя развитие его механизмов познания! Что ранее достигалось дорогим воспитанием и образованием, теперь возможно достичь гораздо более дешёвыми и эффективными способами!

Так в авангарде механизмов (само-)контроля человека – технологии распознавания среды звукового сопровождения любого его взаимодействия¹ с окружающей средой с точностью (92,2%!), не требующие дорогих приспособлений. Не секрет, что видеокamеры и видеоданные, существенно удорожающие трафик и процесс распознавания, уже теряют смысл: распознавание объекта по походке², где авторами заявлена точность 92,08–98,79%, не говоря уже о механизмах идентификации по лицу и сбор биометрических данных³, что очень дорого, но высокоточно – 99,9%⁴, чем можно пренебречь в массовом контроле любых взаимодействий⁵ индивидов. К последнему широко подключаются и технологии «Bluetooth» коммуникаций, которые массово отслеживают социальные физические контакты индивида (контакты социальных сетей прозрачны даже для рядового пользователя) через мобильные и другие устройства, коммуницирующие друг с другом независимо от воли владельца, так как эти функции уже вшиты в программное обеспечение, широко предоставляемое ИТ гигантами⁶ в массовом секторе СМК. Опять же последняя технология значительно дешевле ставших уже традиционными GPS, GLONASS и прочих систем геопозиционирования.

¹ Машинный слух. Нейросеть SoundNet классифицирует звуки с точностью 92,2% (у человека – 95,7%) [Aytar, Vondrick, Torralba, 2016]. Это означает, что Ваш мобильный телефон будет автоматически распознавать всё, что Вы делаете, даже не задействовав свою камеру!

² Распознавание личности по походке: опыт использования метода главных компонент и машины опорных векторов [Струкова, Ширипова, Мясников, 2018].

³ Сбербанк стал собирать биометрические данные граждан через их личные смартфоны.

URL: <https://iz.ru/942895/natalia-ilina/sokhranit-litco-sberbank-stal-sobirat-biometriu-cherez-smartfony> (дата обращения: 19.02.2021).

⁴ Сбербанк научится читать по губам URL: <https://lenta.ru/news/2017/03/16/sberleaps/> (дата обращения: 19.02.2021)

⁵ Искусственный интеллект от группы ЦРТ совершенствует спорт: биометрическую систему распознавания лиц внедрили на стадион «Газпром Арена» 16 марта 2020 года

URL: https://www.sberbank.ru/ru/press_center/all/article?newsID=e9b09c82-1158-4926-a49d-5f2ad2371a5e&blockID=1303®ionID=77&lang=ru&type=NEWS (дата обращения: 19.02.2021).

⁶ Отслеживание контактов с сохранением конфиденциальности. Apple и Google объявили, что протокол будет реализован на уровне операционных систем, а разработчики получают лишь доступ к API. Приложение сможет запросить доступ у пользователя к Contact Tracing Framework. Операционная система сама будет генерировать приватный и дневные ключи, а также временные идентификаторы. Bluetooth сервис также включится на уровне системы. URL: <https://www.apple.com/covid19/contacttracing> (дата обращения: 04.05.2020).

До этого момента мы рассматривали в основном индивида, как элементарного носителя субъективной реальности, и его социальной ипостаси – личности, переходной формы элементарного носителя к социальной реальности (см. табл. 1). На поздних этапах эволюции материи элементарным носителем становится организация (общество – мегаорганизация), входящая в систему иерархий, которая постоянно подвергается трансформации (через механизмы преобразования системы иерархий) в сторону однородности – динамической принадлежности к себе подобным посредством структуризации⁷ (Э. Гидденс) в направлении стратификации⁸ (П. Сорокин), высшей формой проявления которой в социальной реальности является неравенство однородных! (см. табл. 1).

Симулякр, который «не соотносится с какой бы то ни было реальностью» [Бодрийяр, 1996: 35] ярко характеризует развитие индивида (личности) в IV квадранте «субъективно-социальных ожиданий», достаточно продвинутого для взаимодействия по уровню «ожиданий» – самому сложному из уровней взаимодействия (цели – ценности – идеи – ожидания). Этот уровень взаимодействия самый абстрактный из всех, максимально удалён от реальности (объективной) и от личности, но самый действенный с точки зрения социального взаимодействия и массовости охвата последнего.

Здесь индивид (личность) интеллектуально высокоразвит, но полностью принимает социальные ожидания (см. рис. 2) как свои собственные – субъективные, являясь их ретранслятором для индивидов квадранта I (двухступенчатая коммуникация П. Лазарсфельда). С другой стороны, эти же социальные ожидания являются средой взаимодействия для него – максимально абстрактной (мате-

⁷ ...Любой индивид позиционируется одновременно относительно потока повседневности; течения собственной жизни (иными словами, продолжительности собственного существования), а также относительно протяжённости «институционального времени», «сверх-индивидуальной» структуры социальных образований [Гидденс, 2005: 20].

Гидденс (Г.) Структуризация социальных систем обозначает условия, управляющие преемственностью и преобразованием структур, а, следовательно, и воспроизводством социальных систем. Г. определяет понятие структуризации как процесс организации и воспроизводства системы общественных отношений, сопутствующий социальному взаимодействию и происходящий благодаря применению агентами системы правил и ресурсов. Здесь Г. делает ещё один новый шаг и говорит о дуальности структуры: структурные качества социальных систем являются как средством, так и результатом практик, которые они регулярно воспроизводят.

Социология: Энциклопедия / Сост. А.А. Грицанов, В.Л. Абушенко, Г.М. Евелькин, Г.Н. Соколова, О.В. Терещенко. – Минск: Интерпрессервис; Книжный Дом, 2003. – 1312 с.

⁸ Никакие этикетки, вывески, устные высказывания не в состоянии изменить или затушевать реальность факта экономического неравенства, которое выражается в различии доходов, уровня жизни, в существовании богатых и бедных слоёв населения. Конкретные ипостаси социальной стратификации многочисленны. Однако все их многообразие может быть сведено к трём основным формам: экономическая, политическая и профессиональная стратификация. Как правило, все они тесно переплетены [Сорокин, 1992: 302–303].

матика, финансы) и практически неverified (религия). По сути, кто формирует ожидания – тот управляет (!) миром [Стоянов, 2016: 256]. Вследствие этого изменение общества идёт в сторону *особого способа организации социальной реальности* при помощи ещё более искусственной «сетевой киберсоциальности».

У более развитой личности (индивида) в IV квадранте это реализуется посредством социально ожидаемых общепринятых инструментов социальной реальности, например, математических, обладающих «универсальным» подходом ко всем явлениям любой реальности, начиная от физики и заканчивая медициной и психиатрией (человек-калькулятор¹). Вариантом развития индивида также является *поиск рафинированной обществом «реальности» – социальных сетей* (ожидания + социальность = среда максимальной предсказуемости и управляемости, см. рис. 2) вплоть до замены общества *построением сетевой киберсоциальности*. «Человекник» А.А. Зиновьева наиболее подходящий термин, для которого характерно жёстко иерархизированное коллективное сознание (муравьи, см. табл. 1) с максимальной однородностью внутри страт и стабильностью их границ за пределами последних с максимальным неравенством в архитектуре общества. «Технотронное общество» З. Бжезинского отражает инструменты и механизмы реализации вышеназванной социальной архитектуры в организации социальной реальности посредством деформации субъективной.

Для реализации вышеуказанного *особого способа организации социальной реальности*, социальная система предоставляет удобные и легко реализуемые индивидом механизмы – мобильные технологии, которые условно «помещаются в кармане», способствуют мгновенной коммуникации, но одновременно приводят к изменениям в социальных отношениях [Elliott, 2013: 72]. С одной стороны, облегчаются многие сферы быта, связанные с управлением расписанием дня или запоминанием определённых дат и событий, с другой – технологии заменяют естественные, данные природой «инструменты»: память, логику, воображение, грамотность [Карпова, Проскураина, 2020: 99].

Как мы видим, социальная система, обеспечивая переход из I в IV квадрант и предлагая «условное развитие разума (интеллекта) индивида», *заменяет интеллект доступом к обширнейшим базам данных* посредством мобильных технологий и СМК, существенно сужает многообразие социальных явлений посредством дальнейшей информационной структуризации и стратификации, усугубляя «неравенство однородных» (см. табл. 1). Ин-

дивид в механизмах познания здесь приобретает устойчивость не за счёт развития собственного интеллекта, а за счёт обращения к СМК и СМИ (к сожалению, даже классическое образование можно рассматривать здесь как форму СМК), как источнику познавательной деятельности, дающей эффект «всезнания» *об объективной реальности!* Несмотря на лавинообразный рост контента, индивид, захлёбываясь в последнем, выбирает наиболее доступный и понятный ему согласно полученным навыкам *обработки и фильтрации информации в соответствии со сформированными извне ожиданиями (через СМК)*, часто давая ему *ложное ощущение причастности к процессу познания, обеспечивающему равенство уникальных!*

Другими словами, в «информационную эпоху» классовое неравенство не исчезает. Определяющим является то, какая информация создаётся, при каких условиях и кто получает выгоду. Колоссальное количество информации скрывается от общественности, потому что владеющие ею государства-корпорации считают её частной собственностью «позволяющей им максимизировать нынешнее состояние единоличной власти» [Schiller, 2000: 67].

Основным фактором, влияющим на распространение информации, доступ к ней и право её создавать, является классовое неравенство. Проще говоря, классовая принадлежность определяет, какую информацию вы получаете сами и какую информацию позволяете получать другим [Уэбстер, 2004: 92]. На основе этого уже *информационного*, помимо остальных, *неравенства* создаётся внутренне однородные страты населения, приобретая форму «*неравенства однородных*» (см. табл. 1) *на основе регуляции доступа к ресурсам общества посредством информационных кибертехнологий*.

В социальной реальности степень развития *механизмов преобразования общества* вопреки творческому развитию в сторону однообразия хорошо иллюстрируют кибертехнологии. Дальше всех в этом направлении продвинулся Китай со своей «системой социального кредита» (ССК), созданный с целью оценки уровня доверия к гражданам. Оценки основаны на интегрированной базе данных, которая включает в себя широкий спектр источников информации, *рейтинговые аспекты, такие как профессиональное поведение, коррупция, тип приобретённых продуктов, собственные оценки сверстников (в социальных сетях – Авт.) и уклонение от уплаты налогов* [Ramadan, 2018: 93].

Концепция ССК появилась ещё в 1991 году как стратегия «решения проблем в коммерческом и финансовом секторах». В 2007 году Государственный совет издал Руководящие положения, касающиеся построения ССК. Но ССК начало уделяться особое внимание только в 2014 году, когда Государственный совет опубликовал План строительства ССК [Kostka, 2019: 1567].

¹ Лемэр (Alexis Lemaire) ставит уже не первый рекорд по вычислениям в уме. Предыдущий рекорд по извлечению корня 13-й степени из 200-значного числа – 72,4 секунды – принадлежал ему же. Для достижения таких результатов Лемэр ежедневно тренируется, развивая оперативную память и математические навыки. URL: <https://lenta.ru/news/2007/12/11/record/> (дата обращения: 19.02.2021).

ССК Китая в настоящее время находится на пути к полному развёртыванию у 1,4 миллиарда граждан, стремясь централизовать базы данных в большую инфраструктуру наблюдения с их поддержкой для управления, мониторинга и прогнозирования надёжности граждан, фирм, организаций и правительств в Китае. Система наказания/вознаграждения, основанная на кредитных баллах, будет определять, смогут ли граждане и организации иметь доступ к образованию, рынкам и налоговым вычетам [Liang, Das, Kostyuk, Hussain, 2018: 415]. Проекты ССК направлены на то, чтобы охватить всех местных жителей, общественные организации, правительственные учреждения и предприятия в ключевых отраслях, а также путём публикации красных и черных списков¹ улучшать правоприменительную и нормативную практики в качестве механизма социального управления [Kostka, 2019: 1566].

В 2015 году Народный банк Китая дал разрешение восьми частным компаниям на разработку пилотных проектов ССК. Наиболее распространённой коммерческой ССК является «Сезам Кредит» (Zhima Xinyong), разработанной филиалами Alibaba и Tencent. Кредитные баллы «Сезам» обновляются один раз в месяц. Алгоритмы, использованные для создания индивидуальных оценок, остаются неизвестными, что делает невозможным анализ собственных оценок [Kostka, 2019: 1568].

М. Кастельс также обращает внимание на проблему социального сдвига от традиционных средств массовой информации (телевидение, печатная пресса, радио) к системе сетевых горизонтальных коммуникационных потоков Интернета, которые способны упорядочивать сами пользователи сети Интернет [Castells, 2010: 27]. Он предложил внедрить понятие «массовая самокоммуникация» (mass self-communication) для характеристики новых форм взаимодействия индивидов.

Но, к сожалению, способностью упорядочивания (структурирования) разнообразнейшей информации владеет далеко не каждый, а уж тем более генерировать неструктурированную информацию [Стоянов, 2016: 276–281]. Рядовому индивиду достаточно обратиться к общепринятой доступной, обработанной за него «профессионалами», информации о любом проявлении взаимодействия в социальной, субъективной и объективной реальностях. Пока подавляющее большинство людей озабочено межличностной «массовой самокоммуникацией», транснациональные игроки формируют глобальную сеть контроля и технологически обеспечивают деформацию сложившихся систем социальных иерархий (см. табл. 1) в системе финансов – в своего рода среде взаимодей-

ствия (программное обеспечение – правила игры) по производству и перераспределению материальных благ.

До недавнего времени изучались только небольшие национальные выборки, и не было соответствующей методологии для оценки сетевого глобального финансового контроля транснациональных корпораций во всем мире. Первое исследование архитектуры международной сети владельцев бизнеса, определило, что транснациональные корпорации формируют гигантскую структуру, напоминающую крылья бабочки. Большая часть контроля сконцентрирована в небольшом тесно связанном ядре (0,7%) финансовых учреждений. Это ядро можно рассматривать как глобальную экономическую «надорганизацию», где 737 взаимосвязанных совладельцев, включая 17 основных юридических лиц, взаимно владеющих друг другом, контролирует 80% операционной прибыли в мире [Vitali, Glattfelder, Battiston, 2011].

Некоторые исследователи глобальных сетевых структур совладельцев фирм, исследовав взаимосвязи 400 000 фирм, обнаружили как чрезвычайно похожие топологии сети, так и большие различия между странами, когда речь идёт о соотношении между показателями экономической значимости и центральным положением фирмы [Takes, Heemskerk, 2016].

Все вышеуказанные процессы хорошо укладываются в последовательность смены квадрантов (см. рис. 2) в эволюции материи (см. табл. 1) и соответствующих ей классов реальности и механизмов (равновесия, познания, преобразования). Но здесь ещё важно отметить, что в социальной реальности механизм преобразования не останавливается на достигнутом, зачастую пытаюсь преобразовать не свойственные ему классы реальности: объективной и субъективной! Об этих процессах напрямую заявляли и ставшие уже классиками социологи.

Так, касательно механизмов познания (субъективная реальность), Бодрийяр выделяет четыре последовательные фазы смены представлений об окружающем мире (от объективной реальности к социальной реальности):

- оно отражает глубинную реальность;
- оно маскирует и денатурирует глубинную реальность;
- оно маскирует отсутствие глубинной реальности;
- оно вообще не соотносится с какой бы то ни было реальностью: оно есть чистый симулякр» [Бодрийяр, 1996: 35]. Здесь «симуляция – способ существования современного «виртуализированного» общества. В нем знание о реальности заменило саму реальность... в результате трансформации знания, которое определяется в данном контексте как совокупность представлений об окружающем мире» [Курмелева, Мещерякова, 2006: 37]. Понимая это,

¹ См. Китай запретил людям с плохим «социальным кредитом» пользоваться самолётами и поездами. URL: <https://www.reuters.com/article/us-china-credit/china-to-bar-people-with-bad-social-credit-from-planes-trains-idUSKCN1GS10S> (дата обращения: 19.02.2021).

некоторые исследователи констатируют отсутствие противоречий между объективной реальностью и субъективной реальностью, имеющей информационный характер: «...понятие информационной причинности, нисколько не противоречит понятию физической причинности, расширяя теоретический базис описания, объяснения и предсказания процессов функционирования самоорганизующихся информационных систем (биологических и социальных) [Дубровский, 2018: 192].

По нашему мнению, это происходит лишь в случае полного совпадения трёх классов реальностей: объективной, субъективной и социальной, что, к сожалению, большая редкость, отражающего гармонично развитого человека, нашедшего себя во взаимодействии с обществом и природой соответственно (см. табл. 1). Во всех остальных случаях «понятие информационной причинности нисколько не противоречит понятию физической причинности» [Дубровский, 2018: 192]. Это и есть основа любой деформации (преобразования?) индивида (личности, группы, общества) и ухода от объективной реальности.

Заключение

Мы становимся свидетелями грандиозного социального сдвига в сторону киберсоциальности и искусственной смены представлений об объективной реальности. Это уход от объективной реальности к социальной через прямое и косвенное массовое воздействие СМК на субъективную реальность часто посредством образовательных технологий (СМИ), вплоть до максимальной редукции последней (потеря критичности интеллекта и даже разума) в своём апофеозе механизмов преобразования от индивида (личности, семьи) и до иерархических систем в пользу нового класса социальной реальности – тотальной киберсоциальности (см. рис. 2), обеспечивающей максимальное неравенство между стратами (см. табл. 1) и максимальную однородность последних – неравенство однородных!

Именно взаимные ожидания позволяют формировать сложные иерархические системы любого типа в двух информационных классах реальности: субъективной и социальной. В этих реальностях взаимодействие опосредовано ожиданиями – наиболее вероятным будущим состоянием объекта или среды взаимодействия, имеющим информационный характер (начиная от РНК вируса, обеспечивающего примитивнейшую ожидаемую реакцию, позволяющую выжить в природе, и заканчивая киберсоциальностью, позволяющую выживать в обществе). Но это не отменяет проблему соотношения личного и социального даже для создателей киберсоциальных (кибернетических) систем, где остро стоит вопрос творческого развития, и, несмотря на достижения в сфере искусственного интеллекта, прогнозы развития

последнего неутешительны¹. Теория «Общества ожиданий» позволяет по-новому взглянуть на поставленные проблемы, подчёркивая исключительную роль ожиданий в формировании любых систем, вплоть до прогнозирования и формирования развития последних.

Проблема соотношения личного и социального по-прежнему актуальна... Она требует пристального внимания. Но в силу своей специфики представляет собой «угрозу» для карьеры учёного, ориентированного только на социальную реальность. Дальнейшая разработка данной проблематики позволит сформулировать потенциальные направления её перспективного исследования. Попытка выявить причины возникновения данного явления позволит снять, хотя бы частично, противоречия в осознании сближения (возможно «прогресса»?) общества и индивида. Указанная нами классификация предполагает дилемму «бегства от свободы» Э. Фромма для каждого из нас: остаться в «неравенстве однородных» занятой страты в киберсоциальности, либо двигаться по тернистому пути развития к «равенству уникальных», ориентируясь на объективную реальность.

Литература

1. Белокобыльский А.В., Левицкий В.С. Социальная реальность. Институты интерсубъективности // Вопросы философии. 2018. № 10. С. 77–89. DOI: 10.31857/S004287440001538-6.
2. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция // Философия эпохи постмодерна. Минск, 1996.
3. Гидденс Э. Устройство общества: Очерк теории структуризации. 2-е изд. М.: Академический Проект. 2005.
4. Дубровский Д. Субъективная реальность // Философская антропология. 2018. Т. 4. № 2. С. 186–217.
5. Карпова Д.Н., Проскурина А.С. Социотехнический поворот в исследовании цифровизации общества // Власть. 2020. № 1. С. 97–105.
6. Курмелева Е.М., Мещерякова Л.Ю. Симулякр и общество в современной социальной те-

¹ По прогнозам «Saxo Bank Group» скоро наступит новая «зима ИИ», после двух предыдущих зим ИИ в 1960-х и 1980-х годах, когда фактические результаты для полупроводниковых приложений не оправдались. ... Что касается применения, алгоритмы «глубокого обучения» создали последнюю стадию ажиотажа, и количество исследователей в области «глубокого обучения» примерно вдвое превышает уровень, наблюдаемый в 2014 году. Но, по словам Франсуа Шоле, одного из ведущих деятелей в сообществе «глубокого обучения», темпы прогресса в приложениях «глубокого обучения» – самые медленные за пять лет. Индустрия искусственного интеллекта также сталкивается с проблемой масштабирования: для обучения их все более крупных моделей требуется все больше и больше энергии при все меньших и меньших улучшениях.

URL: <https://www.home.saxo/content/articles/outrageous-predictions/op-2020-chips-go-cold-in-ai-winter-03122019> (дата обращения: 19.02.2021).

- ории // Вестник Российского университета дружбы народов. 2006. № 2. С. 31–47.
7. Маркин В.В. Социальное программирование: теоретико-методологические проблемы. Пенза: Изд-во Пензенского государственного университета, 1998.
 8. Россиянов К.О. Опасные связи: И.И. Иванов и опыты скрещивания человека с человекообразными обезьянами // Вопросы истории естествознания и техники. 2006. № 1. С. 3–51.
 9. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.
 10. Стоянов А.С. (а) Ожидания молодёжи от создания семьи // Гуманитарные исследования Центральной России. 2022. № 3 (24). С. 87–99. DOI: 10.24412/2541-9056-2022-324-87-99.
 11. Стоянов А.С. (б) Ожидания в социально-воспитательной работе вуза: курсанты vs студенты (на примере АГЗ МЧС России) // Социология. 2022. № 4. С. 24–35.
 12. Стоянов А.С., Адаева Е.С. Ожидания как фактор потребительской лояльности к фармацевтическому препарату: бренд vs дженерик (на примере ибупрофена) // Социальные аспекты здоровья населения [сетевое издание]. 2021. № 67(4). С. 14. DOI: 10.21045/2071-5021-2021-67-4-14.
 13. Стоянов А.С. Социальное действие: реакция как взаимность ожиданий // Миссия конфессий. 2019. № 36. С. 81–88.
 14. Стоянов А.С. Общество ожиданий: введение в концептуальные основы теории. М.: ФЛИНТА: Наука. 2016.
 15. Струкова О.В., Ширипова Л.В., Мясников Е.В. Распознавание личности по походке: опыт использования метода главных компонент и машины опорных векторов // Информационные технологии и нанотехнологии. Самара: Предприятие «Новая техника», 2018. С. 822–832.
 16. Уэбстер Ф. Теории информационного общества. М.: Аспект Пресс, 2004.
 17. Aytar Y., Vondrick C., Torralba A. SoundNet: learning sound representations from unlabeled video // Proceedings of the 30th International Conference on Neural Information Processing Systems, 2016. С. 892–900.
 18. Castells M. The Information Age: Economy, Society and Culture Volume 1: The Rise of the Network Society. Oxford: Wiley-Blackwell, 2010.
 19. Elliott A. Miniaturized Mobilities: Transformations in the Storage, Containment and Retrieval of Affect // Psychoanalysis. Culture & Society. 2013. Vol. 18. Is. 1. P. 71–80.
 20. Kostka G. China's Social Credit Systems and Public Opinion: Explaining High Levels of Approval // New media & Society. 2019. No. (21)7. P. 1565–1593. DOI: 10.1177/1461444819826402.
 21. Liang F., Das V., Kostyuk N., Hussain M. Constructing a Data-driven Society: China's Social Credit System as a State Surveillance Infrastructure // Policy & Internet. 2018. No. 10(4). P. 415–453. DOI: 10.1002/poi3.183.
 22. Ramadan Z. The Gamification of Trust: The Case of China's "Social Credit" // Marketing Intelligence & Planning. 2018. Vol. 36. No. 1. P. 93–107. DOI: 10.1108/MIP-06-2017-0100.
 23. Schiller H.I. Living in the number one country: Reflections from a critic of American empire. N.Y.: Seven Stories Press, 2000.
 24. Takes F. W., Heemskerck E.M. Centrality in the Global Network of Corporate Control // Social Network Analysis and Mining. 2016. Vol. 6. No. 1. P. 97. DOI: 10.1007/s13278-016-0402-5.
 25. Vitali S., Glattfelder J.B., Battiston S. The Network of Global Corporate Control // PLoS ONE. 2011. 6(10). P. e25995. DOI: 10.1371/journal.pone.0025995.

CYBERSOCIALITY: EXPECTATIONS OF PERSONAL AND SOCIAL IN THE DIALECTIC OF REALITIES

Stoyanov A.S.

EMERCOM Academy of Civil Defense

In 2-d part of article a brief description is given of the creative and mechanical development of society and the individual. The mechanisms of transformation of the main areas of interaction (nature, man, society), their basis and relationship with the corresponding classes of reality (objective, subjective, social), as well as differences between the former and the latter are analyzed. It is shown that the deformation of society is caused by the deformation of social reality through technological changes in the means of communication – the provided interaction environment of individuals, which has access control properties and a significant impact on the subjective reality of the latter, which gives the individual a false sense of involvement in the cognition process (equality of the unique), providing class information inequality (homogeneity inequality) on the way to total cyber sociality.

Keywords: cybersociality, expectations, social reality, objective reality, subjective reality, creative development, mechanical development, equality of the unique, inequality of homogeneous, control.

References

1. Bilokobyl'skiy O., Levytskiy V. (2018) Social Reality. Institutions of Intersubjectivity. Voprosy filosofii No. 10: 77–89. DOI: 10.31857/S004287440001538-6. (In Russ.)
2. Baudrillard, J. (1996) Simulacres et Simulation. In: Philosophy of the Postmodern Era. Minsk. (In Russ.)
3. Giddens E. (2005) Organization of Society: Essay on the Theory of Structuration. 2nd ed. Moscow: Academic Project. (In Russ.)
4. Dubrovsky D. (2018) Subjective Reality. Philosophical Anthropology. Vol. 4. No. 2: 186–217. (In Russ.)
5. Karpova D.N., Proskurina A.S. (2020) Sociotechnical Turn in the Study of Digitalization of Society. Power. No. 1: 97–105. (In Russ.)
6. Kurmeleva E.M., Meshcheryakova L.Yu. (2006) Simulacrum and Society in Modern Social Theory. Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. No. 2: 31–47. (In Russ.)
7. Markin V.V. (1998) Social Programming: Theoretical and Methodological Problems. Penza: Publishing House of Penza State University.
8. Rossiyanov, K.O. (2006) Dangerous Ties: I.I. Ivanov and Experiments on Crossing Humans with Anthropoid Apes. Questions of the History of Natural Science and Technology. No. 1: 3–51. (In Russ.)
9. Sorokin P.A. (1992) Person. Civilization. Society. Moscow. (In Russ.)

10. Stoyanov A.S. (2022a) Expectations of Youth from the Creation of a Family. Humanitarian researches of the Central Russia. No. 3: 87–99. DOI: 10.24412/2541-9056-2022-324-87-99. (In Russ.)
11. Stoyanov A.S. (2022b). Expectations in the Social-Upbringing Work of the University: Cadets VS Students (On the Example of the EMERCOM Academy of Civil Defense). *Sociology*, No.4: 116–127. (in Russ.)
12. Stoyanov A.S., Adaeva E.S. (2021) Expectations as a Factor of Consumer Loyalty to a Pharmaceutical Product: Brand Vs Generic (Exemplified by Ibuprofen). *Social Aspects of Population Health* [serial online]. No. 67(4): 14. DOI: 10.21045/2071-5021-2021-67-4-14. (In Russ)
13. Stoyanov A.S. (2019) Social Action: Reaction as a Reciprocity of Expectations. *Mission of Confessions*. No. 36: 81–88. (In Russ.)
14. Stoyanov A.S. (2016) *The Society of Expectations: An Introduction to the Conceptual Basis of Theory*. Moscow: FLINTA: Science. (In Russ.)
15. Strukova O.V., Shiripova L.V., Myasnikov E.V. (2018) Personality Recognition By Gait: the Experience of Using the Method of Principal Components and the Machine of Support Vectors. In: *Information Technology and Nanotechnology*. Samara: Enterprise “New technology”: 822–832. (In Russ.)
16. Webster F. (2004) *Theories of the Information Society*. Moscow: Aspect Press. (In Russ.)
17. Aytar Y., Vondrick C., Torralba A. (2016). Soundnet: Learning sound representations from unlabeled video. In: *Proceedings of the 30th International Conference on Neural Information Processing Systems*: 892–900.
18. Castells M. (2010) *The Information Age: Economy, Society and Culture*. Vol. I. *The Rise of the Network Society*. Oxford: Wiley-Blackwell.
19. Elliott A. (2013) *Miniaturized Mobilities: Transformations in the Storage. Containment and Retrieval of Affect*. *Psychoanalysis. Culture & Society*. Vol. 18. Is. 1: 71–80.
20. Kostka G. (2019) China’s Social Credit Systems and Public Opinion: Explaining High Levels of Approval. *New media & Society*. No. (21)7: 1565–1593. DOI: 10.1177/1461444819826402.
21. Liang F., Das V., Kostyuk N., Hussain M. (2018) Constructing a Data-driven Society: China’s Social Credit System as a State Surveillance Infrastructure. *Policy & Internet*. No. 10(4): 415–453. DOI: 10.1002/poi3.183.
22. Ramadan Z. (2018) The Gamification of Trust: The Case of China’s “Social Credit”. *Marketing Intelligence & Planning*. Vol. 36. No. 1: 93–107. DOI: 10.1108/MIP-06-2017-0100.
23. Schiller H. I. (2000) *Living in the Number One Country: Reflections from a Critic of American Empire*. N.Y.: Seven Stories Press.
24. Takes F. W., Heemskerck E.M. (2016) Centrality in the Global Network of Corporate Control. *Social Network Analysis and Mining*. Vol. 6. No. 1: 97. DOI: 10.1007/s13278-016-0402-5.
25. Vitali S., Glattfelder J.B., Battiston S. (2011) The Network of Global Corporate Control. *PLoS ONE*. 6(10): e25995. DOI: 10.1371/journal.pone.0025995.

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

Ментальное здоровье молодежи: депрессия и суицид в общественном сознании

Ардашев Роман Георгиевич,

д.ф.н., к.ю.н., начальник кафедры философии и социально-гуманитарных дисциплин Восточно-Сибирского института МВД России, профессор кафедры государственного и муниципального управления Института социальных наук Иркутского государственного университета
E-mail: ardashhev.rg@bk.ru

В статье анализируются особенности конструирования оценок молодежи в отношении депрессии и суицида среди молодежи, выделяются симптомы и виды депрессии и предсуицидального поведения. В ходе опроса молодежи выявлены причины и последствия депрессии и суицида в молодежной среде. А также делаются выводы и формируются рекомендации по укреплению ментального здоровья молодежи.

Ключевые слова: депрессия, суицид, молодежь, представления, ментальное здоровье.

В информационной среде все чаще говорится о депрессии как о психическом расстройстве. Хотя в обиходе есть мнение о том, что депрессия это привычное определение упадка сил и апатии и негативных мыслей, вязанных неприятными событиями. Фактически, депрессия – это перечисленные выше состояния, но длящиеся длительное время, не час или два, а недели и месяцы.

Одним из негативных последствий депрессии (при негативных мыслях, пониженном настроении, невозможности радоваться, двигательной заторможенности) наступает суицидальное поведение. Потеря интереса к жизни может привести к тяге к смерти.

Суицид – самоубийство, т.е. преднамеренное, добровольное, самостоятельное лишение жизни самого себя. Россия в пятерке стран с самым высоким количеством самоубийств. При этом, пик самоубийств приходится на молодость (от 18 до 35 лет). Поэтому, восприятие молодежью депрессии и суицида становится актуальным моментом личного становления и самоидентичности.

У депрессии могут быть три вида причин: психологические, биологические и социальные.

Психологические причины возникают на основе грусти, тоски и печали или же отчаяния, следом за этим пропадает желание что-либо делать, может возникнуть чувство неверия в то, что что-то можно сделать, изменить, общение с внешним миром сводится к минимуму. Это сопровождается низкой самооценкой и повышенной чувствительностью к критике извне. Это эмоциональные, когнитивные и поведенческие реакции, которые негативно влияют на состояние человека.

В этом состоянии человека легко довести до самоубийства, через критические замечания или физические оскорбления. При общем уровне негативного психологического состояния – самоубийство может восприниматься как единственный способ изменения ситуации, прекращения внешнего давления.

К биологическим причинам можно отнести генетическую предрасположенность, изменение гормонального фона человека, нарушения сна, постоянная усталость, панические атаки, человек не получает удовольствия от чего-либо, происходит частая смена настроения. Эти факторы могут

привести к алкоголизму или наркомании как инструментам, изменяющим изначальное состояние сознания или же к суицидальному поведению, как более радикальному способу изменения своего состояния.

К социальным причинам относят социальное окружение, место жительства, род занятий, социально-экономический статус человека или семьи в целом. Это то, что изменить не просто. Только поменяв окружение, место жительства, сферу деятельности и многое другое. Фактически это осуществить и даже решиться на это могут не многие. Поэтому, социальные факторы депрессии и суицидального поведения в последние годы только растут.

Э. Дюркгейму [15] удалось сформулировать основные формы, тенденции и закономерности самоубийств. Он предположил, что процент мужчин, совершающих суицид, выше, чем среди женщин; процент самоубийств выше летом, чем зимой; среди совершающих суицид солдат больше, нежели гражданских. Причем, согласно исследованиям ученых, выявленные закономерности Дюркгеймом актуальны и для современно общества. Именно поэтому суицид считается явлением социальным.

Исследования О.А. Полюшкевич [24, 25] и коллег подтверждают это на основе изучения массового насилия в образовательных учреждениях, в работе И.А. Журавлевой [16–18] подчеркивается роль и значимость среднего образования в формировании депрессии и суицидальных рисков молодых людей. Р.В. Иванов [19–23] говорит о молодежном экстремизме, который может подтолкнуть к депрессии и суицидальному поведению. Помимо этого, в более ранних работах автора [1–14] делается акцент на медиаконструировании и философских смыслах суицида, который транслируется из СМИ и сети Интернет и непосредственно влияет на молодежь. В работе Ю.В. Попова и А.А. Пичикова [26] подчеркивается специфика формирования суицидального поведения у подростков, А. Шиман [27] рассматривает депрессию и методы ее лечения, а зарубежные коллеги (Дж. Купер и другие [28]) анализируют самоубийство после преднамеренного членовредительства и анализируют этот вопрос с позиции социального давления и личного выбора.

Особенности исследования

Чтобы понять восприятие депрессии и суицида современной молодежью, мы провели опрос. В исследовании приняло участие 1200 человек в возрасте от 18 до 35 лет, 55% женщин и 45% мужчин. Среди опрошенных 56% учатся в вузах и колледжах, 25% работают, 19% учатся и работают; живут с родителями 30%, в общежитии 25%, снимают квартиру 28%, живут в своей квартире 17%. Имеют доход на члена семьи до 15 000–35%, до 25 000–40%, до 50 000–20%, выше 70 000 до 20%.

Анализ результатов исследования

В подавленном состоянии молодые люди бывают достаточно часто (35%), редко (30%), никогда (25%), всегда (10%). Подавленное состояние из-за собственных переживаний и оценок (внутренние мотивы) у 56%, из-за сложностей с внешним взаимодействием (друзья, родители, иные родственники, коллеги, одноклассники) – 44%.

Мысли о суициде возникают у 32% молодых людей. Совершали попытку суицида 5% опрошенных. У 62% есть знакомые, которые совершали попытку суицида.

На вопрос о том, кто в большей степени склонен к суициду – мнения разделились, женщины говорили о том, что «женщины» – 62%, а мужчины – «мужчины» – 59%. Возможно, сказывается круг общения женщин в женском кругу, а мужчин в мужском, поэтому возникает полярная оценка.

Женщины в 76% относятся отрицательно к суициду и вдвое меньше тех, кто отрицательно относится к депрессии (35%). Объясняется это тем, что можно получить дополнительные «выгоды» (внимание и поддержку от окружающих, деньги от родственников если есть депрессия).

Среди мужчин тех, кто отрицательно воспринимает суицид немного меньше – 57%, но доля тех, кто отрицательно воспринимает депрессию выше в два раза чем у женщин – 72%. По их мнению, депрессия чаще выступает «показательным» моментом, чтобы предъявить себя. У кого же реальная депрессия – они не выставляют «свою боль» на показ и нуждается в медицинской помощи.

Респонденты указывали на некоторую зашоренность и обесценивание депрессии и суицида в силу того, что эти явления стали широко обсуждаемы и предъявляемы среди шоу звезд, публичных личностей, как элементы творческого пути, поиска себя. Этим пользуются различные сообщества смерти – тиражирующие музыку и фильмы о культуре суицида, о депрессивных состояниях и прочем. Это своего рода субкультура, которая разрушает личность человека и может служить поводом для негативных массовых явлений.

По запросу на слово «суицидные» в поисковой системе Google выходят следующие предлагаемые фразы: «суицидные песни на русском», «суицидные статусы», «суицидные стихи», «суицидальные рисунки». Это свидетельствует о том, что данные фразы являются популярными в запросах. Наличие большого количества музыки, стихов, рисунков на тему суицидов, способствует романтизации данного явления, особенно для подростков и может быть триггером суицида [1; 7].

Среди причин депрессии и совершения суицида мужчины и женщины выделяют одинаковые, но не равнозначные явления. Для мужчин причиной депрессии и суицида чаще выступает стигматизация в среде сверстников (36%), проблемы с родственниками (чаще родителями) – 25%, про-

блемы в обучении или работе (20%), экономические трудности (10%) и 9% неразделенная любовь. Для женщин причиной депрессии и суицида выступает неразделенная любовь (27%), трудности в общении со сверстниками (23%), проблемы с родителями (20%), проблемы в обучении или работе (15%), экономические трудности (15%). Гендерные отличия в поводах депрессии и суицида обусловлены разными способами включения в социальные сообщества. Но это всегда внутренняя реакция на внешние процессы, с которым на справляется молодой человек.

Отличия в оценках мужчин и женщин наблюдались при ответах на вопрос о том, какие меры стоит применять к людям, испытывающим депрессию и пытавшимся покончить с собой. Кто испытывает депрессию нуждается в психологической помощи (45% женщин и 26% мужчин), медицинской помощи (30% женщин и 24% мужчин), не принимать никаких мер (25% женщин и 50% мужчин). Кто пытался покончить с собой – нуждается в медицинской помощи (55% женщин и 52% мужчин), психологической помощи (27% женщин и 10% мужчин), не принимать никаких мер (18% женщин и 38% мужчин).

Мужчины более жестко оценивают то, как стоит работать и что применять к тем, кто испытывает депрессию и совершал попытки суицида. Это своего рода бескомпромиссность. Женщины в этом плане более эмпатичны и терпимы. Мы именно этим можем объяснить такую разницу в ответах.

Мы интересовались тем, должны или нет социальные институты заниматься вопросами депрессии и суицида. Не должно указало только 5% мужчин и 8% женщин. Остальные указали, что должны (95% мужчин и 92% женщин).

Из названных социальных институтов, которые должны заниматься вопросами профилактики депрессии и суицидов молодые люди выделили государство – 30% женщин и 37% мужчин, СМИ – 25% женщин и 33% мужчин, некоммерческие организации – 33% женщин и 20% мужчин, бизнес – 12% женщин и 10% мужчин. Инструментами профилактики называли: просвещение (в виде лекций и открытых бесед с разными группами населения), организацию государственных и некоммерческих служб помощи и консультаций молодых людей финансирование таких служб на постоянной и грантовой основе, освещение в СМИ информации о центрах помощи для людей, находящихся в депрессии или думающих о суициде и т.д.

Выводы

Таким образом, вопросы депрессии и суицидального поведения является актуальной для современного общества. Молодежная среда наиболее остро воспринимает все социальные трансформации и не всегда может к ним адаптироваться, что приводит к негативным внутренним состояниям,

что побуждают развитие депрессии и суицидального поведения.

Работа различных социальных институтов по профилактике, мониторингу и оценке депрессивных состояний и суицидального поведения должна стать основной в молодежной среде. Без целенаправленных мер и реализации социальных проектов, направленных на борьбу с депрессией и суицидом среди молодежи – мы можем потерять опоры для будущего развития и стойкости молодых людей.

Ментальное здоровье молодежи – это приоритет общественного развития и перспектива социального воспроизводства здорового общества. Депрессивные состояния и суицидальное поведение – это барометры степени социального благополучия общества.

Литература

1. Ардашев Р.Г. Влияние медиапространства на суицидальное поведение молодежи // Социология. 2023. № 1. С. 45–51.
2. Ардашев Р.Г. Иррациональные основы суицида // Гуманитарный вектор. 2022. Т. 17. № 2. С. 58–68.
3. Ардашев Р.Г. Иррациональные основы суицидального поведения молодежи // Социология. 2022. № 3. С. 39–46.
4. Ардашев Р.Г. Киберсуицид и кибербуллинг в современном обществе // Социология. 2022. № 6. С. 32–38.
5. Ардашев Р.Г. Криминальный суицид в школах: социальное измерение // Социология. 2022. № 5. С. 23–30.
6. Ардашев Р.Г. Массовые убийства в школах как акт заявления о себе // В поисках социальной истины. Материалы IV Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией О.А. Полюшкевич. Иркутск, 2022. С. 278–285.
7. Ардашев Р.Г. Медиаконструирование суицидального поведения студентов // Alma Mater (Вестник высшей школы). 2023. № 10. С. 92–95.
8. Ардашев Р.Г. Социальные связи молодежи в виртуальных сообществах смерти // Солидарное общество как идеал и проект: история и современность. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Отв. редакторы Р.Х. Лукманова, И.В. Фролова. Уфа, 2023. С. 67–73.
9. Ардашев Р.Г. Суицидальное поведение в молодежной среде: иррациональность восприятия // Alma Mater (Вестник высшей школы). 2022. № 7. С. 41–45.
10. Ардашев Р.Г. Суицидальные риски молодежи в виртуальном пространстве // Человек в информационном обществе. Сборник материалов второй международной научно-

- практической конференции, посвящённой десятилетию науки и технологий в Российской Федерации. Самара, 2023. С. 188–191.
11. Ардашев Р.Г. Угрозы суицидального поведения молодежи в цифровую эпоху // Методология предотвращения угроз в XXI веке. Сборник научных трудов. Иркутск, 2022. С. 383–387.
 12. Ардашев Р.Г. Философия суицида в виртуальном пространстве // Гуманитарный вектор. 2023. Т. 18. № 2. С. 77–85.
 13. Ардашев Р.Г. Философия суицида в практическом измерении // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке. 2023. № 14. С. 119–125.
 14. Ардашев Р.Г. Экспертный анализ суицидальных тенденций в молодежной среде // Экспертные институты в XXI веке: цивилизационные и цифровые концепции меняющегося мира. Сборник научных трудов Второй международной научно-практической конференции. Науч. редактор Т.И. Грабельных. Иркутск, 2023. С. 508–511.
 15. Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд / Пер. с фр. с сокр.; Под ред. В.А. Базарова. М.: Мысль, 1994. 399 с.
 16. Журавлева И.А. Здоровье в структуре жизненных ориентиров студенческой молодежи // Философия здоровья: интегральный подход. Межвузовский сборник научных трудов. Иркутск, 2022. С. 84–90.
 17. Журавлева И.А. Принципы и проблемы реализации государственной политики в сфере дошкольного и общего школьного образования // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, перспективы. Материалы IX Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией О.А. Полюшкевич. Иркутск, 2023. С. 303–311.
 18. Журавлева И.А. Системный анализ государственной политики в сфере дошкольного и общего образования // Социология. 2022. № 3. С. 61–74.
 19. Иванов Р.В. Анализ методов борьбы с молодежным экстремизмом // Alma Mater (Вестник высшей школы). 2023. № 9. С. 99–104.
 20. Иванов Р.В. Особенности противодействия экстремизму в молодежной среде // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы и перспективы. Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции. 2020. С. 434–445.
 21. Иванов Р.В. Условия противодействия экстремизму в молодежной среде: результаты регионального исследования // Социология. 2020. № 1. С. 301–311.
 22. Иванов Р.В. Экстремистские настроения молодежи: мифы и реальности провинциального региона // Социология. 2019. № 1. С. 130–135.
 23. Иванов Р.В. Эмпирический анализ экстремистских настроений молодежи // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке. 2019. № 10. С. 232–242.
 24. Полюшкевич О.А. Нормы солидарности после массового насилия // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке. 2019. № 10. С. 159–164.
 25. Полюшкевич О. А., Иванов Р.В., Журавлева И.А., Завьялов А.В. Влияние теракта 17 октября 2018 г. в Керчи на ментальную экологию российского общества по данным массового опроса населения Иркутской области и контент-анализа интернет-ресурсов и СМИ // Экология человека. 2021. № 8. С. 42–49.
 26. Попов Ю. В., Пичиков А.А. Суицидальное поведение у подростков. Спб.: СпецЛит, 2017. 333 с.
 27. Ширман А. Депрессия и методы её лечения. Путь к исцелению. М.: Деконт +, 1998. 110 с.
 28. Cooper J., Kapur N., Webb R., Lawlor M., Guthrie E., Mackway-Jones K. et al. Suicide after deliberate selfharm: a 4-year cohort study. *Am.J. Psychiatry*, 2005; 162. P. 297–303 [Electronic resource]. – Mode of access: <https://ajp.psychiatryonline.org/doi/full/10.1176/appi.ajp.162.2.297> (Date of access: 02.10.2024).

MENTAL HEALTH OF YOUNG PEOPLE: DEPRESSION AND SUICIDE IN PUBLIC CONSCIOUSNESS

Ardashev R.G.

East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk State University

The article analyzes the features of constructing youth assessments regarding depression and suicide among young people, identifies symptoms and types of depression and pre-suicidal behavior. During the survey of young people, the causes and consequences of depression and suicide among young people were identified. Conclusions are also made and recommendations are formed to strengthen the mental health of young people.

Keywords: depression, suicide, young people, ideas, mental health.

References

1. Ardashev R.G. The influence of the media space on the suicidal behavior of young people // *Sociology*. 2023. No. 1. P. 45–51.
2. Ardashev R.G. Irrational foundations of suicide // *Humanitarian vector*. 2022. Vol. 17. No. 2. P. 58–68.
3. Ardashev R.G. Irrational foundations of suicidal behavior of young people // *Sociology*. 2022. No. 3. P. 39–46.
4. Ardashev R.G. Cybersuicide and cyberbullying in modern society // *Sociology*. 2022. No. 6. P. 32–38.
5. Ardashev R.G. Criminal suicide in schools: social dimension // *Sociology*. 2022. No. 5. P. 23–30.
6. Ardashev R.G. Mass murders in schools as an act of declaring oneself // In search of social truth. Proceedings of the IV International scientific and practical conference. General editor O.A. Polyushkevich. Irkutsk, 2022. P. 278–285.
7. Ardashev R.G. Media construction of students' suicidal behavior // *Alma Mater (Higher School Bulletin)*. 2023. No. 10. P. 92–95.
8. Ardashev R.G. Social connections of young people in virtual communities of death // *Solidarity society as an ideal and a project: history and modernity*. Proceedings of the All-Russian scientific and practical conference. Responsible editors R. Kh. Lukmanova, I.V. Frolova. Ufa, 2023. P. 67–73.

9. Ardashev R.G. Suicidal behavior among young people: irrationality of perception // *Alma Mater (Herald of the Higher School)*. 2022. No. 7. Pp. 41–45.
10. Ardashev R.G. Suicidal risks of young people in virtual space // *Man in the information society*. Collection of materials of the second international scientific and practical conference dedicated to the decade of science and technology in the Russian Federation. Samara, 2023. Pp. 188–191.
11. Ardashev R.G. Threats of suicidal behavior of young people in the digital age // *Methodology for preventing threats in the 21st century*. Collection of scientific papers. Irkutsk, 2022. Pp. 383–387.
12. Ardashev R.G. Philosophy of suicide in virtual space // *Humanitarian vector*. 2023. Vol. 18. No. 2. Pp. 77–85.
13. Ardashev R.G. Philosophy of suicide in practical terms // *The problem of the relationship between the natural and the social in society and man*. 2023. No. 14. Pp. 119–125.
14. Ardashev R.G. Expert analysis of suicidal tendencies among young people // *Expert institutes in the 21st century: civilizational and digital concepts of a changing world*. Collection of scientific papers of the Second international scientific and practical conference. Scientific editor T.I. Grabelnykh. Irkutsk, 2023. Pp. 508–511.
15. Durkheim E. *Suicide: A Sociological Etude* / Translated from French with abbreviation; Ed. by V.A. Bazarov. M.: Mysl, 1994. 399 p.
16. Zhuravleva I.A. Health in the structure of life guidelines of student youth // *Philosophy of health: an integrated approach*. Inter-university collection of scientific papers. Irkutsk, 2022. Pp. 84–90.
17. Zhuravleva I.A. Principles and problems of implementing state policy in the field of preschool and general school education // *Social consolidation and social reproduction of modern Russian society: resources, problems, prospects*. Proceedings of the IX International scientific and practical conference. Under the general editorship of O.A. Polyushkevich. Irkutsk, 2023. Pp. 303–311.
18. Zhuravleva I.A. Systems analysis of state policy in the field of preschool and general education // *Sociology*. 2022. No. 3. Pp. 61–74.
19. Ivanov R.V. Analysis of methods for combating youth extremism // *Alma Mater (Higher School Bulletin)*. 2023. No. 9. Pp. 99–104.
20. Ivanov R.V. Features of countering extremism among young people // *Social consolidation and social reproduction of modern Russian society: resources, problems and prospects*. Proceedings of the VI All-Russian scientific and practical conference. 2020. Pp. 434–445.
21. Ivanov R.V. Conditions for countering extremism among young people: results of a regional study // *Sociology*. 2020. No. 1. Pp. 301–311.
22. Ivanov R.V. Extremist sentiments of young people: myths and realities of a provincial region // *Sociology*. 2019. No. 1. Pp. 130–135.
23. Ivanov R.V. Empirical analysis of extremist sentiments of young people // *The problem of the relationship between the natural and the social in society and man*. 2019. No. 10. P. 232–242.
24. Polyushkevich O.A. Norms of solidarity after mass violence // *The problem of the relationship between the natural and the social in society and man*. 2019. No. 10. P. 159–164.
25. Polyushkevich O. A., Ivanov R.V., Zhuravleva I.A., Zavyalov A.V. The impact of the terrorist attack of October 17, 2018 in Kerch on the mental ecology of Russian society according to a mass survey of the population of the Irkutsk region and content analysis of Internet resources and the media // *Human ecology*. 2021. No. 8. P. 42–49.
26. Popov Yu. V., Pichikov A.A. *Suicidal behavior in adolescents*. St. Petersburg: SpetsLit, 2017. 333 p.
27. Shirman A. *Depression and methods of its treatment. The path to healing*. Moscow: Dekont +, 1998. 110 p.
28. Cooper J., Kapur N., Webb R., Lawlor M., Guthrie E., Mackway-Jones K. et al. Suicide after deliberate self-harm: a 4-year cohort study. *Am.J. Psychiatry*, 2005; 162. P. 297–303 [Electronic resource]. – Mode of access: <https://ajp.psychiatryonline.org/doi/full/10.1176/appi.ajp.162.2.297> (Date of access: 10/02/2024).

Коммуникативная роль собственных имен в международных отношениях

Багаева Алиса Валерьевна,

к.с.н., доцент, доцент кафедры социологии коммуникативных систем МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: BagaevaAV@my.msu.ru

Статья посвящена значению имен собственных в международном взаимодействии. С усложнением международной жизни существенная доля значимых не только для отдельных государств, но и всего мира решений все чаще начинает определяться без опоры на международное право, которое в однополярной модели заменяет порядок, основанный на правилах. Такие невидимые правила есть отражение неких стереотипов и символов. В наши дни обнаруживается способность символов не просто заместить, а исказить конкретные факты мировой политики. Для того, чтобы этого избежать, требуется владеть языком символов международного общения. Автор подчеркивает культурную связь и символизм политических действий на международной арене со значением имен, историческим и социокультурным контекстом, в котором они появились. Методология, реализованная в представленном исследовании, предполагает опору на использование герменевтических методов, направленных на понимание образа Другого через объяснение его имени, а также ономастического анализа, разрабатываемого в русле социокультурной и символической парадигмы. В статье проанализированы множественные кейсы использования имен собственных в контексте международного взаимодействия для обозначения социокультурных явлений и процессов, крупных политических событий.

Ключевые слова: социология международных отношений, социология коммуникации, история, международные отношения, социолингвистика, герменевтика, ономастика, символ.

Введение

В начале третьего тысячелетия перед людьми открываются новые технологические возможности, а в некоторых областях они уже обосновано опасаются конкуренции со стороны искусственного интеллекта. Однако при всех несомненных достижениях в науке и технике большинство людей почти повсеместно сталкивается с множеством загадок, которые часто ложатся в основу конспирологических теорий и художественных произведений.

Можно утверждать, что вся теория международных отношений в качестве одной из своих задач подразумевает раскрытие сути тех социальных отношений, которые мы называем международными, прояснение особенностей, детерминантов и тенденций взаимодействия самых разных акторов в различных, часто критических, обстоятельствах. Именно в таком ключе следует прочитывать историю парадигмальных столкновений, получивших наименование Великих дебатов (англ. *Great Debates*) [1, с. 30–39]. Естественно, в такую мощную и долгую научную дискуссию были вовлечены все крупные специалисты в этой области, последовательно отстаивающие преимущества: политического реализма и либерального идеализма; модернизма и традиционализма; позитивизма и постпозитивизма, в основном касательно роли государства в международных отношениях.

Несмотря на то, что из-за обширнейшего концептуального массива не только нахождение ответа, но даже бледное прояснение ситуации кажутся затруднительными, эта исследовательская цель представляется вполне достижимой. Прежде всего это может обеспечить применение герменевтического подхода к изучению коммуникативных аспектов международной политической реальности [2, с. 156–176]. Достоинством этого подхода выступает его междисциплинарный характер, позволяющий совместить конкретно-исторические аспекты понимания тех или иных скрытых аспектов международного взаимодействия с их символическим осмыслением как части более широкого социокультурного явления. В данной статье в центре внимания находятся те сюжеты международной политической реальности, смыслы которых расшифровываются с помощью ономастического анализа, раскрывающего особенности мира имен собственных.

Специфика анализа международных отношений

Международные отношения как предмет исследования обладают рядом специфических черт, услож-

няющих закономерностей и однозначных ответов на исследовательские вопросы. Можно утверждать, что одной из наиболее значимых причин такого положения, начиная с самого рождения международных отношений, всегда являлась многослойная сложность коммуникации. Это подтверждается напряженной социально-политической атмосферой, в которой принимались все международные соглашения, начиная с самого первого – Кадешского договора между египетским фараоном Рамсесом II и хеттским царем Хаттусили III, заключенного около 1258 г. до н.э. после битвы при Кадеше. Соглашение между двумя правителями древних государств было тайным, что, в частности, объяснялось абсолютно разными оценками результатов сражения египтянами, которые воспели его в «Поэме Пентаура» [19, с. 58–71], и хеттами, которые не считали результат соперничества справедливым. Но каждому из владык следовало сохранять лицо перед подданными, а потому не посвящать их в политические тайны.

Вторая причина проистекает из того очевидного обстоятельства, что всякое международное соглашение достигается в процессе переговоров, длительных, запутанных, а порой и опасных для жизни участников коммуникаций. И пока окончательный вариант договора не увидит свет, его промежуточные стадии лучше не обнародовать. Известно, что эту практику отразил сам термин «дипломатия», происходящий от древнегреческого слова διπλωμα, означающего «сложенный вдвое». Считается, что прообразом дипломатических документов были наощенные дощечки с текстами посланий, сложенные так, что текст был недоступен для прочтения посторонним лицом.

Третья черта, усложняющая анализ международных отношений, состоит в множественности интересов, которые имеются у их участников. Иногда такие интересы демонстрируются открыто и даже ультимативно, иногда их камуфлируют весьма затейливыми способами [16, с. 3–37].

Каждый раз в зависимости от множества объективных обстоятельств, а еще чаще от особенностей личности, играющей ключевую роль в том или ином эпизоде международного общения, загадки обретают форму, делающую одно взаимодействие совершенно непохожим на другие контакты, даже если в них были вовлечены те же самые участники и никоим образом не изменился предмет обсуждения. Так, например, У.Черчилль, анализируя итоги первого месяца начавшейся Второй мировой войны, дал любопытную характеристику России: «Я не могу предсказать вам действия России. Это загадка, завернутая в тайну и помещенная внутрь головоломки; но, возможно, есть ключ. Этот ключ – русский национальный интерес» [29]. Поучительно, что ту часть речи, где говорилось о Советском Союзе, британский государственный деятель назвал «Русской энигмой». С одной стороны, все просто: слово это восходит к древнегре-

ческому понятию «α νίγμα» и прямо означает загадку. Но, с другой стороны, в геополитическую лексику прошлого столетия оно пришло из немецкого языка. Именно так была названа запатентованная инженером-электриком А. Шербиусом переносная шифровальная машина, которая применялась для шифрования и дешифровки секретных сообщений. Эффективность действия этих машин, имевшихся у гитлеровской Германии, и безуспешные попытки союзников проникнуть в тайну этого устройства дали толчок формированию целой мифологии энигмы.

Смысл имени собственного

В международном общении сохраняется целый ряд вопросов, ответы на которые никто не спешит найти. Именно к последнему разряду относится секрет имени собственного. Это утверждение может показаться необоснованным, поскольку уже давно возникла и утвердилась такая ветвь языкознания, как ономастика (др.-греч. ὀνομαστική – искусство давать имена). Она изучает совокупность собственных имен, историю их происхождения и трансформации как в процессе длительного употребления в языке-источнике, так и под влиянием взаимодействия с другими языками [3; 5; 15; 17; 22; 23; 24].

Помимо собственно ономастов эти проблемы волновали и психологов. Над сущностью имени в разные времена размышляли выдающиеся философы. Причем часто к поиску смысла имени собственного их подталкивали внешние обстоятельства, сопровождаемые коренной ломкой привычного бытия. Например, свою теорию имен разработал П.А. Флоренский [28]. Этого философа-богослова и ученого-энциклопедиста называли русским Леонардо да Винчи и Ломоносовым XX века. Одна из ранних работ А.Ф. Лосева, написанная в 1923 г., так и называлась «Философия имени» [14]. В тот же период над работой с таким же названием трудится религиозный философ С.Н. Булгаков [4]. Свое «Эссе об имени» напишет автор постмодернистской концепции деконструкции Ж. Деррида. Данная работа гения постмодернизма состоит из трех отдельных частей. Их Деррида одновременно видел и как три фикции имени, при этом, если следовать знакам, из тишины подаваемым друг другу персонажами этих трех фикций, то можно услышать, как звучит вопрос об имени там, где он срывается на краю зова, просьбы или обещания, до и после ответа. Это такие вопросы, как: «Имя: что так называют? Что понимается под этим, под именем имени? Что случается, когда дают имя? Что же дают?» [8].

И это далеко не все вопросы, на которые не только в повседневной жизни, но и в различных областях знаний помогает искать ответы ономастика [27]. Наблюдается удивительный парадокс: в обычной жизни люди к выбору имени, например, при рождении ребенка подходят исключи-

тельно серьезно. Не менее внимательны мы и при знакомстве, а еще чаще обращаем внимание на имя начальника, пытаюсь понять, какими качествами этот человек обладает, какой у него характер, как он будет руководить организацией, относиться к сотрудникам. Но в научных исследованиях специалисты часто игнорируют аналитические способности ономастики. Нельзя исключать, что в этом проявляется критическое отношение ученых к бытовым ономастическим изысканиям, которые сравнивают с увлеченностью магией имени или нумерологией.

Во многих научных областях имя собственное – оним (греч. *ὄνιμα* – имя, название) – выступает одним из наиболее доступных и в то же время недооцененных источников информации. Имя собственное изучаемого предмета помогает понять, для чего он предназначен, нередко сразу становится ясным, кто это имя данному объекту присвоил, когда и с какой целью он это сделал. Но самое главное, в результате ответа на эти вопросы открывается возможность выстраивания отношений с носителем этого имени.

Такой алгоритм справедлив как в гуманитарных науках, так и в естественных, а также в технических. [25, с. 3–11] О том, насколько увлекательным может быть процесс исследования присвоения имени, говорит история названий химических элементов. В ней даже случались собственные войны. Это – Трансфермиевы войны (англ. *Transfermium wars*), представлявшие собой спор советских и американских ученых за первенство в открытии химических элементов с атомными номерами 104, 105 и 106, находящихся в периодической системе после элемента фермия (Fm, атомный номер 100). Наименование фермия также дает пищу для размышлений, поскольку этот радиоактивный трансурановый химический элемент имя свое получил в честь выдающегося итало-американского физика Э. Ферми, который хотя и являлся пионером в области ядерной физики, с исследованиями данного элемента никак не был связан. Ономастический конфликт по поводу названий трансфермиевых элементов растянулся на 1960–1990-е гг. Он был завершён решением Совета Международного союза теоретической и прикладной химии (англ. *International Union of Pure and Applied Chemistry, IUPAC*) о присвоении элементам с атомными номерами 104 и 105 названий резерфордий и сиборгий, а элементу с атомным номером 106 – названия дубний, что удовлетворило обе стороны.

Безусловно, во многих областях ономастические данные выступают в роли вспомогательных. Но степень их помощи в исследовании конкретных проблем может различаться разительно. В исторической науке, хотя ономастика и относится к вспомогательным дисциплинам, это направление с полным правом может рассматриваться как исключительно ценное для поиска ответа на самые сложные вопросы [7]. С помощью исто-

рической ономастики, помогающей раскрыть особенности истории собственных имен, легче понять подлинный драматизм событий, что были связаны с жизнью и активностью персон, носивших то или иное имя [11]. В первую очередь мы обращаем внимание на имена лиц, находившихся у власти, принимавших порою судьбоносные решения – не только для своих государств, но человечества в целом. На самом деле не менее поучительные выводы можно сделать, изучая имена обычных людей, а также мифических персонажей, повлиявших на возникновение определенных идей, течений, движений. Одной из таких персон был Николя Шовен, вероятнее всего, мифический французский солдат, который служил в Первой армии Французской Республики, а затем в Великой армии Наполеона. Он носил весьма распространенную во Франции фамилию Шовен, происходящую от латинского слова *calvinus*, что значит «лысый». То, что от фамилии простого сельского парня Шовена, которого, как доказывает французский исследователь Ж. де Пюимеж, в 1820–1830-х гг. придумали авторы водевилей, идет название идеологии крайнего национального превосходства, известной как шовинизм (фр. *chauvinisme*), заставляет задуматься о причинах использования для наименования идеологических течений мобилизационного порядка не имен вождей, а людей из народа [20]. Такая ономастическая манипуляция позволяет малограмотному и некритически мыслящему человеку почувствовать свое величие, пусть даже за счет унижения другого.

Еще один пример присвоения имени вымышленного героя реальному социально значимому событию демонстрирует история движения разрушителей машин – луддитов (англ. *luddites*). В наименовании оно отталкивается от фигуры то ли полупоэтического ткача Неда Лудда, бывшего первым текстильщиком, разбившим вязальные рамы, то ли легендарного кельтского короля, основавшего Лондон. Всякий раз нахождение источника происхождения подобного имени проливает свет на мотивы широкого круга лиц, втянутых в водоворот событий и ищущих в нем социальные и духовно-нравственные ориентиры. Одним из таких ориентиров выступает собственное имя реального или выдуманного героя. Однако сам факт слияния идеологии или социального явления с образом легендарной личности поднимает эту идеологию или явление на своеобразный пьедестал.

Также следует выделить социальную функцию ономастики, которая направлена на осмысление сложного и плохо укомплектованного багажа знаний об общественном устройстве. Соционимика (лат. *socius* – общественный и др.-греч. *ὄνιμα* – имя), разъясняет систему социальных государства и помогает находить нужные индивиду каналы социальной мобильности, или даже ориентироваться в мире экономики [32].

Международная ономастика и историческая память

Ономастика бережнее, чем многие материальные памятники сохраняет историческую память, поскольку имена нельзя снести подобно монументам, а будучи запрещенными в определенные периоды, имена все равно хранятся в документах, на страницах книг или в листочках писем. Если речь идет о географических названиях – топонимах (др.-греч. τόπος – место и ὄνομα – имя), то по разным причинам, часто политическим, их можно заменить на современных картах другими топонимами, но на картах прошлого, в воспоминаниях, художественной литературе тех лет они будут именоваться по-старому. [21, с. 1700–1704] Поэтому даже когда в советские годы Царское село существовало под измененным топонимом Детское село, строки Пушкина напоминали том, что: «Всё те же мы: нам целый мир чужбина; / Отечество нам Царское Село».

Можно выделить этнополитическую функцию ономастики. Волны истории смывают разные этносы, но память о них сберегается в именах: арии, вандалы, готы, днепровские балты, народы моря и пр. И вместе с тем сохранность некоторых этнонимов, хотя они не привязаны уже к конкретной современной нации, заставляет задуматься о том, что является основой живучести их смыслов. Разумеется, сейчас уже нет древнегерманских племен англо- и саксов, которые жили между реками Эльбой и Рейном, а также на полуострове Ютландия. Хорошо известно, что в середине V столетия под натиском гуннов они предпочли переселиться в Британию. Но термин «англосаксы» (англ. *Anglo-Saxons*, нем. *Angelsachsen*, дат. *angelsakser*) актуален, как никогда.

Дефиницию «англосаксы», дающую представление об особенностях психологии участников геополитических процессов и соответствующего им геополитического поведения, мы встречаем в самом начале XX столетия. Именно в этот период очень четко начинают обрисовываться контуры непримиримого геополитического противоборства, в котором уже задействованы США. В статье 1901 г. «Эти кости встанут снова» (англ. *These Bones Shall Rise Again*) американский автор Дж. Лондон откликнулся на смерть Р. Кипплинга, который, как считал Лондон, как раз и увековечил то, что было достигнуто англосаксами. Характеристика, которую американский писатель дает англосаксам, не относится к лестным, и все же она весьма ценна именно потому, что представляет собой проявление самоидентификации критически мыслящей части того социума, а не пропагандистское клише, как нередко полагают. В частности, в статье отмечено: «Англосакс – это пират, захватчик земель и морской разбойник. Под тонким покровом культуры он все тот же, каким был <...>. У англосакса верное оружие и твердая рука, и он первобытно жесток, все это у него не отнимешь.

У него беспокойная, неумная кровь, она не дает ему отдыха и гонит на поиски приключений через моря и на земли, затерянные в морях. Он не чувствует, когда его бьют, поэтому-то к нему и пристала кличка «бульдог», чтобы все знали о его упорстве» [13].

Сейчас мы употребляем термин «англосаксы» для обозначения англичан и жителей США, имеющих английское происхождение. Но эта дефиниция становится все шире. Она приобретает такие специфические геополитические и психологические черты, в которых растворяются и прежние этнические истоки, и даже нынешние национальные интересы, а отчетливо начинают звучать те самые экспансионистские ноты глобального господства, о которых предупреждал Дж. Лондон.

Почти все ветви ономастики помогают разобраться в сложной картине международных отношений. О значимости антропонимики, изучающей собственные имена людей, следует судить по тому, как формируемый в определенные периоды международного взаимодействия именован отразает эти контакты, насколько велико проникновение иностранных имен. Одной из ярких фигур в Новейшей истории России был выдающийся ученый-физик, лауреат Нобелевской премии (2000) Ж.И. Алфёров. Свое имя он получил в честь французского социалиста, политика, историка, оратора, борца против колониализма Ж. Жореса. В Советском Союзе вошло в обычай давать детям имена в честь революционных иностранных деятелей. И часто их фамилии становились именами. Алфёров не единственный известный отечественный обладатель имени Жорес. Оно также было у писателей Медведева и Трошева.

В стихотворении Е. Евтушенко есть очень точные строки: «Пришли иные времена. / Взошли иные имена». Так и сейчас, в век Интернета коммуникативное пространство выбора имени расширилось до масштабов глобальной сети. Запоминающееся имя превратилось в один из решающих элементов успешного профиля в сети *Tik Tok*. Все большее число детей по всему миру получают имена, рожденные новой информационной реальностью, а социальные сети превращаются в ценный источник сведений для антропонимики.

Собственное имя – залог успеха в международных взаимодействиях

Есть немало примеров того, что многое из связанного с космосом постепенно становится частью повседневной реальности. Один из них – переименование традиционного воздушного рода войск в воздушно-космические, поскольку совершенство действий космических войск начинает играть заметную роль в обеспечении успеха военных действий на земле. Другим примером является возобновившаяся лунная гонка государств. И здесь тоже следует обратить внимание на то, как страны именуют свои

программы по освоению спутника нашей планеты. Это – предмет изучения такой области ономастики, как астрономика (др.-греч. *στῆρ* – звезда» и *νομα* – имя) [12]. Россия не стала искать чего-либо нового и продолжила называть свои станции «Луна», добавляя лишь новый номер. Индия 23 августа 2023 г. стала еще одной, четвертой, лунной державой, осуществив успешный спуск посадочного модуля лунной станции «Чандраян-3». Это слово имеет санскритские истоки и происходит от «*cāndrā*», означающего «яркий, сияющий», издревле используемого для названия Луны. В Китае лунная программа стартовала в 1998 г., а через шесть лет ей присвоили название «Программа Чанъэ» в честь богини Луны Чанъэ. Соединенные Штаты также решили не выходить из теонимического круга, выбрав для своей программы имя древнегреческой богини Артемиды (англ. *Artemis*). О чем все это говорит? Безусловно, не о вере современных людей, к тому же, исследователей космоса, в богов прошлых эпох, а о том, что у государств, способных реализовывать космические проекты, есть собственное ощущение силы и могущества, равное или, по крайней мере, близкое к божественному.

Во многом традиция наименования космических кораблей черпает истоки от древней практики кораблестроителей выбирать имена для своих творений. Иногда древние суда сохраняли память о своих создателях. Так, в древнегреческой мифологии герои отравились в Колхиду за золотым руном на корабле «Арго» (др.-греч. *Ἀργώ*), что был создан мастером Аргосом [9]. Правда, когда мы говорим о языке некой замкнутой социальной группы, то называя его «арго», обращаемся не к памяти аргонавтов, но к французскому определению жаргона (фр. *argot*), однако, созвучие этих понятий примечательно [10].

Это созвучие, как и любое другое, заставляет помнить, что любое слово имеет не только смысл, графику, но и звук. Это – общая закономерность, проявляемая, в том числе, в международных отношениях, в названиях организаций, союзов, движений и т.д. Поэтому, когда во время саммита БРИКС в Йоханнесбурге в августе 2023 г. после принятия странами-участницами решения о расширении формата и включении еще нескольких государств встал вопрос о названии объединения. Известно, что оно сначала складывалось из первых букв имен государств: Бразилия, Россия, Индия, Китай, – и было БРИК, а когда добавилась Южно-Африканская Республика (ЮАР – англ. *South Africa*), то превратилось в БРИКС и оказалось созвучным английскому слову «*bricks*» – «кирпичи». А в Китае БРИКС называют «Золотыми кирпичами». Это обозначение как нельзя лучше соответствует и содержанию того периода развития данного формата, который в 2017 г. на саммите БРИКС в китайском Сямэне председатель КНР Си Цзиньпин охарактеризовал как «золотое десятилетие», и тому, что, выступая кирпичиками но-

вого мироустройства, БРИКС все смелее противостоит «золотому миллиарду».

Заключение

Несмотря на широкие возможности использования инструментария ономастики для изучения международных отношений, этот подход востребован исследователями очень слабо. Почти нет материалов по ономастике международного общения в авторитетном екатеринбургском издании «Вопросы ономастики». Пока авторами не поднят широкий пласт региональных и краеведческих ономастических источников, также проясняющих региональные и местные аспекты международного сотрудничества. Невероятные перспективы анализа международных взаимодействий на всех уровнях открываются при исследовании рекламных имен. В связи с появлением новых социальных страт (прекариата, солариата, когнитариата) по-новому раскрывается пространство соционимии, позволяющее увидеть перспективу социального развития мира. [28, с. 67–74.] Безусловно, наиболее ценным представляется акцент, который ономастика международных отношений делает на проблематике безопасности. Слово издревле служило и оружием, и оберегом. Эту силу оно сохранило и до наших времен, порой глубоко спрятав ее внутри имени собственного. Поэтому раскрытие этой тайны имеет не только научный, но практический смысл, поскольку способствует установлению понимания, сотрудничества, мира, гармонизации отношений в обществе и контактов людей с природой.

Литература

1. Алексеева Т.А. Рождение мифа: начало первых «Великих дебатов» в теории международных отношений [Текст] / Т.А. Алексеева // Вестник МГИМО Университета. – 2015. – № 6 (45). – С. 30–39.
2. Багаева А.В., Терновая Л.О. Герменевтический подход к пониманию международных отношений [Текст] / А.В. Багаева, Л.О. Терновая // Герменевтика как метод социального познания: учебное пособие / Ред. Э.Д. Коркия, И.Н. Чудновская / А.К. Мамедов, Э.Д. Коркия, И.Н. Чудновская и др. – М.: КДУ, Университетская книга Москва, 2021. – С. 156–176.
3. Бондалетов В.Д. Русская ономастика: Учебное пособие [Текст] / В.Д. Бондалетов. – М.: Просвещение, 1983. – 224 с.
4. Булгаков С.Н. Философия Имени [Текст]: [сборник] / С.Н. Булгаков. – СПб.: Наука, 1998. – 446 с.
5. Восточнославянская ономастика [Текст] / Отв. ред. А.В. Суперанская. – М.: Наука, 1972. – 367 с.
6. Восточнославянская ономастика: исследование и материалы [Текст] / Отв. ред. А.В. Суперанская. – М.: Наука, 1979. – 350 с.

7. Вспомогательные исторические дисциплины: учебник для студентов вузов [Текст] / Г.А. Леонтьева, П.А. Шорин, В.Б. Кобрин; под ред. Г.А. Леонтьевой. – М.: Гуманитар. изд. центр Владос, 2003. – 365 с.
8. Деррида Ж. Эссе об имени [Текст] / Ж. Деррида; пер. с фр. Н.А. Шматко. – М.: Ин-т эксперим. социологии; СПб.: Алетейя, 1998. – 190 с.
9. Дыгало В.А. Откуда и что на флоте пошло [Текст] / В.А. Дыгало. – 2-е изд. – М.: «Крафт+», 2000. – 381 с.
10. Елистратов В.С. Словарь московского арга: (Материалы 1980–1994 гг.): Около 8000 слов, 3000 идиоматических выражений [Текст] / В.С. Елистратов. Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. – М.: Русские словари, 1994. – 704 с.
11. Историческая ономастика [Текст] / Отв. ред. А.В. Суперанская; Редкол.: В.П. Нерознак, Н.В. Подольская, В.Э. Сталтмане; Институт языкознания АН СССР. – М.: Наука, 1977. – 308 с.
12. Карпенко, Ю.А. Названия звездного неба [Текст] / Ю.А. Карпенко; Отв. ред. А.В. Суперанская. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Наука, 1985. – 181 с.
13. Лондон Дж. Эти кости встанут снова [Электронный ресурс]. – URL: <https://litmir.club/br/?b=17988>.
14. Лосев А.Ф. Философия имени [Текст] / А.Ф. Лосев. – М.: МГУ, 1990. – 269 с.
15. Матвеев А.К. Ономатология [Текст] / А.К. Матвеев; Российская академия наук, Отделение историко-филологических наук. – М.: Наука, 2006. – 292 с.
16. Михайленко А.Н. Теневая сфера в международных отношениях // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2012. № 2. С. 31–37.
17. Никонов В.А. Имя и общество [Текст] / В.А. Никонов. – М.: Наука, 1974. – 278 с.
18. Ономастика [Текст] / Редакторы: В.А. Никонов, А.В. Суперанская; Институт языкознания АН СССР. – М.: Наука, 1969. – 264 с.
19. Поэма Пентаура / Перевод М.А. Коростовцева / Хрестоматия по истории Древнего Востока. Составление и комментарий А.А. Вигасина. М.: Восточная литература, 1997. С. 58–71.
20. Пюимеж Ж. де. Шовен, солдат-землепашец: Эпизод из истории национализма [Текст] / Ж. де Пюимеж. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 400 с.
21. Сейтнязов К.М. Некоторые виды трансформации топонимов [Текст] / К.М. Сейтнязов // Science and Education. – 2023. – Vol. 4. – № 2. – Pp. 1700–1704.
22. Суперанская А.В. Имя – через века и страны [Текст] / А.В. Суперанская. – М.: Наука, 1990. – 190 с.
23. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного [Текст] / А.В. Суперанская. – М.: Наука, 1973. – 366 с.
24. Суперанская А.В., Сталтмане В.Э., Подольская Н.В., Султанов А.Х. Теория и методика ономастических исследований [Текст] / А.В. Суперанская, В.Э. Сталтмане, Н.В. Подольская, А.Х. Султанов. – М.: ЛКИ, 2007. – 256 с.
25. Ташицкий В. Место ономастики среди других гуманитарных наук [Текст] / В. Ташицкий // Вопросы языкознания. – М., 1961. – № 2. – С. 3–11.
26. Терновая Л.О. Ономастика международных отношений: монография [Текст] / Л.О. Терновая. – М.: ИНФРА-М, 2024. – 349 с.
27. Терновая Л.О., Шастина А.Е. Маркеры социальной стратификации современной молодежи: когнитариат, салиариат, прекариат [Текст] / Л.О. Терновая, А.Е. Шастина // Миссия конфессий. – 2022. – Т. 11. Ч. 2 (№ 59). – С. 67–74.
28. Флоренский П.А. Имена [Текст] / П.А. Флоренский. – СПб.: Авалонь, 2007. – 332 с.
29. Churchill W.L.S. First Month of War // BBC broadcast, London, October 1, 1939 [Electronic recourse]. – URL: <http://www.churchill-society-london.org.uk/RusnEnig.html>.
30. Prechter R.R. The Socionomic Theory of Finance [Text] / R.R. Prechter. – First Edition. – Gainesville: Socionomics Institute Press, 2016. – 813 p.

THE COMMUNICATIVE ROLE OF PROPER NAMES IN INTERNATIONAL RELATIONS

Bagavaeva A.V.

Lomonosov Moscow State University

The article is devoted to the significance of proper names in international interaction. With the increasing complexity of international life, a significant share of decisions that are significant not only for individual states, but also for the entire world, are increasingly being determined without relying on international law, which in the unipolar model replaces the rule-based order. Such invisible rules are a reflection of certain stereotypes and symbols. Nowadays, the ability of symbols not only to replace, but also to distort specific facts of world politics is being discovered. In order to avoid this, it is necessary to master the language of symbols of international communication. The author emphasizes the cultural connection and symbolism of political actions in the international arena with the meaning of names, the historical and socio-cultural context in which they appeared. The methodology implemented in the study is based on the use of hermeneutic methods aimed at understanding the image of the Other through explaining his name, as well as onomastic analysis developed in line with the socio-cultural and symbolic paradigm. The article analyzes examples of the use of proper names in the context of international interaction to denote socio-cultural phenomena and processes, major political events. The article sets an important scientific task of expanding the base of sources used to study international relations, which in the modern world are acquiring the character of a wider field of formal and informal communication of both representatives of official structures, business circles, civil society structures, and ordinary people. The author comes to the conclusion that with the change in communicative culture and the active inclusion of elements of everyday life in international communication, such approaches to the study of the interaction of an ever-expanding circle of actors as hermeneutics and onomastics become in demand, which are able to shed light on previously unexplored aspects of the names of institutions and associations on the world stage, the meaning and symbolism of international interaction, as well as preserve historical memory.

Keywords: sociology of international relations, sociology of communication, history, international relations, sociolinguistics, hermeneutics, onomastics, symbol.

References

1. Alekseeva T.A. Birth of a Myth: The Beginning of the First "Great Debates" in the Theory of International Relations [Text] / T.A. Alekseeva // Bulletin of MGIMO University. – 2015. – No. 6 (45). – P. 30–39.
2. Bagaeva A.V., Ternovaya L.O. Hermeneutic Approach to Understanding International Relations [Text] / A.V. Bagaeva, L.O. Ternovaya // Hermeneutics as a Method of Social Cognition: A Textbook / Ed. E.D. Korikiya, I.N. Chudnovskaya / A.K. Mamedov, E.D. Korikiya, I.N. Chudnovskaya et al. – Moscow: KDU, University Book Moscow, 2021. – P. 156–176.
3. Bondaletov V.D. Russian Onomastics: A Textbook [Text] / V.D. Bondaletov. – M.: Prosveshchenie, 1983. – 224 p.
4. Bulgakov S.N. Philosophy of the Name [Text]: [collection] / S.N. Bulgakov. – St. Petersburg: Nauka, 1998. – 446 p.
5. East Slavic Onomastics [Text] / Ed. A.V. Superanskaya. – M.: Nauka, 1972. – 367 p.
6. East Slavic Onomastics: Research and Materials [Text] / Ed. A.V. Superanskaya. – M.: Nauka, 1979. – 350 p.
7. Auxiliary historical disciplines: a textbook for university students [Text] / G.A. Leontyeva, P.A. Shorin, V.B. Kobrin; edited by G.A. Leontyeva. – M.: Humanitarian publishing center Vldos, 2003. – 365 p.
8. Derrida J. Essay on the name [Text] / J. Derrida; trans. from French by N.A. Shmatko. – M.: Institute of experimental sociology; St. Petersburg: Aleiteia, 1998. – 190 p.
9. Dygalo V.A. Where and what came from in the navy [Text] / V.A. Dygalo. – 2nd ed. – M.: "Kraft+", 2000. – 381 p.
10. Elistratov V.S. Dictionary of Moscow Argot: (Materials from 1980–1994): About 8,000 words, 3,000 idiomatic expressions [Text] / V.S. Elistratov. Moscow State University named after M.V. Lomonosov. – Moscow: Russian Dictionaries, 1994. – 704 p.
11. Historical Onomastics [Text] / Ed. A.V. Superanskaya; Editorial Board: V.P. Neroznak, N.V. Podolskaya, V.E. Stalmane; Institute of Linguistics of the USSR Academy of Sciences. – Moscow: Nauka, 1977. – 308 p.
12. Karpenko, Yu.A. Names of the Starry Sky [Text] / Yu.A. Karpenko; Ed. A.V. Superanskaya. – 2nd ed., rev. and additional – M.: Nauka, 1985. – 181 p.
13. London J. These bones will rise again [Electronic resource]. – URL: <https://litmir.club/br/?b=17988>.
14. Losev A.F. Philosophy of the name [Text] / A.F. Losev. – M.: MSU, 1990. – 269 p.
15. Matveev A.K. Onomatology [Text] / A.K. Matveev; Russian Academy of Sciences, Department of Historical and Philological Sciences. – M.: Nauka, 2006. – 292 p.
16. Mikhailenko A.N. Shadow sphere in international relations // Bulletin of the Russian Peoples' Friendship University. Series: International relations. 2012. No. 2. pp. 31–37.
17. Nikonov V.A. Name and society [Text] / V.A. Nikonov. – M.: Nauka, 1974. – 278 p.
18. Onomastics [Text] / Editors: V.A. Nikonov, A.V. Superanskaya; Institute of Linguistics of the USSR Academy of Sciences. – M.: Nauka, 1969. – 264 p.
19. Poem of Pentaur / Translation by M.A. Korostovtsev / Reader on the history of the Ancient East. Compilation and commentary by A.A. Vigasina. M.: Eastern literature, 1997. pp. 58–71.
20. Puimezh J. de. Chauvin, a soldier-plowman: An episode from the history of nationalism [Text] / J. de Puymege. – M.: Languages of Russian Culture, 1999. – 400 p.
21. Seitniyazov K.M. Some types of toponym transformation [Text] / K.M. Seitniyazov // Science and Education. – 2023. – Vol. 4. – No. 2. – Pp. 1700–1704.
22. Superanskaya A.V. Name – through centuries and countries [Text] / A.V. Superanskaya. – M.: Nauka, 1990. – 190 p.
23. Superanskaya A.V. General theory of proper names [Text] / A.V. Superanskaya. – M.: Nauka, 1973. – 366 p.
24. Superanskaya AV, Stalmane VE, Podolskaya NV, Sultanov AK Theory and Methodology of Onomastic Research [Text] / AV Superanskaya, VE Stalmane, NV Podolskaya, AK Sultanov. – M.: LKI, 2007. – 256 p.
25. Tashitsky V. The Place of Onomastics Among Other Humanities [Text] / V. Tashitsky // Voprosy yazykozvaniya. – M., 1961. – No. 2. – P. 3–11.
26. Ternovaya LO Onomastics of International Relations: Monograph [Text] / LO Ternovaya. – M.: INFRA-M, 2024. – 349 p.
27. Ternovaya L.O., Shastina A.E. Markers of social stratification of modern youth: cognariat, salariat, precariat [Text] / L.O. Ternovaya, A.E. Shastina // Mission of confessions. – 2022. – Vol. 11. Part 2 (No. 59). – P. 67–74.
28. Florensky P.A. Names [Text] / P.A. Florensky. – St. Petersburg: Avalon, 2007. – 332 p.
29. Churchill W.L.S. First Month of War // BBC broadcast, London, October 1, 1939 [Electronic recourse]. – URL: <http://www.churchill-society-london.org.uk/RusnEnig.html>.
30. Prechter R.R. The Socionomic Theory of Finance [Text] / R.R. Prechter. – First Edition. – Gainesville: Socionomics Institute Press, 2016. – 813 p.

Экогород в представлениях жителей Байкальского региона

Журавлева Ирина Александровна,

к.ф.н., доцент, директор Института социальных наук
Иркутского государственного университета
E-mail: irlend@list.ru

В статье анализируются особенности и возможности реализации экогорода в целом, а также рассматриваются перспективы экогородского пространства в Байкальском регионе. На основе экспертного опроса делаются выводы о перспективах развития экогорода, риски и возможности моделирования данного проекта в Байкальском регионе, учитывая особенности уже сложившейся психогеографической обстановки и влияния экологической психологии на социальные взаимодействия.

Ключевые слова: экогород, Байкальский регион, представления, экологическое сознание, экология городского пространства, психогеография.

Экогород – это модель развития урбанизированных территорий. Без учета экоповестки невозможно развивать территорию. Но понимание людей о развитии экогородов достаточно разнообразно: от формальности политических лозунгов политиков, до личной инициативы отдельных экоактивистов. Но чаще образ и стратегия экогорода воспринимается как отдаленная перспектива развития будущего, но не настоящего. Это следствие общественных стереотипов и восприятия того, что экологические проблемы решаются по остаточному принципу, когда совсем наступает критический момент. В остальных случаях находятся более важные приоритеты.

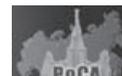
Экогородское развитие опирается на концепцию «умных городов» (И.А. Журавлева [9–12]), которая соединяет потребности экономики и экологии, культуры и образования, политики и религии в единое социокультурное пространство, где публичные места и технологические особенности становятся основой для социального моделирования территорий через креативные проекты (О.А. Полюшкевич [17–20]) или общие моменты психогеографии публичных мест (В.А. Скуденков [21–23]). Этим процессам способствуют изменения в сознании граждан, вызванные пандемией и общим уровнем развития (Р.Г. Ардашев [1–4]), а также взаимосвязью природы и человека (П.А. Баева [5–8], А.Д. Карнышев [13], Е.А. Иванова, О.А. Карнышева [14–16]) и т.д.

Стратегия экогородского планирования является одним из вариантов развития городов настоящего и будущего. Сегодня существует три модели экогородов.

1. Устойчивый. Стабильный. Экологичный. Эта концепция строится на уменьшении негативного воздействия на окружающую среду (уменьшение потребления воды и энергии, загрязнения воздуха выхлопными газами автомобилей и производств, неразумное выделение тепла и т.д.). Задача такого типа экогородов – сформировать здоровые города будущего.

В том типе городов реализуются следующие принципы:

- экологичный транспорт (приоритет электромобили, велосипеды);
- безотходное производство, использование вторичного сырья, переработка мусора, пластика и т.д.;
- энерго и водосбережение;
- очистка воды;
- развитие подземной инфраструктуры;
- озелените ландшафта городов на крышах и стенах домов;

- автономная экономика;
- осознанное отношение к экологии и развитие экологического патриотизма.

Современные технологии направлены не только на защиту экологической среды, но и на оптимальное развитие любых технологий и производства с учетом экологических особенностей региона или города.

2. Креативный. Инновационный и оптимально-компактный в пространстве. Примером такого типа могут служить вертикальные города Китая и Сингапур. Инфраструктура и жизненное пространство строится на соблюдении экологической условий комфортной жизни при минимальном задействовании пространства. Используются современные технологии при создании всех условий для жизни. При помощи искусственного интеллекта и 3-д моделирования формируется оптимальное пространство развития городской среды.

3. Эргономичный и экологичный. Линейные города без автомобилей, но со сверхскоростным общественным транспортом. Городское пространство обусловлено созданными модулями, где будет все необходимо находиться в шаговой доступности. Эти города будут реализовываться на автоматизированных территориях с возобновляемой энергией. Города, где вся инфраструктура выстроена из логики удобства и комфорта, оптимизации и эффективного использования ресурсно-пространственных локаций.

Эти три направления на сегодняшний день выступают основными векторами экогородского планирования. С одной стороны они представлены в форматах фантастического урбанизированного развития, с другой, опираются на имеющиеся ресурсы, проблемы и возможности их решения, которые предлагают современные инженеры, архитекторы, экологи, занимающиеся обустройством инфраструктуры городского пространства.

Особенности исследования

Наше исследование проходило в виде экспертного опроса руководителей и ключевых специалистов в сфере экологии городского пространства. Экспертами выступали практики архитекторы и экологи, научные сотрудники и представители администрации, занимающиеся сферой городского планирования и развития.

Всего опрошено 36 человек, в возрасте от 30 до 60 лет, занятых в исследуемой области от 5 до 35 лет. 60% женщины и 40% мужчины. Экспертами выступали жители Байкальского региона (из Иркутска, Улан-Удэ и Читы). Опрос проводился через zoom, длительность интервью 1,5–2 часа.

Анализ результатов исследования

Экогород – это перспектива самого ближайшего будущего – полагают 42% экспертов, это перспектива

отделенного будущего считают 52% эксперта, а 6% затруднились определиться со сроками формирования полноценного экогородского пространства.

Для того, чтобы экогород стал реальностью необходимы усилия представителей власти (их решения) – 31%, социальных активистов – 30%, публичных экспертов в области городского планирования – 26%, общественности – 13%. Инициативы, которые могут изменить ситуацию, называли эксперты они идентичны для всех групп, что могут начать перемены (экологическое просвещение через публичные лекции, активизация участия граждан в экологических проектах, экологическая культура в городе и на природе и т.д.). А это указывает на то, что экогород становится реальностью, когда о его будущем думают и начинают действовать в плане реализации идей и принципов представители разных социальных сообществ городского публичного пространства.

Риски, имеющиеся при формировании экогородов и экорегионов упираются в нехватку денег, непонимание обывателей необходимости экологического мотива в принятии управленческих как стратегических, так и тактических решений, а также волевых усилий представителей власти. При этом, данные риски компенсируются социальной активностью и личной вовлеченностью. Поэтому, без подготовленного публичного пространства и личной активности и инициативы граждан эффективного экогорода у нас не будет.

Экспертное сообщество достаточно емко и глубоко смогло показать круг существующих проблем, возникающих при реализации экогородов. Они опирались как на личный опыт, так и на вторичный анализ результатов реализации экорегионов и экогородов мирового уровня. В результате исследования мы смогли обозначить ряд вопросов, которые необходимо решить перед тем, как развивались бы проекты экогородов.

Социокультурный потенциал (28%) – предполагает учет традиций, культурных и религиозных особенностей в планировании городского пространства, с учетом экологических условий и эколого-географических возможностей.

Учет традиций народов, проживающих на конкретной территории, рождает определенный колорит, формирует менталитет места. Вне зависимости от того, сколько пришлых обосновалось на территории – они не могут перебить базовых условий социокультурного воспроизводства, построенного на единении с природой, с учетом ее особенностей и специфики. (Т. Ю., архитектор, Иркутск.)

Религия и культура – становятся основой мировоззрения, которое вписывается в повседневные практики и формирует образ жизни. И никакая вестернизация не может убрать базовых установок в отношении человека и природы, поэтому, на это стоит опираться, когда мы говорим о формировании экогородского пространства. Это не чуждая

философия, это, наоборот, наиболее оптимальное пространство сохранения прошлого и формирования будущего в безопасном экогородском пространстве. (И. Ф., представитель научного сообщества, доктор философских наук, экофилософ, Улан-Удэ.)

Экономическая база (26%) – позволяет использовать производственные и человеческие ресурсы для экоразвития городского инфраструктурного потенциала. Частично это осуществляется за счет повышения экологической культуры, а частично за счет реализации социально ориентированной политики конструирования экологии города.

Для того, чтобы строить города необходимо особое мышление – умение соединить природных ландшафт и практичность, экосознание и мировоззрение в единую систему, которая потом будет жить и развиваться самостоятельно. Это возможно при точном понимании трат и издержек, опираясь на экономический потенциал можно регулировать социальное взаимодействие с разными сообществами и институтами, что упростит социальный эффект от формирования экогеографического и экопсихологического пространства экогорода и экорегиона. (Иркутск, архитектор, Иркутск.)

Экономические ресурсы позволяют оптимально и эффективно использовать, и развивать экотенциал региона для формирования особого сознания жителей данного региона, учитывающего социально-экономические, культурно-исторические и экологические условия развития. (Чита, представитель научного сообщества, доктор философских наук.)

Публичное пространство и личная активность (24%) – форма развития социальных условий экогородов, где ключевые вопросы обсуждаются всеми участниками гражданского общества. Оно направлено на вопросы социальной экологии, личного включения в общественное развитие.

Без проявления личной воли и готовности включаться в формирование экологического пространства городов невозможно представить их развитие. Воля власти не дает полной реализации, только личная инициатива и ответственность помогает формировать не только знания об экологической культуре и экологическом сознании, но и практические компетенции реализации экологических знаний на практике. (Н. Н., руководитель отдела городского планирования в городской Администрации Иркутска, Иркутск.)

Социально активное сообщество формирует свое уникальное публичное пространство, способное воздействовать на экологическое сознание и экостранство любого города и региона. Тут необходимы знания и понимание того – что и для чего ты делаешь. Публичное пространство – это основа формирования экогородов, тех, что есть не только на бумаге, но и тех, что активно реализуются не только через решения власти, но и через личную ответственность граждан. (Т. А., руководи-

тель некоммерческой организации, направленной на сохранение экосреды городского пространства, Иркутск.)

Социальная направленность (22%) – опирается на стратегии социальной коммуникации и общественного моделирования, производимые в экогородах, направленные на развитие экосознания и экокультуры. В большинстве своем опирается на образование и просвещение рядовых граждан в сфере экологии, географии, культуры и саморепрезентации себя в этом пространстве.

Без повышения культуры и общего уровня эрудиции и экологической осознанности граждан – представить развитие экогорода или экорегиона невозможно. Поэтому, необходимо постоянно повышать активность граждан, проводить публичные лекции и мастер-классы. Это то, что может повысить уровень осознанности и включенности граждан в экобудущее тех городов, где они проживают на данный момент. Это формат социальной активности и социальной коммуникации, который реализуется через экогородское пространство. (Т. Н., руководитель отдела городского планирования Администрации Улан-Удэ, Улан-Удэ.)

Экорегион и экогород – это не просто формальная бумажка, которая предписывает ту или иную территорию к данному рангу. Это особое мышление жителей экогорода и экорегиона, где каждый несет ответственность за экологическую среду и социокультурное воспроизводство экологического сознания в данном пространстве. Социальная направленность экогородского конструирования опирается на представления и убеждения граждан, их социальную ответственность и вовлеченность в экоповестку общественного развития. (О. Г., руководитель экологической некоммерческой организации, Чита.)

Экогород становится ресурсом для органов власти, некоммерческих организаций, научного сообщества и общественности Байкальского региона. Соединение усилий может направить развитие экогородов в Байкальском регионе по одному из обозначенных в начале статьи путей развития экогородов или сформировать свой собственный путь или подход к формированию экогорода и экорегиона. В любом случае, это становится одним из основных векторов развития экостранства городов.

Выводы

Использование рассмотренных теорий, а также учет экспертных оценок как основных направлений развития помогает определить ключевые блоки развития экогородов:

- формирование нового пространства социального взаимодействия в виде публичных городских мест;
- сохранение экосреды и восстановление ее ресурсов и возможностей в урбанизированных пространствах;

- учет социокультурного, исторического и эколого-культурного контекста в создании инфраструктуры экогородов;
- использование современных научно-технологических прорывов в социальном моделировании городского пространства экогородов и экорегионов.

Экогород – это приоритет будущего развития большинства городов. На сегодняшний день, соединение эколого-природных и социально-городских условий положительно влияет на сознание граждан, формируя экокультуру и экосознание, что усиливает их возможность влиять на экосреду в городе и регионе. В дальнейшем развитии, данные тенденции будут только усиливаться.

Литература

1. Ардашев Р.Г. Городское сознание как показатель эфемерности // Цивилизационные сдвиги в развитии современного города. Сборник научных трудов. Научный редактор Т.И. Грабельных. Иркутск, Издательство ИГУ, 2021. С. 193–197.
2. Ардашев Р.Г. Иррациональность городского сознания // Современная урбанистика: социальное благополучие и цифровая трансформация города. Сборник материалов международной научно-практической конференции. Минск, 2024. С. 33–36.
3. Ардашев Р.Г. Особенности развития сознания горожан в пандемическом обществе // Социология. 2022. № 1. С. 79–86.
4. Ардашев Р.Г. Социальная безопасность в сознании сибиряков // Социология. 2024. № 7. С. 59–64.
5. Баев П.А. Малая родина в ценностной палитре россиян // Этнорегиональные ресурсы гармонии человека с природой и социумом как факторы психологического здоровья, межнационального согласия и межкультурной коммуникации: материалы Международной научно-практической конференции. Иркутск, 11–16 сентября 2024 г. / отв. ред.: А.Д. Карнышев, И.А. Журавлева, О.А. Карнышева. – Иркутск: Издательство ИГУ, 2024. С. 119–124.
6. Баев П.А. «С чего начинается Родина? с церквушки над тихой рекой»: трансформация символического наследия современного российского общества // Консолидация российского общества: организационные, образовательные и социокультурные ресурсы. материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Иркутск: Издательство ИГУ, 2015. – С. 323–338.
7. Баев П.А. Религиозный туризм как стратегия креативного развития регионов // Креативные стратегии и креативные индустрии в экономическом, социальном и культурном пространствах региона. Материалы IV международной научно-практической конференции. – Иркутск: Издательство ИГУ, 2022. – С. 41–49.
8. Баев П.А. Трансформация символических образов в отечественной культуре на примере песенного творчества // Социальные проблемы и безопасность российских регионов. Материалы второго Байкальского научного социологического симпозиума. – Иркутск: Издательство ИГУ, 2015. – С. 247–259.
9. Журавлева И.А. «Умные города»: ожидания и страхи горожан // Социология. 2019. № 1. С. 124–129.
10. Журавлева И.А. Город будущего: знания, привычки и креативность в повседневном пространстве // Креативные стратегии и креативные индустрии в экономическом, социальном и культурном пространствах региона. материалы Второй региональной научно-практической конференции. – Иркутск: Издательство Репроцентр1, 2019. – С. 103–106.
11. Журавлева И.А. Перспективы внедрения технологий «умных городов» в контексте консолидации и дезинтеграции различных социальных групп // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, и перспективы. сборник научных трудов. ФГБОУ ВО «ИГУ»; под общ. ред. В.А. Решетникова, О.А. Полюшкевич. – Иркутск: ИГУ, 2019. – С. 92–100.
12. Журавлева И.А. Программа «безопасный город» в современном муниципальном управлении // Урбанистика. 2018. № 4. С. 55–62.
13. Карнышев А.Д. Воспитание и укорененность как главные ресурсы встраивания экологического патриотизма в экономические структуры (на примере байкальского региона) // Психология личностного и профессионального развития человека. материалы Седьмой конференции психологов образования Сибири. – Иркутск: Издательство ИГУ, 2022. – С. 39–47.
14. Карнышев А.Д. Этнокультурные особенности проявления эйджизма и патриотизма в условиях пандемии // Современные практики социальной работы с пожилыми людьми: проблемы реабилитации и обеспечения активного долголетия. Материалы научно-практической конференции. Научный редактор Е.В. Решетникова. – Иркутск: Издательство ИГУ, 2022. – С. 56–63.
15. Карнышев А. Д., Иванова Е.А. Этимологические и психолого-экономические проявления китайского патриотизма в байкальском регионе // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2019. Т. 30. С. 75–84.
16. Карнышев А. Д., Иванова Е.А., Карнышева О.А. Байкал и психологические ресурсы подталкивания к экологическому патриотизму // Сибирский психологический журнал. 2020. № 77. С. 196–214.

17. Полюшкевич О.А. Коллаж публичного пространства города // Современная урбанистика: социальное благополучие и цифровая трансформация города. Сборник материалов международной научно-практической конференции. Минск, 2024. С. 331–334.
18. Полюшкевич О.А. Креативность публичного пространства провинциальных городов // Креативные стратегии и креативные индустрии в экономическом, социальном и культурном пространствах региона. материалы Третьей региональной научно-практической конференции. – Иркутск: Издательство ИГУ, 2021. – С. 30–35.
19. Полюшкевич О.А. Просоциальные практики в провинциальном городе: креативность и профанность публичного пространства // Социология. 2021. № 4. С. 129–135.
20. Полюшкевич О.А. Психогеографическое измерение публичного пространства города // Управление городом: теория и практика. 2022. № 2 (44). С. 31–35.
21. Скуденков В.А. Новое воспроизводство городского пространства: граффити и стрит-арт // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, перспективы. Материалы X Международной научно-практической конференции. – Иркутск: Издательство ИГУ, 2024. – С. 272–279.
22. Скуденков В.А. Психогеография публичного пространства в условиях постпандемического общества // Цивилизационные сдвиги в развитии современного города. Сборник научных трудов. Научный редактор Т.И. Грабельных. – Иркутск: Издательство ИГУ, 2021. – С. 180–182.
23. Скуденков В.А. Улица в городе: социологический этюд // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, перспективы. Материалы IX Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией О.А. Полюшкевич. – Иркутск: Издательство ИГУ, 2023. – С. 116–118.

ECOCITY IN THE VIEWS OF RESIDENTS OF THE BAIKAL REGION

Zhuravleva I.A.
Irkutsk State University

The article analyzes the features and possibilities of implementing an ecocity as a whole, and also considers the prospects for an eco-urban space in the Baikal region. Based on an expert survey, conclusions are made about the prospects for the development of an ecocity, the risks and possibilities of modeling this project in the Baikal region, taking into account the features of the already existing psychogeographical situation and the influence of environmental psychology on social interactions.

Keywords: ecocity, Baikal region, views, environmental consciousness, ecology of urban space, psychogeography.

References

1. Ardashev R.G. Urban consciousness as an indicator of ephemerality // Civilizational shifts in the development of the modern city. Collection of scientific papers. Scientific editor T.I. Grabelnykh. – Irkutsk: Irkutsk State University Publishing House, 2021. – Pp. 193–197.
2. Ardashev R.G. Irrationality of urban consciousness // Modern urban studies: social well-being and digital transformation of the city. Collection of materials of the international scientific and practical conference. Minsk, 2024. Pp. 33–36.
3. Ardashev R.G. Features of the development of consciousness of city dwellers in a pandemic society // Sociology. 2022. No. 1. Pp. 79–86.
4. Ardashev R.G. Social security in the minds of Siberians // Sociology. 2024. No. 7. P. 59–64.
5. Baev P.A. Small homeland in the value palette of Russians // Ethnoregional resources of human harmony with nature and society as factors of psychological health, interethnic harmony and intercultural communication: materials of the International scientific and practical conference. Irkutsk, September 11–16, 2024 / eds.: A.D. Karnyshev, I.A. Zhuravleva, O.A. Karnysheva. – Irkutsk: Irkutsk State University Publishing House, 2024. – P. 119–124.
6. Baev P. A. «Where does the Motherland begin? with a church over a quiet river»: transformation of the symbolic heritage of modern Russian society // Consolidation of Russian society: organizational, educational and socio-cultural resources. materials of the All-Russian scientific and practical conference. – Irkutsk: Irkutsk State University Publishing House, 2015. – Pp. 323–338.
7. Baev P.A. Religious tourism as a strategy for creative development of regions // Creative strategies and creative industries in the economic, social and cultural spaces of the region. Proceedings of the IV international scientific and practical conference. – Irkutsk: Irkutsk State University Publishing House, 2022. – Pp. 41–49.
8. Baev P.A. Transformation of symbolic images in domestic culture on the example of song creativity // Social problems and security of Russian regions. Proceedings of the second Baikal scientific sociological symposium. – Irkutsk: Irkutsk State University Publishing House, 2015. – Pp. 247–259.
9. Zhuravleva I.A. «Smart cities»: expectations and fears of citizens // Sociology. 2019. No. 1. Pp. 124–129.
10. Zhuravleva I.A. City of the Future: Knowledge, Habits, and Creativity in Everyday Space // Creative Strategies and Creative Industries in the Economic, Social, and Cultural Spaces of the Region. Proceedings of the Second Regional Scientific and Practical Conference. – Irkutsk: Reprocenter1 Publishing House, 2019. – Pp. 103–106.
11. Zhuravleva I.A. Prospects for the Implementation of Smart City Technologies in the Context of Consolidation and Disintegration of Various Social Groups // Social Consolidation and Social Reproduction of Modern Russian Society: Resources, Problems, and Prospects. Collection of Scientific Papers. FSBEI HE «Irkutsk State University»; edited by V.A. Reshetnikov, O.A. Polyushkevich. – Irkutsk: Irkutsk State University, 2019. – Pp. 92–100.
12. Zhuravleva I.A. The «safe city» program in modern municipal management // Urban studies. 2018. No. 4. Pp. 55–62.
13. Karnyshev A.D. Education and rootedness as the main resources for integrating environmental patriotism into economic structures (on the example of the Baikal region) // Psychology of personal and professional development of a person. Proceedings of the Seventh Conference of Educational Psychologists of Siberia. – Irkutsk: Irkutsk State University Publishing House, 2022. – Pp. 39–47.
14. Karnyshev A.D. Ethnocultural features of the manifestation of ageism and patriotism in a pandemic // Modern practices of social work with the elderly: problems of rehabilitation and ensuring active longevity. Proceedings of the scientific and practical conference. Scientific editor E.V. Reshetnikova. – Irkutsk: Irkutsk State University Publishing House, 2022. – Pp. 56–63.
15. Karnyshev A. D., Ivanova E.A. Etymological and psychological-economic manifestations of Chinese patriotism in the Baikal re-

- gion // Bulletin of Irkutsk State University. Series: Political Science. Religious Studies. 2019. Vol. 30. Pp. 75–84.
16. Karnyshev A. D., Ivanova E.A., Karnysheva O.A. Baikal and psychological resources of nudging towards environmental patriotism // Siberian Psychological Journal. 2020. No. 77. Pp. 196–214.
 17. Polyushkevich O.A. Collage of urban public space // Modern urban studies: social well-being and digital transformation of the city. Collection of materials of the international scientific and practical conference. Minsk, 2024. Pp. 331–334.
 18. Polyushkevich O.A. Creativity of public space in provincial cities // Creative strategies and creative industries in the economic, social and cultural spaces of the region. Proceedings of the Third regional scientific and practical conference. – Irkutsk: Irkutsk State University Publishing House, 2021. – Pp. 30–35.
 19. Polyushkevich O.A. Prosocial practices in a provincial town: creativity and profaneness of public space // Sociology. 2021. No. 4. Pp. 129–135.
 20. Polyushkevich O.A. Psychogeographical dimension of the city's public space // City management: theory and practice. 2022. No. 2 (44). Pp. 31–35.
 21. Skudenkov V.A. New reproduction of urban space: graffiti and street art // Social consolidation and social reproduction of modern Russian society: resources, problems, prospects. Proceedings of the X International scientific and practical conference. – Irkutsk: Irkutsk State University Publishing House, 2024. – Pp. 272–279.
 22. Skudenkov V.A. Psychogeography of public space in the context of post-pandemic society // Civilization shifts in the development of the modern city. Collection of scientific papers. Scientific editor T.I. Grabelnykh. – Irkutsk: Irkutsk State University Publishing House, 2021. – Pp. 180–182.
 23. Skudenkov V.A. Street in the city: sociological etude // Social consolidation and social reproduction of modern Russian society: resources, problems, prospects. Proceedings of the IX International scientific and practical conference. Under the general editorship of O.A. Polyushkevich. – Irkutsk: Irkutsk State University Publishing House, 2023. – P. 116–118.

Экологический патриотизм в Байкальском регионе: перспектива развития экорегиона

Иванов Роман Викторович,

доцент, к.и.н., доцент кафедры Государственного и муниципального управления Института социальных наук Иркутского государственного университета
E-mail: iromanviktorovich@bk.ru

В статье раскрываются особенности взаимосвязи экологии и патриотизма, их влияния на гражданственность и последующую реализацию в стратегиях экологического развития территории. Обосновывается необходимость развития экогородов и экорегионов на территории России. На примере исследования, проведенного среди жителей Байкальского региона выявляется уровень развития экологического патриотизма, который лежит в основе моделирования экогородов и экорегиона.

Ключевые слова: экорегион, экогород, экологический патриотизм, патриотизм, экосреда, представления, установки, общественное мнение.

Связь экологии и патриотизма раскрывается в формировании представлений (знания), эмоциональных состояний (аффекты) и реальных действий (поведение), направленных на сохранение экосреды в городском пространстве и за его пределами как стратегической задачи реализации патриотических установок общественного воспроизводства.

Экология – пространство социального моделирования, опирающееся на экологическое сознание, которое воспитывается через различные институты социализации и социального воспроизводства. Экологическое сознание – это формирование ответственности за природу и общество в условиях социального, пространственного, экономического, политического и любого другого ограничения урбанизированных территорий современного развития общества.

Быть патриотом, невозможно не заботясь о природе своей Малой Родины. Природа формирует условия для социального моделирования и воспроизводства, создает особые условия и механизмы преемственности межпоколенческих связей, которые приводят к передаче традиций и коллективной памяти, формирует ментальные установки с учетом природных условий развития личности человека и всего сообщества в целом. Природная среда формирует особенности мышления, где практическим результатом и прямым воплощением в жизни становится патриотизм.

Байкальский регион выступает уникальным экологическим и социокультурным объектом, где тесно пересекаются исторические и культурные, религиозные и экономические, политические и социальные процессы, образуя свою уникальную социальную среду. Это пространство рождает новые формы социальных коммуникаций и технических возможностей социального развития.

Взаимосвязь экологии и патриотизма отражается в следующем:

- природа формирует уникальные экологические пространства, которые являются местами притяжения для миллионов людей и требуют особых условий для сохранения (озеро Байкал, Тункинская долина, Баргузинская долина);
- природа влияет на экосознание жителей региона, так как создает условия для развития сознания, образов мысли, мировоззрения жителей;
- социокультурный и исторический опыт складывался в условиях уникальной экосреды, по-

- этому его особенности выступают уникальным пространством социального развития системы;
- экосистема определяет формат социально-экологической деятельности, необходимой для ее защиты и развития;
 - экосреда создает условия для социальной активности граждан, способных проявить свои патриотические установки в конкретной социально-активной деятельности.

Обозначенные выше механизмы взаимосвязи экологического сознания и патриотизма встраиваются в логику формирования экогородов и экорегионов. Это социальная среда возможностей создания экопространства для социальных условий развития экосознания (более подробно это представлено в работах Р.В. Иванова [10, 11], О.А. Полюшкевич [16–18], В.А. Скуденкова [21], Ш.Ф. Фарахутдинова [22]).

Экосознание строится на знаниях, эмоциях и реальных поведенческих установках, его результат влияет на формирование экогорода и экорегиона как мировоззренческой необходимости и социально-экономической предопределенности (эти идеи раскрыты в исследованиях Р.Г. Ардашева [1,2], П.А. Баева [3–6], И.А. Журавлева [7–9], А.Д. Карнышева, Е.А. Ивановой, О.А. Карнышевой [12–15], М.В. Поповой [19, 20]). Это перспектива развития нашего общества с учетом сохранения эко условий общественного воспроизводства.

Особенности исследования

Наше исследование было проведено среди жителей Байкальского региона (Иркутская область, Республика Бурятия и Забайкальский край). Всего было опрошено 1200 человек, по 400 в каждом регионе; 55% женщин и 45% мужчин в возрасте от 18 до 75 лет, занимающих разный социально-экономический и образовательный уровень и статус.

Исследование проводилось в виде онлайн анкетирования. Погрешность выборки составила 3,2%.

Анализ результатов исследования

В результате анализа полученных данных, мы смогли сформировать понимание уровня развития патриотизма и проследить связь с экосознанием среди жителей Байкальского региона.

Мы выяснили, что на уровне знаний и мыслей и других мыслительных конструкций идеи экогорода и экорегиона находят поддержку среди населения. Положительно воспринимают данные стратегии 72% опрошенных, 15% нейтрально и 13% отрицательно. Респонденты объясняли это такими категориями как: условие выживания, необходимость заботы о будущем, сохранение природы для предков. Объединяет эти мысли рассуждения

о необходимости сохранения природы для будущих поколений как стратегия выживания.

На уровне эмоциональных переживаний, ценность природы, умение ценить ее красоту, расслабляться и использовать ее ресурсы для личного восстановления воспринимается как актуальная задача 85% опрошенными и 15% как нейтральная возможность. Респонденты использовали следующие категории: духовная красота природы, восстановление личностных ресурсов, места силы, места душа, энергия места и сила предков и т.д. На эмоциональном уровне данные смыслы объединяются в ценность природы как механизма самосохранительного и самовосстановительного поведения человека в современном социуме. Следствием этого становится формирование экорегиона и экогорода как формата сохранения природы и личности человека.

На уровне поведенческих стратегий возникают самые большие затруднения у опрошенных. Потому что чувствовать восхищение и любовь или говорить об этом гораздо проще, чем начинать действовать. Только 23% опрошенных состоят в экологических организациях или участвовали когда-либо в экологических акциях или мероприятиях. Чаще всего это выражалось в финансовой поддержке проводимых мероприятий (75%). Например, финансовой помощи при восстановлении территорий после наводнения в Тулуне или лесных пожаров на севере Иркутской области и по всей территории Республики Бурятия. Только 25% из тех, кто что-либо делал, участвовали лично в каких-либо мероприятиях в качестве волонтеров.

Это не уникальная картина, готовность реально что-то делать есть далеко не у всех. Многие остаются на уровне слов, но и этот процесс можно усилить и развить через целенаправленную работу.

Более высокий уровень эмоциональной включенности в вопросы экологического потенциала региона развит у женщин (42% у женщин и 23% у мужчин), а когнитивный и поведенческий у мужчин (35 и 33% против 21 и 18% у женщин – соответственно).

Экологический патриотизм состоит из ряда установок, сформированных в определенных сообществах, определяющих социальные условия развития экорегиона (внешние показатели) и реальных людей, ведущих себя определенным образом (внутренние показатели): нейтральных, пассивно-негативно настроенных, пассивно-оптимистично настроенных, активно-негативных и активно-оптимистично настроенных людей.

Нейтральные (20%) – это те, кто особо не задумывается о роли экологических условий и процессов в развитии территории. Для этой группы эти взаимосвязи не очевидны. Они могут выглядеть как случайные факторы, не имеющие принципиальных различий. Усилия бессмысленные, потому что мало просчитываемы. Как правило, это моло-

дые люди в возрасте от 18 до 25 лет не интересующиеся будущим развитием территории, на которой они проживают, обучающиеся в средне-специальных или высших заведениях, совмещающую учебу и работу. В основном это молодые люди (65%) и 35% девушек.

Пассивно-негативные (18%) – это те, кто признает наличие взаимосвязи экологического развития и процессов гражданственности и патриотизма, но оценивает это в негативном ключе. Современных россиян вопросы экологии волнуют в последнюю очередь и формировать на основе этого общую идентичность и консолидировать общество не получится. Перспективами социального развития выступает разрушение и дезинтеграция. Поэтому, стоит просто ждать как общество разрушит само себя. Это в основном представители среднего возраста – 35–45 лет, имеющий средний доход на члена семьи 20–35 000, занимающие должности среднего управленческого звена или рядовых сотрудников. Примерно одинаково гендерное распределение – 52% мужчин и 48% женщин.

Пассивно-оптимистичные (22%) – это те, кто видит перспективы развития в развитии экогородов и экорегионов, но когда-нибудь в будущем. Сейчас не место и не время. И они сами точно в этом принимать участия не будут и не хотят, даже их дети с очень малой долей вероятности смогут в этом принять участие. В будущем, все конечно изменится, но не их усилиями. Это женщины среднего возраста от 35 до 50 лет, занятые на должностях среднего управленческого звена или самозанятые, с доходом от 35 000 рублей на члена семьи.

Активно-негативные (26%) – это те, кто видит потенциал экологического развития регионов и городов, но при нынешнем финансировании, доминировании личных выгод и масштабной коррупции – что-либо изменить мало вероятно. Они готовы принять участие в каких-то акциях и проектах, но особой пользы или реального выхлопа от них они не видят. Воспринимают это скорее как формальность, необходимость – это обсуждать и что-то делать для «галочки», а не для реальных изменений в пространстве региона. Это мужчины в возрасте 35–55 лет, занимающие средние руководящие должности, доход от 30 000 рублей на члена семьи.

Активно-оптимистичные (14%) – это те, кто видит перспективу развития экорегиона, опирается на внутренние ощущения и внешние условия, способствующие развитию экогородов по всей стране и формированию экорегионов в целом. Это те, кто готов и словом и делом работать над созданием уникальных эколого-социокультурных зон, позволяющих регулировать экологический, культурный, социальный, духовный уровень развития различных территорий. В основном это женщины в возрасте от 18 до 25 лет и мужчины в возрасте от 20 до 30 лет, доход от 10 до 25 000 рублей на члена семьи, учащиеся или уже работающие по специ-

альности; имеющие активные жизненные позиции и очень убежденные в необходимости строительства экологически безопасного города и региона в целом уже сегодня, так как завтра может быть поздно.

Представленные результаты актуализируют существующие противоречия в социальном пространстве – имеющихся представлений и реальных условий социального развития экологического патриотизма. Развитие экорегиона позволяет регулировать социальное воспроизводство в новых условиях и формировать приоритетные стратегии социального развития.

Выводы

Выявленная нами типология позволяет моделировать перспективы развития экорегиона в современной России. Она строится на следующих положениях:

- опора на социокультурный потенциал, через сохранение и воспроизводство культурной и исторической среды;
- укрепление мировоззренческих ориентиров в контексте экологии духовной сферы в экорегионе;
- вовлечение в стратегии социальной ответственности в сфере экологии крупных компаний региона;
- моделирование экосреды для жителей и предприятий;
- развитие экологического патриотизма в Байкальском регионе и стране в целом.

Эти положения выступают основой для создания новых и корректирования уже имеющихся программ экологического сохранения регионального развития. Эти программы со стороны государства могут обеспечить условия для реализации инициатив бизнеса и общественной для сохранения экорегиональных особенностей изучаемого региона и возможности дублирования отработанных техник и практик в других регионах.

Общественное развитие строится на моделировании социального воспроизводства в условиях регионального развития через призму экорегиона и экогорода. Это новый методологический и технологический прорыв, позволяющий соединить условия и предпосылки разных технологий и форм общественного развития. Без мониторинга экоусловий и социокультурного потенциала невозможно планировать долгосрочное развитие любой территории. Поэтому, проведенное исследование становится точкой отсчета новых условий стратегического развития отдельных территорий и всей страны в целом.

Литература

1. Ардашев Р.Г. Трансформация мышления россиян в цифровую эпоху // Стратегия и такти-

- ка социально-экономических реформ: национальные приоритеты и проекты. Материалы IX Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Вологда, Вол НЦ РАН, 2021. С. 367–369.
2. Ардашев Р.Г. Феноменология рационального и иррационального мышления // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2021. Т. 21. № 2. С. 120–124.
 3. Баев П.А. Гражданская и национальная идентичность россиян // Социология. 2023. № 4. С. 69–76.
 4. Баев П.А. Национальные герои России в виртуальном мире // Социальная реальность виртуального пространства. Материалы V Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией О.А. Полюшкевич. Иркутск, ИГУ, 2023. С. 48–52.
 5. Баев П.А. Национальные основы российской государственности в условиях многополярного мира // Этнопсихологические и кросс-культурные проблемы и ресурсы становления многополярного мира (восточный и западный подходы). Материалы Международной научно-практической конференции. Иркутский государственный университет, Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова. Иркутск, ИГУ, 2023. С. 39–43.
 6. Баев П.А. Чем гордится и чего стыдится российская молодежь // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, перспективы. Материалы X Международной научно-практической конференции. Иркутск, ИГУ, 2024. С. 129–132.
 7. Журавлева И. А. «Разговоры о важном» как инструмент формирования патриотизма в образовательных учреждениях // Социология. 2024. № 3. С. 35–43.
 8. Журавлева И.А. Идентичность региональной молодежи в условиях многополярного мира // Этнопсихологические и кросс-культурные проблемы и ресурсы становления многополярного мира (восточный и западный подходы). Материалы Международной научно-практической конференции. Иркутский государственный университет, Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова. Иркутск, ИГУ, 2023. С. 20–25.
 9. Журавлева И. А., Заварзина Ю.В., Попова М.В. Влияние идентичности территории на создание территориального бренда как креативное направление // Креативные стратегии и креативные индустрии в экономическом, социальном и культурном пространствах региона. материалы Третьей региональной научно-практической конференции. Иркутск, ИГУ, 2021. С. 26–29.
 10. Иванов Р.В. Основы и основания трансформации современного патриотизма // Социология. 2023. № 3. С. 17–27.
 11. Иванов Р.В. Патриотическое сознание современной молодежи // Социология. 2023. № 1. С. 21–28.
 12. Карнышев А.Д. Воспитание и укорененность как главные ресурсы встраивания экологического патриотизма в экономические структуры (на примере байкальского региона) // Психология личностного и профессионального развития человека. материалы Седьмой конференции психологов образования Сибири. Иркутск, ИГУ, 2022. С. 39–47.
 13. Карнышев А.Д. Этнокультурные особенности проявления эйджизма и патриотизма в условиях пандемии // Современные практики социальной работы с пожилыми людьми: проблемы реабилитации и обеспечения активного долголетия. Материалы научно-практической конференции. Научный редактор Е.В. Решетникова. Иркутск, ИГУ, 2022. С. 56–63.
 14. Карнышев А. Д., Иванова Е.А. Этимологические и психолого-экономические проявления китайского патриотизма в байкальском регионе // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2019. Т. 30. С. 75–84.
 15. Карнышев А. Д., Иванова Е.А., Карнышева О.А. Байкал и психологические ресурсы подталкивания к экологическому патриотизму // Сибирский психологический журнал. 2020. № 77. С. 196–214.
 16. Полюшкевич О.А. Новая идентичность в современном патриотическом кинематографе // Гуманитарный вектор. 2022. Т. 17. № 2. С. 192–202.
 17. Полюшкевич О.А. Патриотизм как форма просоциального поведения // Телекоммуникационные технологии: Актуализация и решение проблем подготовки высококвалифицированных кадров в современных условиях. Хабаровск, 2020. С. 1037–1044.
 18. Полюшкевич О.А. Экономический патриотизм в процессах социокультурной солидарности жителей Иркутской области // Социокультурная динамика Иркутской области в XX – начале XXI века. материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Иркутск, ИГУ, 2017. С. 112–114.
 19. Попова М.В. Миграция населения из города в село: мотивы здоровья и скорости жизни // Философия здоровья: интегральный подход. Межвуз. сборник научных трудов. Иркутск, ИГУ, 2021. С. 83–87.
 20. Попова М.В. Современные российские миграции из города в село // Социология. 2021. № 2. С. 68–74.
 21. Скуденков В.А. Экономический патриотизм и социальные притязания молодежи // Соци-

альная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, перспективы. материалы IV Всероссийской научно-практической конференции. Иркутский государственный университет, Институт социальных наук, Научно-образовательный центр «Социо-Интеграл». Иркутск, ИГУ, 2018. С. 48–53.

22. Фарахутдинов Ш. Ф., Колтунова Ю.И., Баикина Ю.О., Филиппова И.А. Этнокультуры Ямала: зоны риска и стратегии адаптации. Тюмень, ТИУ, 2020. 200 с.

ECOLOGICAL PATRIOTISM IN THE BAIKAL REGION: PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF THE ECOREGION

Ivanov R.V.

Irkutsk State University

The article reveals the features of the relationship between ecology and patriotism, their influence on citizenship and subsequent implementation in the strategies of ecological development of the territory. The need for the development of eco-cities and ecoregions in Russia is substantiated. Using the example of a study conducted among residents of the Baikal region, the level of development of environmental patriotism is revealed, which underlies the modeling of eco-cities and ecoregions.

Keywords: ecoregion, eco-city, environmental patriotism, patriotism, eco-environment, ideas, attitudes, public opinion.

References

1. Ardashev R.G. Transformation of Russians' Thinking in the Digital Age // Strategy and Tactics of Socio-Economic Reforms: National Priorities and Projects. Proceedings of the IX All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation. Vologda, Vol NC RAS, 2021. Pp. 367–369.
2. Ardashev R.G. Phenomenology of Rational and Irrational Thinking // Bulletin of the Saratov University. New Series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy. 2021. Vol. 21. No. 2. Pp. 120–124.
3. Baev P.A. Civic and National Identity of Russians // Sociology. 2023. No. 4. Pp. 69–76.
4. Baev P.A. National Heroes of Russia in the Virtual World // Social Reality of Virtual Space. Proceedings of the V International Scientific and Practical Conference. General editor O.A. Polyushkevich. Irkutsk, Irkutsk State University, 2023. Pp. 48–52.
5. Baev P.A. National Foundations of Russian Statehood in a Multipolar World // Ethnopsychological and Cross-Cultural Problems and Resources for the Formation of a Multipolar World (Eastern and Western Approaches). Proceedings of the International Scientific and Practical Conference. Irkutsk State University, D. Banzarov Buryat State University. Irkutsk, Irkutsk State University, 2023. Pp. 39–43.
6. Baev P.A. What Russian Youth is Proud of and Ashamed of // Social Consolidation and Social Reproduction of Modern Russian Society: Resources, Problems, Prospects. Proceedings of the X International Scientific and Practical Conference. Irkutsk, ISU, 2024. P. 129–132.
7. Zhuravleva I. A. "Conversations about the important" as a tool for forming patriotism in educational institutions // Sociology. 2024. No. 3. P. 35–43.
8. Zhuravleva I.A. Identity of regional youth in a multipolar world // Ethnopsychological and cross-cultural problems and resources for the formation of a multipolar world (Eastern and Western approaches). Proceedings of the International scientific and practical conference. Irkutsk State University, Buryat State University named after D. Banzarov. Irkutsk, ISU, 2023. P. 20–25.
9. Zhuravleva I. A., Zavarzin Yu. V., Popova M.V. The influence of territorial identity on the creation of a territorial brand as a creative direction // Creative strategies and creative industries in the economic, social and cultural spaces of the region. Proceedings of the Third regional scientific and practical conference. Irkutsk, Irkutsk State University, 2021. Pp. 26–29.
10. Ivanov R.V. Fundamentals and bases for the transformation of modern patriotism // Sociology. 2023. No. 3. Pp. 17–27.
11. Ivanov R.V. Patriotic consciousness of modern youth // Sociology. 2023. No. 1. Pp. 21–28.
12. Karnyshev A.D. Education and rootedness as the main resources for integrating environmental patriotism into economic structures (using the Baikal region as an example) // Psychology of personal and professional development of a person. Proceedings of the Seventh Conference of Educational Psychologists of Siberia. Irkutsk, Irkutsk State University, 2022. Pp. 39–47.
13. Karnyshev A.D. Ethnocultural features of the manifestation of ageism and patriotism in the context of a pandemic // Modern practices of social work with the elderly: problems of rehabilitation and ensuring active longevity. Proceedings of the scientific and practical conference. Scientific editor E.V. Reshetnikova. Irkutsk, Irkutsk State University, 2022. Pp. 56–63.
14. Karnyshev A. D., Ivanova E.A. Etymological and psychological-economic manifestations of Chinese patriotism in the Baikal region // Bulletin of Irkutsk State University. Series: Political Science. Religious Studies. 2019. Vol. 30. Pp. 75–84.
15. Karnyshev A. D., Ivanova E.A., Karnysheva O.A. Baikal and Psychological Resources of Pushing to Environmental Patriotism // Siberian Psychological Journal. 2020. No. 77. Pp. 196–214.
16. Polyushkevich O.A. New Identity in Modern Patriotic Cinema // Humanitarian Vector. 2022. Vol. 17. No. 2. Pp. 192–202.
17. Polyushkevich O.A. Patriotism as a Form of Prosocial Behavior // Telecommunication Technologies: Updating and Solving the Problems of Training Highly Qualified Personnel in Modern Conditions. Khabarovsk, 2020. Pp. 1037–1044.
18. Polyushkevich O.A. Economic patriotism in the processes of socio-cultural solidarity of residents of the Irkutsk region // Sociocultural dynamics of the Irkutsk region in the twentieth – early XXI century. Proceedings of the All-Russian scientific and practical conference with international participation. Irkutsk, Irkutsk State University, 2017. Pp. 112–114.
19. Popova M.V. Population migration from the city to the village: motives of health and speed of life // Philosophy of health: an integral approach. Interuniversity. collection of scientific papers. Irkutsk, Irkutsk State University, 2021. Pp. 83–87.
20. Popova M.V. Modern Russian migrations from the city to the village // Sociology. 2021. No. 2. Pp. 68–74.
21. Skudencov V.A. Economic patriotism and social aspirations of young people // Social consolidation and social reproduction of modern Russian society: resources, problems, prospects. Proceedings of the IV All-Russian scientific and practical conference. Irkutsk State University, Institute of Social Sciences, Scientific and Educational Center "Socio-Integral". Irkutsk, ISU, 2018. Pp. 48–53.
22. Farakhutdinov Sh. F., Koltunova Yu. I., Baikina Yu. O., Filippova I.A. Ethnocultures of Yamal: risk zones and adaptation strategies. Tyumen, TIU, 2020. 200 p.

Представления современной молодежи о зарубежных политических лидерах (на примере исследования в г. Таганрог)

Магранов Алексей Сергеевич,

к.с.н., старший научный сотрудник Центра социально-политических исследований Южного федерального университета; ведущий научный сотрудник Южно-Российского филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук
E-mail: alex_daredevil@mail.ru

Месхи Бебури Бесикович,

к.с.н., младший научный сотрудник, Южно-Российский филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук
E-mail: bebur9696@mail.ru

Печкуров Илья Васильевич,

к.с.н., старший научный сотрудник, Южно-Российский филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук
E-mail: i.pechkurov@gmail.com

В данной статье предпринята попытка проанализировать представления современной российской молодежи о наиболее важных составных элементах образа зарубежных политических лидеров, которых они могли бы назвать «выдающимися». Определены основные политические и личностные качества ведущих мировых политиков и выделены наиболее важные из них, согласно мнению молодых людей. Данные, полученные в ходе реализации социологического исследования позволили рассмотреть специфику мнений молодежи относительно образа «выдающегося» политика в сравнении с позициями респондентов, относящихся к более старшим возрастным категориям. Молодые люди оказались в наибольшей степени заинтересованы в направленности деятельности зарубежных политических лидеров на установление дружеских отношений с Россией. Помимо этого, для молодежи больше чем для остальных имеют значение индивидуальные качества политического деятеля. Однако низкий интерес к политической сфере обусловил нехватку необходимой информации о зарубежных политиках. В этой связи у представителей современной российской молодежи сложился достаточно размытый образ зарубежных политических лидеров. Методологическую базу исследования составили результаты прикладного социологического исследования, проведенного коллективом ЮРФ ФНИСЦ РАН в 2023 году.

Ключевые слова: образ «выдающегося» политика, политический лидер, молодежь, зарубежные страны, качества политического лидера, специальная военная операция.

Введение

С момента начала специальной военной операции Российской Федерации по демилитаризации и денацификации Украины произошло заметное изменение политических, дипломатических, экономических отношений России со многими мировыми державами. Данный факт обусловил возрастание актуальности проблематики образов «стран-врагов» и «стран-друзей». И особое значение в процессе формирования у граждан восприятия образа той или иной страны имеет образ политических деятелей – лидеров данных государств. Это связано с тем, что как отмечают многие исследователи [1; 5; 14], восприятие государства и его властной структуры зачастую имеет персонифицированный характер. В этой связи достаточно большое количество как политологов, так и социологов уделяют заметное внимание изучению различных аспектов формирования образа политических лидеров у граждан. Ю.И. Огнева и Н.Н. Калмыков определяют образ политика как «концепцию политического деятеля в сознании избирателей, его стереотипное восприятие, как обобщенную картину, которая возникает в общественном мнении, оказывая воздействие на уровень популярности политика, его электоральный рейтинг и структуру лояльного электората» [8, с. 116–117]. Процесс формирования образа политического деятеля занимает длительное время и может протекать как стихийно, так и под воздействием работы политтехнологов. На данный процесс оказывает влияние огромное количество факторов: значимые общественные события и политические решения, отношение граждан к институтам власти, деятельность средств массовой информации, оппозиционными настроения населения, а также причины, имеющие бессознательный характер и обусловленные исторической памятью и политической культурой [2; 4; 8].

Одно из наиболее популярных направлений исследований – создание образа идеального политика. Н.Н. Рогач провел сравнительный анализ образов идеальных политических лидеров в восприятии российских граждан, что позволило выделить набор качеств, наличие которых у политика больше всего ценят россияне. Как показали данные проведенного анализа, в наибольшей степени значимыми для граждан выступают личностные и морально-нравственные качества политических деятелей (в первую очередь, честность), а внешние качества не имеют практически ника-

кого значения [11]. Особую важность имеют работы, направленные на изучение представлений об идеальном политике у представителей молодого поколения. Так, А.А. Комарова рассмотрела образ идеального политика в сознании российской молодежи на основании эмпирических данных социологического опроса молодых людей, проведенного в Москве. Результаты, полученные с использованием опросного метода, показали, что, по мнению молодежи, образ «идеального политика» составляют пять основных элементов: харизма, публичность, открытость личной жизни, взглядов, наличие профессионального образования, умение сопереживать, лояльное отношение к субкультурам и меньшинствам [4]. М.В. Григорьева и У.С. Борисова, также используя методику анкетирования, провели исследование образа идеального политического деятеля в представлениях студенчества Республики Саха. Авторами был составлен портрет политика, которого студенты хотели бы видеть в будущем, отличительной чертой которого является запрос на молодых политиков (от 31 до 40 лет) [2]. М.А. Миллер проанализировала гендерные особенности восприятия политических лидеров представителями современного студенчества [7]. О.В. Попова, основываясь на эмпирических данных межрегионального социологического проекта, проведенного коллективом исследователей (под ее руководством), рассмотрела проблему политического потенциала молодежного лидерства, а также изучила представления самих представителей подрастающего поколения об этом явлении [9].

Особое место занимает исследование представлений граждан (и прежде всего – молодежи) об отдельных политических деятелях. Так, например, Е.Б. Марин провел семантическую реконструкцию образов российских политических деятелей в представлении учащейся молодежи на основе данных прикладного исследования. На основе проведенного анализа автором были выявлены содержательные характеристики образов ведущих российских политических деятелей (В. Путин, В. Жириновский, А. Навальный, Р. Кадыров) в представлениях молодого поколения [5]. Помимо этого, ряд исследователей обращают свое внимание на проблему образа российских политиков у граждан зарубежных стран. К примеру, К.А. Вертлиб рассмотрела восприятие имиджа и образа Президента Российской Федерации в немецкой прессе [1], а А.С. Рыжих и Ю.Г. Чернышов – во французской [12]; М.А. Шаманская на основе анализа текстов немецкоязычной прессы изучила проблему стереотипизации российских политиков [15]. Также, отдельными исследователями предпринимаются попытки анализа образов (и отдельных аспектов их создания) зарубежных политических лидеров в представлениях россиян. И.А. Мартынов, К.А. Маркелов и Ю.М. Брумштейн проанализировали информационные процессы,

оказывающие прямое воздействие на формирование образов политических лидеров других государств в сознании граждан России [6]; Ю.Г. Чернышов исследовал особенности восприятия народа и лидеров Белоруссии и Казахстана россиянами [14]. Можно заметить, что проблема образа зарубежных политических лидеров в сознании современной российской молодежи в настоящий момент является не столь широко распространенной. Однако данная проблематика имеет высокую значимость. Это обусловлено не только указанным выше возрастанием актуальности темы «стран-врагов» и «стран-друзей», но и возможностью (и необходимостью) выявления личностных и профессиональных качеств политиков, наиболее ценимых молодыми людьми.

Методология исследования

Во второй половине 2023 года Южно-Российским филиалом Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ЮРФ ФНИСЦ РАН) было реализовано социологическое исследование «Информированность населения г. Таганрога о международной жизни и отношении к различным странам». Тип выборки – стратифицированная случайная. Метод исследования – анкетирование. Объем выборочной совокупности составил – 1701 человек в возрасте от 18 до 60 лет. Были выделены следующие возрастные категории респондентов: 18–24 лет, 25–29 лет, 30–39 лет, 40–49 лет, 50–59 лет, 60 лет и старше. В данной статье для нас особый интерес представляет распределение ответов опрошенных из первых двух возрастных категорий. Отдельный блок инструментария исследования содержал вопросы, касающиеся лидеров мировых держав, а также их личностных и политических качеств.

Основные результаты исследования

В ходе проведения социологического исследования респондентам было предложено назвать наиболее выдающихся, по их мнению, сегодняшних политических лидеров зарубежных стран. Отметим, что подавляющее большинство опрошенных (69,6%) затруднились с ответом на поставленный вопрос. При этом среди респондентов в возрасте от 18 до 29 лет данный показатель составляет 71–72%. С одной стороны, данная тенденция может быть объяснена невысоким уровнем заинтересованности россиян политической сферой. Так, согласно данным Фонда «Общественное Мнение» (ФОМ), соотношение интересующихся и не интересующихся политической сферой среди россиян – примерно 50/50, тогда как у молодежи число не проявляющих интерес к политике превышает половину, а количество интересующихся – наименьшее среди всех возрастных групп (табл. 1) [13].

Таблица 1. Интерес россиян к политике в зависимости от возраста, данные ФОМ (в %)¹

Интерес к политике	Население в целом	Возраст			
		18-30 лет	31-45 лет	46-60 лет	старше 60 лет
Скорее интересуюсь	49	37	41	52	63
Скорее не интересуюсь	47	57	55	45	34
Затрудняюсь ответить	3	6	4	3	2

С другой стороны, Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ) была зафиксирована переориентация интереса граждан России от внутривнутриполитических дел к внешней политике [3]. Таким образом, налицо противоречие: при повышении интереса к мировым политическим процессам и персоналиям (а, соответственно, и при повышении уровня осведомленности о их деятельности и личностных особенностях) граждане не могут выделить наиболее значимые политические фигуры. Этот тренд дает основание предположить, что респонденты попросту не видят среди нынешних зарубежных политических лидеров тех, кого можно было бы считать выдающимся.

Можно сказать, что истинная причина кроется где-то посередине. Для более полного понимания полученных результатов необходимо обратиться к рассмотрению списка политиков, которых молодые люди отметили в первую очередь

(табл. 2). Как следует из полученных данных, иерархия списка «выдающихся» политических деятелей мира у представителей молодого поколения выглядит идентично распределению среди респондентов старших возрастных категорий. Однако оценки ряда персон у молодежи, все же, отличаются от оценок старших. Так, например, представители молодого поколения в два раза реже указывали в качестве выдающегося политика Си Цзиньпина (председателя КНР), а также (в отличие от старших) практически не упоминали Президента Турции – Реджепа Эрдогана и премьер-министра Венгрии – Виктора Орбана. В то же время, молодые люди чаще упоминали Эмманюэля Макрона (Президента Франции), Джо Байдена (Президента США) и, что весьма notable, Владимира Зеленского (Президент Украины) (данную персону указывали, в основном, представители младшей возрастной группы молодежи – от 18 до 24 лет).

Таблица 2. Распределение мнений респондентов о наиболее выдающихся современных зарубежных политиках в зависимости от возраста (в %)

Политические лидеры	Всего	Возраст					
		18-24 лет	25-29 лет	30-39 лет	40-49 лет	50-59 лет	60 лет и старше
А.Г. Лукашенко	10,1	13,8	11,1	9,5	7,9	9,3	11,2
Си Цзиньпин	9,9	5,3	7,5	9,3	10,1	10,6	11,3
Реджеп Эрдоган	2,8	0,3	3,7	2,5	3,3	3,5	2,7
Ким Чен Ын	1,6	2	0,7	2,2	1,9	3,1	0,3
Виктор Орбан	1,5	0	0	0,8	0,2	1,7	3,1
Эмманюэль Макрон	1	2,1	2,3	0,3	1,4	0,6	0,9
Джо Байден	0,7	0,9	0,7	0,8	0,2	1,5	0,4
Нарендра Моди	0,4	0,1	0	0,3	1,2	0	0,3
В.А. Зеленский	0,3	1,2	0	0,8	0	0	0
Касым-Жомарт Токаев	0,2	0,6	0,7	0	0,2	0	0,3
Затрудняюсь ответить	69,6	72,3	71,1	70,4	72,5	66,9	67,9

При взгляде на данное распределение может сложиться впечатление, что молодежь выбирала политиков скорее по принципу популярности, частоты упоминаний в СМИ каких-либо громких ситуаций с их участием. И, по сути, это будет верно, но лишь отчасти. Обратимся к анализу ответов

респондентов на вопрос «Какие качества названного вами лидера выдвигают его в число выдающихся?» (табл. 3). В первую очередь, отметим, что ни для одной из возрастных когорт опрошенных не составило большого труда дать ответ на поставленный вопрос, что говорит о наличии у них вполне четких представлений о желаемом образе политического лидера. Согласно полученным данным, в наибольшей степени молодые россияне

¹ Таблица составлена по: Участие молодежи в политической жизни страны // ФОМ. 28.02.2023. – URL: <https://fom.ru/Politika/14842> (дата обращения: 28.08.2024).

(в особенности представители младшей возрастной когорты) хотят видеть у зарубежных полити-

ков стремление и желание наладить диалог с Россией.

Таблица 3. Распределение мнений респондентов о личностных и профессиональных качествах зарубежных политиках, позволяющих назвать их «выдающимися», в зависимости от возраста (в %)

Личностные и профессиональные качества	Всего	Возраст					
		18–24 лет	25–29 лет	30–39 лет	40–49 лет	50–59 лет	60 лет и старше
Активное участие в борьбе за мир	56,8	59,4	46,3	61,3	57,8	50,7	58,3
Активное участие в борьбе за независимость своей страны	61,7	56,2	64,3	59,4	62,7	61,8	63,1
Выдающиеся индивидуальные способности	42,8	50,4	59	41,5	30,3	41	45,7
Огромное влияние на ход событий в своей стране	61,1	65,8	61,5	70,8	64,5	54,2	56,5
Стремление укрепить дружбу с Россией	64,8	75,7	58,6	61,6	56,3	56,6	73,7
Активное участие в борьбе против неонацизма	33,4	47,7	20,5	31,5	44,5	33,9	28,4
Затрудняюсь ответить	2,4	2,7	0	1,7	3	2,8	2,8

Среди 18–24-летних оказалось больше всего тех, кто мог назвать бы выдающимся человека, который будет прилагать все свои силы для борьбы с проявлениями неонацизма. Кроме того, у представителей современной молодежи велик запрос на политических деятелей, активно борющихся за мир во всем мире, и за независимость собственного государства в частности, а также способных оказывать значительное влияние на ход событий в своей стране. Однако значения данных показателей оказались примерно в одном диапазоне у всех возрастных категорий. Заслуживает внимания и тот факт, что именно для респондентов в возрасте от 18 до 29 лет оказалась наиболее значимы индивидуальные способности политического лидера.

Выводы

Образы зарубежных политических лидеров в представлениях современной российской представляются достаточно размытыми. Как показали полученные данные, активная позиция в борьбе за мир и развитие своей страны является одним из основных требований, предъявляемых к мировым политическим лидерам со стороны респондентов всех возрастов. Действительно, именно созидание выступает главным ожиданием от деятельности любого политика, особенно мирового уровня – внесение вклада в построение лучшего будущего для всех. Обращает на себя внимание тот факт, что налаживание отношений с Россией в столь непростое время, как необходимый атрибут «выдающегося» политика, отметили в основном представители самой младшей (18–24 лет) и самой старшей возрастной группы (свыше 60 лет) – более 70%. Однако здесь особенно отчетливо становится заметным недоста-

ток знаний о политической ситуации и персоналиях у молодежи, обусловленный проявлением меньшего интереса к политике, о чем уже говорилось выше. Именно по этой причине наблюдается столь заметная разница в выборе «выдающихся» политиков у молодых людей и старшего поколения. К примеру, если у респондентов старше 60 лет кандидатура Виктора Орбана набрала 3,1%, то из 18–24-летних его не назвал никто. Хотя западные средства массовой информации называли его главным союзником России в ЕС из-за его позиции в отношении антироссийских санкций после начала СВО [10]. О нем у представителей молодого поколения попросту не хватает информации (хотя в информационном пространстве СМИ и сети Интернет ее предостаточно). Кроме того, для молодежи важны индивидуальные личностные особенности политика: его харизма, умение заставить себя уважать. В определенной степени это обусловлено социализационными особенностями данной возрастной группы – в процессе становления личности молодого человека для него характерен постоянный поиск авторитетов, образцов для подражания. Вдобавок, можно предположить, что здесь также имеет место выявленная М.В. Григорьевой и У.С. Борисовой тенденция запроса молодежи на «омоложение», обновление политических элит, в том числе и на мировой арене. Таким образом, образ «выдающегося» зарубежного политика, по мнению российской молодежи, включает в себя следующие элементы: направленность на диалог с Россией, харизма и лидерские качества, а также активная позиция по улучшению условий жизни как в своей стране, так и во всем мире в целом. Однако все элементы данного образа далеко не всегда складываются воедино в представлениях молодых людей, с чем и связан большой уровень

затруднения с ответом на вопрос о «выдающихся» политиках. Тот или иной политический деятель может обладать необходимой политической позицией, однако не обладать достаточным уровнем харизмы. Или наоборот – иметь нужный уровень индивидуальных способностей, но не соответствовать по критерию направленности принимаемых им решений, что в некоторых случаях может быть связано с недостаточной осведомленностью молодежи о политической сфере.

Литература

1. Вертлиб К.А. Имидж лидера России в прессе Германии // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 8 (58): в 3-х ч. Ч. II. С. 61–64.
2. Григорьева М.В., Борисова У.С. Образ идеального политического лидера в представлении студенческой молодежи Республики Саха (Якутия) // Теория и практика общественного развития. 2022. № 12. С. 21–25. <https://doi.org/10.24158/tipor.2022.12.2>.
3. Интервью главы ВЦИОМ Валерия Федорова газете «Известия» // ВЦИОМ. 15.04.2024. – URL: <https://wciom.ru/sobytie/intervju-glavy-wciom-valerija-fedorova-gazete-izvestija> (дата обращения: 28.08.2024).
4. Комарова А.А. Образ идеального политика в сознании российской молодежи // Вестник университета. 2021. № 6. С. 166–171. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2021-6-166-171>.
5. Марин Е.Б. Образы российских политических лидеров в представлении молодежи: семантическая реконструкция // Вестник Института социологии. 2020. Том 11. № 2. С. 82–105. <https://doi.org/10.19181/vis.2020.11.2.642>
6. Мартынов И.А., Маркелов К.А., Брумштейн Ю.М. Формирование образов политических лидеров зарубежных стран в сознании российских граждан: характеристика информационных процессов и методов управления ими // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2020. № 3 (64). С. 153–162. <https://doi.org/10.21672/1818-510X-2020-64-3-153-162>.
7. Миллер М.А. Гендерные особенности восприятия политических лидеров современными студентами: структура и динамика // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2021. Т. 20. № 3(160). С. 5–14. <https://doi.org/10.17922/2071-5323-2021-20-3-5-14>.
8. Огнева Ю.И., Калмыков Н.Н. Экспертное мнение: запросы к идеальному политику в России // ПОЛИС. Политические исследования. – 2017. № 1. С. 116–124. <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.01.10>
9. Попова О.В. Политический потенциал молодежного лидерства в российских условиях: результаты межрегионального исследования // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2018. Т. 14. № 4. С. 492–511. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu23.2018.403>.
10. Почему Орбана на Западе называют главным союзником Москвы в ЕС // Ведомости. 02.07.2024. – URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2024/07/02/1047456-kak-proyavil-sebya-orban-v-konflikte-rossii-i-ukraini> (дата обращения: 28.08.2024).
11. Рогач Н.Н. Идеальные политики в восприятии российских граждан: сравнительный анализ образов // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2021. Т. 17. № 4. С. 408–419. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2021.406>.
12. Рыжих А.С., Чернышов Ю.Г. В.В. Путин как политический символ России во французской прессе (2000–2008) // Труды молодых ученых Алтайского государственного университета. 2015. № 12–1. С. 58–61.
13. Участие молодежи в политической жизни страны // ФОМ. 28.02.2023. – URL: <https://fom.ru/Politika/14842> (дата обращения: 28.08.2024).
14. Чернышов Ю.Г. Белоруссия и Казахстан: восприятие народов и политических лидеров в России // Вестник КемГУ. 2013. № 2 (54). Т. 3. С. 175–179.
15. Шаманская М.А. Стереотипизация образов российских политиков в немецкоязычном медиадискурсе // Известия Саратовского университета. Серия Филология. Журналистика. 2019. Т. 19. Вып. 4. С. 482–487. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2019-19-4-482-487>.

THE IDEAS OF MODERN YOUTH ABOUT FOREIGN POLITICAL LEADERS (BASED ON THE EXAMPLE OF A STUDY IN TAGANROG)

Magranov A.S., Meskhi B.B., Pechkurov I.V.

Southern Federal University, South Russian Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences

This article attempts to analyze the ideas of modern Russian youth about the most important components of the image of foreign political leaders, whom they could call «outstanding». The main political and personal qualities of the world's leading politicians are identified and the most important of them highlighted, according to the opinion of young people. The data obtained during the implementation of the sociological research allowed us to consider the specifics of the opinions of young people regarding the image of an «outstanding» politician in comparison with the positions of respondents belonging to older age categories. Young people turned out to be most interested in the orientation of the activities of foreign political leaders towards establishing friendly relations with Russia. In addition, the individual qualities of a politician are more important for young people than for others. However, low interest in the political sphere has led to a lack of necessary information about foreign politicians. In this regard, representatives of modern Russian youth have a rather blurred image of foreign political leaders. The methodological basis of the research is the results of an applied sociological survey conducted by the staff of the SRB – FCTAS RAS in 2023.

Keywords: the image of an «outstanding» politician, a political leader, youth, foreign countries, the qualities of a political leader, a special military operation.

References

1. Vertlib K.A. Image of Russia's leader in the press of Germany // Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice. 2015. No. 8. Part 2. pp. 61–64.
2. Grigorieva M.V., Borisova U.S. The Image of the Ideal Political Leader as Viewed by Students of the Republic of Sakha (Yakutia) // Theory and Practice of Social Development. 2022. No. 12. pp. 21–25. <https://doi.org/10.24158/tpor.2022.12.2>.
3. Interview of the head of WCIOM Valery Fedorov to the «Izvestia» newspaper // WCIOM. 15.04.2024. – URL: <https://wciom.ru/sobytie/intervju-glavy-vciom-valerija-fjodorova-gazete-izvestija> (accessed 28.08.2024).
4. Komarova A.A. The image of an ideal politician in the minds of Russian youth // Vestnik Universiteta. 2021. No. 6. pp. 166–171. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2021-6-166-171>.
5. Marin E.B. Images of Russian political leaders as viewed by youth: a semantic reconstruction // Bulletin of the Institute of Sociology. 2020. Vol. 11 No. 2. pp. 82–105. <https://doi.org/10.19181/vis.2020.11.2.642>.
6. Martynov I.A., Markelov K.A., Brumshteyn Y.M. Formation of images of foreign countries political leaders in Russian citizens' consciousness: characterization of information processes and methods of their management // The Caspian region: Politics, Economics, Culture. 2020. No. 3 (64). pp. 153–162. <https://doi.org/10.21672/1818-510X-2020-64-3-153-162>.
7. Miller M.A. Gender Peculiarities of Perception of Political Leaders By Modern Students: Structure and Dynamics // Scientific Notes of Russian State Social University. 2021. Vol. 20. No. 3(160). pp. 5–14. <https://doi.org/10.17922/2071-5323-2021-20-3-5-14>.
8. Ogneva Yu.I., Kalmykov N.N. Expert Opinion: Image of the Ideal Politician in Russia // POLIS. Political Studies. 2017. No. 1. pp. 116–124. <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.01.10>.
9. Popova O.V. The Political Potential of Youth Leadership in the Russian Context: the Results of Interregional Research // Political Expertise: POLITEX. 2018; Vol. 14. No. 4. pp. 492–511. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu23.2018.403>.
10. Why is Orban called Moscow's main ally in the EU in the West // Official portal of «Vedomosti» newspaper. 02.07.2024. – URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2024/07/02/1047456-kak-proyavil-sebya-orban-v-konflikte-rossii-i-ukraini> (accessed 28.08.2024).
11. Rogach N.N. Russian citizens' perception of ideal politicians: Comparative analysis of the images // Political Expertise: POLITEX. 2021; Vol. 17. No. 4. pp. 408–419. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2021.406>.
12. Ryzhih A.S., Chernyshov Ju.G. Vladimir Putin as a political symbol of Russia in the French press (2000–2008) // The works of young scientists of the Altai State University. 2015. No. 12–1. pp. 58–61.
13. Youth participation in the political life of the country // FOM. 28.02.2023. – URL: <https://fom.ru/Politika/14842> (accessed 28.08.2024).
14. Chernyshov Ju.G. Belarus and Kazakhstan: the perception of their peoples and political leaders in Russia // Bulletin of Kemerovo State University. 2013. No. 2 (54). Vol. 3. pp. 175–179.
15. Shamanskaya M.A. Stereotyping of Russian Politicians in German Media Discourse // Izvestiya of Saratov University. Philology, Journalism. 2019. Vol. 19. No. 4. pp. 482–487 <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2019-19-4-482-487>.

Межнациональные браки: оценка современной молодежи

Маслодудова Наталья Владимировна,

к.ф.н., доцент, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин СибЮИ МВД России
E-mail: maslodudova77@mail.ru

В статье анализируются процессы миграции и отношения современной молодежи к межнациональным бракам. Рассматривается общее восприятие мигрантов, готовность их принимать как друзей, коллег, соседей, граждан и как брачных партнеров. Доказывается, что готовность вступить в брак с представителями другой нации является наиболее эффективным способом интеграции мигрантов в принимающее общество и формированием толерантной среды в обществе. Приводятся результаты исследования студенческой молодежи Красноярска, Иркутска и Улан-Удэ в оценках межнациональных браков.

Ключевые слова: межнациональные браки, молодежь, оценка молодежи, мигранты, принимающее общество, социальные стереотипы

Миграция – это показатель международной мобильности. В современной России основной поток мигрантов приходится на выходцев стран СНГ и прежде всего из Центральной Азии, Закавказья и Украины¹. Из-за больших территорий, миграционные потоки внутри России тесно переплетаются с миграционными волнами местного населения, формируя уникальные социо-антропологические и социокультурные ландшафты. Более того, мы все больше констатируем фактор этнизации миграции (существующие практики и проблемы описываются с позиции этнических категорий, а не социально-экономических, политических или каких-то еще).

Результатом этого всего становится формирование проблемного дискурсивного поля в виде «видимых других» (Л.А. Дробижина [9]). Именно они становятся объектами вражды (основой для ксенофобии в виде этнофобии или мигрантофобии) (В.И. Мукомель [23]). Поэтому, на сегодняшний день важно понимать, что может стать основой снижения уровня ксенофобии.

В отечественной литературе чаще рассматриваются вопросы отношения к мигрантам, особенностям миграционной политики, существующих программ поддержки мигрантов и социальной адаптации мигрантов в принимающей среде (О.А. Полюшкевич [25, 26], О.Е. Ткаченко [29], А.В. Завьялов [10–15], В.А. Скуденков [27], Е.Ю. Щеголькова [31]). Это опирается на существующие в современном социокультурном пространстве как объективные условия, так и субъективные критерии выявления «своих» и «чужих», фиксации социального взаимодействия и перспектив общественного моделирования межнациональным пространством разных регионов России (Р.Г. Ардашев [1–3], П.А. Баев [4–8], В.В. Константинов и Р.В. Осин [17], Н.П. Космарская [18] и И.С. Савин [19]). Различные аспекты ксенофобии и межнациональной вражды проявляются в социальном контексте общественного взаимодействия мигрантов в принимающем обществе (С.В. Лурье [20], Н. Зверева [16], Е.Ю. Щеголькова). Собственно, вопросы браков с мигрантами рассматриваются в работах ряда авторов (Н.В. Маслодудова [21, 22], В.М. Пешкова [24], Е.Л. Сороко [28], А.В. Топилин [30]) и другие.

Если опираться на существующие теории межкультурного взаимодействия, то наиболее успешной теорией, способной объяснить способы сниже-

¹ Численность и миграция населения Российской Федерации в 2023 году. – URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283/> (дата обращения: 10.10.24).

ния напряжения в обществе в отношении мигрантов выступает теория контакта, где личный опыт общения может стать поводом для снятия напряжения и негативного восприятия представителя другой нации и культуры. Уже классическая шкала Э. Богардуса становится хорошим показателем объяснения происходящих процессов – мы чувствуем себя хорошо и комфортно с теми, кого считаем такими же, как и мы сами.

Максимальным показателем принятия человека другой культуры выступает его готовность вступить в брак с представителем другой культуры, этноса, народа. Так как если молодой человек готов видеть представителя другой культуры рядом с собой в близких отношениях, то и другом, коллегой, гражданином своей страны готов его также воспринимать.

Рост числа браков с мигрантами считается в общемировой практике одним из показателей интеграции мигрантов в принимающее общество. В российских исследованиях – это также фактор ассимиляции и консолидации представителей разных национальностей в единый народ. Это является продолжением идеологической политики советского государства, но и является одним из приоритетов развития современной России.

Особенности исследования

В исследовании приняли участие студенты различных специальностей из Красноярска, Иркутска и Улан-Удэ. Всего 900 человек, по 300 из каждого города. Возраст респондентов 18–24 года, 55% девушки и 45% юноши.

Исследование проводилось в виде онлайн анкетирования. Анкета состояла как из закрытых, так и открытых вопросов. Это позволило нам провести не только количественный, но и качественный анализ ответов молодых людей и выявить особые условия и сложившиеся механизмы восприятия межнациональных браков.

Результаты исследования

Среди участников исследования не оказалось тех, кто хотя бы формально не взаимодействовал с мигрантами. Около половины (54%) имеют опыт общения с мигрантами, так как последние являются их соседями, у 28% есть друзья мигранты. Также более половины (52%) опрошенных контактировали с мигрантами в результате решения бытовых вопросов их семьи (наняли бригаду мигрантов на ремонт квартиры, уборку урожая и т.д.). Вместе учились с мигрантами 62% молодых людей.

Но при этом, у 72% молодых людей достаточно поверхностные отношения с мигрантами. Они не стремятся их понять, подружиться или как-то впустить в свой круг взаимодействия. Потому что воспринимают чужаками, грязными и другими негативными коннотациями определения смысла

слов, связанных с мигрантами, с которыми они контактируют.

Несмотря на то, что в моем окружении есть мигранты – их видно визуально. Я не стремлюсь сблизиться с ними. Мне это не интересно и не нужно. (С.С., студент специальности социальная работа). Я знаю мигрантов в достаточно большом количестве, но они не мои друзья и тем более не родственники. И я не хочу изменять такое положение вещей. Мне комфортно со своими. Терпимость и принятие пусть развивают другие, а я останусь при своих. (Н.И., студент специальности политология).

Опираясь на шкалу Богардуса, мы сформировали ряд вопросов, позволяющих выявить отношение молодежи к мигрантам и формированию межкультурных контактов на более близком уровне. В таблице 1 представлено распределение ответов на вопрос «Готовы ли вы ...» и «Хотели бы вы...» – результаты показывают неоднозначность восприятия мигрантов в молодежной среде.

Таблица 1. Готовы ли бы Вы ... / Хотели ли бы Вы ... (в %)

Вопросы	Уровень готовности		
	да, полностью готов / хочу	нет, не готов / не хочу	точно не знаю
Жить по соседству с мигрантами	34,5	42,4	33,1
Ходить в школу/университет с мигрантами	26,1	35,4	38,5
Работать с мигрантами на равных	42,3	33,5	24,2
Знакомиться с культурой мигрантов	22,2	44,2	33,6
Знакомить мигрантов со своей культурой	10,1	65,5	24,4
Иметь друзей мигрантов	62,1	15,8	33,1
Заклучить брак с мигрантом / кой	33,5	47,1	10,4
Заклучить брак с представителем другой религии	45,6	25,2	20,2
Растить своих детей в многонациональной среде	50,1	29,6	21,3

Нами выявлена интересная особенность – отношение к браку с представителем другой религии более положительное, чем с представителем другой этнической группы (43 и 31% – соответственно). Возможно, это связано с тем, что религиозная принадлежность не является преградой для вступления в брак, тогда как национальная противоположность в большей мере опирается на существующие в обществе социальные стереотипы о представителях тех или иных наций. А также потому,

что религиозность все меньше имеет значение в принятии матримониальных планов на жизнь.

Я не думаю, что в современном обществе, возможны проблемы заключения брака из-за разных религиозных убеждений. Если двое хотят быть вместе, последнее, о чем они будут думать, так это о своей религиозной принадлежности. (С.А., студент специальности социология). *Религия и брак – это не исключают друг друга, но абсолютно параллельные условия межнациональных союзов. Религия и религиозность может скорее скрепить союз, нежели чем его разрушить.* (Н.К., студент специальности филология).

Молодые люди более толерантно относятся к бракам с представителями европейской культуры и в три раза более положительно воспринимают, и допускают лично для себя брак с украинцами, белорусами, нежели чем брак с чеченцами, таджиками, узбеками. Они это объясняют возможностями более легкой и комфортной коммуникацией, общим полем представлений и ценностей среди представителей европейских наций, чем представителей азиатской или арабской культуры.

Общий менталитет и социокультурные универсалии более понятны представителям европейского и российского культурного ландшафта. Для представителей азиатской или арабской культуры гораздо больше преград для личного взаимодействия с русскими. Это условия воспроизводства межкультурной среды. (О.А., студент специальности история). *Выстроить диалог гораздо проще среди тех, кто говорит с тобой пусть и на разных языках, но имеет общие условия, социокультурные корни. Это то, что незримо сближает европейцев, азиатов, арабов между собой и соответственно – разъединяет, если контакт идет между представителями этих общих социальных сообществ и групп.* (В.Ф., студент специальности политология).

Среди опрошенных, только у 28% есть родственники, состоящие в браке с мигрантами. Если это представители старших поколений – то это межнациональный брак заключенный еще в советском обществе (15%) и 13% среди родственников более близких по возрасту (братья, сестры). Те, у кого родственники заключили межнациональный брак, более терпимо относятся к подобным событиям среди своих сверстников (теория контакта подтверждается). Среди них 85% положительно оценивают и 15% нейтрально, негативных оценок нет совсем.

Среди комментариев есть следующие. *У меня бабушка украинка, дед грузин – как я могу плохо относиться к межнациональным бракам, если моя мама продукт такого союза, отец – из семьи русского и бурятки. Во мне намешаны разные корни, поэтому не вижу проблем в межнациональных браках.* (Н.Г., 21 год, студент специальности экономика). *Я продукт межнациональных союзов, мама у меня татарка, отец русский, один дед поляк,*

а другой якут, бабушка литовка и вторая русская. Разные нации соединились, живя сначала на территории Советского Союза, а затем и России. Важно кто ты есть, а не какой ты крови. (М.А., 20 лет, студент факультета бизнес-инноваций).

У кого из респондентов есть в членах семьи представители разных культур, у них и среди друзей в два раза выше больше представителей разных культур (69% и только у 35% у кого таких родственников нет). Наличие подобного опыта, различных социальных практик в рамках межкультурного взаимодействия усиливает активность в различных сферах жизни.

Многонациональная семья обладает большим кругом интересов и возможностей, чем семья, основанная на однообразной культуре – так полагает 26% опрошенных молодых людей. *Всегда есть о чем поговорить и находить все новые и новые точки пересечения. Правда, это работает, если есть любовь между супругами, а если ее нет, то разница менталитетов по тем же причинам будет только мешать семейному счастью* (В.А., студент специальности социальная работа). *Общие моменты возникают при условии взаимодействия. Лучше до момента заключения брака выяснить национальные особенности и их проявление в повседневной жизни, но в процессе семейной жизни – этот диалог необходим, тогда и согласие будет. Что-то же привлекает мужчину и женщину даже разных национальностей друг к другу – это и надо укреплять – через общение, взаимодействие с родственниками и знакомством культуры и обычаев предков. Это социальная преемственность.* (М. В., 23 года, студент специальности менеджмент организаций).

Но есть и те, кто указал на негативные стороны межнациональных браков – это разность менталитета, ценностей и установок, но с негативным контекстом.

Людям одной культуры порой бывает трудно понять друг друга, а если учитывать еще и разные культуры, их историю, менталитет, традиции, то голова пойдет кругом и никакой счастливой жизни не будет. Создавать семью надо с теми, с кем ты находишься в одном понятийном поле. (Н. О., студент специальности психология). *Сложно говорить о взаимоуважении и взаимопонимании, когда люди не понимают друг друга в базовых понятиях. Разные корни и традиции, установки и ожидания закладываются на уровне менталитета и такие семьи редко могут быть счастливыми.* (А. П., студент специальности сервис и туризм).

Отдельно в негативном ключе указывались экономические факторы, подталкивающие к межнациональным бракам.

Межнациональные браки заключаются для легализации себя в принимающей стране. Это экономическая сделка – если она выгодна обоим, то почему бы и нет. Но это не счастье, а возможность получить то, что нужно – одному деньги, друго-

му – статус, легализацию и прочее. (Т. А., студент специальности государственное и муниципальное управление). *Брак с мигрантом – это скорее партнерство для решения экономических вопросов. Эмоциональная близость в таком союзе изначально не предполагается.* (Г. Е., студент специальности информационная безопасность).

Таким образом, межнациональные браки имеют неоднозначное восприятие в молодежной среде. Они сложны по психологической, социальной и экономической составляющей, но при этом продолжают создаваться и сохраняться как социальный институт. Чем легче молодые люди смогут их допустить в своем сознании тем более открытым и мобильным будет наше общество.

Выводы

Чем более плотный контакт у молодых людей с мигрантами, тем более положительно они их воспринимают. Поэтому, необходимо усиливать социальное взаимодействие и просвещение молодежи принимающего общества в отношении мигрантов, а также способствовать личному взаимодействию представителями разных культур.

Социальная дистанция зависит от личных контактов молодежи, их количества и качества. Эти контакты регулируются социальным взаимодействием на разных уровнях и стратегиях взаимодействия. Интерес к представителям другой культуры может стать как точкой притяжения, так и поводом для отталкивания. Постоянный контакт – дает возможность консолидации и социального взаимодействия, семейного благополучия, а также и полного противоречия – разрушения семейных связей. Вопрос лишь в расположенности людей друг к другу и готовности вместе решать возникающие трудности.

В любом случае, межнациональные браки становятся одним из способов смягчения социального напряжения, существующего в обществе в отношении мигрантов. Необходима просветительская политика, помогающая адаптировать и расширить свои возможности в социальной адаптации мигрантов и создании семей.

Литература

1. Ардашев Р.Г. Влияние СМИ на формирование общественного мнения о преступности // Социология. 2023. № 5. С. 90–97.
2. Ардашев Р.Г. Социальная безопасность в сознании сибиряков // Социология. 2024. № 7. С. 59–64.
3. Ардашев Р.Г. Экспертный анализ информационных сообщений в СМИ о преступлениях // Развитие экспертных институтов в XXI веке: теория и практика. Сборник научных трудов Третьей международной научно-практической конференции. Иркутск, 2024. С. 186–189.
4. Баев П.А. Гражданская и национальная идентичность россиян // Социология. 2023. № 4. С. 69–76.
5. Баев П.А. Национальные интересы креативного развития регионов России // Креативные стратегии и креативные индустрии в экономическом, социальном и культурном пространствах региона. Материалы V Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией Т.Ю. Фальковской. Иркутск, 2023. С. 30–34.
6. Баев П.А. Чем гордится и чего стыдится российская молодежь // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, перспективы. Материалы X Международной научно-практической конференции. Иркутск, 2024. С. 129–132.
7. Баев П.А. Экономическое благополучие мировоззренческих установок молодежи // Социология. 2024. № 2. С. 57–64.
8. Баев П.А. Экспертный анализ моральных авторитетов современной молодежи // Экспертные институты в XXI веке: цивилизационные и цифровые концепции меняющегося мира. Сборник научных трудов Второй международной научно-практической конференции. Науч. редактор Т.И. Грабельных. Иркутск, 2023. С. 512–515.
9. Дробижеева Л.М. Потенциал межнационального согласия: осмысление понятия и социальная практика в Москве // Социологические исследования. 2015. № 11. С. 80–90. – URL: https://www.isras.ru/index.php?page_id=2624&jn=socis&jn=socis&jid=5833 (дата обращения: 12.10.2024).
10. Завьялов А.В. Адаптация мигрантов в городской среде: новые условия жизни в старых городах // Урбанистика. 2018. № 3. С. 1–11.
11. Завьялов А.В. Актуальные вопросы государственного регулирования социальной адаптации мигрантов // Государственное управление. Электронный вестник. 2019. № 72. С. 143–164.
12. Завьялов А.В. Виртуальный образ мигранта // В поисках социальной истины. Материалы IV Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией О.А. Полюшкевич. Иркутск, 2022. С. 261–264.
13. Завьялов А.В. Мигрантофобия и гуманизм в миграционной политике // Социодинамика. 2016. № 9. С. 52–66.
14. Завьялов А.В. Мигранты в общественном мнении жителей Иркутской области // Социология. 2018. № 2. С. 104–107.
15. Завьялов А.В. Социальная адаптация мигрантов в контексте современной миграционной политики России // Научное мнение. 2016. № 13. С. 50–58.
16. Зверева Н. Дискурсы о мигрантах в современной российской прессе: стратегии борьбы

- за значение // Новое литературное обозрение. 2014. № 4. С. 88–96.
17. Константинов В. В., Осин Р. В. Отношение принимающего населения к трудовым мигрантам: представления, взгляды, социальная дистанция // Нижегородский психологический альманах. 2020. Т. 1. № 2. С. 152–163.
 18. Космарская Н. П. Изучение низовых представлений о мигрантах в России и Европе: методы, концепты, локальные контексты // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 5. С. 26–48. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.5.2054>.
 19. Космарская Н. П., Савин И. С. Отношение москвичей к мигрантам сквозь призму контактной гипотезы // Этнографическое обозрение. 2021. № 1. С. 94–111. <https://doi.org/10.31857/S086954150013600-0>.
 20. Лурье С. В. Межнациональные браки как часть советского государственного сценария: социокультурный подход // Общественные науки и современность. 2018. № 3. С. 108–121. <https://doi.org/10.7868/S0869049918030085>.
 21. Маслодудова Н. В. Ментальные особенности современной молодёжи // Социология. 2024. № 8. С. 87–92.
 22. Маслодудова Н. В. Онлайн-знакомства как альтернативное поле потенциального брачного рынка // Социология. 2024. № 2. С. 113–120.
 23. Мукомель В. И. Ксенофобия и мигрантофобии в контексте культуры доверия // Мир России. 2014. № 1. С. 137–166. – URL: <https://mirros.hse.ru/article/view/4977> (дата обращения: 12.10.2024).
 24. Пешкова В. М. Отношение к бракам с мигрантами как показатель социального взаимодействия и уровня ксенофобии (на примере Москвы) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 6. С. 171–196. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.6.2476>.
 25. Полюшкевич О. А. Современная семейная история в цифровом обществе и демографическое воспроизводство // III-й международный демографический форум «Демография и глобальные вызовы». Материалы форума. Воронеж, 2024. С. 601–604.
 26. Полюшкевич О. А. Социокультурная трансформация мировоззрения мигрантов // Культура и взрыв: социальные смыслы в трансформирующемся обществе. Министерство образования и науки Российской Федерации; ГОУ ВПО «Иркутский государственный университет», Институт социальных наук. 2010. С. 40–46.
 27. Скуденков В. А. COVID-19 в чреде эпидемий: мигранты в оценках общественности // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, и перспективы. материалы VII Международной научно-практической конференции. Иркутск, 2021. С. 388–392.
 28. Сороко Е. Л. Этнически смешанные супружеские пары в Российской Федерации // Демографическое обозрение. 2014. Т. 1. № 4. С. 96–123. <https://doi.org/10.17323/demreview.v1i4.1804>.
 29. Ткаченко О. Е., Полюшкевич О. А. Мобильность миграции: сила или слабость развития государства // Мобильность как измерение мягкой силы: теория, практика, дискурс. Сборник научных трудов по итогам Первой Всероссийской научно-практической молодежной конференции. Институт философии и права УрО РАН. 2019. С. 288–298.
 30. Топилин А. В. Межнациональные семьи и миграция: вопросы взаимовлияния // Социологические исследования. 1995. № 7. С. 76–82.
 31. Щеголькова Е. Ю. Межэтнические отношения в оценках россиян: социологический анализ // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 4. С. 499–520. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.4.1260>.

INTERETHNIC MARRIAGES: ASSESSMENT OF MODERN YOUTH

Maslodudova N.V.

Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The article analyzes the processes of migration and the attitude of modern youth to interethnic marriages. The general perception of migrants, their readiness to accept them as friends, colleagues, neighbors, citizens and as marriage partners are considered. It is proved that the readiness to marry representatives of another nation is the most effective way of integrating migrants into the host society and forming a tolerant environment in society. The results of the study of student youth of Krasnoyarsk, Irkutsk and Ulan-Ude in their assessments of interethnic marriages are presented.

Keywords: interethnic marriages, youth, youth assessment, migrants, host society, social stereotypes.

References

1. Ardashev R.G. The influence of the media on the formation of public opinion about crime // Sociology. 2023. No. 5. Pp. 90–97.
2. Ardashev R.G. Social security in the minds of Siberians // Sociology. 2024. No. 7. Pp. 59–64.
3. Ardashev R.G. Expert analysis of information messages in the media about crimes // Development of expert institutions in the 21st century: theory and practice. Collection of scientific papers of the Third international scientific and practical conference. Irkutsk, 2024. Pp. 186–189.
4. Baev P.A. Civic and national identity of Russians // Sociology. 2023. No. 4. Pp. 69–76.
5. Baev P.A. National Interests of Creative Development of Russian Regions // Creative Strategies and Creative Industries in the Economic, Social and Cultural Spaces of the Region. Proceedings of the V International Scientific and Practical Conference. General editor T. Yu. Falkovskaya. Irkutsk, 2023. Pp. 30–34.
6. Baev P.A. What Russian Youth is Proud of and Ashamed of // Social Consolidation and Social Reproduction of Modern Russian Society: Resources, Problems, Prospects. Proceedings of the X International Scientific and Practical Conference. Irkutsk, 2024. Pp. 129–132.
7. Baev P.A. Economic Well-Being of Youth's Ideological Attitudes // Sociology. 2024. No. 2. Pp. 57–64.

8. Baev P.A. Expert Analysis of Moral Authorities of Modern Youth // *Expert Institutions in the 21st Century: Civilizational and Digital Concepts of a Changing World*. Collection of scientific papers of the Second International Scientific and Practical Conference. Scientific editor T.I. Grabelnykh. Irkutsk, 2023. Pp. 512–515.
9. Drobizheva L.M. Potential for interethnic harmony: Understanding the concept and social practice in Moscow // *Sociological studies*. 2015. No. 11. Pp. 80–90. – URL: https://www.isras.ru/index.php?page_id=2624&jn=socis&jn=socis&jid=5833 (date of access: 12.10.2024).
10. Zavyalov A.V. Adaptation of migrants in the urban environment: New living conditions in old cities // *Urban studies*. 2018. No. 3. Pp. 1–11.
11. Zavyalov A.V. Topical issues of state regulation of social adaptation of migrants // *Public administration. Electronic Bulletin*. 2019. No. 72. Pp. 143–164.
12. Zavyalov AV Virtual image of a migrant // *In search of social truth. Proceedings of the IV International scientific and practical conference*. General editor O.A. Polyushkevich. Irkutsk, 2022. Pp. 261–264.
13. Zavyalov AV Migrant phobia and humanism in migration policy // *Sociodynamics*. 2016. No. 9. Pp. 52–66.
14. Zavyalov AV Migrants in public opinion of residents of the Irkutsk region // *Sociology*. 2018. No. 2. Pp. 104–107.
15. Zavyalov AV Social adaptation of migrants in the context of modern migration policy of Russia // *Scientific opinion*. 2016. No. 13. Pp. 50–58.
16. Zvereva N. Discourses about migrants in the modern Russian press: strategies of the struggle for meaning // *New literary review*. 2014. No. 4. Pp. 88–96.
17. Konstantinov V.V., Osin R.V. Attitude of the host population towards labor migrants: ideas, views, social distance // *Nizhny Novgorod psychological almanac*. 2020. Vol. 1. No. 2. Pp. 152–163.
18. Kosmarskaya N.P. Study of grassroots ideas about migrants in Russia and Europe: methods, concepts, local contexts // *Monitoring public opinion: economic and social changes*. 2022. No. 5. P. 26–48. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.5.2054>.
19. Kosmarskaya N. P., Savin I.S. The attitude of Muscovites towards migrants through the prism of the contact hypothesis // *Ethnographic Review*. 2021. No. 1. P. 94–111. <https://doi.org/10.31857/S086954150013600-0>.
20. Lurye S.V. Interethnic marriages as part of the Soviet state scenario: a sociocultural approach // *Social Sciences and Modernity*. 2018. No. 3. P. 108–121. <https://doi.org/10.7868/S0869049918030085>.
21. Maslodudova N.V. Mental characteristics of modern youth // *Sociology*. 2024. No. 8. Pp. 87–92.
22. Maslodudova N.V. Online dating as an alternative field of the potential marriage market // *Sociology*. 2024. No. 2. Pp. 113–120.
23. Mukomel V.I. Xenophobia and migrant phobias in the context of the culture of trust // *The World of Russia*. 2014. No. 1. Pp. 137–166. – URL: <https://mirros.hse.ru/article/view/4977> (accessed: 12.10.2024).
24. Peshkova V.M. Attitude towards marriages with migrants as an indicator of social interaction and the level of xenophobia (on the example of Moscow) // *Monitoring of public opinion: economic and social changes*. 2023. No. 6. Pp. 171–196. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.6.2476>.
25. Polyushkevich O.A. Modern family history in a digital society and demographic reproduction // *III International Demographic Forum “Demography and Global Challenges”*. Forum Materials. Voronezh, 2024. Pp. 601–604.
26. Polyushkevich O.A. Sociocultural transformation of migrants' worldview // *Culture and explosion: social meanings in a transforming society*. Ministry of Education and Science of the Russian Federation; State Educational Institution of Higher Professional Education “Irkutsk State University”, Institute of Social Sciences. 2010. Pp. 40–46.
27. Skudenkova V.A. COVID-19 in a Series of Epidemics: Migrants in Public Assessments // *Social Consolidation and Social Reproduction of Modern Russian Society: Resources, Problems, and Prospects*. Proceedings of the VII International Scientific and Practical Conference. Irkutsk, 2021. Pp. 388–392.
28. Soroko E.L. Ethnically Mixed Married Couples in the Russian Federation // *Demographic Review*. 2014. Vol. 1. No. 4. Pp. 96–123. <https://doi.org/10.17323/demreview.v1i4.1804>.
29. Tkachenko O.E., Polyushkevich O.A. Migration Mobility: Strength or Weakness of State Development // *Mobility as a Dimension of Soft Power: Theory, Practice, Discourse*. Collection of scientific papers following the First All-Russian scientific and practical youth conference. Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. 2019. pp. 288–298.
30. Topilin A.V. Interethnic families and migration: issues of mutual influence // *Sociological studies*. 1995. No. 7. pp. 76–82.
31. Shchegolkova E. Yu. Interethnic relations in the assessments of Russians: a sociological analysis // *Monitoring public opinion: economic and social changes*. 2020. No. 4. pp. 499–520. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.4.1260>.

Влияние гендерной теории на репродуктивный выбор женщин в Китае

Чжао Ли Цзяфэн,

аспирант, Белорусский государственный университет
E-mail: zhaolijiafeng@gmail.com

Статья исследует влияние гендерной теории на репродуктивный выбор китайских женщин, акцентируя внимание на том, как современные концепции гендерного равенства взаимодействуют с традиционными культурными нормами и влияют на репродуктивную автономию. В центре анализа – напряжение между традиционными ожиданиями, определяющими женщин как главных опекунов семьи в рамках конфуцианских ценностей, и современными идеалами автономии и равенства, которые становятся всё более значимыми в китайском обществе. Используя феминистские теории и теорию семейной структуры, статья рассматривает влияние государственной политики, такой как политика одного и двух детей, на усиление и изменение гендерных ролей. Методология исследования включает качественный анализ, основанный на обзоре литературы и кейсах из городской и сельской местности Китая. Научная новизна исследования заключается в том, что оно предлагает культурно-контекстуализированный анализ применения гендерной теории в незападной стране, выявляя специфические вызовы для женщин Китая в обретении репродуктивной автономии. В заключение отмечается, что гендерная теория способствует расширению репродуктивных прав китайских женщин, но их полная автономия по-прежнему ограничена традиционными нормами и государственными политиками.

Ключевые слова: Гендерная Теория, Репродуктивная Автономия, Женщины Китая, Государственная Политика, Традиционные Гендерные Роли, Феминистская Теория.

Introduction

Gender theory originated from the feminist movements of the mid-20th century, particularly in the West, and developed as a critical response to traditional views on sex and gender. Initially rooted in the distinction between biological sex and socially constructed gender, this theory sought to challenge the binary understanding of gender roles and highlight the ways in which gender is a social construct that influences power relations and individual identity [1]. Over time, gender theory expanded to include the intersectionality of race, class, and sexuality, providing a comprehensive framework for analyzing how these factors shape individuals' experiences. In a global context, gender theory has had a profound impact on the recognition and protection of women's rights, influencing debates about reproductive rights, workplace equality, and bodily autonomy. It has contributed significantly to movements advocating for women's ability to make autonomous choices about their lives, including decisions regarding reproduction.

In China, traditional gender roles have been deeply influenced by Confucianism, which promoted a patriarchal family structure where women were expected to fulfill roles of obedience and caregiving [2]. These traditional views have shaped societal expectations of women, particularly regarding their reproductive responsibilities. With modernization and China's entry into global discourses on gender equality, these roles have been challenged. However, the lingering influence of traditional norms continues to coexist with more modern, egalitarian views. Understanding the specific cultural context of China, where historical, political, and economic factors have shaped unique gender dynamics, is essential for analyzing the ways in which gender theory influences Chinese women's reproductive choices.

This paper aims to explore the influence of gender theory on the reproductive choices of Chinese women. Specifically, it will analyze how gender theory's principles—especially those related to gender equality and individual autonomy—intersect with traditional Chinese norms and the effects of modernization to impact women's decisions regarding childbirth in both rural and urban settings. The study will address how these dynamics have evolved over time, particularly in light of recent changes in social policies and cultural attitudes.

The primary objective of this research is to examine how gender theory has shaped Chinese women's reproductive choices, considering the tension between traditional cultural expectations and modern ideals of autonomy and gender equality. This study will explore

the extent to which gender theory has empowered women to make reproductive choices that reflect their personal desires rather than societal pressures. Additionally, it aims to analyze the broader societal attitudes toward reproductive choices in China and the role that gender equality plays in shaping these attitudes. Through this exploration, the study seeks to uncover the relationship between gender theory, reproductive autonomy, and the changing role of women in contemporary Chinese society.

This study is significant in understanding the evolving identity of Chinese women within the context of a rapidly changing society. By exploring the intersection of gender theory and reproductive choices, this research sheds light on how Chinese women negotiate between traditional gender roles and modern concepts of autonomy and equality. The study contributes to the broader field of gender studies by offering a cultural and contextual analysis of how gender theory impacts reproductive decisions in a non-Western society, providing valuable insights into the specific challenges and opportunities faced by Chinese women. Furthermore, it highlights the role of social policy in either reinforcing or challenging traditional gender norms, which has important implications for gender equality movements and policy development in China.

This research adopts a qualitative methodology, employing a combination of literature review, case studies to examine the impact of gender theory on the reproductive choices of Chinese women. The literature review will focus on existing academic works related to gender theory, reproductive rights, and the historical and cultural background of gender roles in China. This will provide a theoretical foundation for analyzing the intersection of gender theory and reproductive choices. Case studies will be selected from different regions of China, allowing for a comparative analysis of reproductive decisions in urban and rural contexts.

Gender Theory and Reproductive Choice

Gender theory, as a significant framework in social sciences, provides an analytical lens through which the complexities of gender identity, roles, and power relations can be understood. Originating in feminist theory, gender theory challenges traditional binary conceptions of gender, which have historically linked biological sex to fixed roles and behaviors. Key proponents of this theory, such as Judith Butler, argue that gender is performative rather than innate, meaning that gender is not a static trait but is constantly constructed through social interaction and cultural practices [3]. This perspective is crucial in understanding how gender expectations influence individual choices, including reproductive decisions.

In the context of reproductive choices, gender theory posits that societal norms and expectations around femininity and masculinity play a significant role in shaping individuals' decisions about if, when, and how to reproduce. Reproductive behavior is often governed by deeply entrenched gender norms that dictate wom-

en's primary role as mothers and caregivers, while men are expected to take on breadwinner roles. This societal script limits reproductive autonomy by prescribing specific life paths based on gender. For example, women may face pressure to prioritize family and childbearing over career aspirations, while men may feel obligated to delay or forgo involvement in child-rearing to focus on providing financial support. Thus, gender theory highlights the way reproductive choices are not merely personal decisions but are deeply embedded in and constrained by social structures and cultural expectations.

Feminist theory, as a subset of gender theory, offers a critical framework for analyzing the relationship between reproductive autonomy and patriarchal power structures. Feminist scholars such as Simone de Beauvoir and later scholars like Nancy Chodorow emphasize how patriarchal systems control women's bodies and reproductive capacities, often reducing women to their biological functions. This perspective is particularly relevant when discussing reproductive rights and choices, as it underscores the political dimensions of reproduction. Policies such as China's former one-child policy, for instance, reveal the intersection of state power, gender, and reproduction, where women's bodies were directly regulated by state authority in the name of economic and social objectives. Feminist theory critiques these forms of control, advocating for women's reproductive rights and the dismantling of the structures that limit their choices.

Additionally, family structure theories such as Parsons and Bales' structural-functionalism provide another layer of understanding to reproductive choices [4]. According to structural-functionalism, family roles are divided along gender lines to ensure the stability of the family unit. Women are typically assigned the expressive role, which includes caregiving and emotional support, while men are expected to fulfill the instrumental role, involving financial provision. In this model, reproductive decisions are seen as a functional necessity for maintaining the traditional family structure. However, as gender roles evolve due to social changes such as women's increased participation in the workforce and higher levels of education, these traditional family structures and the reproductive choices associated with them have been called into question.

Contemporary gender theorists also integrate intersectionality, a concept introduced by Kimberlé Crenshaw, to highlight how factors such as race, class, and sexual orientation intersect with gender to further complicate reproductive decisions [5]. In China, the intersection of gender with socioeconomic status and regional disparities can significantly influence women's reproductive choices. For instance, women in rural areas may face different reproductive pressures compared to those in urban settings due to varying economic conditions, access to education, and healthcare. Gender theory thus provides a comprehensive framework for examining how various societal factors

intersect to shape reproductive choices in complex ways.

In conclusion, gender theory, through its emphasis on the social construction of gender roles and the power dynamics inherent in these roles, offers a valuable lens for understanding reproductive choices. By analyzing how gender norms and expectations shape reproductive behavior, gender theory allows for a deeper examination of the limitations placed on reproductive autonomy. In the Chinese context, this theory is particularly relevant for understanding how traditional gender roles, state policies, and contemporary social changes intersect to influence women's reproductive decisions. The insights from feminist theory, family structure theory, and intersectionality further enrich this analysis, providing a multifaceted view of the intricate relationship between gender and reproduction.

Traditional Gender Roles and Reproductive Expectations in China

Traditional gender roles in Chinese society have long dictated distinct expectations for men and women, particularly in the realm of family and reproduction. Historically, Confucianism has played a central role in shaping these roles, emphasizing the importance of family continuity, filial piety, and hierarchical gender relationships. Men have traditionally been positioned as the head of the household and the primary breadwinners, while women were expected to assume the roles of caretakers and mothers, with their primary duty being to produce male heirs to continue the family lineage. This deeply entrenched gender division has created societal expectations that place considerable pressure on women to fulfill their reproductive roles, often at the expense of their personal autonomy and aspirations.

The societal and familial regulation of women's reproductive roles is evident in both formal and informal mechanisms. In traditional Chinese families, the concept of "three obediences and four virtues" (三从四德) has been a guiding principle for women's behavior [6]. Women were expected to obey their father before marriage, their husband after marriage, and their son after the husband's death. Reproduction, especially the bearing of sons, was not just a family duty but also a cultural imperative tied to the continuity of the family line. Sons were valued more than daughters due to patrilineal inheritance customs, which reinforced the perception of women as vehicles for continuing the family name rather than as individuals with independent agency. This societal norm placed a significant burden on women, with their social status and worth frequently tied to their ability to produce male offspring.

Moreover, China's reproductive policies in the modern era have had profound implications for gender roles and reproductive expectations. The one-child policy, implemented in 1980 as a population control measure, imposed strict limits on family size. While the policy was applied across the population, the burden

of compliance largely fell on women. Under this policy, women were often subjected to invasive reproductive interventions, such as forced sterilizations and abortions, to meet the state's population goals. This not only reinforced the state's control over women's reproductive rights but also exacerbated traditional gender expectations. The preference for male children, rooted in patriarchal values, led to widespread gender-selective abortions and an imbalanced sex ratio. According to China's 2020 census, there were 34.9 million more men than women in the country, a stark reflection of the deeply ingrained cultural preference for sons, which was perpetuated and intensified by state policy [7].

The relaxation of the one-child policy and the subsequent introduction of the two-child policy in 2016 marked a shift in the state's approach to population control, but traditional gender roles continued to shape reproductive expectations. While the two-child policy allowed families greater reproductive freedom, it also reignited societal pressures on women to balance their roles as mothers and workers. Many women, particularly in urban areas, found themselves facing conflicting expectations: on the one hand, they were encouraged by the state to contribute to the nation's economic development through professional employment, and on the other hand, they were expected to fulfill their traditional roles as mothers by having more children. This dual expectation placed women in a precarious position, as many felt pressured to prioritize family obligations over career development. Human Rights Watch 2021 published a report stating that the Chinese government's two-child policy, implemented since 2016, has led to widespread pregnancy discrimination against working women [8].

The policies and cultural expectations surrounding reproduction have also had a significant impact on gender relations within the family. The two-child policy, for instance, has led to an increased reassertion of traditional gender norms in some households, where the primary responsibility for child-rearing continues to fall on women, even as more women enter the workforce. Despite efforts to promote gender equality, many women in China still face an unequal division of labor at home, which often results in them shouldering the majority of household and childcare duties. This reinforces the traditional perception of women as the primary caretakers and perpetuates the notion that their reproductive and domestic roles should take precedence over their professional ambitions.

Traditional gender roles and reproductive expectations in China are deeply intertwined, influenced by both historical cultural norms and state policies. While modern reproductive policies such as the one-child and two-child policies have altered the landscape of reproductive choices in China, they have also reinforced and, in some cases, intensified traditional gender expectations. Women continue to navigate the complex interplay between societal expectations, family obligations, and personal autonomy, often finding

themselves constrained by deeply rooted cultural and institutional norms. The persistence of these traditional roles highlights the ongoing challenges faced by women in achieving reproductive autonomy and gender equality in contemporary Chinese society.

Contemporary Shifts: Modernization, Education, and Employment

The process of modernization, coupled with advancements in education and shifts in employment opportunities, has led to significant changes in reproductive attitudes among Chinese women. As educational attainment among women has risen steadily in recent decades, there has been a corresponding shift in their views on marriage, family, and reproduction. Higher levels of education have empowered women with greater knowledge, broader worldviews, and increased aspirations for personal and professional development. In contrast to the traditional expectation that women's primary role is as mothers and caregivers, educated women today are more likely to prioritize career advancement and personal fulfillment. This shift is particularly evident in urban areas, where women are increasingly delaying marriage and childbirth in pursuit of higher education and professional success. According to a report by the National Bureau of Statistics, the average age of first-time mothers in China has risen from 26.15 years in 2010 to 27.5 years in 2020, a trend largely attributed to women's pursuit of higher education and career opportunities [9].

Urbanization and modernization have also posed direct challenges to traditional gender roles, as the transition from agrarian to urban lifestyles has necessitated changes in family structures and reproductive expectations. In rural China, where traditional values and the agricultural economy often reinforce the importance of large families, women's reproductive roles were closely tied to maintaining the family workforce. However, as more women have migrated to urban areas for education and employment, their economic independence has increased, allowing them to challenge conventional expectations regarding marriage and reproduction. The pressures of urban living, including high housing costs, job competition, and the rising cost of raising children, have contributed to the growing reluctance of many urban women to conform to traditional reproductive expectations. This shift is particularly pronounced in major metropolitan centers like Beijing and Shanghai, where low birth rates and declining marriage rates reflect the changing priorities of educated, urban women.

The changing social and economic landscape has also fostered a growing sense of reproductive autonomy among Chinese women, as they increasingly assert their right to make decisions about their own bodies. In contrast to previous generations, where family and societal expectations dictated reproductive choices, contemporary Chinese women are more likely to prioritize their own desires and goals when it comes

to having children. This is particularly true for women who have achieved financial independence through education and employment. As feminist theory highlights, autonomy over reproductive decisions is a critical component of gender equality, and this is becoming increasingly evident in China as more women reject traditional pressures to have children in favor of personal agency. For example, recent studies have shown that women with higher levels of education and professional experience are more likely to opt for smaller families or even remain child-free, viewing reproduction as a choice rather than an obligation.

However, this growing sense of autonomy is not without its challenges, as many women still face societal and familial pressures to conform to traditional gender roles. Despite advances in gender equality, women who choose to delay or forgo childbearing are often stigmatized as selfish or unfilial, particularly in the eyes of older generations who continue to value the importance of family continuity. The conflict between traditional expectations and modern aspirations creates a complex dynamic for women navigating their reproductive choices. Nonetheless, the increasing emphasis on individual autonomy and personal fulfillment represents a significant shift in the social landscape, as Chinese women continue to redefine their roles in both the family and society in response to the forces of modernization, education, and employment.

The interplay between modernization, education, and employment has been a driving force behind the changing reproductive attitudes of Chinese women. As women's access to education and professional opportunities expands, so too does their ability to assert greater control over their reproductive decisions. While societal and cultural pressures to adhere to traditional gender roles remain, the growing sense of reproductive autonomy among women reflects the broader shifts taking place in China's social and economic landscape. These changes suggest that the future of reproductive choices in China will continue to evolve, with women playing an increasingly central role in shaping the direction of these developments.

Impact of Gender Theory on Reproductive Autonomy

The impact of gender theory on reproductive autonomy is a critical area of analysis, especially in the context of evolving gender roles in China. Gender theory, with its focus on the social construction of gender identities and the power dynamics embedded within gender relations, offers a profound lens for understanding how societal norms and expectations shape women's reproductive rights and freedoms. One of the central tenets of gender theory is the pursuit of gender equality, which includes the recognition of women's right to make autonomous reproductive choices. This right to reproductive autonomy implies that women should have the freedom to decide when, how, and if they want to have children, without being constrained by traditional gender roles or societal pressures. However, in many

societies, including China, reproductive decisions are often still influenced by deeply entrenched patriarchal values, where women's reproductive choices are viewed not as personal rights but as obligations to fulfill family and societal expectations.

Gender equality, as framed by feminist scholars such as Simone de Beauvoir and Judith Butler, challenges the notion that women's primary function is reproductive. Gender theory advocates for a redefinition of the "female role" within society, where women are not solely valued for their ability to bear children but are recognized as autonomous individuals capable of making decisions independent of societal expectations. This redefinition of gender roles is particularly relevant in the Chinese context, where traditional views of women as mothers and caretakers have historically constrained women's reproductive choices. As gender theory has gained traction in academic and policy discussions, there has been a growing awareness of the need to ensure that women have the right to make informed and autonomous decisions regarding their reproductive health. This shift toward greater reproductive autonomy reflects broader global trends toward gender equality, as articulated by scholars such as Russian sociologist Natalia Rimashevskaya, who has emphasized the importance of women's rights in the development of social policies that promote reproductive freedom and gender equality [10].

The concept of reproductive freedom, central to gender theory, also necessitates a critical examination of the societal structures that shape women's reproductive decisions. In China, as in many other countries, reproductive decisions have historically been influenced by both family and state policies that reflect traditional gender norms. For example, the state's one-child policy, introduced in 1980, placed significant restrictions on reproductive freedom, particularly for women. Although the policy was aimed at controlling population growth, it reinforced traditional patriarchal values by placing the burden of compliance largely on women, who were subjected to forced abortions and sterilizations. Gender theory critiques such policies as manifestations of state control over women's bodies, and feminist scholars have argued for policies that respect and promote women's reproductive autonomy. In contrast, the subsequent shift to the two-child policy in 2016 was partly influenced by gender equality considerations, as it aimed to give women greater freedom in deciding the size of their families. However, as gender theorists like Butler suggest, the mere removal of state-imposed reproductive restrictions does not necessarily translate into reproductive autonomy unless societal expectations around gender and reproduction are also transformed.

Within families, gender theory also highlights how power dynamics between men and women influence reproductive decisions. In patriarchal family structures, men often hold greater decision-making power, which can limit women's reproductive autonomy. In the context of China, the preference for male children has his-

torically influenced reproductive choices, with many women feeling pressured to produce male heirs to satisfy family expectations. This dynamic is not unique to China; Russian scholar Olga Zdravomyslova has written extensively on the intersection of gender, family, and reproduction in post-Soviet societies, highlighting how patriarchal norms continue to shape reproductive decisions in both familial and broader societal contexts [11]. Gender theory emphasizes the need to challenge these patriarchal norms by promoting shared decision-making within families and recognizing women's right to autonomy over their reproductive choices.

Furthermore, the redefinition of the female role in contemporary Chinese society has been influenced by the intersection of gender theory and social policy. As women have gained greater access to education and employment, their roles have expanded beyond the domestic sphere, allowing them to exercise greater agency in reproductive decisions. However, societal expectations around motherhood and family continue to exert pressure on women, particularly in rural areas where traditional values remain strong. The growing discourse around reproductive autonomy, informed by gender theory, seeks to challenge these expectations and promote a more inclusive understanding of women's roles, where reproductive decisions are seen as part of a broader set of life choices available to women.

Gender theory provides a critical framework for understanding the complexities of reproductive autonomy in China. By emphasizing gender equality and challenging traditional gender roles, it advocates for a redefinition of women's reproductive rights, moving away from patriarchal constraints toward a more inclusive and autonomous understanding of reproductive choice. The influence of gender theory on both policy and family dynamics in China continues to shape the evolving discourse on women's reproductive autonomy, as scholars and policymakers alike grapple with the tensions between traditional values and modern aspirations for gender equality [12].

Conclusion

In conclusion, the application of gender theory provides a nuanced understanding of the reproductive choices of Chinese women, revealing how deeply entrenched gender roles and societal expectations continue to influence reproductive autonomy. As highlighted by gender theory, the traditional perception of women as primarily responsible for childbearing persists in both policy frameworks and familial structures, although modernization, education, and urbanization have begun to challenge these conventional roles. Chinese women, particularly in urban areas, are increasingly asserting their reproductive autonomy, making decisions about marriage, childbirth, and family size based on personal aspirations rather than societal pressures. However, the cultural legacy of patriarchal values, as well as the impact of previous state policies such as the one-child policy, continue to

shape reproductive behavior in significant ways. These findings underscore the importance of recognizing how gender norms, reinforced by both cultural traditions and state interventions, influence reproductive choices in contemporary China.

The implications of these findings for Chinese policy and society are profound. From a policy perspective, ensuring reproductive autonomy requires more than simply allowing women greater freedom in reproductive decisions; it necessitates a broader reconfiguration of societal attitudes toward gender and reproduction. Policymakers must continue to promote gender equality not only in the realm of reproductive rights but also in education, employment, and family law, where structural inequalities persist. The transition from the one-child to two-child policy, while offering greater reproductive choice, also highlights the need for policies that support women in balancing their reproductive and professional roles. This includes addressing issues such as workplace discrimination against women with children and ensuring access to affordable child-care. Socially, there must be an ongoing effort to challenge the deeply ingrained expectations that continue to prioritize women's roles as mothers over other aspects of their identities and contributions to society. Gender theory offers valuable insights for crafting policies that support not only reproductive freedom but also broader gender equality.

Future research on gender theory and reproductive choices in China could explore several promising directions. One potential area of investigation is the intersection of gender, class, and region in shaping reproductive autonomy, as rural and urban women often face different sets of pressures and opportunities. Additionally, examining the role of media and public discourse in shaping perceptions of gender and reproductive choices could provide further insight into how societal attitudes evolve. Another avenue for future research is the impact of globalization and transnational influences on reproductive norms in China, especially as Chinese society becomes increasingly exposed to global feminist movements and gender equality discourses. Finally, more empirical research on the lived experiences of Chinese women navigating the intersection of traditional gender expectations and modern aspirations would provide valuable contributions to both academic scholarship and policy development. As China continues to modernize, the complex interplay between gender theory, reproductive choices, and social change will remain a critical area of inquiry.

Литература

1. Гурко Т.А. Социология пола и гендерных отношений // Социология в России. М., 1998. С. 169–194.
2. Ху Ц. Студенческий опыт иностранных студентов из Китая в российских вузах с учетом гендерного аспекта: магистерская диссертация по направлению подготовки: 39.04.01 Социология. 2022.
3. Butler J. Performative acts and gender constitution: An essay in phenomenology and feminist theory // Feminist theory reader. Routledge, 2020. С. 353–361.
4. ROLES S.E.X., CHANGE S. Stratification and Inequality // Introduction to Sociological Theory: Theorists, Concepts, and their Applicability to the Twenty-First Century. 2020. С. 165.
5. Crenshaw K. Demarginalizing the intersection of race and sex: A black feminist critique of antidiscrimination doctrine, feminist theory and antiracist politics // Feminist legal theories. Routledge, 2013. С. 23–51.
6. Нехаева А.В. Гендерное образование в Китайской Народной Республике // Международные отношения в глобальном измерении: сборник научных трудов. Санкт-Петербург: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого», 2023. С. 130–136.
7. China census: millions of 'bare branch' men locked out of marriage face cost of one-child policy [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.scmp.com/news/china/article/3133826/china-census-millions-bare-branch-men-locked-out-marriage-face-cost-one> (дата обращения: 03.10.2024).
8. Human Rights Watch. Take Maternity Leave and You'll Be Replaced [Электронный ресурс]. 2021. – URL: https://www.hrw.org/sites/default/files/media_2021/07/china0621_web_1.pdf (дата обращения: 03.10.2024).
9. 中国人口发展的趋势与影响 [Электронный ресурс]. – URL: https://pdf.dfcfw.com/pdf/H3_AP202302281583854746_1.pdf?1677602983000.pdf (дата обращения: 03.10.2024).
10. Галиакберова Н.Р. Статус и карьера женщины в современном российском обществе // 2003.
11. Здравомыслова О.М. Гендерные аспекты современных российских трансформаций: проблемы методологии исследования: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. 2008.
12. Ханвэй Л. Представления молодежи о браке в феминологии (на примере Китая) // Социология. 2023. № 1. С. 242–248.

THE INFLUENCE OF GENDER THEORY ON REPRODUCTIVE CHOICES AMONG CHINESE WOMEN

Zhao Li Jiafeng
Belarusian State University

This article examines the influence of gender theory on the reproductive choices of Chinese women, focusing on how modern concepts of gender equality interact with traditional cultural norms and impact reproductive autonomy. The analysis explores the tension between traditional expectations that define women as primary caregivers within Confucian values and modern ideals of autonomy and equality, which are becoming increasingly important in Chinese society. Utilizing feminist theories and family structure theory, the ar-

title reviews the influence of state policies, such as the one-child and two-child policies, in reinforcing and reshaping gender roles. The research methodology includes a qualitative analysis based on a literature review and case studies from urban and rural areas in China. The scientific novelty of this study lies in offering a culturally contextualized analysis of gender theory in a non-Western society, highlighting the specific challenges Chinese women face in achieving reproductive autonomy. To sum up, it is noted that while gender theory has helped expand the reproductive rights of Chinese women, their full autonomy remains constrained by traditional norms and state policies.

Keywords: Gender Theory, Reproductive Autonomy, Chinese Women, State Policy, Traditional Gender Roles, Feminist Theory.

References

1. Gurko T.A. Sociology of sex and gender relations // *Sociology in Russia*. Moscow, 1998. Pp. 169–194.
2. Hu Ts. Student experience of foreign students from China in Russian universities taking into account the gender aspect: Master's thesis in the direction of training: 39.04.01 Sociology. 2022.
3. Butler J. Performative acts and gender constitution: An essay in phenomenology and feminist theory // *Feminist theory reader*. Routledge, 2020. Pp. 353–361.
4. ROLES S.E.X., CHANGE S. Stratification and Inequality // *Introduction to Sociological Theory: Theorists, Concepts, and their Applicability to the Twenty-First Century*. 2020. P. 165.
5. Crenshaw K. Demarginalizing the intersection of race and sex: A black feminist critique of antidiscrimination doctrine, feminist theory and antiracist politics // *Feminist legal theories*. Routledge, 2013. P. 23–51.
6. Nekhaeva A.V. Gender education in the People's Republic of China // *International relations in the global dimension: collection of scientific papers*. St. Petersburg: Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University", 2023. P. 130–136.
7. China census: millions of 'bare branch' men locked out of marriage face cost of one-child policy [Electronic resource]. – URL: <https://www.scmp.com/news/china/article/3133826/china-census-millions-bare-branch-men-locked-out-marriage-face-cost-one> (accessed: 03.10.2024).
8. Human Rights Watch. Take Maternity Leave and You'll Be Replaced [Electronic resource]. 2021. – URL: https://www.hrw.org/sites/default/files/media_2021/07/china0621_web_1.pdf (accessed: 03.10.2024).
9. China's Census on Maternity Leave and You'll Be Replaced [Electronic resource]. – URL: https://pdf.dfcfw.com/pdf/H3_AP202302281583854746_1.pdf?1677602983000.pdf (accessed: 03.10.2024).
10. Galiakberova N.R. Status and career of women in modern Russian society // 2003.
11. Zdravomyslova O.M. Gender aspects of modern Russian transformations: problems of research methodology: author's abstract. diss. ... doctor of philosophical sciences. 2008.
12. Hanwei L. Young people's ideas about marriage in feminology (on the example of China) // *Sociology*. 2023. No. 1. P. 242–248.

Парадоксы трудовых ценностей современной молодежи

Баев Павел Анатольевич,

к.с.н., доцент, доцент кафедры социологии и психологии,
Байкальский государственный университет
E-mail: bayev.pa@mail.ru

В статье проводится анализ существующих пяти парадоксов трудовых ценностей современной молодежи. Показывается влияние коллективной памяти и ментальных установок на восприятие труда, работы, карьеры и профессиональной реализации молодого поколения. Анализируются особенности, закономерности и противоречия оценки трудовой и профессиональной деятельности молодежи. На основе проведенного исследования делаются выводы о трансформации смыслов труда и работы, новых условий становления профессионалов и профессионализма.

Ключевые слова: трудовые ценности, молодежь, парадоксы, новые смыслы труда, профессия, работа, социология профессий, экономическая социология.

Прошло более тридцати лет, как наша страна перешла к рыночной экономике. В этих условиях сформировалось уже не одно поколение молодежи, которое обладает своей мотивацией и особой структурой трудовых ценностей. Более того, за эти годы существенно трансформировались внешние условия труда, связанные с процессами виртуализации и цифровизации. Это стало еще одним моментом изменения трудовых ориентаций, мотивов и форм трудовой деятельности.

Трудовые ценности формируются под влиянием:

- традиций и социокультурных особенностей жителей региона;
- коллективной памяти и социальных норм, регулирующих одобряемое поведение;
- стремления к самоопределению и креативному развитию более молодых поколений, в отличие от более старших;
- адаптации к новым условиям научно-технического и социально-экономического развития.

Иными словами, экономические предпосылки являются одним из многих факторов, воздействующих на сознание молодежи, при выборе трудовых мотивов и трудовых траекторий в жизненном самоопределении. Это важный момент для осмысления современных социально-экономических трансформаций и новых условий мировоззренческих ориентиров современников. Это те особенности, которые надо учитывать при анализе существующих трудовых стратегий, изучении рынка труда и управлении трудовыми ориентациями молодежи, через социальную и экономическую политику государства, поддержку молодежных инициатив, молодежного предпринимательства и социально-инновационного моделирования социальными процессами.

С одной стороны, современная молодежь более свободна в выборе трудовых стратегий и жизненных траекторий (И.А. Журавлева [10–12]), с другой – ограничена рамками существующих, пусть и гибких, но социальных ограничений, вызванных существующими рисками мировоззренческих и социально-экономических и политических условий развития. Т.А. Терехова и Л.Г. Гавевская [22] системой смыслообразующей активности личности в контексте метасистемного подхода; Е.А. Трофимов [23] глобализацией рыноч-

ных процессов в трудовой сфере. Это определяет экономические притязания (С.Ю. Барсукова [7]; В.А. Скуденков [19, 20]; В.Г. Былков [9]; Б.Н. Черников [26]) и реальные возможности их удовлетворения в современных реалиях (Р.Г. Ардашев [3–5]; Е.В. Андрианова, В.А. Давыденко, Г.Ф. Ромашкина [1] и А.Н. Тарасова, И.Ф. Печеркина [2]). Одни ученые ставили основные задачи для изучения ориентаций и установок различных социальных групп (И.М. Козина и Е.В. Виноградова [14]), другие сравнивали ценности разных поколений и разных территорий (Н.Н. Зарубина [13], О.А. Полюшкевич [16, 17]), третьи делали акцент на новых условиях формирования трудовой парадигмы (П.А. Баев; О.Н. Баева и В.Н. Елшанская), где мотивации трудовой деятельности отводилась особая роль (Г.П. Бессокирная [8]; А.Л. Темницкий [21]). С.Н. Мозулев, Л.В. Санина и И.С. Шавкунова [15] занимались вопросами равенства возможностей в бизнесе, В.В. Поляков [18] исследованием предпринимательских намерений студенческой молодежи Иркутской области. Е.П. Федорова и Р.Т. Утаралиева [24] внутрифирменной мобильностью на российском рынке труда; Н.С. Фонталова и В.И. Рерке [25] взаимосвязью карьерных ориентаций личности будущего специалиста с их социальной эффективностью.

Этим вопросам уделяло внимание не одно поколение экономистов и социологов, ставящих вопросы о дальнейшем развитии социального пространства. Поэтому, мы ставили перед собой выявление парадоксов трудовых ценностей современно молодежи как возможность уточнения существующих противоречий.

Особенности исследования

Исследование трудовых ценностей проводилось через анкетирование населения различных регионов РФ. Опрос проводился в виде онлайн анкетирования (n = 1200) в возрасте от 18 до 35 лет, 55% женщин и 45% мужчин. Также мы провели шесть фокус-групп. Всего приняло участие 55 человек. В фокус-группах нами уточнялись смысловые показатели трудовых ориентиров и раскрывались особенности терминальных и инструментальных ценностей.

Результаты исследования

Мы выявили, что молодые люди предпочитают разные трудовые стратегии. Для 33% важна «мотивация стабильности», когда гарантированно и планомерно можно получать то, что указано в должностной инструкции, без карьерного роста и особых притязаний. Предполагается официальное трудоустройство желательно на государственных бюджетных предприятиях. Для 30% важна «рыночная мотивация» – получение максимальных, пусть и не стабильных результатов, зависимость от собственных усилий в условиях неопределенности. Ориентир

на создание собственных коммерческих компаний. Для 37% важна возможность самореализации и получения результата через личные знания и навыки, личный бренд, не работая на официальной работе, чаще выступая самозанятым, ориентиром выступает удаленная работа.

Парадокс 1. Пассивность трудовых установок все еще является ключевой характеристикой молодежи. Рыночные условия, виртуализация и цифровизация не искоренила тяги к стабильности и понятности, предсказуемости и практичности (37%). Молодые люди готовы к личной реализации, индивидуальному продвижению, предполагающему личную харизматичность и уникальность (53%), но при этом они не хотят брать ответственность за других (42%), не все готовы создавать рабочие места для других (39%). А также треть молодых людей опирается на стабильность, а не на креативность и необычность проявления образов и форм трудовой креативности (32%).

Это можно объяснить влиянием коллективной памяти и представлений, направленных на сохранение и стабильность того, что есть, а не на то, что можно все бросить и начать сначала, готовность пробовать и экспериментировать, даже не получая желаемого результата. Это как социальная установка, закрепленная на уровне коллективного бессознательного – стабильность важнее проывов.

Парадокс 2. Мотивация «стабильности» занимает стабильные позиции в трудовых ориентирах молодежи. Если родители современных молодых людей только к 40–45 годам стремились к получению стабильности, то современная молодежь уже с 18 лет хотела бы чувствовать гарантии и стабильность. Работа по привычке с молодости указывает на инертность сознания и непринятие происходящих перемен в обществе.

Это объясняется социально-психологической неготовностью преодолевать стеснение, социальные нормы и установки через предъявление себя и умение это отстаивать. Это одно из следствий инфантильности – общего показателя современной молодежи (не желание и не готовность брать на себя ответственность за свою жизнь и жизнь тех, кто находится рядом).

Парадокс 3. Интересная деятельность, увлекательная работа – приоритет для трети молодых людей. Причем это реализуется не в стабильно работающих компаниях, а различных стартапах, краткосрочных бизнес-моделях или формах самопродвижения через личные услуги и индивидуальные продукты (ориентир формирования личного бренда). При этом, работа как форма самореализации важна для всех социальных групп молодежи (48%), хотя стратегии инструментальных ценностей в виде заработка и карьеры выступают более значимыми показателями (68 и 55% соответственно).

Интересная работа – общее желание для молодых людей. Но реально стремиться к ее вопло-

щению готовы только 37%, остальные наедятся на «случай» и «удачу», «если сложится, то будет хорошо» – то есть, они готовы согласиться со сложившимися обстоятельствами и если работа все-таки будет не интересной, они смиряются с этим. Особенно готовы «смириться» с тем как получилось те, кто имеет минимальный доход и отмечает, что денег не хватает на минимальные потребности.

Парадокс 4. Предъявление важности проявления и реализации собственных инициатив не равен их реальному воплощению. То есть идей и готовности их обсуждать (на кухне как было у старших поколений или в социальных сетях как у современных молодых людей) – достаточно, но когда дело доходит до реальных действий – энтузиазм спадает. И это говорит о том, что рассуждать об интересных проектах легче, чем их воплощать в жизнь (как организатора или со-организатора вместе с кем-то). И это готовы делать только треть 29% молодых людей.

Важность ценности инновационности и инициативности не равна ее практическому закреплению. При этом, те, кто не просто рассуждает о важности инициатив, но и работает над их воплощением чувствуют себя более уверенно и испытывают более живой и активный интерес к жизни, готовы больше пробовать и рисковать, чем те, кто опирается на стабильность и предсказуемость в своем развитии.

Парадокс 5. Стабильность работы и перспективы карьеры молодые люди связывают с органами власти и крупными государственными предприятиями, а не с частным сектором, так как сталкиваются с нарушением прав работников, выплатой зарплаты через серые или черные схемы (без выплаты налогов или частичной выплатой с уменьшением доли официальных окладов) – 55%. Это становится негативным фактором в мотивах работы в коммерческом секторе. Но в тоже время, у молодых людей сохраняется интерес возглавить (создать) собственные коммерческие предприятия и реализовывать такую же политику «серых схем» для своих работников.

Парадокс в том, что для себя молодые люди такого не хотят, а для других готовы сами организовать. Это следствие двойной морали и двойных стандартов экономических притязаний, перекося в сложившейся социально-экономической ситуации стране и не совсем «чистых» и морально обоснованных стратегий личной и профессиональной реализации.

Еще один парадокс этой ситуации в том, что предприятий, организованных молодыми людьми не становится больше (стабильно на протяжении последних 15 лет во всех регионах России). Опять же, молодые люди желают и хотят, но не действуют в том направлении, чтобы это стало реальностью. Надежда на «чудо» или «авось» или «само случится» без их инициативы,

а они станут пожинать лавры успеха, опирается на менталитет (Е.В. Палащенко) и социальные притязания и установки в целом россиян (Р.Г. Ардашев).

Учитывая то, что рыночная экономика опирается не на государственный, а на частный сектор предпринимательской деятельности, обозначенные выше парадоксы, заставляют задуматься, насколько развиты условия для рыночной экономики. И то, что мы ей называем, по факту вовсе ей не является, так как не только фактически, но и на уровне представлений и установок у молодых людей нет ни желания, ни понимания вкладывать собственные силы в данные сферы жизни. А те, кто мог и хотел бы не могут быть значимой силой, рычагом, способным изменить социальные установки и ориентиры в социально-экономическом развитии целой страны.

Выводы

Полагаем, что смысловое восстановление трудовых ориентиров и ценности труда как такового может опираться на ориентир интересной работы как ценности для молодых поколений. Чтобы она смогла стать «делом жизни». И это изменило восприятие труда и работы в целом. Но все же, внешние ориентиры на мобильность и изменчивость, необходимость постоянного обучения, порой связанного с изменением сферы и формы деятельности будет способствовать тому, что все больше будет формироваться такой слой молодежи, который нацелен не на труд и профессионализацию в одной сфере, а на множественность стратегий проявления и предъявления в профессиональной нише.

Выявленные нами ценностные представления о труде и работе у молодых людей не означают их обязательного воплощения в жизнь. Разрыв между желаемым и реальным становится не просто формальным показателем, но указывает на ценностный разрыв смыслов труда и трудовой активности, профессионализма и мастерства в своей сфере деятельности и реализации в целом.

Также как и желание руководить собственным бизнесом не подкрепляется реальными действиями по его созданию, проявлению инициативы и инноваций для его развития. Фактически происходит опора на стабильно функционирующие сферы работы – это государственные крупные предприятия и органы власти, коммерческие предприятия не являются приоритетом, если молодые люди их не возглавляют.

Литература

1. Андрианова Е. В., Давыденко В.А., Ромашкина Г.Ф. Модернизация и реиндустриализация: к дискуссии о способах реализации // Философские науки. 2017. № 10. С. 91–94.

2. Андрианова Е. В., Тарасова А.Н., Печеркина И.Ф. Мотивы и трудовые ценности молодежи: парадоксы развития // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 3. С. 324–343. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.3.17>.
3. Ардашев Р.Г. Виртуализация в новых смысловых ориентациях россиян // Глобальные и региональные воздействия в системе современных обществ. Сборник научных трудов. Иркутск, ИГУ, 2021. С. 130–134.
4. Ардашев Р.Г. Изменение сознания в эпоху постпандемического общества // Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений. Материалы VI международной научно-практической интернет-конференции: в 2 ч. Вологодский научный центр Российской академии наук. Вологда, Вол НЦ РАН, 2021. С. 76–79.
5. Ардашев Р.Г. Новые смыслы в сознании молодежи: влияние виртуальности // В поисках социальной истины. Материалы III Международной научно-практической конференции. Иркутск, ИГУ, 2021. С. 152–156.
6. Баева О.Н., Елшанская В.Н. Методические аспекты принятия решения об использовании дистанционной занятости // *Baikal research journal*. 2020. – Т. 11, № 2. С. 10.
7. Барсукова С.Ю. Формальное и неформальное трудоустройство: передоксальное сходство на фоне очевидного различия // Социологические исследования. 2003. № 7. С. 3–15.
8. Бессокирная Г.П. Изменились ли мотивы труда рабочих в постсоветской России? // Социологические исследования. 2017. № 1. С. 94–105.
9. Былков В.Г. Атрибуты потребности в рабочей силе на рынке труда: межрегиональные сравнения (по материалам выборочного обследования Росстата) // Известия Байкальского государственного университета. 2022. Т. 32, № 1.
10. Журавлева И.А. Модернисты и традиционалисты: образовательные траектории российской молодежи // *Alma Mater* (Вестник высшей школы). 2019. № 6. С. 31–34.
11. Журавлева И.А. Ресурсно-образовательный потенциал современной молодежи // Социология. 2020. № 1. С. 279–286.
12. Журавлёва И.А. Социальные рамки образовательных и трудовых перспектив российской молодежи // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке. 2019. № 10. С. 264–274.
13. Зарубина Н.Н. Между этикой убеждения и этикой ответственности? Трансформация нравственной позиции российской молодежи // Социологическая наука и социальная практика. 2013. № 3. С. 92–108.
14. Козина И. М., Виноградова Е.В. Молодые инженеры: трудовые ценности и профессиональная идентичность // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2016. № 1. С. 215–230. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2016.1.08>.
15. Мозулев С.Н., Санина Л.В., Шавкунова И.С. Равенство возможностей в бизнесе: гендерные вызовы и преодоление стереотипов // *Baikal research journal*. 2023. Т. 14. № 2. С. 536–546.
16. Полюшкевич О.А. Формальность доверия и солидарности в нестабильном мире // Социология. 2024. № 2. С. 121–127.
17. Полюшкевич О.А., Иванов Р.В., Борисова Ю.В. Представления о социальной успешности // Социодинамика. 2016. № 10. С. 37–44.
18. Санина Л.В., Мозулев С.Н., Поляков В.В. Исследование предпринимательских намерений студенческой молодежи Иркутской области // *Baikal research journal*. 2022. Т. 13, № 3. С. 39.
19. Скуденков В.А. Трансформация жизненных целей молодежи под влиянием экономических санкций против России // Социология. 2020. № 1. С. 341–344.
20. Скуденков В.А. Экономические притязания в условиях мобилизации // Социология. 2022. № 5. С. 80–87.
21. Тарасова А. Н., Андрианова Е.В. Основные механизмы вовлечения в неформальную занятость различных социально-демографических групп населения // Вестник Тюменского государственного университета. 2017. Т. 3. № 2. С. 53–65.
22. Темницкий А.Л. Самостоятельность в работе как фактор формирования субъектности рабочих России // Социологические исследования. 2011. № 12. С. 35–42.
23. Терехова Т.А., Гаевская Л.Г. Система смыслообразующей активности личности в контексте метасистемного подхода // *Baikal research journal*. 2023. Т. 14. № 2. С. 680–689.
24. Трофимов Е.А. Глобализация рыночных процессов в трудовой сфере // *Baikal research journal*. 2012. № 3. С. 3.
25. Федорова Е.П., Утаралиева Р.Т. Внутрифирменная мобильность на российском рынке труда // *Baikal research journal*. 2017. Т. 8, № 3. С. 12.
26. Фонталова Н.С., Рерке В.И. Взаимосвязь карьерных ориентаций личности будущего специалиста с их социальной эффективностью // *Baikal research journal*. 2015. – Т. 6, № 3. С. 38.
27. Черников Б.Н. Трансформация системы трудовых ценностей в условиях формирования новой парадигмы труда // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2014. № 3 (27). С. 45–51.

PARADOXES OF LABOR VALUES OF MODERN YOUTH

Baev P.A.
Baikal State University

The article analyzes the existing five paradoxes of labor values of modern youth. It shows the influence of collective memory and mental attitudes on the perception of labor, work, career and professional realization of the younger generation. The features, patterns and contradictions of the assessment of labor and professional activity of youth are analyzed. Based on the conducted research, conclusions are made about the transformation of the meanings of labor and work, new conditions for the formation of professionals and professionalism.

Keywords: labor values, youth, paradoxes, new meanings of labor, profession, work, sociology of professions, economic sociology.

References

1. Andrianova E. V., Davydenko V.A., Romashkina G.F. Modernization and reindustrialization: towards a discussion of implementation methods // *Philosophical sciences*. 2017. No. 10. P. 91–94.
2. Andrianova E. V., Tarasova A.N., Pecherkina I.F. Motives and labor values of young people: development paradoxes // *Monitoring public opinion: Economic and social changes*. 2018. No. 3. P. 324–343. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.3.17>.
3. Ardashev R.G. Virtualization in new life-meaning orientations of Russians // *Global and regional impacts in the system of modern societies*. Collection of scientific papers. Irkutsk, Irkutsk State University, 2021. Pp. 130–134.
4. Ardashev R.G. Changes in consciousness in the era of post-pandemic society // *Global challenges and regional development in the mirror of sociological measurements*. Proceedings of the VI international scientific and practical Internet conference: in 2 parts. Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Vologda, Vol NC RAS, 2021. Pp. 76–79.
5. Ardashev R.G. New meanings in the consciousness of young people: the influence of virtuality // *In search of social truth*. Proceedings of the III International scientific and practical conference. Irkutsk, Irkutsk State University, 2021. Pp. 152–156.
6. Baeva O.N., Elshanskaya V.N. Methodological aspects of making a decision on the use of remote employment // *Baikal research journal*. 2020. – Vol. 11, No. 2. P. 10.
7. Barsukova S. Yu. Formal and informal employment: superficial similarity against the background of obvious differences // *Sociological studies*. 2003. No. 7. P. 3–15.
8. Bessokirnaya G.P. Have workers' labor motives changed in post-Soviet Russia? // *Sociological studies*. 2017. No. 1. P. 94–105.
9. Bylkov V.G. Attributes of labor demand in the labor market: interregional comparisons (based on the materials of a sample survey of Rosstat) // *Bulletin of the Baikal State University*. 2022. Vol. 32, No. 1.
10. Zhuravleva I.A. Modernists and Traditionalists: Educational Trajectories of Russian Youth // *Alma Mater (Higher School Bulletin)*. 2019. No. 6. Pp. 31–34.
11. Zhuravleva I.A. Resource and Educational Potential of Modern Youth // *Sociology*. 2020. No. 1. Pp. 279–286.
12. Zhuravleva I.A. Social Framework for Educational and Labor Prospects of Russian Youth // *The Problem of the Relationship between the Natural and the Social in Society and Man*. 2019. No. 10. Pp. 264–274.
13. Zarubina N.N. Between the Ethics of Conviction and the Ethics of Responsibility? Transformation of the Moral Position of Russian Youth // *Sociological Science and Social Practice*. 2013. No. 3. Pp. 92–108.
14. Kozina I. M., Vinogradova E.V. Young engineers: labor values and professional identity // *Monitoring of public opinion: Economic and social changes*. 2016. No. 1. P. 215–230. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2016.1.08>.
15. Mozulev S. N., Sanina L.V., Shavkunova I.S. Equality of opportunity in business: gender challenges and overcoming stereotypes // *Baikal research journal*. 2023. Vol. 14. No. 2. P. 536–546.
16. Polyushkevich O.A. Formality of trust and solidarity in an unstable world // *Sociology*. 2024. No. 2. P. 121–127.
17. Polyushkevich O.A., Ivanov R.V., Borisova Yu.V. Ideas about social success // *Sociodynamics*. 2016. No. 10. Pp. 37–44.
18. Sanina L.V., Mozulev S.N., Polyakov V.V. Study of entrepreneurial intentions of student youth of the Irkutsk region // *Baikal research journal*. 2022. Vol. 13, No. 3. Pp. 39.
19. Skudenkov V.A. Transformation of life goals of young people under the influence of economic sanctions against Russia // *Sociology*. 2020. No. 1. Pp. 341–344.
20. Skudenkov V.A. Economic claims in the context of mobilization // *Sociology*. 2022. No. 5. Pp. 80–87.
21. Tarasova A. N., Andrianova E.V. The main mechanisms of involvement in informal employment of various socio-demographic groups of the population // *Bulletin of the Tyumen State University*. 2017. Vol. 3. No. 2. Pp. 53–65.
22. Temnitsky A.L. Independence at work as a factor in the formation of the subjectivity of workers in Russia // *Sociological studies*. 2011. No. 12. Pp. 35–42.
23. Terekhova T. A., Gaevskaya L.G. The system of meaning-forming activity of the individual in the context of the metasystem approach // *Baikal research journal*. 2023. Vol. 14. No. 2. Pp. 680–689.
24. Trofimov E.A. Globalization of market processes in the labor sphere // *Baikal research journal*. 2012. No. 3. Pp. 3.
25. Fedorova E.P., Utaraliev R.T. Intra-firm mobility in the Russian labor market // *Baikal research journal*. 2017. Vol. 8, No. 3. P. 12.
26. Fontalova N.S., Rerke V.I. The relationship between career orientations of the personality of a future specialist and their social efficiency // *Baikal research journal*. 2015. – Vol. 6, No. 3. P. 38.
27. Chernikov B.N. Transformation of the system of labor values in the context of the formation of a new labor paradigm // *Bulletin of Tomsk State University. Economics*. 2014. No. 3 (27). P. 45–51.

Исследование влияния старения населения на рынок труда Китая и меры реагирования

Ван Юаньсин,

аспирант кафедры современной социологии МГУ
имени М.В. Ломоносова
E-mail: w942208@gmail.com

Согласно международному опыту, старение населения приводит к сокращению численности людей трудоспособного возраста и дефициту рабочей силы. В статье анализируются основные характеристики рынка труда Китая на фоне старения населения, а также исследуется влияние старения населения на рынок труда Китая по следующим аспектам: ускорение старения населения и отрицательный рост численности рабочей силы, недостаточное предложение рабочей силы, поляризация структуры занятости из-за старения и снижение производительности труда и качества предложения рабочей силы. Предлагаются меры для китайского рынка труда с целью противодействия вызовам старения населения: во-первых, необходимо ускорить темпы экономического развития, чтобы обеспечить экономическую поддержку стареющему населению; во-вторых, увеличить инвестиции в человеческий капитал и повысить качество предложения рабочей силы; в-третьих, предложить возможность корректировки установленного пенсионного возраста, чтобы сократить разрыв между спросом и предложением рабочей силы; в-четвертых, активно развивать «серебряную экономику», чтобы смягчить давление старения населения на рынок рабочей силы; в-пятых, создать многообразную модель пенсионного обеспечения, основанную на семейном уходе, ради решения накопившихся проблем.

Ключевые слова: старение населения, рынок труда Китая, предложение рабочей силы, международный опыт.

Введение

На глобальном уровне из-за увеличения ожидаемой продолжительности жизни и снижения рождаемости возрастное распределение населения претерпевает уникальные изменения. Старение населения стало международной проблемой XXI в.

Согласно докладу «Перспективы мирового населения 2022 года» (World Population Prospects 2022), опубликованному ООН и Департаментом по экономическим и социальным вопросам, в 2022 г. в мире насчитывалось 771 млн человек в возрасте 65 лет и старше, и ожидается, что к 2030 г. их число достигнет 994 млн, а к 2050 г. – 1,6 млрд. Число людей в возрасте 80 лет и старше растет еще быстрее. В докладе «Мировой социальный отчет 2023 года», опубликованном ООН 12 января 2024 г., подчеркивается, что к середине века число людей в возрасте 65 лет и старше увеличится более чем вдвое, и для достижения устойчивого будущего необходимо приоритетное внимание к правам и социальному благополучию пожилых людей.

Над способами решения проблемы старения населения размышляют специалисты во всем мире. Китай, население которого составляет почти пятую часть мирового, также сталкивается с углубляющейся проблемой старения населения. Согласно «Годовому отчету о развитии стареющего населения за 2022 год», опубликованному Министерством гражданской администрации Китая, к концу 2022 г. численность пожилого населения Китая в возрасте 60 лет и старше составила 280,04 млн человек, это 19,8% от всего населения; число людей в возрасте 65 лет и старше составило 209,78 млн человек, что составляет 14,9% от общего населения. Коэффициент поддержки пожилого населения в возрасте 65 лет и старше в Китае составляет 21,8%. По прогнозам Всемирного банка, к 2050 г. доля населения Китая в возрасте 65 лет и старше увеличится до 26%. На международном уровне принято считать, что страна или регион считаются стареющим обществом, если доля людей в возрасте 65 лет и старше достигает 7% от общей численности населения. В настоящее время степень старения населения в Китае значительно превышает международные стандарты, и страна сталкивается с серьезными вызовами.

Устойчивый рост стареющего населения может оказать финансовое и социальное влияние на устойчивость систем общественного благо-

состояния по всему миру. По мере того как численность пожилого населения продолжает расти, нагрузка на сокращающееся трудоспособное население также увеличивается. Старение оказывает значительное влияние на предложение рабочей силы. По данным Национального бюро статистики Китая, общая численность рабочей силы Китая снизилась с 1,01 млрд человек в 2013 г. до 965 млн человек в 2021 г. Снижение предложения рабочей силы приводит к росту затрат на рабочую силу, ослабляя сравнительное преимущество Китая, основанное на дешевой рабочей силе. Это создает значительное давление на экономический рост страны в будущем. С момента реформ и открытия Китая страна достигла беспрецедентного экономического чуда, используя преимущество низкой стоимости рабочей силы [Cai, 2022]. Однако с 2010 г. под влиянием снижения рождаемости и увеличения возрастной структуры соотношение спроса и предложения рабочей силы в Китае постепенно изменилось от избытка предложения к структурному и общему дефициту [Li, 2020]. К 2022 г. численность экономически активного населения Китая составляла всего 780 млн человек, что примерно на 20 млн человек меньше, чем пиковое значение в 801 млн человек в 2015 г.

Еще в 1930-х гг. Дж.М. Кейнс (1937) и Э.Х. Хансен (1939) показали, что изменения в возрастной структуре могут привести к снижению производства и совокупного спроса в экономике. Позже К. Бланшар и Д. Куа (1988) показали, что долгосрочный уровень выпуска продукции в экономике зависит от технологических изменений и колебаний в предложении рабочей силы. Когда в экономике наблюдаются признаки старения рабочей силы и сокращения ее предложения, это приводит к дефициту рабочей силы, росту затрат на заботу о пожилых людях и уход за ними, снижению уровня потребления товаров и услуг, увеличению налоговой нагрузки и сокращению темпов экономического роста. Предвидение рисков и вызовов, связанных со старением возрастной структуры общества, поиск новых решений, лучших практик и примеров действий, исследование того, как Китай может реагировать на вызовы предложения рабочей силы, имеют как теоретическое, так и практическое значение. Устойчивый рост количества стареющего населения приведет к нестабильности на рынке труда, и в такой стране, как Китай, сильно зависящей от трудоемких отраслей, это окажет глубокое влияние на социально-экономические процессы. В этой связи в данной статье будет предпринята попытка рассмотреть следующие аспекты указанной проблемы: отрицательный рост численности рабочей силы, изменения в предложении рабочей силы на фоне старения населения Китая, поляризующий эффект старения на структуру занятости рабочей силы и уроки, извлеченные из стратегий и мер развитых стран по активному реагированию на старение населения. Предполагается, что это

может помочь привлечь внимание научного сообщества и политиков к данной проблеме, а также способствовать реализации национальной стратегии Китая по активному реагированию на старение населения через построение системы политики старения и ее практического применения.

Старение населения и недостаточное предложение рабочей силы

Китайская экономика характеризуется типичной дуалистической структурой, имеются в виду различия между городом и деревней. С момента реформ и открытия страны наблюдается устойчивый высокий экономический рост, который в значительной степени был обусловлен перемещением избыточной рабочей силы из сельских районов в города и несельскохозяйственные отрасли. После 2010 г. структура спроса и предложения рабочей силы в Китае претерпела кардинальные изменения: произошел переход от избытка предложения рабочей силы в прошлом к общему балансу спроса и предложения на рынке рабочей силы с дефицитом структурного предложения, который постепенно превращается в недостаток общего предложения рабочей силы.

С увеличением доли пожилого населения и продолжительностью снижением рождаемости структура населения Китая начала меняться, и страна столкнулась с двумя важными переломными моментами: во-первых, отрицательный рост численности трудоспособного населения приводит к снижению потенциальных темпов роста со стороны предложения; во-вторых, отрицательный рост общей численности населения приводит к снижению потенциальных темпов роста со стороны спроса на рынке труда. Одновременно с уменьшением численности трудоспособного населения происходит снижение уровня участия граждан на рынке труда, что в итоге приводит к нехватке рабочей силы. По мере углубления процессов старения населения потенциальное и фактическое предложение рабочей силы также будет уменьшаться [Hu, 2019]. Следует отметить, что если уровень спроса на рабочую силу снижается, а скорость сокращения предложения рабочей силы все выше, то это в долгосрочной перспективе приведет к несоответствию между спросом и предложением и, как следствие, к долгосрочной нехватке рабочей силы [Tong et al., 2021]. Кроме уменьшения численности трудоспособного населения старение населения приведет к снижению уровня участия в трудовых отношениях. Уход пожилого населения с рынка труда отрицательно влияет на уровень участия граждан в экономике, а также снижает уровень участия в социально-экономических отношениях трудоспособного населения и семей, это связано с обязанностями по уходу за пожилыми членами семьи.

Уровень участия граждан на рынке труда в Китае в 1983 г. был на пике – 83%, после чего он по-

стоянно снижался: до 77,22% в 2000 г., до 70,97% в 2010 г. и до 68,72% в 2018 г. Основной причиной постоянного снижения уровня участия в рынке труда является старение населения. Согласно данным седьмой переписи населения Китая, доля трудоспособного населения в возрасте 15–59 лет снизилась с 70,14% в 2000 г. до 63,35% в 2020 г. Доля пожилого населения в возрасте 60 лет и старше увеличилась с 10% в 2000 г. до 18,7% в 2020 г. Доля населения в возрасте 65 лет и старше выросла с примерно 7% в 2000 г. до 13,50% в 2020 г. Скорость роста численности населения в возрасте 65 лет и старше увеличилась с 2,76% в 2000 г. до 6,06% в 2018 г. По прогнозам ООН, в период с 2020 по 2035 г. Китай будет находиться в фазе ускоренного роста численности пожилого населения и сокращения рабочей силы. Процесс старения населения с точки зрения возрастной структуры населения – это процесс постоянного превращения трудоспособного населения в нетрудоспособное, что является одной из причин отрицательного роста численности рабочей силы.

Данные пятой и шестой национальных переписей показывают, что уровень участия в трудовых отношениях среди различных возрастных групп в Китае снизился в разной степени. Наиболее значительное снижение наблюдается в возрастных группах 16–19 лет и 20–24 года. Важным фактором является увеличение числа поступивших в средние профессиональные учебные заведения и вузы на 4,598 млн и 4,411 млн человек соответственно. В то же время число поступивших в аспирантуру увеличилось на 409,7 тыс. человек. Число неэкономически активного населения в возрасте 16–24 лет увеличилось с 4,1884 млн до 8,1283 млн человек (на 3,9399 миллиона человек больше). Расширение масштабов высшего образования полностью охватило увеличение неэкономически активного населения. После 2010 г. масштабы приема в аспирантуру и вузы продолжали расти: в 2018 г. по сравнению с 2010 г. увеличились на 319,8 тысяч и 1,2924 млн человек соответственно. Однако количество поступающих в средние профессиональные учебные заведения значительно сократилось: в 2018 г. по сравнению с 2010 г. на 3,1109 млн человек. Учитывая, что доля населения в возрастных группах 15–19 лет и 20–24 года продолжает снижаться, уменьшившись с 7,02 и 9,48% в 2011 г. до 5,09 и 5,95% в 2018 г., расширение масштабов приема в университеты и аспирантуру неизбежно приведет к дальнейшему снижению уровня участия в экономике этих возрастных групп, что станет важным фактором снижения уровня участия на рынке труда всего населения после 2010 г.

Снижение желания работать среди трудоспособного населения также является важным фактором снижения уровня участия на рынке труда в Китае. В настоящее время недостаточно исследований по вопросу снижения желания работать.

Данные переписей населения 2000 и 2010 гг. показывают, что снижение уровня участия граждан на рынке труда среди населения в возрасте 25–64 лет было незначительным, но в среднем также составило немалые 3,74%. Учитывая, что с 2000 г. избыток рабочей силы постепенно уменьшается, уровень безработицы недостаточен для объяснения тенденции снижения активности на рынке труда. Скорее всего, его основная причина – повышение требований работников к качеству занятости после повышения уровня доходов. Снижение уровня участия граждан как источника рабочей силы в экономике среди пожилых людей в возрасте 65 лет и старше более значительное, и основными причинами этого процесса является улучшение системы социального обеспечения и повышение уровня пенсий.

Старение населения, производительность труда и качество предложения рабочей силы

Старение населения и производительность труда

Производительность труда является ключевым элементом высокоэффективного экономического развития, а рабочие предприятия – основным носителем повышения производительности труда. Согласно теории человеческого капитала, с одной стороны, по мере старения индивида физические и умственные способности снижаются, уровень человеческого капитала также постепенно обесценивается и уменьшается количество возможностей для обучения на рабочем месте после достижения определенного возраста. В результате производительность труда предприятий снижается с процессом старения рабочей силы. С другой стороны, старение приводит к накоплению опыта, создавая эффект «обучения в процессе работы», и под воздействием соответствующих общественных решений производительность труда предприятий может повышаться по мере старения рабочей силы. Таким образом, связь между старением рабочей силы и производительностью труда предприятий является неопределенной, и соответствующие эмпирические исследования подтверждают эту точку зрения.

На основе базы данных китайских промышленных предприятий автором настоящей работы был проведен эмпирический анализ влияния старения рабочей силы на производительность труда предприятий. Исследование показало, что старение рабочей силы (через инновационные инвестиции и повышение квалификации работников) оказывает положительное влияние на производительность труда предприятий в краткосрочной перспективе, и негативное (через затраты на рабочую силу) – в долгосрочной. Краткосрочное влияние старения рабочей силы на производительность труда предприятий существенно различается. Чэн Цянь и Лу Цзе Хуа [Cheng, Lu, 2024] на основе па-

нельных данных городов Китая за период с 2000 по 2020 г. и с использованием модели длительных различий провели эмпирический анализ влияния старения рабочей силы на производительность труда. Исследование показало, что между старением рабочей силы и производительностью труда существует отрицательная корреляция. Дополнительный анализ показал, что технологический прогресс, повышение профессиональных навыков, инвестиции в общественные финансы и другие формы социальной политики могут эффективно снижать негативное влияние старения рабочей силы на производительность труда.

Тан Дань [Tang, 2024] использовал данные шестой и седьмой переписей населения Китая для исследования влияния возрастной структуры работников в сфере услуг на производительность труда и уровень заработной платы. Исследование показало, что влияние доли работников разных возрастных групп на производительность труда и уровень заработной платы варьируется. Общее количество работников оказывает отрицательное влияние на производительность труда, доля работников в возрастных группах 16–24 года, 25–34 года и 45–54 года оказывает положительное влияние на производительность труда, а доля работников в возрастных группах 55–64 года и 65–74 года оказывает, соответственно, отрицательное и положительное влияние. Количество работников и доля работников каждой возрастной группы оказывают положительное влияние на уровень заработной платы.

Старение населения и качество предложения рабочей силы

Большинство ученых считает, что увеличение возраста рабочих сдерживает устойчивый рост производительности и, следовательно, ограничивает развитие социальной и экономической сфер. Производительность труда пожилых работников ниже, чем у молодых работников, по четырем основным причинам.

Во-первых, физическое состояние пожилых работников уступает физическому состоянию молодых, особенно в трудоемких отраслях, в которых рабочая эффективность пожилых работников значительно ниже. Во-вторых, из-за ухудшения физического состояния пожилые работники чаще берут отпуска по болезни, что сокращает время, посвященное работе, и снижает общий объем производительности. В-третьих, способности к обучению у пожилых работников ниже, чем у молодых. В-четвертых, старение рабочей силы приведет к изменениям в возрастной структуре рабочей силы Китая, что неизбежно повлияет на успешную реализацию структурных преобразований в промышленности и в конечном итоге на повышение производительности труда.

Поляризационный эффект старения населения на структуру занятости рабочей силы

Итак, старение населения влияет на экономический рост страны, структуру промышленности, технологический прогресс и межпоколенческие отношения. В свою очередь экономический рост, структура промышленности, технологический прогресс и межпоколенческие отношения неизбежно влияют на структуру занятости граждан. Таким образом, между старением населения и структурой занятости может существовать тесная связь. Быстрое старение населения и поляризация структуры занятости работников не являются независимыми демографическими и экономическими явлениями. В развитых странах в 1990-х гг. постепенно появилась поляризация занятости и этому сопутствовал ускоряющийся процесс старения населения [Zhang, 2021]. Аналогично и в Китае структура занятости непрерывно адаптируется и изменяется в связи со старением населения. Многие исследования показывают, что в Китае также наблюдается поляризация занятости в экономике [Lü, Zhang, 2015; Zhao et al., 2023].

Термин «двусторонняя поляризация занятости» используется для описания изменений в структуре занятости по уровню навыков, при которых наблюдается относительное расширение высоко- и низкоквалифицированной занятости на обоих концах шкалы навыков и относительное сокращение занятости средней квалификации. Это выражается в U-образной структуре занятости, при которой доля занятости на обоих концах увеличивается, а в середине – уменьшается. Если же наблюдается только тенденция к увеличению доли занятости высоко- или низкоквалифицированной рабочей силы, а доля занятости средней квалификации снижается, это называется «односторонней поляризацией занятости».

Население является одновременно и производителем, и потребителем. С одной стороны, старение населения приводит к изменениям в количестве и качестве предложения рабочей силы, вызывая эффект замещения занятости. С другой стороны, старение населения вызывает изменения в сберегательном и потребительском поведении граждан, создавая эффект создания занятости. Таким образом, старение населения через эффекты замещения и создания занятости влияет на структуру занятости рабочей силы, что может приводить к двусторонней или односторонней поляризации занятости.

Что касается объяснения причин поляризации занятости рабочей силы, то существующие исследования предлагают несколько ключевых взглядов, большинство из которых сосредоточены на проблеме направленного технического прогресса. Технический прогресс, ориентированный на использование высоких технологий, приводит к увеличению спроса на высококвалифицированную рабочую силу и снижению спроса на рабочую

силу средней квалификации, вынуждая представителей последней переходить в низкоквалифицированные отрасли. Во-первых, старение населения увеличивает спрос на персональные услуги, что ведет к увеличению занятости в низкооплачиваемых профессиях [Moreno-Galbis, Sopraseduth, 2014]. Во-вторых, как утверждает П. Прензель [Prenzel, 2021], старение населения влияет на миграцию высококвалифицированных работников, что, в свою очередь, влияет на структуру занятости в различных регионах. С учетом технического прогресса старение населения способствует более широкому использованию автоматизации на уровне государства или предприятий [Acemoglu, Restrepo, 2022], что усиливает оптимизацию и модернизацию структуры занятости [Cai, 2016]. Развитие внешней торговли также играет свою роль в поляризации занятости. В развитых странах это приводит к расширению рынка высокотехнологичных продуктов и стимулирует компании к разработке технологий, увеличивая спрос на высококвалифицированную рабочую силу. Одновременно импорт средне- и низкотехнологичных товаров из развивающихся стран наносит удар по внутренним отраслям, что приводит к сокращению рабочих мест для работников со средней и низкой квалификацией [Lindsay, 2014]. Для таких развивающихся стран, как Китай, открытие торговли через рыночную конкуренцию заставляет предприятия повышать премию за высококвалифицированную занятость, увеличивая спрос на высококвалифицированную рабочую силу [Sheng, Niu, 2009; Lü, Zhang, 2015]. Кроме того, такие факторы, как структура промышленности [Tang, Jiang, 2022], экономические циклы [Nir, Siu, 2012] и рыночные реформы [Yang, 2017], также являются причинами поляризации занятости рабочей силы. Эти факторы воздействуют на направленный технический прогресс, повышая разницу в заработной плате между высоко- и низкоквалифицированной рабочей силой (премия за квалификацию), что в свою очередь приводит к поляризации занятости.

С одной стороны, число исследований, объясняющих поляризацию занятости с точки зрения старения населения, относительно ограничено. Старение населения через эффекты спроса, производительности и принуждение предприятий к изменению способов производства способствовало структурной модернизации китайского сектора услуг. Однако существующая литература не упоминает о его влиянии на структуру занятости рабочей силы. С другой стороны, большинство исследований объясняет формирование поляризации занятости с точки зрения спроса на рабочую силу. Предложение рабочей силы, безусловно, также является важным фактором, влияющим на изменение структуры занятости, но некоторые ученые игнорируют влияние его масштабов и структуры на поляризацию занятости. Кроме того, учитывая неравномерность уровня старения населения

и экономического развития в различных регионах Китая, существующие сравнительные исследования, касающиеся восточных, центральных и западных регионов, являются достаточно упрощенными. Данное же исследование объясняет причины поляризации структуры занятости рабочей силы с точки зрения возрастной структуры населения и рассматривает механизмы спроса и предложения, влияющие на структуру занятости рабочей силы в условиях старения населения. Это помогает понять тенденцию адаптации эффекта поляризации занятости рабочей силы в условиях старения населения по мере повышения уровня экономического развития страны. Конкретные механизмы влияния рассмотрим далее.

Механизмы влияния старения населения на структуру занятости рабочей силы: измерение предложения

Ускоренные темпы старения населения приводят к росту затрат на рабочую силу и через механизм принуждения ускоряют развитие технологий искусственного интеллекта в производстве, заменяющих ручной труд автоматизированным, тем самым изменяя структуру занятости рабочей силы. Как отмечает Тун Юйфэнь, старение населения в Китае приводит к сокращению числа трудоспособного населения, особенно молодежи, что увеличивает затраты на рабочую силу. Это в свою очередь ускоряет внедрение интеллектуальных технологий в трудоемкие отрасли для замены многих рутинных рабочих задач и позиций, подверженных автоматизации [Tong, 2014]. Старение способствует переходу трудоемких отраслей к капиталоемким и технологически насыщенным отраслям. Чем выше степень старения населения в стране, тем раньше и в большем объеме промышленность этой страны начинает использовать роботов и другие автоматизированные технологии в производственной деятельности. Старение способствует увеличению спроса на высококвалифицированную рабочую силу и снижению спроса на рабочую силу средней и низкой квалификации, что приводит к увеличению разрыва в заработной плате между этими группами и вытеснению низкоквалифицированной и средней рабочей силы с рынка труда.

Кроме того, усиление процесса старения населения означает, что на микроуровне в семьях будет меньше детей, и акцент будет делаться на качество воспитания детей. Значительное повышение доходов населения приведет к тому, что качество инвестиций в образование детей будет выше, чем количество детей, что значительно повысит инвестиции в образование детей [Yang, Yan, 2017]. В результате общий уровень образования в обществе будет продолжать расти, а предложение высококвалифицированной рабочей силы увеличится. Усиление старения также означает большую

ожидаемую продолжительность жизни, что побуждает людей готовить достаточные сбережения на старость, создавая так называемое «жизненное богатство» [Mason, Lee, 2006]. Особенно на начальном этапе старения, если существует эффект превентивных сбережений, это может значительно увеличить частные сбережения и общий объем социального капитала, стимулируя постепенный рост инвестиций в предприятия и общество. Это приведет к быстрому развитию капиталоемких отраслей, которые обладают меньшей способностью поглощать рабочую силу низкой и средней квалификации по сравнению с трудоемкими отраслями [Zheng, Pi, 2017]. Таким образом, занятость рабочей силы низкой и средней квалификации будет постепенно сокращаться.

Механизмы влияния старения населения на структуру занятости рабочей силы: измерение спроса

Усиление старения населения приводит к смещению семейных потребительских ресурсов в сторону пожилого населения, увеличению расходов на уход, медицинское обслуживание, услуги по уходу и инфраструктуру для пожилых людей. Это способствует развитию «серебряной экономики» и созданию новых моделей и форм стареющих отраслей, что создает множество новых рабочих мест в таких сферах, как уход за пожилыми, здравоохранение для пожилых и медицинское обслуживание возрастных заболеваний. Эти отрасли непосредственно создают много новых рабочих мест, таких как домашний уход за пожилыми и в целом уход за людьми пожилого возраста. Активное противодействие старению населения и забота о здоровье пожилых людей, а также создание систем ухода, включая долгосрочный уход, становятся базовыми потребностями пожилых людей. Усиление старения населения порождает спрос на низкоквалифицированные рабочие места, которые трудно заменить автоматизированными системами, что относится к трудоемкой занятости. Например, в китайских «Национальных профессиональных стандартах для работников по уходу за пожилыми (редакция 2019 года)» требования к уровню образования работников по уходу за пожилыми были снижены с «выпускников средней школы» до «без требований к образованию», а основное внимание было уделено проверке базовых навыков и знаний, необходимых для этой профессии.

Стоимость найма рабочей силы средней квалификации выше, чем низкоквалифицированной рабочей силы, которая вытесняет рабочую силу средней квалификации или заставляет ее переходить в низкоквалифицированные отрасли. Кроме того, по мере перехода общества от стареющего к стареющему в ускоренном темпе и повышения уровня экономического развития спрос на услуги для пожилых людей трансформируется и обнов-

ляется в сторону производственных услуг. Однако способность производственных услуг поглощать низкоквалифицированную рабочую силу снижается. Например, значительная часть спроса пожилых людей связана с основным питанием и профилактикой иммунных заболеваний, что относится к капиталоемким и технологически насыщенным отраслям, которые традиционные отрасли для пожилых не могут удовлетворить. Эти преобразования побуждают предприятия выбирать высококвалифицированную рабочую силу, т.е. таких рабочих, как научные сотрудники и дизайнеры, увеличивая спрос на высококвалифицированную рабочую силу.

Гетерогенность «двусторонней поляризации» занятости рабочей силы

В регионах Китая с высоким уровнем экономического развития наблюдается высокий уровень старения населения. С усилением процесса старения населения в глобальном экономическом развитии и мировой торговле дефицит рабочей силы и рост затрат на рабочую силу вынуждают предприятия инвестировать больше средств в НИОКР и технологические инновации для повышения конкурентоспособности, что, в свою очередь, способствует модернизации структуры занятости. Сокращение притока молодых трудоспособных людей усиливает положительный эффект старения населения на модернизацию структуры занятости в этих регионах. Кроме того в этих регионах уровень доходов домохозяйств и размер пенсионных выплат выше. Более распространена структура семей типа «четыре пожилых человека – одна пара – один ребенок», в которых пожилые потребители имеют большую необходимость в рыночном потреблении, а экономические ресурсы семьи направлены на удовлетворение потребностей пожилых людей. Это в конечном итоге приводит к большему спросу на высококвалифицированные и низкоквалифицированные рабочие места в регионах с высоким уровнем экономического развития. Напротив, в регионах с относительно низким уровнем экономического развития, где наблюдается значительный отток молодых трудоспособных людей, процесс старения населения идет быстрее, и характерен феномен «старения до обогащения». В этих регионах не только медленно происходит модернизация и адаптация структуры промышленности, но и отстает развитие современных услуг и высокотехнологичных отраслей. Поэтому спрос на высококвалифицированные рабочие места относительно низок. В то же время доля пожилых с высоким уровнем доходов меньше, а средний уровень пенсионного обеспечения ниже, чем в регионах с высоким уровнем экономического развития. Хотя потенциал рынка услуг для пожилых людей в экономически менее развитых регионах велик, реальный эффективный спрос ограничен,

что препятствует развитию отраслей экономики, связанных со старением населения.

Рекомендации по решению проблемы старения населения в Китае

В настоящее время Китай находится на решающем этапе экономических и социальных преобразований. Ускоренные темпы старения населения сочетаются с ускоренной индустриализацией, урбанизацией и модернизацией, а также увеличением разрывов между городом и деревней, регионами и уровнями доходов. Неблагоприятное влияние старения населения на экономический рост очевидно. Без институциональных реформ, направленных на устранение этих последствий, негативные эффекты старения, не сопровождаемого достаточным уровнем богатства, могут в скором времени проявиться в полной мере, что приведет к тому, что экономика Китая «перестанет быть богатой» и в конечном итоге попадет в «ловушку среднего дохода».

Чтобы снизить риски недостатка предложения рабочей силы и усиления социальной нагрузки на пенсионную систему в будущем, на Пятом пленуме 18-го ЦК КПК в октябре 2015 г. было принято решение о реализации политики «двух детей», что должно смягчить усугубляющуюся проблему старения. Однако Китай по-прежнему остается страной с наибольшим абсолютным числом пожилых людей в мире, что приводит к сложным проблемам, с которыми не сталкивались другие страны. Китайскому правительству необходимо увеличить инвестиции в человеческие ресурсы и на основе политики «двух детей» реформировать и совершенствовать соответствующие системы, опираясь на международный опыт, чтобы достичь устойчивого равновесия между изменениями демографической структуры, предложением рабочей силы, модернизацией промышленной структуры и экономическим ростом.

Ускорение экономического развития для обеспечения экономической поддержки старения населения

Опыт развитых стран показывает, что обеспечение пожилого населения требует прочной экономической основы и богатых социальных ресурсов. Одной из наиболее эффективных мер решения проблемы старения населения является достижение устойчивого экономического развития. Для Китая в условиях сокращения рабочей силы и снижения рождаемости исчезновение демографического дивиденда является неоспоримым фактом. В будущем необходимо, с одной стороны, максимально использовать оставшийся период демографического дивиденда для активного развития экономики, повышения производительности труда и качества экономического развития; с другой стороны, ускорить модернизацию

промышленной структуры и переход к технологически интенсивным отраслям, уменьшая долю трудоемких отраслей в экономике Китая, чтобы повысить общую конкурентоспособность страны и избежать низкоуровневой специализации и «ловушки сравнительных преимуществ». Это поможет смягчить дефицит предложения рабочей силы, вызванный старением населения и заложить прочную экономическую основу для полного вступления Китая в общество старения, снижая экономическое давление, вызванное старением населения.

Увеличение инвестиций в человеческий капитал и повышение качества предложения рабочей силы

С целью решения проблемы недостатка предложения рабочей силы и низкого уровня участия в рабочей силе необходимо принимать меры, направленные на смягчение влияния старения населения на экономическое развитие: увеличить рождаемость, повысить уровень участия в рабочей силе, увеличить эффективное предложение рабочей силы с целью компенсации негативных последствий исчезающего демографического дивиденда, повысить качество предложения рабочей силы путем улучшения инвестиций в человеческий капитал, компенсируя количественные недостатки повышением качества рабочей силы. Реформы в системе образования и профессионального обучения должны быть направлены на увеличение инвестиций в человеческий капитал и повышение качества обучения и подготовки. Кроме того, можно увеличивать инвестиции в человеческий капитал экстенсивным способом, продлевая обязательное образование до уровня средней школы, что является оперативной мерой, отвечающей изменениям на рынке труда. Необходимо также стимулировать конкуренцию и гибкость на рынке труда, создавая безопасную и эффективную систему регулирования рынка труда.

Корректировка пенсионного возраста для уменьшения дефицита предложения рабочей силы

Необходимо осознать и максимально использовать ценность пожилого населения как важного человеческого ресурса. Пожилые люди являются важной частью общества и значительной силой в его развитии и строительстве, обладая богатым опытом и знаниями. Поэтому важно осознать их потенциал, своевременно корректировать возрастные границы для пожилых людей и соответствующих законов, стимулируя продолжение ими трудовой деятельности и участие в общественном строительстве. Опыт международного демографического старения показывает, что продление пенсионного возраста является общепринятым методом смягчения последствий старения населения. Китай может применять

различные меры в зависимости от национальных условий. Во-первых, можно рассмотреть постепенное повышение пенсионного возраста, увеличивая его на один год каждые 2–3 года. Во-вторых, можно начинать с восточных прибрежных районов и постепенно переходить к центральным и западным регионам, с более развитых областей – к менее развитым. Также можно разрабатывать различные планы продления пенсионного возраста для различных отраслей, увеличивая пенсионный возраст и порог для получения пенсий. Для таких отраслей, как медицина, образование, наука и государственное управление, в которых самым ценным ресурсом является опыт, можно расширить пенсионный возраст. В отраслях, в которых производительность снижается с возрастом, таких как производство и строительство, можно сохранить текущий пенсионный возраст.

Активное развитие «серебряной экономики» ради снижения давления со стороны старения населения

Активное развитие «серебряной экономики» и максимальное использование потенциала индустрии, связанной со старением, помогут снизить социально-экономическое давление, вызванное старением населения Китая. По оценкам Министерства гражданских дел, к 2020 г. потенциальный рынок услуг по уходу за пожилыми людьми и бытовому обслуживанию в Китае превысит 500 млрд юаней, создав более 7,1 млн новых рабочих мест. Следует осуществлять структурные изменения в отраслях в соответствии с тенденцией старения населения, удовлетворяя как материальные, так и духовные потребности пожилых людей. С целью решения проблемы низкого уровня индустриализации услуг для пожилых людей в Китае правительство должно проводить исследования и развивать такие отрасли, как биомедицина, дома престарелых, образование и туризм для пожилых, культура и одежда для пожилых. Используя рыночные механизмы, следует упрощать процедуры утверждения проектов «серебряной экономики», внедрять налоговые льготы и поддерживать развитие благотворительных услуг для пожилых людей. Многоуровневое и многоканальное финансирование развития индустрии для пожилых людей, поощрение частных инвестиций в этот сектор могут помочь снизить экономическое давление от старения населения и создать новые точки экономического роста.

Создание многоуровневой модели ухода за пожилыми людьми с акцентом на семейный уход с целью решения текущих проблем

Для лучшего реагирования на вызовы старения населения наряду с совершенствованием системы медицинского страхования пожилых людей не-

обходимо также улучшить систему социального обеспечения пожилых, чтобы общественный уход за пожилыми людьми стал полезным дополнением к семейному уходу. Следует учитывать в том числе активное развитие общественных организаций, предоставляющих услуги пожилым. В Китае в настоящее время эти организации находятся на начальной стадии развития и требуют государственной поддержки ради быстрого роста. Необходимо создать правовые и институциональные условия для их развития, чтобы они могли эффективно участвовать в оказании социальных услуг пожилым людям и стать важной силой в решении проблемы старения населения. Услуги для пожилых могут быть предоставлены и тем, кто только приближается к пенсионному возрасту. Такими услугами могут стать услуги в области страхования, финансового планирования, жилья и здоровья, помогающие людям подготовиться к старости.

Использование преимуществ общинных услуг для пожилых людей

Одной из инноваций в системе социального ухода в Китае является использование общин в качестве основы для продвижения ухода за пожилыми людьми на дому. Это важная мера, соответствующая специфике Китая и требованию создания многоуровневой системы ухода за пожилыми людьми, основанной на семейном уходе, поддержке общин и помощи со стороны учреждений. Общинные службы могут эффективно использовать имеющиеся ресурсы, а пожилые люди могут наслаждаться старостью в знакомой им среде.

Заключение

В целом, старение населения является неизбежной и реальной социальной проблемой, с которой сталкивается Китай. В условиях низких темпов роста населения и высоких темпов старения противоречие между предложением и спросом на рабочую силу станет еще более явным. В докладе XIX съезда КПК четко указано, что необходимо «устранить институциональные и механические барьеры, препятствующие социальной мобильности рабочей силы и талантов» ради «достижения более качественной и полной занятости», что указывает путь сглаживания противоречий между предложением и спросом на рабочую силу. В период 14-й пятилетки необходимо максимально использовать направляющую роль правительства и определяющую роль рынка в смягчении последствий старения населения, активно реагировать на вызовы, связанные со старением населения и обществом, продолжать углублять структурные реформы предложения рабочей силы, стремиться к корректировке экономической структуры и изменению модели развития, способствовать устойчивому и качественному развитию экономики Китая.

Литература

1. Acemoglu D., Restrepo P. (2022) Demographics and Automation. The Review of Economic Studies. Vol. 89. № 1. P. 1–44.
2. Cai Xing. (2016) Does Population Aging Force the Optimization and Upgrading of China's Export Structure? Contemporary Economic Research. № 8. P. 81–91. (In Chin.)
3. Cheng Qian, Lu Jiehua. (2024) How Does Labor Aging Affect Labor Productivity? An Analysis Based on Panel Data from Chinese Cities. Population and Economy. № 01. P. 34–46. (In Chin.)
4. Hu Qian. (2019) The Labor Supply Effect of Population Aging in China. Based on Analysis of Provincial Panel Data. Journal of Guangdong University of Finance & Economics. № 4. P. 33–48. (In Chin.)
5. Lindsay O. (2014) Offshoring and the polarization of the U.S. Labor Market. ILR Review. № 67 (Supplement). P. 734–761.
6. Lü Shibin, Zhang Shiwei. (2015) An Empirical Study on the Polarization Phenomenon and Causes of China's Labor Force. Economic Quarterly. № 2. P. 757–778. (In Chin.)
7. Mason A., Lee R. (2006) Reform and support systems for the elderly in developing countries: capturing the second demographic dividend. Genus. № 13. P. 11–35.
8. Moreno-Galbis E., Sopraseuth T. (2014) Job Polarization in Aging Economies. Labour Economics. № 27. P. 44–55.
9. Nir J., Siu J. (2012) The trend is the cycle: Job polarization and jobless recoveries. Working Paper. № 3. P. 45–59.
10. Sheng Bin, Niu Rui. (2009) Trade, Labor Demand Elasticity and Employment Risk: An Empirical Study of China's Industry. World Economy. № 6. P. 3–15.
11. Tang Dan. (2024) Research on the Impact of Age Structure of Service Industry Workers on Labor Productivity and Wages. Scientific Decision. № 04. P. 90–101. (In Chin.)
12. Tang Yong, Jiang Yongmu. (2022) Does the Service-Oriented Industrial Structure Lead to Labor Market Polarization in China? Economic Review. № 2. P. 51–69. (In Chin.)
13. Tong Yufen. (2014) Characteristics and Challenges of China's Labor Supply Changes During the Process of Population Aging. Population Research. № 2. P. 2–60. (In Chin.)
14. Tong Yufen, Liu Zhili, Gong Qiannan. (2021) Changes in China's Labor Force Population Based on the Seventh Census Data. Population Research. № 3. P. 65–74. (In Chin.)
15. Yang Chenggang, Yan Dongdong. (2017) Analysis of Changes in the Economic Effect of China's Demographic Dividend from the Perspective of Quality and Quantity. Population Journal. № 5. P. 25–35. (In Chin.)
16. Zhang Wei. (2021) Population Aging, Industrial Structure, and Labor Skill Structure. Northwest Population. № 5. P. 67–79. (In Chin.)
17. Zhao Chunyan, Li Yabo, Zhang Peiyuan. (2023) Does Population Aging Lead to Labor Market Polarization in China? Journal of Nanjing Audit University. Vol. 20. № 04. P. 102–111. (In Chin.)
18. Zheng Dongya, Pi Jiancai. (2017) China's Capital-Biased Economic Growth: 1998–2007. World Economy. № 5. P. 24–48. (In Chin.)

STUDY ON THE IMPACT OF POPULATION AGING ON CHINA'S LABOR MARKET AND RESPONSE MEASURES

Wang Yuanxing

Lomonosov Moscow State University

According to international experience, population aging leads to a decrease in the number of working-age people and a labor shortage. This paper analyzes the main characteristics of China's labor market against the backdrop of population aging, and examines the impact of population aging on China's labor market from the following aspects: acceleration of population aging and negative growth of the labor force, insufficient labor supply, polarization of the employment structure due to aging, and declining labor productivity and the quality of labor supply. We propose measures for the Chinese labor market to counter the challenges of population aging: first, it is necessary to accelerate the pace of economic development to provide economic support for the aging population; second, increase investment in human capital and improve the quality of labor supply; third, offer the possibility of adjusting the established retirement age to narrow the gap between labor supply and demand; fourth, actively develop the "silver economy" to mitigate the pressure of population aging on the labor market; fifth, create a diversified pension model based on family care to solve the accumulated problems.

Keywords: population aging, Chinese labor market, labor supply, international experience.

References

1. Acemoglu D., Restrepo P. (2022) Demographics and Automation. The Review of Economic Studies. Vol. 89. No. 1. P. 1–44.
2. Cai Xing. (2016) Does Population Aging Force the Optimization and Upgrading of China's Export Structure? Contemporary Economic Research. No. 8. P. 81–91. (In Chin.)
3. Cheng Qian, Lu Jiehua. (2024) How Does Labor Aging Affect Labor Productivity? An Analysis Based on Panel Data from Chinese Cities. Population and Economy. No. 01. P. 34–46. (In Chin.)
4. Hu Qian. (2019) The Labor Supply Effect of Population Aging in China. Based on Analysis of Provincial Panel Data. Journal of Guangdong University of Finance & Economics. No. 4. P. 33–48. (In Chin.)
5. Lindsay O. (2014) Offshoring and the polarization of the U.S. Labor Market. ILR Review. No. 67 (Supplement). P. 734–761.
6. Lü Shibin, Zhang Shiwei. (2015) An Empirical Study on the Polarization Phenomenon and Causes of China's Labor Force. Economic Quarterly. No. 2. P. 757–778. (In Chin.)
7. Mason A., Lee R. (2006) Reform and support systems for the elderly in developing countries: capturing the second demographic dividend. Genus. No. 13. P. 11–35.
8. Moreno-Galbis E., Sopraseuth T. (2014) Job Polarization in Aging Economies. Labour Economics. No. 27. P. 44–55.
9. Nir J., Siu J. (2012) The trend is the cycle: Job polarization and jobless recoveries. Working Paper. No. 3. P. 45–59.
10. Sheng Bin, Niu Rui. (2009) Trade, Labor Demand Elasticity and Employment Risk: An Empirical Study of China's Industry. World Economy. No. 6. P. 3–15.
11. Tang Dan. (2024) Research on the Impact of Age Structure of Service Industry Workers on Labor Productivity and Wages. Scientific Decision. No. 04. P. 90–101. (In Chin.)

12. Tang Yong, Jiang Yongmu. (2022) Does the Service-Oriented Industrial Structure Lead to Labor Market Polarization in China? *Economic Review*. No. 2. P. 51–69. (In Chin.)
13. Tong Yufen. (2014) Characteristics and Challenges of China's Labor Supply Changes During the Process of Population Aging. *Population Research*. No. 2. P. 2–60. (In Chin.)
14. Tong Yufen, Liu Zhili, Gong Qiannan. (2021) Changes in China's Labor Force Population Based on the Seventh Census Data. *Population Research*. No. 3. P. 65–74. (In Chin.)
15. Yang Chenggang, Yan Dongdong. (2017) Analysis of Changes in the Economic Effect of China's Demographic Dividend from the Perspective of Quality and Quantity. *Population Journal*. No. 5. P. 25–35. (In Chin.)
16. Zhang Wei. (2021) Population Aging, Industrial Structure, and Labor Skill Structure. *Northwest Population*. No. 5. P. 67–79. (In Chin.)
17. Zhao Chunyan, Li Yabo, Zhang Peiyuan. (2023) Does Population Aging Lead to Labor Market Polarization in China? *Journal of Nanjing Audit University*. Vol. 20. No. 04. P. 102–111. (In Chin.)
18. Zheng Dongya, Pi Jiancai. (2017) China's Capital-Biased Economic Growth: 1998–2007. *World Economy*. No. 5. P. 24–48. (In Chin.)

Социальное воспроизводство человека в территориальных образованиях

Вельмисова Дарья Владимировна,

к.с.н., доцент кафедры социологии и управления персоналом
Санкт-Петербургского государственного экономического
университета
E-mail: daria-babiy@yandex.ru

Потемкин Максим Сергеевич,

социолог-аналитик, ООО Национальный медицинский холдинг
E-mail: daria-babiy@yandex.ru

Внимание к социальному воспроизводству человека все время возрастает в связи с общественными трансформациями, инновационным развитием предприятий и организаций, дисбалансом финансового обеспечения производственных и социально-бытовых объектов обеспечения жизнедеятельности и жизнеспособности населения страны. В этой связи необходимо более детально остановиться на теоретических и эмпирических оценках социального воспроизводства человека и основных направлениях решения этой важной и общественно значимой задачи.

Ключевые слова: социальное, человек, жизнедеятельность, жизнеспособность, жизнеобеспеченность, социальный организм, социальная организация, социальная среда, показатели, нормативы, воспроизводство, социальные институты, социальная инфраструктура.

Введение

В последние два десятилетия в Российской Федерации предпринимаются меры не только для устойчивого развития производственно-экономического потенциала предприятий и организаций, но и используются современные методы социального воспроизводства населения. Ранее внимание к проблеме социального воспроизводства населения страны носило декларационный характер и связывалось с мерами преодоления противоречий между условиями жизнедеятельности и жизнеобеспечения населения городов и сельских поселений. Вследствие углубления процесса разделения труда определились в качестве основных две формы организации жизнедеятельности людей – городское поселение, характеризующееся промышленным производством, и сельское, для которого специфично сельскохозяйственное и агропромышленное производство. В исследовании экономических и социальных практик городских поселений обращается внимание на многообразие характера занятий жителей, регулярный товарообмен внутри города в качестве существенной части дохода и удовлетворения потребностей населения, главенство города как места пребывания власти [3], господство промышленности и торговли, преимущественно конвенциональная коммуникация, конкурентность [16], быстрый темп жизни, интеллектуальный характер жизнедеятельности, невероятный размах личной свободы горожанина и атрофия индивидуального своеобразия личности [7], более широкое разделение труда, увеличение числа профессий и родов знаний [13]. Ф. Теннисом город справедливо противопоставляется деревне (общине) с качественно иными условиями жизнедеятельности человека, а Г. Зиммель проводит различия между малым городом и крупными городами как социальными конгломератами, что позволяет по-новому взглянуть на процессы урбанизации и трансформации общественных отношений. В современных условиях происходит развитие концепции «Умный город», основанной на интеграции информационных и коммуникативных технологий, интернета вещей для управления городским имуществом, с целью создания устойчивой городской среды, обеспечивающей рост качества жизни населения. Несмотря на то, что переход от сельского к преимущественно городскому образу жизни сопровождается качественными социально-культурными изменениями, и город, и сельские поселения остаются базовыми звеньями в социальной структуре.

Постановка проблемы

Для понимания комплексного социального воспроизводства человека, видимо, необходимо обратиться к исходным позициям, изложенным К. Марксом, который писал, что «...Человек живет природой. Это значит, что природа есть его «Тело», с которым человек остается в процессе постоянного общения, чтобы не умереть» [11, с. 92]. Однако, если на селе в условиях промышленной интеграции эта связь человека с природой, с землей сохраняет свою непосредственность, очевидность, неустрашимую даже с введением новых организационных форм и методов хозяйствования, с внедрением новейшей техники и технологий сельскохозяйственного производства, а лишь поднимающуюся на новый уровень, то в крупном городе непосредственность взаимосвязи человека и природы утрачивается, обретает все более опосредованные формы. Это опосредованность, неощутимость для городского жителя и, следовательно, невосприимчивость и неосознанность прямого единения человека с природой неразрывности, нерасторжимости их взаимосвязи и взаимозависимости привело к тому, что с развитием промышленного производства крупный город стал инициатором разрушения человеком своего «тела». Известно, что в последние годы процесс разрушения приобрел катастрофические формы, поставив вопрос о выживаемости человека. Все это не могло, в свою очередь, не сказаться и на характере общественных отношений, складывающихся в крупных городах, так как взаимодействие человека и природы не только материальная основа общественного производства, но и основа формирования всей системы общественных отношений. Неудивительно, что опосредованность этой, главенствующей для всей жизнедеятельности человека взаимосвязи обернулась и опосредованностью самих общественных отношений, опосредованностью взаимоотношений человека с человеком, что привело к определенной и всеобщей обезличенности существования человека в крупном городе. Этот процесс обезличивания человеческих взаимосвязей, вытеснения непосредственности человеческих контактов, общения, прогрессируя, превратил людей в безличную массу, толпу, наводняющую городские кварталы, улицы, площади, районы. Разрастаясь в геометрической прогрессии, обезличенность общественных отношений привела к «эффекту» варварского отношения к природе, к человеку, к окружающей городской среде, отношения беспощадного и к памятникам культуры и архитектуры, и к самому человеку, его жизни.

Здесь заслуживает внимания позиция И.П. Павлова, который утверждал, что «как продукт естественно-органической эволюции человек представляет собой животный организм. В силу этого он имеет определенное строение и подвержен определенным внутренним органическим процессам. Он испытывает воздействие как со сто-

роны этих процессов, так и со стороны внешней среды, и борясь за свое существование, рефлекторно или инстинктивно реагирует на такие воздействия» [12, с. 208]. Человек, вступая в различные виды социально-экономической деятельности, решает задачу удовлетворения материальных потребностей и одновременно потребностей его жизнеобеспечения. Зачастую на почве первой потребности возникают сложные взаимоотношения между людьми, скрывающие в себе серьезные проблемы общественно-экономической жизни, между тем, как на почве второй столь сложных взаимоотношений не возникает и она в значительной мере, хотя и не вполне протекает вообще вне круга общественных связей [9, с. 103].

В то же время необходимо подчеркнуть, что человек как продукт социального строя, доминирующего в системе общественных отношений, взаимодействует с людьми, имеющими определенный круг потребностей: в жилище, питании, медицинском обслуживании, транспортном обслуживании, социально-бытовом и культурном обслуживании, обладает типовыми компетенциями, опытом и навыками, социокультурным развитием, моральными, правовыми и хозяйственными воззрениями, например, основами рыночной экономики, в которой по трем основным компонентам: участие в собственности на средства производства, организационно-правовому сопровождению функционирования средств производства и распределения материальных благ, человек практически исключается из экономической системы, определяющей условия жизнедеятельности, жизнеспособности и жизнеобеспечения. Социальное партнерство и социально-трудовые отношения носят предметно-деятельный характер по отношению к производимым товарам и услугам. В начальном этапе социально-экономических трансформаций были предложены основные пути включения человека в новую по своей сути экономическую систему, в частности, посредством введения новых форм собственности и организационных структур, обеспечивающих привлечение работников к высокоэффективному труду; создания условий для зависимости результатов труда человека с его жизнеобеспечением и т.п. [14].

Л. Берг считал необходимым решение социального воспроизводства человека за счет коллективного организационного потенциала региональных систем, позволяющих создание условий для привлечения и достижения поставленной цели не только конкретными людьми, но и различного рода организаций с учетом фиксирования их положительного результата [18].

Методы и основные результаты

Формирование организационного потенциала региональных систем основывается на последовательном решении целого ряда задач: предметно-

деятельное руководство; политическая поддержка, общественная поддержка, создание пространственно-экономических условий взаимодействия различных организационных, управленческих и хозяйственных образований в решении поставленных целей; предметно-целевая стратегия регионального развития; информационное и организационно-цифровое сопровождение всех видов деятельности по социальному воспроизводству человека и поселенческой общности в целом; использование частно-государственного партнерства в финансовом обеспечении потенциала развития территориальных систем. И, пожалуй, самое важное: создание городских агломераций и сельскохозяйственных общностей по принципу: хозяйственная структура-предприниматель. Проведем анализ данных исследований проблем местного самоуправления в городах РФ за 2004 и 2023 гг., в рамках которых выявлены существующие ограничения в решении задач социального воспроизводства населения (рис. 1, табл. 1).

Рис. 1. Фиксация проблем (ограничений) в социальном воспроизводстве населения городов Российской Федерации, (кол-во городов, отметивших проблему как наиболее характерную, %) [15, с. 46]

Таблица 1. Фиксация проблем (ограничений) в социальном воспроизводстве населения по кластерам городов РФ

	Среднее по городам Индекса	Города местного значения	Точки притяжения	С достатком	Региональные центры	Космополиты
Доля населения, удовлетворенного доступностью жилья, от общ. кол-ва респондентов, %	24,6	25,8	25,49	24,19	24,52	24
Разнообразие вакансий в городе, %	43,27	51,13	49,75	44,49	39,48	38,97
Доля населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума в субъекте, %	10,33	9,73	13,18	10,29	10,93	9,31
Среднее время поиска работы безработными, мес.	3,94	3,78	4,29	3,73	3,99	3,94
Удовлетворенность своей работой, балл (1–4)	3,08	3,05	3,04	3,11	3,06	3,13
Доля людей, высоко оценивающих состояние своего здоровья, от общего количества респондентов, %	35,68	34,57	38,78	35,98	36,13	35,27
Доля населения, проживающая в 15-ти минутной пешей доступности от спортивных объектов, %	94,88	93,76	93,33	95,51	94,09	96,04
Доля населения, удовлетворенного качеством медицинских услуг, %	30,45	22,62	29,41	28,27	31,39	32,75
Доля зданий медицинских орг., находящихся в аварийном сост. или требующих кап. ремонта, %	17,24	19,69	26,62	18,4	17,07	13,76
Доля образовательных организаций высш. образования, здания которых находятся в аварийном состоянии или требуют кап. ремонта, %	21,47	27,4	15,49	24,55	19,57	20,61
Количество обучающихся в школах, приходящихся на одну ЭВМ, используемую в учебных целях, чел./ед.	8,81	8,46	9,65	8,1	9,94	8,88
Количество специальностей высш. обр., доступных для очного обучения за счет бюджетных ассигнований в государственных вузах, ед./10 тыс. чел.	1,47	2,09	3,57	0,51	1,49	1,29

	Среднее по городам Индекса	Города местного значения	Точки притяжения	С достатком	Региональные центры	Космополиты
Количество специальностей средн. обр., доступных для обучения за счет бюджетных ассигнований в СПО учреждениях, ед./10 тыс. чел.	2,43	4,26	3,8	3,86	2,05	1,56
Количество преступлений, зарег. в отчетном периоде на 100 тыс. человек, ед./100 тыс. чел.	1360,24	1399,45	1014,42	1568,03	1394,57	1434,35
Количество музеев, кинотеатров, галерей, театров, филармоний и др. учреждений культуры из агрегаторов на 10 тыс. человек, ед./10 тыс. чел.	2,9	3,28	3,58	3,41	2,74	2,62
Доля населения, доверяющая обществу в городе, от общего количества респондентов, %	15,41	15,17	18,99	16,44	15,74	14,78
Наличие цифрового инструмента для оказания влияния на жизнь в населенном пункте, баллы	1,98	1,73	1,5	1,64	2,01	2,1
Доля граждан, имеющих возможность влиять на принятие решений по развитию района или населенного пункта от общего числа респондентов, %	7,49	7,51	6,83	8,56	7,46	6,95
Доля населения с высоким уровнем социального доверия среди друзей или родственников от общего числа респондентов, %	85,34	85,85	85,8	85,6	84,68	85,68
Средняя самооценка удовлетворенности населения своей жизнью, баллы (1–10)	6,07	5,99	5,96	6,05	6,07	6,14
Доля людей, желающая сменить место жительства, от общего количества респондентов, %	28,75	30,17	27,87	32,5	27,79	25,17

Источник: составлено авторами на основе [8].

В число объективированных ограничений социального воспроизводства человека могут быть отнесены и такие как: общность исторических судеб, наличие свойственных поселенческой общности материальной и духовной культуры, географическое единство территориальных образований, сходство типов экономик и решаемых задач, наличие институтов гражданского общества и схожести их целевой ориентации. При преодолении этих ограничений возможно, на наш взгляд, создание системы устойчивого социального воспроизводства поселенческой общности и удовлетворение потребностей человека в социальном развитии. Производство материальных благ и услуг и воспроизводство разносторонне развитого человека во многом зависит от социальной наполненности, разнообразия и разносторонности в социальной сфере жизнедеятельности человека. Аккумулируя в своем сознании различные компоненты социальной среды, дополняя ее развитие своим интеллектом, компетенциями, способностями, ожиданиями и предпочтениями, человек становится не только потенциальным, но и вполне реальным субъектом человеческих отношений.

Социальная среда выступает в качестве условия воспроизводства человека, т.к. именно в рамках социальных взаимоотношений и взаимосвязей реализуется жизнедеятельность человека и социальных групп на различных уровнях. «Любой производительный труд невозможен без синтеза человеческого разума, мускульной силы, нервов, социальных отношений. И если общество не создает необходимые условия для воспроизводства интеллекта человека, то человеческое в нем умирает» [10, с. 24]. Поэтому так значимо для социального воспроизводства участие человека в инновационной деятельности, обогащение его трудовой деятельности. Между тем, по данным исследований, инновационная, творческая и предпринимательская активность населения городов продолжает оставаться на низком уровне:

1) удельное количество патентных заявок на 1 млн человек: в среднем по городам Индекса 2640,93, города местного значения – 1304,73; точки притяжения – 1990,94; с достатком – 1581; холодные – 1010, 96; региональные центры – 2952,72; космополиты – 3721,32;

2) количество лиц, являющихся авторами научных публикаций за последние 5 лет на 10 тыс.

чел., ед./10 тыс. чел.: среднее по городам Индекса – 8,4; города местного значения – 5,52; точки притяжения – 5,86; с достатком – 6,65; холодные – 7,82; региональные центры – 9,83; космополиты – 9,99;

3) доля предпринимателей и людей готовящихся открыть свой бизнес в общем количестве респондентов, %: в среднем по городам Индекса 23,17; города местного значения – 23,49; точки притяжения – 26,28; с достатком – 22,83; холодные – 23,14; региональные центры – 22,83; космополиты – 23,44.

Более 40 лет назад было сформировано понимание, что процесс производства – это не только отношение человека к природе и процесс взаимодействия людей, но это обмен знаний, опыта, воли, новаторского осмысления. Труд – это сфера приложения человеческого ума, мысли, сознания, подразумевающий особое качество производительной силы, особый источник социально-экономической энергии. Цель и задачи управления общественным развитием – высвободить эту энергию. Не вгонять ее в организационно-технические и административно-распределительные отношения, тем самым омертвляя ее, а целиком направить на утверждение и развитие таких форм социально-экономической и общественной организации, которые бы общественному производству принесли эффект приращения интеллектуальной энергии, обогащения творческих сил, мысли, сознания [6, с. 123].

Как следствие, в управлении воспроизводством человека неприменим техноцентричный подход, ориентированный на построение быстродействующих эффективных цифровых систем, напротив, вся социально-экономическая система должна рассматриваться с позиций человеко-ориентированности, т.е. наполненности труда интеллектуальным содержанием, возможностями для творчества, созидательностью, когда не только результат, но и процесс выполнения профессиональных задач будет способствовать реализации творческих способностей человека. Можно утверждать, что духовная энергия, формируемая в процессе взаимодействия участников производственной и общественной деятельности, становится непосредственным участником процесса социального воспроизводства человека. Интенсивные технологические инновации, в т.ч. развитие ИИ, приводят к формированию техноцентричного взгляда на развитие, в ущерб социальным составляющим, ценностям, смыслам, потребностям, находящимся в основе человеческого поведения. Личность человека, осуществляющего производственный процесс упускается из внимания до тех пор, что приводит к его позиционированию как «винтика» в механизме, «рабочих руках», «рабочей силе». В то время как ценность человека-работника состоит в совокупности материального, социального и духовного.

Какова же в данном случае роль крупного города? На наш взгляд, крупный город, являясь не только центром развития промышленного производства, но и очагом духовной культуры, просвещения, сосредотачивая в своем арсенале крупнейшие учреждения науки, культуры, образования, должен в первую очередь формировать, (разумеется, с помощью соответствующей системы управления и инструментария) такую духовную и интеллектуальную творческую атмосферу, среду, которая бы стимулировала (а все предпосылки к этому имеются) развитие всей системы общественных отношений и уже через нее всестороннее развитие личности. «Личность, которая вбирает в себя (трансформирует) опыт взаимосвязей и отношений и опыт духовный, обретает ту совокупность отношений, то социальное богатство, которое позволяет оценивать ее как всестороннюю, гармонически развитую» [2]. Процесс этот взаимообратный. Аккумулируемый многообразный, разносторонний (и в этом прежде всего социальное и личностное богатство) социальный опыт вызывает богатство человеческих потребностей, имеющее, по мнению К. Маркса, особое значение в общественных практиках.

Механизм социального воспроизводства человека достаточно сложен и может быть реализован в контексте осуществления федеральной и региональной социальной политики [1, с. 204], которая включает: диагностику социально-значимых проблем; целеполагание и определение социальных приоритетов; определение системы социальных индикаторов воспроизводства человека; диагностика ресурсов социального воспроизводства; определение зон ответственности и управленческих полномочий; оценка достигнутых результатов социального воспроизводства человека и разработка корректирующих мер по преодолению ограничений.

Реализация данных шагов становится важным шагом формирования нового общественного организма, способствующего объективизации целей и задач всестороннего развития личности, учета ее потребностей и ожиданий, нахождения инструментов вовлечения человека в производственные и социальные практики. Матричная модель, оценивающая структуру и состав мер по социальному воспроизводству человека в системе общественного организма, представлена на рисунке (рис. 2).

Структура интеллектуальных резервов личности человека-работника становится результатом взаимодействия личностных диспозиций, интеллектуального потенциала личности с ситуацией жизнедеятельности, чем способствует процесс социального становления, приобретения социального опыта, формирования гражданской позиции, социализации и адаптации личности, ее интеграции в производственные процессы и дальнейшего развития способностей и компетенций. В не меньшей степени на интеллектуальные резервы лично-

городам местного значения – 8,16%, региональным центрам – 8,55%.

Заключение

И вместе с тем, несмотря на многочисленные трудности с социальным воспроизводством человека, в современных условиях формируется механизм хозяйствования нового типа. Очень важно обеспечить такие экономические взаимоотношения между регионами и предприятиями, которые не ущемляли бы права ни одного субъекта управления. Это потребует восстановления рентных отношений, в основе которых должна находиться наряду с экономической оценкой земли также и социально-экономическая оценка территории, учитывающая затраты прошлого труда, овеященного в средствах производства, в производственной, социальной инфраструктуре региона. Формируемая за счет средств местного бюджета социальная инфраструктура, как правило, недостаточно учитывает качественную взаимообусловленность производственных и непроизводственных условий ввиду отсутствия полной и своевременной информации об ожидаемых изменениях в структуре материальных и социальных потребностей работников. Это нередко приводит к возникновению диспропорции производственной и социальной сфер регионального развития.

Поэтому привлечение средств промышленных предприятий для развития социальной инфраструктуры обуславливает важность и необходимость согласования ее развития на основе учета интересов производственных коллективов и населения города. Выравнивание условий непроизводственных коллективов отражает общественную потребность в создании и наиболее эффективном использовании материальных условий для социального воспроизводства человека. Именно здесь происходит совпадение интересов производственного коллектива и населения региона, всего общества в уменьшении дифференциации оснащенности социальной инфраструктуры, в достижении в целом более высокой ступени условий жизни людей.

В то же время не все интересы производственного коллектива и населения региона совпадают. В условиях, когда еще не достигнуты нормативные уровни удовлетворения ряда основных потребностей, производственные коллективы заинтересованы в расширении материальных условий социального развития работников предприятия. Строительство промышленными предприятиями объектов социальной инфраструктуры, следовательно, обусловлено как необходимостью компенсации недостаточного удовлетворения материальных, социальных и духовных потребностей работников и членов их семей, так и задачами обеспечения в этих условиях роста эффективности производственной и хозяйственной деятельности предприятия, снижения текучести кадров. Соци-

альная инфраструктура предприятия продолжает в настоящее время служить эффективным инструментом стимулирования роста производственных показателей трудового коллектива, независимо от форм собственности предприятия, на котором осуществляется его деятельность. Вследствие этого в результате более быстрого развития социальной инфраструктуры на отдельных предприятиях по преимуществу крупных, может возникнуть и возникает значительный разрыв в уровне, и комфортного развития регионов явно недостаточно для крупномасштабных программ социально-экономических, политических и культурных преобразований в стране. Решение проблемы развития структуры социального воспроизводства человека следует начинать с диагностики и анализа рациональной структуры потребностей населения территории, с учетом отраслевой специфики региона, особенностей социально-демографической, профессионально-квалификационной и статусной структуры населения.

Литература

1. Абалкин Л.И. К самопознанию России. – М.: ИЭ РАН, 1995.
2. Васильев О.В. Социальные результаты управленческих инноваций на крупных промышленных предприятиях. Дисс. ... канд. соц. наук. 22.00.08. – СПб.: 2014.
3. Вебер М. Избранное. Образ общества / сост. С.Я. Левит. – М., СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. – 767 с.
4. Гегель Г.В.Ф. Философия религии. В 2 т., Т. 2 / Пер. с нем., общ. ред. А.В. Гулыги. – М.: Мысль, 1977.
5. Гоббс Т. Левиафан или материя. Форма и власть государства церковного и гражданского // Антология мировой философии. В 4 т., Т. 1., М.: Мысль, 1969.
6. Ельмеев В.Я. Воспроизводство общества и человека. – М.: Мысль, 1988.
7. Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь / пер. с нем. К. Левинсон. – М.: Strelka Press, 2018.
8. Индекс качества жизни – 2023. ВЭБ РФ [Электронный ресурс]. – URL: <https://citylifeindex.ru/> (дата обращения: 03.10.2024).
9. Кондратьев Н.Д. Основные проблемы экономической статистики и динамики. – М.: Наука, 1991.
10. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3., М, 1954.
11. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 42, М, 1954.
12. Павлов И.П. Рефлекс цели. В сб.: Двадцатилетний опыт объективного изучения высшей нервной деятельности животных. Государственное издательство Москва – Петроград, 1923.
13. Парк Р. Городское сообщество как пространственная конфигурация и моральный поря-

док // Социологическое обозрение. Том 5. № 1. 2006. С. 11–18.

14. Потемкин В.К. Теоретическая и эмпирическая оценка процессов социального воспроизводства населения в региональных системах. – СПб.: СПб отделение РАЕН, 2004.
15. Социально ориентированное местное управление: опыт городов Германии для России. – СПб.: Наука, 1999.
16. Теннис Ф. Общность и общество: Основные понятия чистой социологии / Пер. с нем. Д.В. Складнева; Послесл. А.Ф. Филиппова. – М.: Фонд «Университет»: Владимир Даль, 2002. – 450 с.
17. Управление социальными резервами регионального развития / под ред. В.К. Потемкина. – СПб.: ИПРЭ РАН, 2001.
18. Berg L., Arien H.K., Meer J. Governing Metropolitan Regions. Rotterdam, 1995.

SOCIAL REPRODUCTION OF MAN IN TERRITORIAL ENTITIES

Velmisova D.V., Potemkin M.S.

Saint Petersburg State University of Economics, National Medical Holding LLC

Attention to the social reproduction of man is constantly increasing due to social transformations, innovative development of enterprises and organizations, imbalance of financial support for production and social and domestic facilities to ensure the life and viability of the country's population. In this regard, it is necessary to dwell in more detail on theoretical and empirical assessments of the social reproduction of man and the main directions for solving this important and socially significant problem.

Keywords: social, person, vital activity, viability, life support, social organism, social organization, social environment, indicators, standards, reproduction, social institutions, social infrastructure.

References

1. Abalkin L.I. Towards Self-Knowledge of Russia. – M.: IE RAS, 1995.
2. Vasiliev O.V. Social Results of Management Innovations at Large Industrial Enterprises. Diss. ... Cand. of Social Sciences. 22.00.08. – St. Petersburg: 2014.
3. Weber M. Selected Works. Image of Society / Comp. S. Ya. Levitt. – M., St. Petersburg: Center for Humanitarian Initiatives, 2017. – 767 p.
4. Hegel G.V.F. Philosophy of Religion. In 2 volumes, Vol. 2 / Translated from German, general editor A.V. Gulyga. – M.: Mysl, 1977.
5. Hobbes T. Leviathan or Matter. Form and power of the state, ecclesiastical and civil // Anthology of world philosophy. In 4 Vol., Vol. 1., Moscow: Mysl, 1969.
6. Elmeev V. Ya. Reproduction of society and man. – Moscow: Mysl, 1988.
7. Simmel G. Big cities and spiritual life / trans. from Germ. K. Levinson. – Moscow: Strelka Press, 2018.
8. Quality of life index – 2023. VEB RF [Electronic resource]. – URL: <https://citylifeindex.ru/> (date accessed: 03.10.2024).
9. Kondratiev N.D. Basic problems of economic statics and dynamics. – Moscow: Nauka, 1991.
10. Marx K., Engels F. Works. T.3., M, 1954.
11. Marx K., Engels F. Works. T. 42, M, 1954.
12. Pavlov I.P. Reflex of purpose. In the collection: Twenty-year experience of objective study of higher nervous activity of animals. State Publishing House Moscow – Petrograd, 1923.
13. Park R. Urban community as a spatial configuration and moral order // Sociological Review. Vol. 5. No. 1. 2006. Pp. Theoretical and empirical assessment of processes of social reproduction of population in regional systems. – SPb.: SPb branch of RANS, 2004.
14. Potemkin V.K. Theoretical and empirical assessment of the processes of social reproduction of the population in regional systems. – St. Petersburg: St. Petersburg branch of the Russian Academy of Natural Sciences, 2004.
15. Socially oriented local government: experience of German cities for Russia. – SPb.: Nauka, 1999.
16. Tennis F. Community and Society: Basic Concepts of Pure Sociology / Translated from German by D.V. Sklyadnev; Afterword by A.F. Filippov. – M.: University Foundation: Vladimir Dal, 2002. – 450 p.
17. Management of Social Reserves for Regional Development / edited by V.K. Potemkin. – SPb.: IPRE RAS, 2001.
18. Berg L., Arien H.K., Meer J. Governing Metropolitan Regions. Rotterdam, 1995.

Корпоративный университет как инструмент эффективного развития кадрового потенциала организации

Гильдингерш Марина Григорьевна,

д.э.н., профессор кафедры бизнес-информатики и менеджмента Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения
E-mail: mgild@mail.ru

Современная экономическая ситуация предъявляет организациям достаточно жесткие требования как в отношении бизнес-показателей, так и в отношении кадрового состава. В статье рассматривается опыт развития кадрового потенциала в отечественной и зарубежной практике. Особое внимание уделяется роли кадрового потенциала в повышении конкурентоспособности компании. Автором проведен анализ передовых кейсов по развитию кадрового потенциала. Теоретическую и информационную основу исследования составили труды А.П. Егоршина, В.М. Масловой, П.Э. Шлендера [4, 5, 6], а также публикации Интернет-ресурсов. В статье обосновывается тезис о возрастании роли корпоративного университета, как обучающей технологии, в целях повышения эффективности деятельности организаций и формирования положительного имиджа на рынке.

Ключевые слова: корпоративный университет, корпоративная культура, ценности, мотивация персонала, вовлеченность, удовлетворенность, кадровый потенциал, методы обучения.

Важнейший ресурс компании – это люди. В данный момент недостаточно найти квалифицированных сотрудников, только постоянное улучшение навыков и знаний персонала позволит занимать компании ведущее место в отрасли. Для достижения данной цели необходимо применять развитие персонала – процесс повышения ценности человеческих ресурсов компании (табл. 1).

Таблица 1. Определение развитие персонала в современных работах российских ученых

Определение развития	Источник
«комплексный и непрерывный процесс всестороннего развития личности работников организации с целью повышения эффективности их работы» [4]	А.П. Егоршин
«организация различных мероприятий с целью развития человеческого потенциала организации» [5]	В.М. Маслова
«это система мероприятий, направленных на поддержку способных к обучению работников, распространение знаний и передового опыта, обучение молодых квалифицированных сотрудников, осознание управленческим персоналом важности развития сотрудников и снижения текучести кадров» [6]	П.Э. Шлендер

Развитие персонала имеет множество трактовок, но каждый автор выделяет положительное влияние данного процесса на деятельность организации. Развитие персонала включает в себя элементы, которые при комплексном применении позволяют компании достичь отмеченного ранее долгосрочного развития сотрудников:

- разработка стратегии развития персонала;
- планирование потребности в персонале;
- оценка персонала;
- адаптация сотрудников;
- обучение, переподготовка, повышение квалификации;
- планирование деловой карьеры;
- создание системы карьерного роста.

Развитие персонала в компании не только повышает ценность человеческих ресурсов на предприятии, но и решает множество задач для компании, которые обеспечивают ей долгосрочную конкурентоспособность на отечественном и международном рынках (табл. 2) [3].

Исходя из таблицы 2 видно, что важнейшим элементом для реализации данных конкурент-

ных преимуществ является обучение персонала. В данном контексте обучение означает – получение

необходимых знаний и навыков для успешной деятельности сотрудника в организации.

Таблица 2. Конкурентные преимущества обучения персонала

Конкурентное преимущество	Описание
Высокие стандарты выполнения работы	Разработка стандартов и обучение их выполнению – важная задача обучения и развития персонала. Для сотрудников легко работать в системе, где есть стандарты, так как существует четкое представление о том, что ожидается от его работы, какие требования к ней предъявляются и как эти требования могут быть выполнены
Подготовка персонала для будущих задач и проектов	Для сотрудника существует серьезное планирование и подготовка, которая обеспечивает уверенность в своих силах, веру в успех
Сохранение знаний, навыков, опыта	Во многих компаниях имеются специальные программы сохранения знаний: передача знаний и опыта, обучение коллег, написание положений и инструкций, ротация кадров внутри и между подразделениями
Планирование карьеры, подготовка будущих лидеров	Планирование карьеры, развитие будущих менеджеров также является хорошим средством обеспечения будущих потребностей компании в кадрах, отличным способом защиты бизнеса от риска потери сотрудника, создания атмосферы здоровой конкуренции. Для каждой ключевой позиции, как правило, планируется будущая замена – определяется сотрудник, который потенциально, через определенное время, сможет заменить руководителя. Для таких сотрудников планируются определенные программы обучения и развития. Сотрудникам это дает новые возможности, реализацию своего потенциала, уверенность в завтрашнем дне, стимулирование развития, видение будущего
Постоянный поиск новых решений сотрудниками	Компания, которая постоянно обучается, где обучение и развитие персонала занимает важное место, где руководители высшего звена активно участвуют в процессе и интересуются профессиональным ростом своих сотрудников, где поощряется инициатива и личное лидерство – в такой компании люди приобретают хорошую привычку постоянно развиваться и искать пути к совершенствованию компании, анализировать и обсуждать
Развитие корпоративной культуры	Для сотрудника: справедливость и открытость, работа в среде единомышленников, единые ценности и принципы, уважение и доверие
Адаптация и подготовка нового сотрудника	Компания с первых дней поддерживает сотрудника – занимается обучением и развитием на рабочем месте
Мотивация персонала	Возможности обучения и развития в опросах мнений сотрудников получают очень высокую оценку, являются одним из определяющих критериев при поиске работы. Те компании, которые инвестируют средства и умело управляют обучением и развитием, отмечают значительное влияние этих программ на повышение уровня удовлетворенности сотрудников, улучшения морально-психологического климата в коллективе, уменьшение текучести кадров

Важным аргументом в пользу обучения персонала в организации является «период полураспада компетентности». Это временный отрезок после окончания высшего учебного заведения, когда в результате научно-технического прогресса и изменения внешней окружающей среды, компетентность сотрудника снижается на 50%. В данный момент «период полураспада компетентностей» имеет значения 2–4 года. Исходя из этого, большое количество западных компаний развивают направление системы непрерывного образования сотрудников. Данный способ развития потенциала сотрудников называется «Концепцией обучающейся организации». Данный способ позволяет оставаться компании эффективной на протяжении долгого периода времени, а также добиваться долгосрочных целей с меньшими издержками.

Ежегодно крупные корпорации тратят на обучение и развитие персонала от 2% до 5% своего бюджета (табл. 3).

Таблица 3. Расходы западных компаний на обучение в 2023 г.

Компания	% от затрат на оплату труда
IBM	5,5%
Дженерал электрик	2,8%
Ксерокс	4,1%
Моторола	3%

Мировым лидером в обучении сотрудников является компания «IBM», которая ежегодно вкладывает в обучение сотрудников до 300 млн долл. Показатель финансирования 5,5% является эталонным (табл. 4).

Признанными лидером на территории Российской Федерации является ПАО «Сбербанк», который в год вкладывает до 3 млрд рублей в образование сотрудников [1]. Но также существуют и другие компании, которые вкладывают от 1% на обучение сотрудников – это признак лидерства в сфере обучения на территории РФ, по сравнению

с западными коллегами – это низкий показатель, но динамика растет, несколько лет назад этот показатель не достигал и 0,5%.

Таблица 4. Расходы российских компаний на обучение в 2023 г.

Компания	% от затрат на оплату труда
Сбербанк	1,5%
Евросеть	1,1%
Газпром Нефть	1,3%
Сибур	1,1%

В первую очередь, данные компании вкладывают в корпоративные университеты, так как считают, что нынешняя система образования не дает необходимые компетенции.

Система корпоративного университета компании на примере ПАО «Сбербанк» включает следующие элементы.

1. Множество программ и курсов обучения – Более 100 программ и курсов, направленных на развитие профессиональных и лидерских качеств, но при этом важно уточнить, что эти курсы связаны со стратегической целью цифровой трансформации компании. Все курсы компании подразделяются:

- на уровне программы – направлены на развитие всех уровней менеджмента компании. Данный вид обучения проходит в партнерстве с ведущими бизнес школами: London Business School, INSEAD;
- цифровые навыки – обучение, тесно связанное со стратегией цифровой трансформации компании. Направлено на получение знаний в части сбора и анализа данных;
- профессиональные навыки – направлено на развитие знаний и умений в банковской сфере для всех сотрудников компании.

2. Разные формы обучения – позволяют максимально усвоить обучающий материал. Включают в себя такие формы обучения как: очное и дистанционное обучение в традиционной и игровой форме.

3. Цифровые образовательные технологии – позволяют обучать сотрудников с применением новых методов и технологий:

- адаптивное обучение – в процессе обучения сотрудники не только осваивают теорию, но и активно участвуют в процессе обучения;
- обучение действием – изучение собственного опыта решения проблем в сравнении с коллегами, происходящее с помощью обмена мнениями и постановки вопросов;
- виртуальная реальность – вид обучения с применением новых технологий;
- чат-боты – вспомогательный инструмент к обучению для быстрого взаимодействия с корпоративным университетом и получения ответа на распространенные вопросы;

- киберпрокторинг – система контроля за дистанционной сдачей экзамена, позволяет сдавать экзамен в любой момент времени и из любой точки доступа;
- геймификация – процесс, при котором используется игровое мышление и динамика игр для вовлечения аудитории и решения задач;
- микрообучение – формат обучения, при котором процесс получения знаний разбивается на короткие интервальные занятия;
- массовый онлайн курс – позволяет проводить обучения для сотрудников из разных точек доступа без необходимости пребывания в кампусе корпоративного университета;
- социальное обучение – развитие навыков и умений для социального взаимодействия;
- деловые симуляции и игры – метод, позволяющий решать сложные задачи с использованием игрового метода, а также моделировать нестандартные ситуации и находить решения для них.

4. Виртуальная школа и банк знаний – это портал для непрерывного дистанционного обучения с доступом к базе со всей информацией о компании и необходимые знания о банковской сфере. Банк знаний включает различные материалы, необходимые для обучения:

- учебники корпоративного университета – издано 15 собственных книг;
- сборники кейсов и варианты их решений;
- аналитические издания;
- библиотека «Сбербанка» – корпоративная коллекция издания по актуальным банковским темам для непрерывного развития всех сотрудников компании;
- видеоматериалы семинаров и конференций.

5. Собственный кампус – 38 аудиторий для эффективной реализации разнообразных программ и технологий обучения. Территория кампуса 26,5 га Отличительными чертами кампуса являются: многофункциональный конференц-зал – мероприятия до 500 человек; аудитории с неформальными обстановками для обсуждения стратегического видения и дизайн – мышления. Вместимость до 100 человек; комнаты для групповой работы – для проектной работы, а также проведения различных мероприятий; различная инфраструктура для проживания и проведения активного отдыха.

6. Внешние проекты и корпоративные мероприятия – имеются программы для развития высшего и среднего менеджмента, а также линейных руководителей партнеров компании.

Помимо этого «Сбербанк» предоставляет на коммерческой основе инфраструктуру «под ключ» для реализации учебных программ других компаний. Также компания предоставляет возможность отдыха на территории кампуса по программе «Семейные выходные» для сотрудников банка и на коммерческой основе организует корпоративные мероприятия для других компаний

на основе собственной инфраструктуры, которая включает множество способов активного отдыха.

Таким образом, корпоративный университет – это, в первую очередь, глобальный способ достижения стратегических целей, который включает планомерное развитие всех категорий сотрудников компаний за счет разнообразных форм и способов обучения. В данном случае вокруг корпоративного университета строится целая система для развития сотрудников – библиотека, база знаний, инфраструктура университета, применение цифровых технологий – все это позволяет не только обучать сотрудников, но и выстраивать корпоративную культуру, а также повышать приверженность сотрудников компании за счет нематериального поощрения в виде «семейных выходных» на территории кампуса.

Таблица 5. Элементы корпоративного университета для небольших компаний

Элемент корпоративного университета	Преимущество элемента
Банк знаний	Закрепляет знания об организации, улучшает процесс адаптации
Инфраструктура для обучения	Позволяет проводить обучение на территории организации
Библиотека	Позволяет развиваться сотрудникам в разных областях работы компании, перенимать успешный опыт других компаний
Сборники кейсов	Развивает управленческие навыки и лидерские качества
Программы для развития всех уровней сотрудников	Способствует достижению стратегических целей компании и преодолевает сопротивление организационным изменениям
Перспективы после обучения	Мотивирует персонал к развитию и увеличивает приверженность персонала к компании
Разные подходы к обучению	Позволяет максимально усваивать материал
Проектная деятельность в ходе обучения	Способствует применению теоретических навыков на практике, позволяет проработать все ошибки до реализации реальных проектов
Привязка обучения к стратегии фирмы	Дает понимание о целях обучения
Проверка усвоенного материала в виде экзаменов	Оценка полученных знаний
Полная информация о ходе обучения	Полностью вовлекает в процессе обучение сотрудников

Реализация корпоративного университета – это эталонная разработка для развития персонала, которая дорогостоящая и сложна реализуемая для большинства больших предприятий, а для средних компаний это практически невозможно. Но в корпоративном университете есть важные элементы,

которые необходимы для успешной реализации программ в сфере обучения и развития персонала для каждой развивающейся компании (табл. 5).

Рассмотрим более детально основные элементы корпоративного университета.

1. Банк знаний – компания, которой важно развитие собственного персонала, должна иметь ресурс для своих сотрудников в виде интернет-портала, который должен содержать общую информацию о компании (плановые показатели, миссия, стратегия, цели, информацию о продуктах, отделах компании, вся информация о работе компании, видеоролики о работе и жизни компании).

2. Инфраструктура для обучения – должна в себя включать минимум две аудитории для проведения лекционных и групповых занятий с применением компьютерной техники. Это позволит гораздо качественнее реализовать программы обучения для сотрудников – изучать необходимые для организации знания.

3. Библиотека – интернет-ресурс и/или место в офисе, наполненное мировые бестселлерами, разбитых по разным блокам: «Продажи», «Маркетинг», «Финансы», «Менеджмент», «HR», «Производство».

4. Сборники кейсов – должны в себя включать сборник кейсов, связанных с компанией, а также решение кейсов успешных организацией.

5. Программы для развития всех уровней сотрудников – в системе обучения и развития персонала должны присутствовать не только программы обучения высших, средних и линейных менеджеров для улучшения управленческих навыков и опыта решения сложных задач, но и возможность повышения квалификации для рядовых сотрудников.

6. Перспективы после обучения – система образования должна предусматривать карьерные перспективы и расширения рабочих полномочий. К примеру компания «Евросеть», информируя о предстоящем обучении, публикует статистику для сотрудников, в которой показывает процент сотрудников, получивших повышения после прохождения обучения в их компании – 67%. Это демонстрирует сотрудникам, что обучение это общая цель организации и самих работников.

7. Разные подходы к обучению – необходимо применять разные способы обучения, к примеру, адаптивный метод, микрообучение – это позволит разнообразить процесс обучения, и максимально заинтересовать сотрудников.

8. Проектная деятельность в ходе обучения – необходимо давать возможность разрабатывать и реализовывать проекты обучающимся сотрудникам на основании программы обучения. К примеру, в ходе реализации программ в корпоративном университете «МТС» сотрудники получают проектные задания по маркетинговым исследованиям.

9. Привязка обучения к стратегии фирмы – программы для каждой категории сотрудников должны иметь единую стратегическую направленность. К примеру, корпоративный университет ПАО «Сбербанка» имеет единую стратегическую направленность в обучении, которая проявляется в цифровой трансформации компании.

10. Проверка усвоенного материала в виде экзаменов – необходимо разработать и реализовать методы оценки знаний – тесты, собеседования, оценка разработанных проектов для менеджеров компании.

11. Полная информация о ходе обучения – перед прохождением обучения персоналу необходимо предоставить материал, в котором должна содержаться информация о месте обучения, сроках обучения, ответственное лицо, цели, этапы, значимость обучения, преподаватель, расписанный процесс обучения.

Как было ранее сказано, реализация корпоративного университета финансово сложный проект, который трудно реализовать для средних предприятий. Рассмотрим, как компании на российском рынке реализуют образование сотрудников без применения корпоративного университета (рис. 1).

Как осуществляется обучение в вашей компании

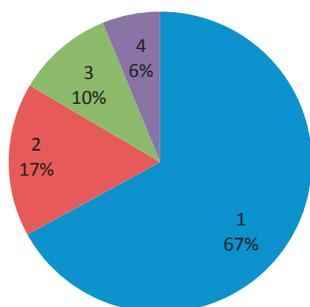

Рис. 1. Результат опроса работодателей в сфере образования сотрудников в 2023 году [2]

Примечания. 1 – собственными усилиями, а также с привлечением внешних компаний, осуществляющих обучение; 2 – исключительно собственными силами: инфраструктура для обучения в компании, а также собственный штат преподавателей и консультантов; 3 – обучают путем привлечения внешних компаний, осуществляющих обучение: собственной инфраструктуры у компании нет; 4 – обучают с помощью виртуального портала без штата преподавателей.

На территории Российской Федерации 69% работодателей реализуют обучение сотрудников [2]. Наиболее популярным способом является комбинация собственных усилий и привлечение внешних провайдеров (67%), и это логично, так как такая комбинация позволяет максимально усваивать материал от разных источников информации, а также большой выбор источников информации помогает освоить как можно больше знаний и навыков.

Таким образом, можно сделать вывод, что не стоит останавливаться только на разработке собственных стратегии в обучении и развитии

сотрудников, внешние провайдеры также могут успешно разнообразить программы обучения компании.

Литература

1. БСЭ [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.sberbank.com/sberprime/home>
2. БСЭ [Электронный ресурс]. – URL: <https://mrsei.ru/kachestvoobrazovaniya/vnutrennyaya-sistema-otsenki-kachestva-obrazovaniya-vsoko/rezultaty-oprosov-rabotadateley/>
3. Гильдингерш М.Г. Развитие кадрового потенциала организации. – СПб.: СПбГЭУ, 2016. – С. 101–107.
4. Егоршин А.П. Эффективный менеджмент организации: учеб. пособие / А.П. Егоршин. – М.: ИНФРА-М, 2018. – С. 237–239.
5. Маслова В.М. Управление персоналом: учебник и практикум для академического бакалавриата / В.М. Маслова. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2014. – С. 125–128.
6. Управление персоналом организации: учеб. пособие / под ред. П.Э. Шлендера. – М.: Вузовский учебник: ИНФРА-М, 2010. – С. 214–220.

CORPORATE UNIVERSITY AS A TOOL FOR EFFECTIVE DEVELOPMENT OF THE ORGANIZATION'S HUMAN RESOURCES POTENTIAL

Gildingersh M.G.

Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation

The current economic situation places quite stringent demands on organizations both in terms of business indicators and in terms of staffing. The article discusses the experience of developing human resources in domestic and foreign practice. Particular attention is paid to the role of human resources in increasing the competitiveness of the company. The author analyzed advanced cases on the development of human resources. The theoretical and informational basis of the study was the works of A.P. Egorshina, V.M. Maslova, P.E. Shlender [4, 5, 6], as well as publications of Internet resources. The article substantiates the thesis about the increasing role of the corporate university as a training technology in order to increase the efficiency of organizations and create a positive image in the market.

Keywords: corporate university, corporate culture, values, staff motivation, involvement, satisfaction, human resources, training methods.

References

1. TSB [Electronic resource]. – URL: <https://www.sberbank.com/sberprime/home>
2. TSB [Electronic resource]. – URL: <https://mrsei.ru/kachestvoobrazovaniya/vnutrennyaya-sistema-otsenki-kachestva-obrazovaniya-vsoko/rezultaty-oprosov-rabotadateley/>
3. Gildingersh M.G. Development of the personnel potential of the organization. – St. Petersburg: St. Petersburg State Economic University, 2016. – P. 101–107.
4. Egorshin A.P. Effective management of an organization: textbook. allowance / A.P. Egorshin. – M.: INFRA-M, 2018. – P. 237–239.
5. Maslova, V.M. Personnel management: textbook and workshop for academic undergraduates / V.M. Maslova. – 2nd ed., revised, and additional. – M.: Yurayt Publishing House, 2014. – P. 125–128.
6. Organizational personnel management: Textbook. allowance/ Ed. P.E. Shlender. – M.: University textbook: INFRA-M, 2010. – P. 214–220.

Адаптация иностранных студентов: социологический анализ и практика управления

Гончарова Ирина Валентиновна,

д.и.н., доцент, ведущий научный сотрудник НИИ государственной политики и управления отраслевой экономики, Государственный университет управления
E-mail: 79208195393@yandex.ru

Пушкарева Наталья Николаевна,

к.с.н., директор центра социологических исследований «14–35», Государственный университет управления
E-mail: nn_pushkareva@guu.ru

Гуров Григорий Александрович,

к.э.н., доцент кафедры государственного муниципального управления, Государственный университет управления
E-mail: ga_gurov@guu.ru

Статья посвящена изучению адаптации иностранных студентов к российской системе образования и социуму. Авторы раскрывают значение международного студенческого обмена для экономики и социальной сферы, анализируют современные тенденции в сфере высшего образования, выявляют ключевые факторы, влияющие на привлекательность учебного заведения в глазах иностранного обучающегося.

Авторы используют комплексный подход к проблеме адаптации, выделяя образовательные и социокультурные аспекты данного явления.

Статья основывается на социологических результатах по итогам опроса под руководством Центра социологических исследований «14–35». Опрос, в котором приняли участие 1419 человек, позволил выявить основные трудности и барьеры, с которыми сталкиваются иностранные студенты, а также факторы, способствующие их интеграции в новую образовательную и социальную среду. В результате анализа результатов социологического опроса структурирована модель адаптации иностранных студентов.

Статья представляет интерес для исследователей, преподавателей и специалистов в области международного образования и управления, а также руководства вузов, заинтересованного в развитии экспорта образования.

Ключевые слова: «мягкая сила», образование, вуз, адаптация иностранных студентов, международный обмен.

Введение

В современном мире наблюдается рост мобильности студентов, обусловленный глобализацией образовательных процессов. Обучение за границей становится способом получения качественного образования и формирует межкультурные коммуникации. Иностранные студенты часто сталкиваются с культурными барьерами, различиями в образовательных традициях и языковыми преградами. Это может затруднить их интеграцию в новый социальный контекст. Социологический анализ позволяет выявить специфические проблемы, с которыми сталкиваются студенты, и разработать эффективные стратегии их преодоления.

Центром социологических исследований «14–35» с 7 по 30 августа 2023 г. проводился онлайн-опрос иностранных студентов в двух группах. Первая группа (от 18 до 24 лет, обою пола в равной гендерной пропорции) была представлена студентами, которые впервые приехали для обучения в Россию на подготовительные факультеты (программа дополнительного образования), или же поступили в вуз для получения высшего образования (бакалавриат или магистратура). Студенты в возрастной группе 25–29, имеющие опыт пребывания в России и получающие следующую ступень высшего образования (магистратура, аспирантура или ординатура) составили вторую группу респондентов¹.

В основу исследования был положен социологический метод двухступенчатой выборки. Она проводилась в два этапа. На первом этапе проводилась сплошная выборка: ссылка на онлайн-анкету и приглашение к участию в опросе были разосланы в вузы, где в составе обучающихся были представители целевой группы. На втором этапе применялась конформная выборка – в опросе приняли участие все желающие иностранные студенты.

В исследовании приняли участие студенты из восьми федеральных округов России, включая новые регионы. Большинство участников – студенты из Москвы и Московской области, а также из Волгоградской области, Республики Татарстан, Приморского края и других регионов Центрального и Южного федеральных округов. Среди иностранных студентов были представители как ближнего зарубежья (Киргизия), так и дальнего –

¹ Центр социологических исследований «14–35». – URL: <https://guu.ru/university/csr/?ysclid=lye5ujlg7i507672707>

Черногории, Кипра, Туниса, Индии, Эквадора, Алжира, Колумбии, Замбии и Лаоса¹.

В рамках исследования был проведён опрос в режиме онлайн, который заполнили респонденты самостоятельно через сервис «Анкетолог». Также были проведены онлайн-интервью с экспертами и иностранными студентами.

Среди опрошенных иностранцев 44% обучаются по квоте Правительства РФ, что демонстрирует функционирование приоритетного Федерального проекта «Экспорт образования» в рамках национального проекта «Образование» (с 1 января 2019 по 31 декабря 2024)². Проект ставит задачу повышения привлекательности российских образовательных программ для иностранных граждан, улучшение условий их пребывания в период обучения на территории России, а также повышение узнаваемости и статуса бренда российского образования на международном образовательном рынке. Проект «предполагает разработку и внедрение целевой модели деятельности вуза по экспорту образования, в том числе создание международных служб для поддержки иностранных студентов»³. Это обуславливает актуальность данного исследования.

Привлечение иностранных студентов как стратегия экспорта образования

В современном мире наряду с традиционными инструментами воздействия государств на международную арену, такими как военная мощь и экономическое влияние, всё большее значение приобретают нематериальные инструменты, которые принято называть «мягкой силой».

По словам американского политолога Джозефа Ная, который ввел в научный оборот данное понятие в конце XX в., основными ресурсами «мягкой силы» являются три составляющие: культура, политические ценности, внешняя политика [10, с. 11].

Стратегия «мягкой силы» предполагает использование различных методов для укрепления положения страны на мировой арене, таких как продвижение образовательных услуг, популяризация языка и ценностей национальной культуры. Это во многом обусловлено сменой вектора лидерства в мировой политике, которое в XXI веке определяется борьбой именно за ценностную составляющую миропорядка, способностью «направленно развивать» другие государства. Как отмечает А.В. Торкунов: «Конкуренция ценностей и моделей общественного, государственного и социально-экономического развития – один

из ключевых трендов начала нового тысячелетия» [9].

Ключевым аспектом стратегии «мягкой силы» является сфера образования и обучение иностранных студентов. Оно решает две задачи: 1) привлечение талантливой молодежи как необходимого ресурса для «экономики знаний»; 2) воздействие на внешний мир через лояльность и социальный капитал обучившихся студентов после возвращения на родину.

В научном поле изучение экспорта образования как относительно нового социального феномена изучается также с позиций образовательной миграции. Одни исследователи видят в варианте интеллектуальной миграции [2, 3], другие классифицируют как социальный тип [7]. Суворова В.А., Бронников И.А. рассматривают «образовательную миграцию как ресурс «мягкой силы» государства в рамках реализации государственной миграционной политики» [6, с. 133]. Являясь одним из наиболее благоприятных видов миграции, образовательная миграция способствует увеличению численности трудоспособного населения, приносит финансовую прибыль системе образования, развивает культурный и образовательный межгосударственные обмены, влияет на формирование политической элиты других стран [6].

Авторы коллективной монографии НИУ ВШЭ «Как сделать образование двигателем социально-экономического развития?» выделяют три целевые группы иностранных студентов с разными задачами привлечения: 1) пополнение рабочей силы отечественного рынка труда; 2) пополнение бюджета; 3) позиционирование России в рамках стратегии «мягкой силы» [5]. Вместе с тем, локализация глобальной национальной задачи в рамках одной из групп, не исключает возможность внутригруппового пересечения.

Таким образом, важнейшим аспектом привлечения иностранных студентов является инструмент «мягкой силы», что чрезвычайно важно в современной геополитической ситуации.

Результатом реализации данной политики является увеличение иностранных обучающихся на 23% за последние пять лет. По данным Министерства образования и науки РФ, в 2023–2024 учебный год, в российских вузах обучалось 355,8 тыс. иностранцев, тогда как осенью 2018 г. 290 тыс..⁴

Для выстраивания эффективной стратегии позиционирования российской системы образования за рубежом, важно проанализировать какими критериями выбора страны для обучения руководствовались поступившие иностранные студенты. По данным проведённого опроса, наименьшее

¹ Центр социологических исследований «14–35». – URL: <https://guu.ru/university/csr/?ysclid=lye5ujlg7i507672707>, С. 286

² Паспорт федерального проекта. – URL: https://kochetovka-sosh.gosuslugi.ru/netcat_files/userfiles/PNPO/eo.pdf

³ О приоритетном проекте «Экспорт образования». – URL: <http://government.ru/info/27864/>

⁴ «Ведомости» назвали число иностранцев в российских вузах. – URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/6654135c9a794748214e3e6f#:~:text=B%202023–2024%20учебном%20году%20в,страны%20составило%20351%2C1%20тыс.%20человек>

число респондентов при выборе места обучения опиралось на роль и место России в мире (18%), хорошее соотношение цены и качества образования (17%), гибкую политику России в отношении других стран (12%) и хорошие отношения между Россией и страной респондента (5%)¹, что позволяет сделать вывод о незначительной внешнеполитического фактора, когда перед абитуриентами встает вопрос поиска другой страны.

При выборе места для обучения большинство участников опроса руководствовались следующими факторами:

39% – отдали предпочтение университету, в котором хорошо обучают русскому языку;

38% – учитывали рекомендации родных и близких;

30% – обратили внимание на позицию университета в мировых рейтингах.

Кроме того, 23% респондентов принимали во внимание советы друзей, которые уже обучаются в России². Приведенные данные опроса свидетельствуют о важности воздействия «мягкой силы» на вышеперечисленные каналы с целью реализации национальных интересов и экспорта образования, в частности. Кроме того, 85% иностранных студентов являются активными пользователями российской социальной сети ВКонтакте, которая также может выступить каналом для распространения «мягкой силы»³.

Теоретические основы адаптации иностранных студентов

Специфика психологических и культурно-национальных факторов вынуждает иностранных студентов проходить социокультурную адаптацию, то есть преодолевать в повседневной жизни ряд социально-нравственных и культурных препятствий, перенимая новые форматы поведения и виды деятельности, эффективность которого во многом зависит от управленческих механизмов. Авторы коллективной монографии «Иностранный студент в российском вузе» воспринимают социокультурную адаптацию «как интегрированный показатель, который должен включать в себя адекватное восприятие иной культуры, способность к обучению и общению с другими нациями, ощущение себя членом данной этнокультурной группы, положительные эмоции от пребывания в новой среде, ощущение душевного комфорта и спокойствия» [1, с. 12].

В контексте социально-педагогического процесса перед адаптацией стоит задача нивелирования травмирующего влияния чужой среды и обеспечения оперативной интеграции студентов в процесс обучения, повышения их уровня образова-

ния. В первый год обучения иностранный студент в новой среде сталкивается с тремя главными проблемами:

1) психологические, вызванные эмоциональным напряжением, последствием изменения климатических условий и среды общения;

2) образовательные, опосредованные познавательными барьерами из-за недостаточного знания языка, разницы в образовательных системах, новым правилам организации учебного процесса и контроля;

3) социокультурные, определяемые вхождением в новую культурную среду и созданием новых коммуникаций [4].

Социологические исследования подтвердили, что проблема общения на русском языке актуальна для 26% респондентов. Более того, 37% опрошенных преодолевают языковой барьер в учебной среде благодаря одногруппникам и соседям по общежитию, 22% студентов обращаются к преподавателям и только 14% опрошенных ходят на языковые курсы. В ходе учебного процесса многие студенты сталкиваются с проблемами, связанными с обилием узкоспециализированной лексики, которая не была освоена на подготовительном этапе (37%)⁴. Это свидетельствует о недостаточной реализации программ дополнительного образования на подготовительных отделениях или факультетах вузов, направленных на формирование языковых компетенций для ликвидации языкового барьера у иностранных студентов.

По результатам исследования, адаптация к жизни и учёбе в России представляет собой непростую задачу, требующую значительных усилий и времени. Особенно трудно было приспособиться к российскому климату, что отметили почти половина (43%) респондентов. Это обусловлено тем, что среди респондентов большое количество выходцев из стран Африки и Азии. Почти четверть респондентов указали на трудности освоения языка (26%), проживание в общежитии (24%). Почти треть (28%) отметили, что им было нелегко находиться вдали от родных и близких⁵.

Каждый иностранный студент проходит следующие этапы адаптации:

1) вхождение университетскую среду;

2) усвоение базовых норм нового коллектива, выстраивание траектории своего поведения;

3) преодоление «языкового барьера».

Огромную роль в процессе прохождения этих этапов и ускорения социокультурной адаптации играет внеурочная деятельность вуза. Более половины интервьюированных студентов оценили на «хорошо» из 4 предложенных вариантов ответа («хорошо», «удовлетворительно», «плохо» и «мероприятие не проводится в моем вузе») воспитательную работу вуза. В то же время 68% учащихся высоко оценили проведение культурных меро-

¹ Центр социологических исследований «14–35». – URL: <https://guu.ru/university/csr/?ysclid=lye5ujlg7i507672707>

² Центр социологических исследований «14–35». – URL: <https://guu.ru/university/csr/?ysclid=lye5ujlg7i507672707>

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

приятый в университете, в том числе организацию фестивалей, посвящённых культуре других стран. Более половины (54%) запомнили экскурсии в городские музеи, 50% – тематические встречи с известными личностями, Студенты положительно отозвались о волонёрской деятельности и работе международного клуба на базе университета (52%)¹.

Модель адаптации иностранных студентов

Главная задача управления учебно-воспитательным процессом на фоне роста численности иностранных обучающихся заключается в создание и обеспечение благоприятной и комфортной среды для их адаптации к российскому социуму. В ней можно выделить несколько подзадач:

- анализ факторов, влияющих на процесс адаптации, который даёт возможность выявить эффективные меры для ликвидации адаптационных трудностей;
- привлечение квалифицированных преподавателей, понимающих особенности менталитета иностранных обучающихся и готовых оказать им психологическую поддержку;
- мониторинг социально-психологического самочувствия иностранных студентов с целью своевременного выявления и корректировки случаев неудовлетворительной адаптации.

Успешной адаптации иностранных студентов способствуют две группы факторов: субъективные (его личностные характеристики) и объективные (преподавание). Интеграция студента в новую социокультурную среду во многом зависит от уровня владения русским языком, способности к обучению и особенностей национального менталитета. Важнейшим условием успешной учёбы иностранных студентов в российских вузах является быстрое и эффективное овладение русским языком, поскольку 26% иностранных студентов не владеют им по приезде в Россию.

Огромное значение имеет доступность для иностранцев образовательного процесса. В ходе опроса она была оценена по предложенным критериям: навигация по университетскому кампусу, отсутствие барьеров во взаимодействии с представителями кафедр и деканата, понятные расписание и структура учебного процесса. Удобство навигации по территории университета и по кампусу оценили две трети опрошенных («хорошо»), как и отчетливость расписания занятий. В отношении доступности учебно-методического комплекса на иностранном языке, рабочей программы курса и учебных процедур, студенты выбрали «удовлетворительно»².

Исследователи акцентируют внимание на психологической особенности – ощущении присоединенности: «входить с другими людьми в продол-

жительные тесные взаимоотношения, гарантирующие позитивные переживания и результаты» [8, с. 148]. В целом, высоко оценивая качество преподаваемого учебного материала и роль преподавателя (84% отметили возможность пользования учебной литературой, 77% оценили предоставление текста лекций преподавателем, 74% отметили заинтересованность преподавателя в изучении материала студентом), иностранные студенты, тем не менее, адаптированность процесса обучения под иностранных студентов отметили менее половины 48%³.

Исследование показывает, что иностранные студенты стремятся избегать конфликтов. Восемьдесят процентов проходивших опрос отметили, что не было причин для разногласий с преподавателями и студентами. двадцать процентов – сталкивались с конфликтными ситуациями, при этом почти половина случаев касалась взаимодействия с российскими студентами. Разрешать конфликты треть студентов предпочитают самостоятельно, каждый пятый обращается за помощью к соотечественникам, почти половина опрошенных надеется на поддержку друзей.

При этом только 18% респондентов обращаются к своему куратору, 10% – в международный отдел ВУЗа, а 9% – к руководству университета, что свидетельствует о низкой степени вовлеченности официальных структур российских вузов в коммуникативные проблемы иностранных обучающихся.

В ходе исследования было установлено, что более половины респондентов получают поддержку от университета в паспортно-визовом оформлении нахождения на территории России. В частности, 68% опрошенных указали на помощь в получении медицинского полиса, консультации по вопросам миграционного учёта и получения визы. Кроме того, 66% респондентов считают качественным медицинское обслуживание⁴. Представители университета оказывают поддержку в научно-исследовательской работе (конференции, гранты), академической мобильности, получении специальных стипендий. Почти половина студентов отметили оказание необходимой психологической поддержки.

Приведенные данные позволяют сделать вывод о включенности университетов в решение таких базовых вопросов, как паспортно-визовое сопровождение и медицинское обслуживание, обеспечивающих пребывание иностранных студентов в России, при этом в меньшей степени уделяют внимание процессу адаптации иностранных граждан к университету и новой социокультурной среде.

Важным маркером адаптации является собственное социально-психологическое самочув-

³ Центр социологических исследований «14–35». – URL: <https://guu.ru/university/csr/?ysclid=lye5ujlg7i507672707>

⁴ Центр социологических исследований «14–35». – URL: <https://guu.ru/university/csr/?ysclid=lye5ujlg7i507672707>

¹ Там же.

² Там же.

ствие студента или ощущение степени адаптации им самим.

В анкете было предложено семь областей адаптации, которые нужно было оценить: языковая, образовательная, социальная, бытовая, психологическая, финансовая и культурная. Большинство опрошенных (до 70%) положительно оценили свою адаптацию во всех сферах. Субъективность восприятия ситуации выражается в том, что, по мнению иностранцев, они лучше всего адаптировались к языковой и культурной сферах. Примечательно, что в других пунктах анкеты именно языковые трудности фигурируют на первых позициях. В финансовой сфере адаптация была наименее успешной – только 47% опрошенных дали положительную оценку. Самый низкий показатель оказался в финансовой сфере – 47%¹.

По результатам проведенного тестирования можно составить модель адаптации иностранных студентов. В ее структуре выделяются три блока.

1. Причины выбора российского образования.

На этом уровне, условно назовем его базовый (преадаптационный) выделяются 3 группы факторов, определяющие выбор иностранными студентами обучения в России:

- личностные: знание русского языка на достаточном уровне, представление о культуре России, рекомендации окружения;
- социально-политические: цена и качество образовательных услуг, безопасность проживания в стране, роль России на международной арене;
- имиджевые: популяризация российского образования офлайн (диаспоры, Россотрудничество) и онлайн (цифровые масс-медиа).

2. Адаптационные условия.

На результаты влияют субъективные и объективные условия:

- первый запечатленный субъективный опыт после приезда в страну;
- мотивационно-волевая сфера обучающегося;
- языковая подготовка;
- семья и окружение;
- академическая подготовленность;
- наличие диаспоры.

3. Проблемы адаптации.

Каждый иностранный студент сталкивается с неизбежными трудностями в процессе адаптации. Среди наиболее значимых выделяются следующие:

- новые климатические условия;
- коммуникативный барьер;
- бытовые трудности;
- психоэмоциональные проблемы;
- организационные проблемы.

Данная модель позволяет структурировать процесс адаптации иностранных студентов в России, выявлять ключевые факторы, которые влия-

ют на их успешность, а также определять основные трудности, с которыми они сталкиваются. Такой подход помогает разработать рекомендации для вузов, которые планируют расширять практику привлечения иностранных студентов.

Рекомендации управления процессом адаптации иностранных студентов

По результатам социологического опроса и создания модели адаптации, можно выделить следующие рекомендации.

Взаимодействие с абитуриентами, которые решили учиться в России, должно начинаться заранее. Это поможет избежать проблем, которые могут возникнуть после приезда иностранных студентов в нашу страну. Оно должно организовываться Россотрудничеством и Министерством образования и науки РФ.

Первый этап включает комплекс информационно-просветительских мероприятий с абитуриентами и родителями. Содержательно они должны освещать три уровня проблем.

1. Образ России (географический, политический, культурный). Необходимо разрушение традиционных мифов о стране, о ее культурных стереотипах, знакомство с менталитетом россиян. Если абитуриент определился с вузом, стоит рассмотреть региональные особенности.

2. Образовательные программы российских вузов, особенности образовательного процесса и приемной кампании. Особое внимание следует уделить паспортно-визовому сопровождению и работе структур университета, отвечающих за международную деятельность.

3. Организация бытовой сферы. Будущего студента необходимо познакомить с проживанием в общежитии, культурой питания с России, стоимости продуктов и товаров первой необходимости. Представляется целесообразным проведение бесед о принятых правилах поведения в обществе².

Второй этап проводится уже с теми студентами, которые уже поступили в российский вуз и приехали в Россию. На данном этапе важно выстроить работу с родителями, преимущественно в формате онлайн, с целью получения обратной связи и предоставления возможности контроля за успеваемостью обучающихся. Родителям необходимо предоставить возможность диалога с куратором, преподавателем и представителем ректората. Выполнить данную задачу возможно при помощи цифровых решений – создания цифрового сервиса. Ускорению процесса адаптации способствует волонтерское движение бадди – привлечение иностранных студентов, владеющих английским языком и опытом нахождения в России для помощи другим иностранным студентам

¹ Центр социологических исследований «14–35». – URL: <https://guu.ru/university/csr/?ysclid=lye5ujlg7i507672707>

² Центр социологических исследований «14–35». – URL: <https://guu.ru/university/csr/?ysclid=lye5ujlg7i507672707>

На данном этапе можно использовать следующие инструменты для успешной адаптации:

- предложение дополнительных образовательных услуг, в первую очередь, по изучению русского языка, а также культуры и истории;
- организация конкурсов и олимпиад по русскому языку, знанию культуры и традиций в контексте интернационального взаимодействия;
- создание студенческих сообществ, курируемых управленческими структурами университета, функционал которых составляет организация международной деятельности.
- подбор и предоставление адаптированной информации о законодательстве, миграционной поддержке, нормах поведения в России т.д.;
- доступ к ресурсам и услугам, предоставляемым государством и обществом в правовой, социально-экономической и культурной сферах;
- доступность социальной, жилищной, транспортной, культурной и экономической инфраструктуры.

Заключение

В заключение следует подчеркнуть, что привлечение иностранных студентов действительно является важной стратегией экспорта образования и значительным вкладом в международное сотрудничество. Исходя из анализа теоретических основ адаптации и результатов социологического опроса, проведенного Центром социологических исследований «14–35», можно утверждать, что успешная интеграция иностранных студентов в образовательные и культурные контексты российских вузов требует комплексного подхода.

Модель адаптации, структурированная в ходе исследования, демонстрирует, что успешная социализация студентов зависит от множества факторов: от уровня языковой подготовки до культурной инклюзии и доступа к социальным ресурсам. Выявленные проблемы и потребности иностранных студентов служат основой для выработки рекомендаций, касающихся управления процессом их адаптации.

Рекомендуется развивать программы сопровождения, обеспечивать информационную поддержку и содействовать созданию сообществ, которые помогут иностранным студентам наладить позитивную коммуникацию. В этом контексте важно учитывать культурные различия и предлагать специализированные курсы, направленные на развитие межкультурной компетенций, как для студентов, так и для профессорско-педагогического состава и административно-управленческого персонала.

Таким образом, реализация предложенных мероприятий не только способствовала бы повышению качества образовательного процесса для иностранных студентов, но и укрепила бы междуна-

родные связи, повысив привлекательность российского образования более на мировом рынке. Адаптация иностранных студентов является не только локальной задачей отдельных вузов, но и стратегической целью для всей системы высшего образования в России, это требует системных комплексных решений со стороны государственного управления и системы высшего образования.

Литература

1. Иванова Г.П. Иностраный студент в российском вузе: монография / Г.П. Иванова, Н.Н. Ширкова, О.К. Логвинова. – М.: РУСАЙНС, 2022. – 138 с.
2. Ивахнюк И.В. Международная трудовая миграция. – Москва: Теис, 2005. – 286 с.
3. Ионцев В. А., Алешковкий, И.А. Тенденции международной миграции в глобализирующемся мире // Век глобализации, 2008, № 2. С. 77–87.
4. Кривцова И.О. Социокультурная адаптация иностранных студентов к образовательной среде российского вуза (на примере Воронежской государственной медицинской академии им. Н.Н. Бурденко) // Фундаментальные исследования. 2008. № 8. С. 284–288.
5. Кузьминов Я. И., Фрумид И.Д., Сорокин П.С., Абанкина И.В. и др. Как сделать образование двигателем социально-экономического развития? / Под ред. Кузьминова Я.И., Фрумина И.Д., Сорокина П.С. // Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики», Ин-т образования. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. – 284 с.
6. Международная образовательная миграция как «ресурс мягкой силы» в эпоху глобализации//Управление. 2019. № 4. С. 131–139.
7. Рязанцев С.В. Трудовая миграция в странах СНГ и Балтии. – М.: Формула права, 2007. – 572 с.
8. Столяренко Л.Д., Самыгин С.И. Социальная психология. – Ростов н/Д: Феникс, 2020. – 331 с.
9. Торкунов А. Образование как инструмент «мягкой силы» во внешней политике России. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/obrazovanie-kak-instrument-myagkoy-sily-vo-vneshney-politike/?ysclid=m1j5vz1pw596975336>
10. Nye J.S., Jr. Soft Power. The Means to Success in World Politics. – N.Y., 2004. – p. 11.

ADAPTATION OF INTERNATIONAL STUDENTS: SOCIOLOGICAL ANALYSIS AND MANAGEMENT PRACTICE

Goncharova I.V., Pushkareva N.N., Grigory A.G.
State University of Management

The article is devoted to the study of the adaptation of foreign students to the Russian education system and society. The authors re-

veal the importance of international student exchange for the economy and social sphere, analyze current trends in higher education, identify key factors affecting the attractiveness of an educational institution in the eyes of a foreign student. The authors use an integrated approach to the problem of adaptation, highlighting the educational and socio-cultural aspects of this phenomenon.

The article is based on the sociological results of a survey conducted by the Center for Sociological Research "14–35". The survey, which was attended by 1,419 people, revealed the main difficulties and barriers faced by international students, as well as factors contributing to their integration into a new educational and social environment. As a result of the analysis of the results of the sociological survey, a model of adaptation of foreign students is structured. The article is of interest to researchers, teachers and specialists in the field of international education and management, as well as the leadership of universities interested in the development of education exports.

Keywords: «soft power», education, adaptation of foreign students, university, international exchange.

References

1. Ivanova G.P. A foreign student in a Russian university: monograph / G.P. Ivanova, N.N. Shirkova, O.K. Logvinova. – M.: Russains, 2022. – 138 p.
2. Ivakhnyuk I.V. International labor migration. – Moscow: Teis, 2005. – 286 p.
3. Iontsev V. A., Aleshkovskiy, I.A. Trends in international migration in a globalizing world // *The Century of Globalization*, 2008, No. 2. pp. 77–87.
4. Krivtsova I.O. Socio-cultural adaptation of foreign students to the educational environment of a Russian university (on the example of the Voronezh State Medical Academy named after N.N. Burdenko) // *Fundamental Research*. 2008. No.8. pp. 284–288.
5. Kuzminov Ya. I., Frumin I.D., Sorokin P.S., Abankina I.V., etc. How can education be made an engine of socio-economic development? / Ed. Kuzminova Ya. I., Frumina I.D., Sorokina P.S. // *Nats. research. Higher School of Economics, Institute of Education*. – Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 2019. – 284 p.
6. International educational migration as a “soft power resource” in the era of globalization // *Management*. 2019. No. 4. pp. 131–139.
7. Ryazantsev S.V. Labor migration in the CIS and Baltic countries. – M.: Formula of Law, 2007. – 572 p.
8. Stolyarenko L.D., Samygin S.I. Social psychology. – Rostov n/A: Phoenix, 2020. – 331 p.
9. Torkunov A. Education as a tool of “soft power” in Russia’s foreign policy. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/obrazovanie-kak-instrument-myagkoy-silyi-vo-vneshney-politike/?ysclid=m1jstvz1pw596975336>
10. Nye J.S., Jr. Soft Power. The Means to Success in World Politics. – N.Y., 2004. – p. 11.

Принудительный труд в дореволюционной России

Кравченко Альберт Иванович,

д.с.н., профессор, заместитель главного редактора журнала «Социология»

E-mail: kravchenkoai@mail.ru

Принудительная система труда, организованная в масштабах всего общества, касается условий труда, быта, материального благосостояния и образа жизни больших групп людей, а потому должна именоваться формой социальной организации труда. Она принимает самые разные виды – труд рабов в античных эргастериях, работа каторжан в царских ссылках, деятельность советских эзков на великих стройках коммунизма. В истории России принудительный труд представлял собой дешевый труд, который был необходим как при крепостничестве, так и при советском строе, который пытался провести модернизацию промышленности, а после второй мировой войны восстановить разрушенное хозяйство при помощи рабочей силы, не знавшей вольного найма и общечеловеческих прав. Наиболее глубокий анализ принудительного труда как социальной практики широких масс населения дореволюционной (до 1917 г.) и как социального института провел в своих работах выдающийся русский социолог и экономист М.И. Туган-Барановский.

Ключевые слова: принудительный труд, прикрепление к фабрике, посессионные фабрики, крепостной, фабрикант.

Континуум принудительного труда

Принудительный труд рабов оценивается историками как самый непроизводительный. Советские политзаключенные 1930-х годов те же рабы. Но вот парадокс. 80-километровый Панамский канал свободные рабочие строили 28 лет, на Суэцкий в 160 км ушло 10 лет, а Беломорско-Балтийский канал длиной 227 км зеки построили менее чем за 2 года. Правда, цена, заплаченная за ударный труд принудительных работников, была чрезмерно высокой. В годы строительства Беломорско-Балтийского канала, на котором трудились преимущественно политические заключенные, умирало от непосильного труда до 700 человек в день.

Барщина – принудительный труд крестьян в хозяйстве феодала. Это то, что в феодализме осталось от рабства. При барщине у крестьянина нет заинтересованности в результатах своего труда, поэтому его производительность очень низка. И барщину в первую очередь заменяют денежными платежами. Ликвидация барщины означала ликвидацию собственного, домениального хозяйства феодала. *Рабочий дом* (работный дом) – тип принудительного учреждения, куда направлялись люди для «исправления нравов трудом». «Наша фабрика, – писал о русской промышленности XVIII–XIX вв. известный историк и социолог М.И. Туган-Барановский, – приняла характер рабочего дома, в котором порядок поддерживался суровой дисциплиной, а поощрением к труду служили тяжелые наказания» [5, с. 27].

Весь общественный труд с точки зрения его принудительности можно теоретически разбить на континуум переходных форм, крайними полюсами которого выступают: репрессивный труд и свободный труд. Все прочие виды труда помещены между ними. Репрессивный труд – это труд в такой степени принудительный, что отклонение от него ставит человека за грань условий существования как физического, так и духовного. Например, труд в лагерях и тюрьмах, труд репрессированных в 1930-е годы. Уклонение от него преследуется либо физическим уничтожением (смерть), либо духовным (унижение и деградация личности), либо политическим (лишение всех прав), либо социальным и экономическим – лишение средств существования и переход в другую, депривилегированную социальную группу.

В годы второй мировой войны немецкая католическая церковь использовала подневольный труд тысяч рабочих стран Восточной Европы. В годы советских пятилеток существовали принуди-

тельные займы, неоплачиваемый труд миллионов заключенных, продразверстка, рабский, подневольный труд при отсутствии праздников.

Несвободный труд не тождественен принудительному, последний – лишь одна из форм первого. Экономическое и внеэкономическое принуждение – это еще не принудительный труд, а несвободный – средневековый европейский крестьянин. А вот русский крепостной крестьянин – это принудительный труд, ибо нет права перехода. Ограниченное право перехода, перемены труда – характеристика несвободного труда. Отсутствие такого права – принудительного, отсутствие ограничений – характеристика свободного труда. Свободный труд (современный западный рабочий) – это возможность выбора и перехода на лучший вид работы. Если у тебя нет этого и предоставлены более худшие условия – то это несвободный труд, но еще не принудительный, ибо в нем вообще нет такого перехода, нет выбора.

Условная середина нашего континуума – обязательный труд. Пример – субботники и общественные работы в Египте, Древней Греции. Ты можешь уклониться, и тебя никто не накажет, но ты потеряешь общественное лицо, уважение сограждан.

Принудительный, подневольный труд – синоним полурабского, крепостного труда, применяемый там, где не использовался свободный наемный труд по контракту и за определенную плату. Характеризуется высокой интенсивностью и низкой оплатой либо полным отсутствием таковой. Синоним безвозмездного труда. Принудительный труд основан на различных формах личной зависимости (рабство, крепостное состояние, переходные формы к свободным договорно-наемным отношениям).

Противоположностью принудительного труда выступает свободный труд, который при капитализме принимает форму наемного труда. При нем личность трудящегося свободна. Промежуточными ступенями между двумя формами труда в дореволюционной России служили: 1) домашнее производство, 2) работа по заказу (отдельных лиц – не предпринимателей, а потребителей отдельных видов труда), 3) ремесло – в котором исполнительный труд производится самим хозяином предприятия наравне с наемными рабочими, 4) работа на скупщика, выступающего в роли предпринимателя, и 5) фабричная работа. В последнем случае наемные работники получают оговоренное заранее вознаграждение и не несут риска в зависимости от доходности предприятия (за исключением риска потери работы и понижения самой заработной платы).

Видный дореволюционный социолог Н. Рожков относил к формам принудительного труда два способа организации труда: 1) прикрепление крестьянина к земле (крепостное право), 2) прикрепление ремесленника к цеховой корпорации. Цеховой строй в средневековой Европе, отсутствовавший

в средневековой Руси, основывался на цеховой принудительности, т.е. «запрещении заниматься ремеслом тем, кто в цех не записан, с точным регулированием цен, количества и качества производимых каждым ремесленником товаров; с определенной регистрацией взаимоотношений мастеров, подмастерьев и учеников» [3].

Исторические формы принудительного труда: 1) труд рабов в античности; 2) труд крепостных рабочих на русских фабриках XVIII–XIX вв.; 3) труд в советских лагерях; 4) труд в фашистских концентрационных лагерях; 5) труд современных рабов. С проявлениями принудительного труда можно встретиться во все исторические эпохи: труд зависимых людей в Шумере и Аккаде, рабов в Древней Греции и Риме, рабов в США в XVIII в., крепостных крестьян в Европе и России, заключенных в СССР и т.д.

Дореволюционная Россия

Институт принудительного труда в России существовал в двух главных формах: а) принудительный труд в сельском хозяйстве (крепостные крестьяне), б) принудительный труд в промышленности (крепостные рабочие). В обоих случаях он выполнял функцию подбора и закрепления кадров. Принудительность возникает только в тех ситуациях, когда хозяйство испытывает дефицит добровольной рабочей силы. Когда у человека нет внутренней мотивации заниматься данным видом деятельности, а общество испытывает в этом острую необходимость, его приходится заставлять.

Насаждению принудительного труда в промышленности немало способствовали реформы Петра I. Попытка пойти по западноевропейскому пути, т.е. использовать вольнонаемных рабочих, провалилась с самого начала. Беглые крепостные, бродяги, нищие, даже преступники составляли первый промышленный контингент, которого все равно не хватало. Не спасало положение и привлечение малолетних детей, матросских и солдатских жен. Наряду с нехваткой рабочих рук положение усугублялось низкой квалификацией работников, не прошедших выучки, аналогичной школе западноевропейского цехового ремесла. В этих условиях достигнуть поставленных целей можно было только распространением на мануфактурное производство принудительного крепостного труда [6]. Крепостные в деревне и крепостные на фабрике – две стороны одного явления. Г. Семевский писал: «правительство при Петре Великом додумалось до того, чтобы фабричные работы исполнялись таким же крепостным трудом, как и сельские в имениях частных землевладельцев» [5, с. 26].

По указу 18 января 1721 г. к фабрикам прикреплялись крепостные крестьяне. С этого момента вместо капиталистического производства с вольнонаемными рабочими в стране водворилось, отмечает М.И. Туган-Барановский, крупное произ-

водство с принудительным трудом. Сразу же после указа к фабрикам начали приписывать целые села. В 1736 г. был подготовлен Высочайший указ, по которому все работники, находившиеся в момент его издания на фабриках и которые были обучены соответствующему мастерству, должны были «вечно» оставаться со всеми своими семействами на фабриках у настоящих владельцев, т.е. поступали в полное пожизненное распоряжение фабрикантов [4, с. 25–26]. Только при Елизавете Петровне право фабрикантов на крепостной труд было сильно ограничено. А Петр III указом от 29 марта 1762 г. вообще запретил покупку к фабрикам и заводам крестьян как с землей, так и без земли.

В петровской России фабрикант, носитель передовых общественных начал, как и русский дворянин, хранитель прошлого, в равной мере были заинтересованы в укреплении исторически отживших социальных институтов, прежде всего в институте закрепощения рабочей силы. Этот уникальный парадокс во многом объясняет живучесть принудительного труда как мощного экономического и социального института.

Институт принудительного, крепостного труда давал решение многим проблемам – и прежде всего проблеме самоокупаемости работников и текучести кадров. Поскольку принудительный труд был малопродуктивным, то для самоокупаемости требовалось большее время и более высокая степень эксплуатации. В древнем мире раб, трудившийся с прохладцей, прикреплялся к хозяину на всю жизнь. Русское правительство ввело более зримые сроки «самоокупаемости» – 7–10 лет. Закрепить работника за фабрикой стало единственной возможностью получить с него хоть какой-то «навар». «Принудительный, крепостной труд был единственным выходом из такого положения. Малая производительность труда должна была возмещаться, для фабриканта, усиленной эксплуатацией рабочего – главным образом, уменьшением расходов на содержание последнего. Интересы фабрикантов требовали прикрепления рабочего также и по следующей причине: рабочий, проработавший некоторое время на фабрике, обучался своему делу, становился искусным рабочим, на таких рабочих спрос был очень велик – фабриканты переманивали их друг от друга, и каждая фабрика подвергалась опасности лишиться своих обученных рабочих» [5, с. 25].

Итак, рабочего на 10 лет прикрепили к фабрике. Он набирается мастерства, трудится по 14–16 часов в антисанитарных условиях и за мизерную зарплату. Понятно, что ни о какой мотивации к достижению, самореализации, участии в принятии управленческих решений, социальной активности и стремлении повышать квалификации в XVIII в. речи идти не могло. Не те условия, не тот работник. Но и этот работник был в дефиците. На него постоянно засматривались соседние фабриканты,

выжидая удобный момент для переманивания. Институт переманивания рабочей силы при старой фабричной системе процветал не только в России, но и в США. О нем писал Ф. Тейлор в конце XIX в. На его разрушение была направлена вся мощь «научного менеджмента». Не воровать у соседей, а готовить кадры самому – таков был основной лозунг американских рационализаторов управления. Тейлор взялся доказать фабриканту выгодность подготовки персонала на собственном предприятии и доказал. Правда, для этого ему пришлось до основания перетрясти старую систему управления.

Такое возможно только в рыночном и достаточно развитом обществе. Россия середины XVIII в. вообще не была похожа на США конца XIX в. «Чтобы обеспечить себя рабочими, фабриканты обыкновенно выговаривали себе право в течение известного времени пользоваться трудом обученных ими рабочих... Регламентом Мануфактур-коллегии (§ 12) за «подзывание работных людей с одной фабрики на другие» до истечения урочного срока работы был назначен огромный штраф – 100 руб. за каждого рабочего; этот штраф уплачивался виновным фабрикантом, рабочий же возвращался на фабрику прежнего своего хозяина и подвергался телесному наказанию» [5, с. 25].

Нерыночное общество способно бороться с переманиванием квалифицированных специалистов и текучестью кадров лишь нерыночными, административными методами. Фабриканту, воруящему рабочих, и рабочему, поддавшемуся соблазну, приказывалось, запрещалось, предписывалось, их штрафовали, подвергали телесному наказанию, но никогда не интересовывали. Рыночное общество понимает всю тщетность недобровольных приемов. Работника и работодателя надо заинтересовать, показать выгодность поступать иначе. Иными словами, воздействовать не на внешние, а на внутренние механизмы поведения.

Административные ограничения свободы перехода рабочего с одной фабрики на другую указывают на остроту проблемы дефицита кадров для тогдашней промышленности. Петровские фабрики не могли держаться только вольнонаемным трудом. Но и удержать у себя подневольных рабочих они не могли. Перемещения рабочей силы с одного места на другое, разорительное как для фабрикантов, так и для самих рабочих, приняло широкие масштабы. Как свидетельствует К. Пажитнов, только в Салаирском крае с 1829 по 1845 г. было переведено на другие заводы и рудники 1783 человек, а на их место из других заводов прислано 1472. Так как всего здесь в 1851 г. трудилось 1773 взрослых мастеровых, то, следовательно, за указанный период состав рабочей команды практически полностью обновился [2, с. 99].

Принудительный труд в крепостной промышленности держался не только на юридически-правовой базе, законным путем прикреплявшей

крестьян к фабрикам и делавшей безудержную эксплуатацию их труда вполне легитимной мерой, но и на административных мерах каждодневного понуждения к труду, системе санкций и наказаний. Так, на сибирских и уральских заводах в XVII в. применялись такие дисциплинарные меры воздействия, как денежные штрафы; перемещение на более тяжелую или хуже оплачиваемую работу; оковы или цепи во время работы; телесные наказания. На Алтайских заводах к ним добавлялись: заключение в исправительной казарме на 1–2 недели и более, причем виновным обривалась иногда половина головы «к посрамлению и стыду» их, и они выводились ежедневно на работу скованными и под стражей; наконец, перемещение на другие заводы или рудники [2, с. 98]. Как писали в своей челобитной (1762) крестьяне Масленского острога и Барневской слободы, «при заводской работе происходили нам... самые мучительные ругательства. Его, Демидова, приказчики и нарядчики, незнаемо за что, немилостиво били батожем и кнутьями, многих крестьян смертельно изувечили, от которых побои долговременно, недель по шести и по полугоду, не заростали с червием раны. От тех же побои из молодых в военную службу за увечьем в отдачу уже быть неспособны; а заводских в домашних исправлять не могут (а иные померли). А за принесенную в обиду жалобу, дабы и впредь нигде не били челом, приказом приказчиков и нарядчиков, навязав яко татью на шею колодки и вода по дровосекам и шалашам, а в заводе по улицам, по плотинам и по фабрикам, ременными кнутьями немилосердно злодейски мучили, отчего пришли в увечье и в конечном убожество и домов своих лишились». В этой челобитной перечислено 12 человек, засеченных приказчиками до смерти. Кроме того, крестьяне собрали подробные сведения, кто из них и каким образом был наказан, всего было наказано 215 человек [2, с. 99].

Обычная линия эволюции капитализма – от принудительного к добровольному труду – в России не прижилась. Здесь появилась своя собственная стратегия развития капиталистической промышленности – в обратную сторону: после ряда указаний царя «петровские фабрики быстро перешли от свободного к принудительному труду. Отношения труда к капиталу в нашем крупном производстве вылились в совершенно другие формы, чем на Западе. Вместо капиталистической промышленности, развивающейся в это время на Западе, у нас возникло крупное производство, основанное на принудительном труде» [5, с. 26].

По мере того, как раскручивался маховик закрепощения рабочих, возрастала степень отчуждения труда, и усиливались авторитарные методы управления. Когда «состоялось окончательно прикрепление мастеровых к фабрикам... наша фабрика приняла характер рабочего дома, в котором порядок поддерживался суровой дисципли-

ной, а поощрением к труду служили тяжелые наказания» [5, с. 27]. Жить в таком доме не хотелось никому. На закрепощение русские рабочие и крестьяне ответили ростом числа волнений и бунтов: «фабричные рабочие энергично протестовали против своего закрепощения, но ничего не могли поделать... Соловьев рассказывает о возмущении в 1752 г. фабричных крестьян, приписанных к парусной и бумажной фабрике Гончарова в Малоярославецком уезде, при чем крестьяне разбили присланную воинскую команду, отняли пушки, и только вновь присланные 3 полка, употребивши в действие артиллерию, привели крестьян к покорности» [5, с. 27].

Переход русских фабрик от вольнонаемного к крепостному труду был возможен, считает М. Туган-Барановский, только по причине низкой производительности труда, «благодаря чему принудительная работа оказывалась более выгодной для фабриканта. С другой стороны, крепостные отношения делали невозможным поднятие производительности труда. Пока работа на фабриках имела принудительный характер, она должна была оставаться малоуспешной. В этом и заключалась основная причина медленности развития нашей фабричной промышленности в течение всего XVIII века» [5, с. 27–28].

Создавалась курьезная ситуация: возвращение из будущего в прошлое, т.е. от свободного к принудительному труду, произошел потому, что это было дешевле (небогатая страна, небогатые, по европейским меркам, купцы-первопромышленники). Но дешевый труд и низкая производительность стали главной причиной того, что Россия осталась в прошлом и не смогла своевременно прорваться в будущее. Возможно, русские купцы и русский царь считали возвращение к прошлому «временной мерой»: мол, поднимем промышленность, повысим производительность труда, тогда и будем думать о цивилизованном капитализме, высокой зарплате, свободном труде и прочих благах западной цивилизации. А пока мы не построили «светлое капиталистическое будущее», нужно потерпеть, в чем-то ужать себя, подумать о благе отечества.

В России XVIII–XIX вв. функции института принудительного труда выполняли посессионные фабрики, на которых трудились крепостные крестьяне-рабочие. По мере роста городского населения, распространения отхожих промыслов, вытеснения в промышленном районе барщинной системы оброчной, пользование свободным трудом на фабриках возрастало. В начале XIX века количество вольнонаемных рабочих на фабриках равнялось приблизительно 48% всех рабочих. К середине XIX в. наблюдается сокращение числа фабрик, использовавших крепостных, и соответственно падение относительной численности дворянских фабрик. Так, если в 1832 г. дворянские фабрики составляли не более 15% от их общего

числа, то в конце 1840-х годов процент дворянских фабрик понизился до 5 [5, с. 74]. Хотя принудительный труд перестал быть исключительным монополистом на рынке рабочей силы, чисто количественно он все еще преобладал. Страна, расставаясь с прошлым, влачила за собой тяжелый груз пережитков.

Если в XVIII в. никакой серьезной борьбы между двумя общественными институтами труда – трудом свободным и трудом принудительным – не было, то в XIX в. между ними разворачивается настоящая битва. Битва вполне зримая и персонафицированная – в тех конкретных политических фигурах, которые в правительстве и сенате выступали с защитой одного или другого института, персонафицированная в тех больших социальных группах – классах купеческом, дворянском, крестьянском и формирующемся рабочем, которые выступали либо субъектами такой битвы, либо ее невинными жертвами, и в тех профессиональных отрядах, судьба которых целиком зависела от изменения отраслевой структуры народного хозяйства, скажем, работников хлопчатобумажной, лидере технического прогресса в XIX в., и горнозаводской промышленности, его аутсайdere.

Структура отечественной промышленности XIX в. вовсе не напоминала таковую, скажем в XX или XXI вв. Сегодня мы привыкли к тому, что научно-техническое лицо промышленности определяют крупные отрасли и предприятия, как их еще недавно называли, гиганты индустрии. Именно на них первыми внедряются технические и экономические новшества, именно они выступают затем базой передового опыта, с которой этот опыт тиражируется, распространяется, получает массовую путевку в жизнь. Крупная промышленность, одним словом, это визитка в наше будущее.

Ничего подобного, если верить М. Туган-Барановскому, не было в XIX в. К числу крупнейших относились самые отсталые – фабрики с принудительным трудом: среднее число рабочих на одну фабрику превосходило 100 человек. Напротив, фабрики с вольнонаемным трудом являлись самыми мелкими: количество рабочих на одну фабрику колебалось от 7 до 33 [5, с. 71]. Выражаясь немного образно, Россия шла вперед, пятясь назад.

Принудительный труд в начале XIX в. господствовал на суконных, писчебумажных, сталелитейных, полотняных заводах, которые устраивались крупными капиталистами – купцами и дворянами. Там, где есть крупные капиталы, там есть возможность не мелочиться, а сразу развернуть дело по-крупному, утверждает М. Туган-Барановский. Но не надо забывать, что за крупными капиталами в любом обществе всегда стоят крупные политические группировки, крупные социальные и экономические связи, крупные, непосильные мелкооптовому торговцу, возможности. У крупных дворян всегда было достаточное количество подневоль-

ных крестьян, которых можно легко перебросить с земледельческих на промышленные работы, если в последних запахло большими деньгами. Что русские дворяне с удовольствием и делали. А крупным купцам всегда поможет родное правительство, выпустив льготные постановления и отписав им от царских щедрот пару-тройку тысяч крепостных из числа государственных крестьян.

Гораздо труднее приходилось мелкой промышленности. С кровью и потом она продиралась из недр крестьянской промышленности, которую, видимо, вполне справедливо, в XIX в. называли «народной промышленностью». Именно она дала миру удивительную плеяду крестьян-миллиардеров – Морозовых, Третьяковых, Гучковых.

Крупная, технически отсталая промышленность, где преобладал принудительный труд, обслуживала казну, иначе говоря, работала на военно-промышленный комплекс. Мелкая, технически и экономически более передовая, обслуживала гражданский рынок: ситцевые, бумаготкацкие, канатные и кожевенные фабрики обслуживали широкие слои населения. «Эти отрасли промышленности работали не на государство, а на народную массу. Они непосредственно сливались с крестьянской промышленностью; производство на фабриках этого рода было более мелким, дворянство их почти не устраивало, и по этой причине они не пользовались крепостным трудом» [5, с. 71].

Развитие этих отраслей финансировало не государство, а население. И оно приобретало то, что нужно ему. А те, кто все это производил, прекрасно знали, что именно ему необходимо. И те, кто все это производил, берег каждую копейку, каждую минуту, каждый метр сырья. Мелкий производитель становится рационализатором по необходимости. Но крупный в него не превращается. Дармовые деньги и дешевые рабочие руки не приучают хозяина к экономии, рациональности, прогрессу. Правительство отписало купечеству тысячи крестьянских душ, чтобы то радело о благе государственном. Но «купечество пользовалось предоставленным ему правом прикупать крестьян к фабрикам не столько для снабжения фабрик рабочими, сколько в обход закону, для приобретения дворовых и поместий» [5, с. 71–72].

Сохранность принудительного труда в промышленности в значительной степени объясняется сохранением в первой половине XIX в. крепостного труда в сельском хозяйстве. Русская промышленность в этом смысле являла собой прямое продолжение русского земледелия. В Европе к тому времени крепостное право в аграрном секторе было уничтожено, поэтому промышленность формировалась на базе свободного труда. И здесь мы наблюдаем известную симметрию между характером одного и другого сектором экономики. Иначе, наверное, и быть не могло, так как земледелие, такова его историческая миссия в эпоху класси-

ческого капитализма, служит источником рабочей силы для промышленности. «Фабричные рабочие вербовались в первой половине XIX в., как и теперь, главным образом, из крестьян. Так, по одному расчету конца 1830-х годов, на московских фабриках работало не более 4–5 тысяч постоянных московских жителей – преимущественно мещан; все же остальные фабричные рабочие (которых на московских фабриках считалось более 40 тысяч) приходили из деревень» [5, с. 74].

Лишь много позже рабочий класс начнет формироваться на собственной социальной основе, и главным источником пополнения рядов пролетариата станут городские слои. В России подобное случилось не ранее середины XX в., когда численность городского населения сначала сравнялась с численностью сельского, а затем превзошла ее. В западноевропейских странах аналогичный процесс начинается в начале XX в.

Длительность сохранения принудительного труда прямо пропорциональна силе экономической заинтересованности господствующего класса в выкачивании прибыли с помощью дешевых рабочих рук. В XIX в. господствующим сословием оставалось дворянство. Для него самым простым способом обогащения являлось использование находившихся под боком крепостных крестьян. Понятно, что дворянство будет стоять на смерти, но не допустит раскрепощения крестьянства. Для него подобное означало бы экономическую смерть. Единственным соперником ему могло выступать только русское правительство. Оно создавало этот класс, оно его холило и лелеяло, оно выдавало ему бесчисленные привилегии, и оно было единственной силой, способной их отобрать. Вот почему социально-экономическая революция – отмена крепостного права – произошла у нас, как и множество иных революций, сверху. На это обстоятельство прямо указывает М. Туган-Барановский: «крепостное право могло быть ликвидировано только непосредственным актом государственной власти» [5, с. 73].

Для того чтобы такое произошло, экономическая заинтересованность государства, а вслед за ней и его политическая воля, должны были переместиться из одного сектора в другой, из земледелия в промышленность, с поддержки одного класса, дворянства, к поддержке другого, купечества и зажиточного крестьянства, которое начало интенсивно обзаводиться капиталами и превращаться в «новых русских».

Принудительный труд в России развивался под покровительственной опекой государства. К важнейшим для его жизнедеятельности отраслям, прежде всего к суконной и сталелитейной, государство прикрепляло тысячи крепостных крестьян. Они процветали на щедрых государственных субсидиях. Правительство не жалело средств для развития этих отраслей промышленности. По расчету В. Безобразова, частные горные заво-

ды Уральского округа получили не менее 15 млн деньгами в ссуду от правительства. Кроме того, к этим заводам были приписаны огромные площади казенной земли и лесов, сотни тысяч крестьян, – все это без малейшей платы владельцев заводов. «Вплоть до реформы 1861 г. горнозаводская промышленность всецело основывалась на принудительном труде... Посессионных заводов в Уральском горном округе было в 1844 г. 37, и к ним было приписано 178 тысяч крестьян. На казенных заводах работы производились... мастеровыми и крестьянами, которые набирались, в случае недостатка рабочих, из рекрутов и лиц, ссылаемых на каторжные работы. Закрепощение за горными заводами сотен тысяч лиц было вызвано желанием правительства поддержать эти заводы и обеспечить им рабочие руки. И действительно, благодаря этой мере, наша железодельная промышленность быстро развилась, и в конце XVIII века Россия не уступала в этом отношении Англии. Но та же самая причина, которая содействовала росту горнозаводской промышленности в XVIII веке, в XIX веке явилась самым большим тормозом ее развития... этот застой вызывался технической отсталостью чугуноплавильного дела, неупотреблением новых улучшенных приемов плавания чугуна и железа...» [5, с. 65–66].

На уральских заводах Демидовых широко практиковался принудительный труд крестьян. Пока «рабочий на железных заводах работал изпод палки, до тех пор и производительность его труда не могла прогрессировать... Трудно поверить, до какой степени строго регламентирован был весь производственный механизм на уральских посессионных заводах. Рабочий был, по замечанию В. Безобразова, в состоянии почти полного рабства. С самого детства рабочий поступал на попечение заводского начальства, бравшего на себя полное содержание рабочей семьи и зато требовавшего постоянной работы, исполнявшейся, естественно, крайне плохо. Весь процесс выплавки железа, начиная с рубки леса для доменных печей, перевозки материалов, добычи руды и кончая литьем железных и чугунных изделий, исполнялся рабочим под угрозой суровых наказаний, без всякой надежды на улучшение своего материального положения» [5, с. 66–67].

Все отрасли промышленности, которые владели жалкое состояние, отличали сходные черты: господство крепостного труда и сильная опека государства. Все отрасли, получившие быстрое развитие, характеризовались отсутствием того и другого. Суконное и горнозаводское производство относились к первым, хлопчатобумажное – ко вторым. Первые работали на госзаказ, вторые – на потребительский рынок. Как только производство переходило на вольный найм, наблюдался быстрый прогресс, причем «успехи эти были прямо пропорциональны распространению... свободного труда», – считает М. Туган-Барановский [5, с. 67].

М. Туган-Барановский указывает на два условия сохранения принудительного труда. Первое названо им социальным. Оно объясняется тем, что до 1861 г. крепостным являлось подавляющее большинство населения. Следовательно, вольнонаемных рабочих просто было неоткуда брать. Второе условие экономическое: принудительный труд был выгоднее свободного. «Поэтому те отрасли промышленности, в которых исключительно или преимущественно употреблялся труд несвободных рабочих, достигли в XVIII веке значительного развития и к концу века могли не только удовлетворять потребностям внутреннего рынка, но даже работать для заграничного сбыта» [5, с. 68].

Если обобщить историю принудительного труда – в сельском хозяйстве и промышленности – в России, то потребуется выделить несколько поворотных моментов.

В аграрном секторе с VI по XVII в. страна не знала крепостного права и принудительного труда: все земли обрабатывали вольные хлебопашцы. Хотя процесс закабаления крестьян, закрепления их за крупными феодалами, начался в XI в., но только с 1649 г. можно считать наступление узаконенного крепостного труда. Период господства принудительного аграрного труда – XVII–XIX вв. Отмена крепостного права в 1861 г. положила формальный (административно-правовой) конец принудительному труду, хотя социально-экономические формы продолжали сохраняться.

В индустриальном секторе датировать период господства принудительного труда можно достаточно точно: начало – указ 18 января 1721 г. о прикреплении крепостных крестьян к фабрикам, конец – указа 19 февраля 1861 г. об отмене крепостного права. Промежуточной мерой надо считать указ от 29 марта 1762 г., запретивший покупку к фабрикам крепостных крестьян.

Таким образом, принудительный труд существовал в сельском хозяйстве 212 лет, в промышленности – 140 лет. Возможно, что на определенном отрезке времени он сыграл положительную роль. Именно принудительный труд позволил быстро поставить национальную промышленность на ноги и завоевать иностранный рынок. Именно в это время в экспорте доля продукции обрабатывающей промышленности была наибольшей (до 30%), чего не случалось уже ни в XIX, ни в XX в.

Однако прогрессивная роль принудительного труда испарилась очень быстро. Быстрее, чем на смену ему успел прийти свободный труд. Принудительный труд эффективен только на коротких дистанциях, для решения экстремальных задач, но в долговременной перспективе он ведет к серьезному техническому отставанию, сокращению объемов производства, в том числе экспорта, и падению производительности общественного труда. Так, в 30-х годах XIX в. Россия выплавляла до 12% общей мировой добычи чугуна и стояла

впереди Бельгии, Пруссии и США. В 1859 г., когда еще не было отменено крепостное право, на долю России приходилось лишь 4% мировой выплавки чугуна [5, с. 65].

История повторилась спустя столетие. В 30-е годы XX в. сталинская индустриализация в короткие сроки вывела СССР в число ведущих держав мира по производству важнейших, в том числе стратегических, видов продукции. Быстрый технический рост обеспечили стране все те же факторы: принудительный и дешевый труд, монопольное положение отечественных производителей при отсутствии иностранной конкуренции, приглашение иностранных специалистов и закупка передовой зарубежной техники. Но к 80-м годам XX в., т.е. еще до отмены социалистической формы недобровольного, нерыночного труда, технический застой в промышленности, – речь должна идти, прежде всего, о гражданском секторе, – стал настолько очевидным, что привел к глубокому экономическому кризису. Как и раньше, принудительный труд и авторитарные методы руководства сыграли свою положительную роль лишь на коротком промежутке времени.

На короткой дистанции принудительный труд решает и другую стратегически важную задачу – обеспечивает накопление капиталов у государства. Экстенсивный рост производства пока еще на не успевшем устареть техническом оборудовании приносит казне немалые доходы. Из них формируется тот резерв, благодаря которому правительство так щедро спонсирует казенные фабрики. Иначе непонятно, откуда у государства берутся деньги на безумные раздачи бизнесменам. (Заметим в скобках, что косвенно они возвращаются через взятки чиновникам, но поступают уже не в государственный, а в частный карман.)

Но именно эти раздачи быстро истощают казну. Ее приходится все время пополнять, причем во все возрастающих масштабах. Но база налогообложения постепенно оскудевает. Оборудование устаревает, производительность труда у принудительных работников падает, экспорт дешевой продукции снижается, поступления в казну сокращаются. Правительство просто вынуждено искать новые, нетрадиционные пути решения. Самым радикальным является переход от системы принудительного труда к вольному найму.

Такой переход стимулируется не только внутренним кризисом и спадом производства, но и внешними причинами. Главная из них состоит в том, что более шустрые соседи давно уже перешли к вольнонаемному труду, обновили технический парк промышленности и стали теснить на мировом рынке низкокачественное, но дешевое сырье отечественного производства. «Европа быстро перегоняет нас в техническом отношении; вывоз обработанных изделий из России абсолютно сокращается, а относительно нисходит до совершенно ничтожной величины», – спешит

напомнить нам о положении дел в середине XIX в. М. Туган-Барановский [5, с. 68].

Госпромывленность, основанная на принудительном труде, не выдерживает конкуренции не только с иностранной, но и отечественной, использующей вольнонаемный труд. М. Балабанов сопоставил темпы роста двух типов промышленности: 1) основанную на принудительном труде (суконные, железные и стальные и писчебумажные производства), 2) основанную на вольнонаемном труде (все другие производства, работающие не на госзаказ, а на гражданский рынок).

Таблица 1. Увеличение численности работающих в двух типах производств

Годы	Численность рабочих в:	
	первом типе промышленности	втором типе промышленности
1804	39 768	55 015
1812	55 434	60 078
1825	94 315	116 253
1830	97 310	156 583
1852	142 806	328 608

Из табл. 1 [1] видно, что темпы роста производства группы 2 обгоняли аналогичные показатели группы 1. «Вольная» промышленность, основанная на частном капитале, не пользующаяся никакими льготами и особым покровительством государства, испытывающая немалую конкуренцию, обгоняла не только по темпам прироста, но и по качеству продукции «принудительную» промышленность, работающую в несравненно более благоприятных условиях.

К середине XIX в. всем слоям русского общества, и даже ярким защитникам принудительного труда, становится ясным, что крепостное право исчерпало себя и социально, и экономически, и даже политически. Уже в 1825 г. доля вольнонаемных рабочих в отечественной промышленности, по данным М. Балабанова, составляет 54,3%, а в последние предреформенные десятилетия относительное число вольнонаемных рабочих возросло еще больше [1].

Институт принудительного труда складывался вовсе не в силу действия стихийных исторических процессов, но был реформистским образом введен правительством сверху. В сельском хозяйстве он понадобился для лучшего взимания налогов, которые шли на содержание княжеской дворни, царского двора и огромного штата чиновников, для прикрепления крестьян, вечно сбегавших от непосильного труда на окраины империи, к поместьям, хозяевами которых являлись те же самые царские слуги и друзья.

Когда помещики решили, что капитализм им выгоднее феодализма, они смогли пролоббировать в правительстве нужный им закон. Да и са-

мому правительству Петра I, которое вело победоносные войны на всех фронтах, дешевая рабочая сила из крестьян, юридически прикрепленная к фабрикам, серьезно помогла. Полтора столетия русские промышленники исправно эксплуатировали своих крестьян в индустрии, лишив их всякой правовой защиты, подобающих условий труда, выплачивая нищенские пособия. Никаких усилий для развития рынка наемного труда не предпринималось. Расплата была тяжелой: низкая производительность труда и качество продукции, сопротивление подневольных крестьян, мятежи и кровавые их подавления, неразвитый потребительский рынок и нищенский уровень жизни – по сравнению с передовыми странами Запада – всего населения.

Отмена крепостного права в 1861 г. оказала катастрофическое влияние на фабрики с преобладанием крепостного труда. Рабочие, получив вольную, покидали ненавистные предприятия чуть ли не целыми деревнями и переселялись в другие губернии. Даже несмотря на стремительный рост оплаты труда, многие заводы вскоре после реформы закрылись, другие же долго не могли приспособиться к изменившимся обстоятельствам. Особенно остро кризис сказался в отраслях, работавших на правительственные заказы. Так, выплавка чугуна в результате реформы 19 февраля упала на Урале с 14,5 млн пудов в 1860 г. до 12,4 млн пудов в 1867 г., а в целом по стране – с 20,5 млн пудов в 1860 г. до 17,5 в 1867 г. [4, с. 307–309]. Таково историческое значение принудительного труда в экономической жизни дореволюционной России.

Литература

1. Балабанов М. Очерки по истории рабочего класса в России. Часть 1. Крепостная Россия. Киев, 1923. С. 68.
2. Пажитнов К. Рабочая дисциплина на фабриках и заводах при крепостном праве // Архив истории труда в России. П., 1922. Кн.5. Ч. 1. С. 97–106.
3. Рожков Н. Очерк истории труда в России // Архив истории труда в России. Пг., 1922. Кн.5. Ч. 1. С. 68.
4. Туган-Барановский М. Русская фабрика в прошлом и настоящем. Историко-экономическое исследование. Т. 1. СПб., 1900.
5. Туган-Барановский М.И. Русская фабрика в прошлом и настоящем. Историческое развитие русской фабрики в XIX в. М., 1922.
6. Фонотов А.Г. Россия: от мобилизационного общества к инновационному. М., 1993.

FORCED LABOR IN PRE-REVOLUTIONARY RUSSIA

Kravchenko A.I.

Professor, Deputy Editor-in-Chief of the journal «Sociology»

The forced labor system, organized throughout society, concerns working conditions, everyday life, material well-being and lifestyle

of large groups of people, and therefore should be called a form of social labor organization. It takes a variety of forms – the work of slaves in the ancient ergasteries, the work of convicts in tsarist exile, the work of Soviet prisoners on the great construction sites of communism. In the history of Russia, forced labor was a cheap labor that was necessary both under serfdom and under the Soviet system, which tried to modernize industry, and after the second world war to restore the destroyed economy with the help of labor that did not know free employment and universal rights.

The most profound analysis of forced labor as a social practice of the broad masses of the population of the pre-revolutionary (before 1917) and as a social institution was carried out in his works by the outstanding Russian sociologist and economist M.I. Tugan-Baranovsky.

Keywords: forced labor, attachment to a factory, possession factories, serf, manufacturer.

References

1. Balabanov M. Essays on the History of the Working Class in Russia. Part 1. Serfdom in Russia. Kyiv, 1923. P. 68.
2. Pajitnov K. Labor Discipline in Factories and Plants under Serfdom // Archives of Labor History in Russia. P., 1922. Book 5. Part 1. P. 97–106.
3. Rozhkov N. Essay on the History of Labor in Russia // Archives of Labor History in Russia. Pg., 1922. Book 5. Part 1. P. 68.
4. Tugan-Baranovsky M. Russian Factory in the Past and Present. Historical and Economic Research. Vol. 1. St. Petersburg, 1900.
5. Tugan-Baranovsky M.I. Russian Factory in the Past and Present. Historical Development of the Russian Factory in the 19th Century. M., 1922.
6. Fonotov A.G. Russia: from a mobilization society to an innovative one. M., 1993.

Концептуальные основания мониторинга влияния на общество цифровизации деятельности органов государственной власти

Ретинская Вера Николаевна,

к.с.н., доцент, доцент кафедры менеджмента
и государственного управления ФГБОУ ВО «Пензенский
государственный университет»
E-mail: bvnp@mail.ru

Мурзина Ирина Александровна,

к.с.н., доцент, доцент кафедры менеджмента
и государственного управления ФГБОУ ВО «Пензенский
государственный университет»
E-mail: mirial11@mail.ru

Тотальная цифровая трансформация является объективной реальностью нашего времени, пронизывающей все сферы жизни социума. В проведенном исследовании рассматривается процесс цифровой трансформации государственного управления на современном этапе развития российского общества. В качестве цели выступает рассмотрение основных направлений цифровизации государственного управления. Необходимость достижения поставленной цели определила постановку ключевых задач исследования: анализ нормативно-правовой базы в области цифровизации государственного управления, оценка современного состояния уровня цифровой трансформации органов публичной власти, в том числе проблем возникающих в этом процессе.

Авторами отмечается особая роль использования информационно-коммуникационных технологий и цифровых решений в повышении качества функционирования системы государственного управления и эффективности межведомственного взаимодействия органов власти, а также – и в повышении уровня оказания государственных услуг населению.

Результаты исследования показали, что успешная реализация процесса цифровой трансформации требует согласованных решений на всех уровнях публичной власти и мониторинговой оценки, позволяющей отслеживать ситуацию в режиме реального времени.

Ключевые слова: система государственного управления, цифровизация государственного управления, цифровая трансформация органов публичной власти, информационно-коммуникационные технологии, цифровые решения, государственные услуги.

Введение

Все большее количество задач государственного управления приводят к тому, что информационно-коммуникационные технологии и цифровые решения становятся закономерным элементом системы государственного управления. Это обуславливает актуальность и необходимость все более активного их использования в системе публичной власти.

Дополнительно необходимость применения информационно-коммуникационных технологий в современной системе государственного управления связана с тем, что в результате создаются условия для предоставления гражданам и организациям доступа к приоритетным государственным услугам и сервисам в цифровом виде. Это позволяет значительно повысить эффективность процесса оказания государственных услуг, уровень удовлетворенности граждан и представителей юридических лиц работой органов государственной власти при одновременном снижении нагрузки на государственных служащих. Вместе с тем, это позволяет обеспечить формирование и развитие инфраструктуры электронного правительства («Умное правительство», smart government), применение сквозных платформенных решений в государственном управлении.

Сами темпы и особенности развития современного общества требуют создания в системе государственного управления системы многоканальных отношений, обеспечивающей открытость и оперативность деятельности органов публичной власти. Функциональное ядро в этом процессе составляют информационно-коммуникационные технологии и цифровые решения, применение которых позволяет:

- сформировать предпосылки качественного и актуального информационного обеспечения принимаемых государственных решений;
- оказать положительное влияние на производительность и качество труда государственных служащих и обеспечить оперативность принятия государственных решений;
- создать условия для более востребованного и качественного по сравнению с бумажной формой электронного документооборота и повысить скорость и эффективность взаимодействия между органами государственной власти в рамках электронного взаимодействия;
- привести в соответствие сроки и качество предоставления государственных услуг согласно

стандартам их предоставления, в т.ч. за счет консолидации государственных функций и операций, электронных баз хранения и обработки данных, электронной системы межведомственного взаимодействия, поисковых систем, информационных порталов и сервисов, официальных сайтов органов власти в сети Интернет;

- обеспечить минимальное количество ошибок за счет качества обработки информации и ее хранения.

Результатом применения информационно-коммуникационных технологий становится выход системы государственного управления на новый качественный уровень работы, что позволяет рационально использовать время и повысить качество исполнения органами государственной власти возложенных на них функций, а также реализовать дополнительные направления деятельности и обеспечить постоянный контроль качества реализации государственной политики в той или иной сфере деятельности [13].

Правовое обеспечение цифровой трансформации государственного управления

Одним из главных условий перехода Российской Федерации к цифровой экономике является цифровизация государственного управления. На сегодняшний день становится очевидным, что усиление системы функционирования государственного управления, повышение его качества, открытость органов публичной власти напрямую зависят от применения информационно-коммуникационных технологий и современных цифровых решений, открывающие широкие возможности для сбора и общения больших массивов данных.

В соответствии с этим определяются основные направления использования информационно-коммуникационных технологий в государственном управлении и методы управления в обозначенной сфере. Государственная политика в области использования информационно-коммуникационных технологий и цифровизации государственного управления представляет собой совокупность мероприятий и действий уполномоченных органов государственной власти, ориентированных на более активное применение информационных технологий в системе государственного управления, формирование и совершенствование устойчивой инфраструктуры высокоскоростной передачи данных, которые являются доступными и могут использоваться органами государственной власти, представителями бизнес-сообщества, гражданами, а также обеспечение государственной информационной безопасности и развитие кадрового потенциала для формирования знаний, умений, навыков, позволяющих качественным образом выполнять свои профессиональные обязанности в условиях цифровой экономики. В рамках реализации данного направления государствен-

ной политики формируются условия для создания в стране национального информационно-коммуникативного пространства и организации в модернизированных условиях качественного и содержательного диалога между представителями власти, общественности с учетом стратегических ориентиров и приоритетов государственного развития.

При этом стоит отметить, что предпосылки к цифровой трансформации в России образовались достаточно давно, согласно чему, со временем трансформировалась и государственная политика в обозначенной сфере.

Первые предпосылки цифровизации публичного управления связаны принятием в 2002 году федеральной целевой программы «Электронная Россия», в рамках которой в России стало формироваться электронное правительство. В процессе ее реализации с 2002 по 2010 год были сформированы базовые основы для применения информационных технологий в государственном управлении. Полномасштабная работа началась в этом направлении с принятием в 2008 году Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации, где в качестве одной из поставленных задач стал переход к оказанию государственных услуг в электронном виде [10].

Следующим этапом совершенствования процесса применения информационных технологий в системе государственного управления становится принятие государственной программы «Информационное общество», в процессе реализации которой и были созданы ключевые предпосылки для цифровизации государственного управления [6]. В этот период начинают работать многофункциональные центры, активно формируется и развивается инфраструктура сети Интернет, все большее количество услуг оказывается в электронной форме, формируется система электронного документооборота и межведомственного взаимодействия, которая способствует цифровизации государственного управления. Первоначально реализация программы была рассчитана до 2020 года. Однако с подписанием в 2018 году указа Президента РФ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» стали разрабатываться национальные проекты [11].

Одним из таких стал проект «Национальная программа «Цифровая экономика»», в структуре которого, среди прочих, был реализован федеральный проект «Цифровое государственное управление». Действие проекта было рассчитано до конца 2024 года. Однако уже в феврале 2024 года Президентом РФ было анонсировано принятие национального проекта «Экономика данных», предполагающего формирование и внедрение цифровых платформ во все ключевые отрасли экономики и социальную сферу, которые «позволяют оптимально выстроить взаимоотно-

шения граждан, бизнеса и государства между собой» [7]. При этом в состав нового национального проекта вошли такие федеральные проекты как «Цифровая инфраструктура», «Системы и сети передачи данных»; «Инфраструктура вычислений и облачных сервисов», «Отечественные решения в сфере IT», «Искусственный интеллект», «Цифровые платформы в госуправлении», «Кадры», «Кибербезопасность», «Развитие квантовых технологий», «Наука» [2]. Мероприятия проекта позволят обеспечить более равный и полноценный доступ к государственным электронным услугам, возможностям дистанционной занятости и качественным электронным образовательным и культурным ресурсам, а также создадут действенные предпосылки для развития отечественной сферы информационных технологий и повышения конкурентоспособности отечественных цифровых решений как на отечественном, так и на международном рынке.

В рамках реализации основных направлений государственной политики по обеспечению цифровой зрелости к 2030 году принято распоряжение Правительства РФ от 06.10.2021 № 2816-р, в содержании которого представлен перечень инициатив социально-экономического развития Российской Федерации до 2030 года в сфере информационных технологий [9]. К числу соответствующих инициатив отнесено обеспечение доступа к сети Интернет, построение цифрового профиля гражданина, создание условий для беспрепятственного доступа к государственным сервисам и ресурсам получения государственных услуг в электронном виде, также совершенствования межведомственного электронного взаимодействия между органами государственной власти. В число стратегических приоритетов также включена подготовка кадров для информационной сферы.

Соответствующие задачи реализуются и детализируются в различных нормативных актах федерального и регионального уровня. В частности, современные информационные системы становятся все более сложными и предполагают использование инструментов обработки больших данных и активное внедрение искусственного интеллекта в системы управления. В соответствии с этим Указом Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» утверждена Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года [12]. В ней сформулированы базовые цели и задачи развития и использования инструментов и систем искусственного интеллекта для обеспечения национальных интересов в области экономики, промышленного и научно-технического, социального развития. На основании современного состояния и уровня развития систем искусственного интеллекта в России и в мире в стратегии определены принципы при-

менения систем искусственного интеллекта и направления их возможного использования.

В марте 2024 года в рамках стимулирования и развития информационно-коммуникационных технологий и цифровой трансформации публичного управления было утверждено Распоряжение Правительства РФ от 16.03.2024 № 637-р «Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации государственного управления», где определены основные стратегические ориентиры в сфере наиболее актуальных и востребованных технологических направлений и решений в сфере искусственного интеллекта [8].

Важно осознавать, что правовое поле на данный момент, включающее в себя различные по статусу нормативно-правовые акты в области цифровизации, с одной стороны – является свидетельством цифровой зрелости и способствует цифровой трансформации государственного управления, а с другой – содержит ряд рисков по дестабилизации этого процесса ввиду отсутствия преемственности и корреляции нормативно закрепленных целей, задач, а также мероприятий по их достижению.

Информационно-коммуникационные технологии и цифровые решения в системе публичного управления

Использование цифровых решений в современной системе государственного управления предполагает вовлечение различных видов цифровых технологий. В ноябре 2022 г. были обнародованы результаты международного рейтинга Всемирного банка «GovTech Maturity Index» (GTMI), в котором Россия находится на 10 позиции, войдя в группу «А» – страны с самым высоким рейтингом [5].

Создание официальных сайтов органов государственной власти представляет собой один из важнейших инструментов обеспечения их открытости и информационной доступности в условиях цифровизации общества и публичного управления. Охват целевой аудитории, возможность оперативного реагирования на изменения и потребности общества, ресурсы для организации обратной связи, возможность использования различных методов предоставления информации, использования фото- и видеоматериалов, графических объектов, мониторинга, статистики, справочной информации, отчетов и пр. – делает официальные сайты органов государственной власти одним из наиболее ценных информационных ресурсов и эффективных инструментов взаимодействия с населением, представителями бизнес-среды, обмена информацией с другими органами государственной власти.

В целях совершенствования функционирования официальных сайтов органов власти преду-

смотрена оценка их наполненности и доступности для различных слоев населения и межведомственного взаимодействия. Так, Счетной Палатой РФ в этом направлении с 2019 года проводятся исследования уровня открытости федеральных органов исполнительной власти (рис. 1). По результатам анализа 50 федеральных органов исполнительной власти в 2023 году количество ведомств с высоким уровнем открытости составило – 15, со средним – 34, а с низким лишь – 1 [4].

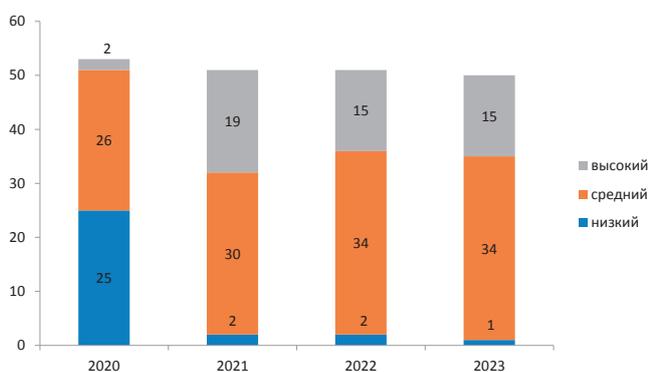

Рис. 1. Динамика уровня открытости федеральных органов исполнительной власти

Реализация механизмов обратной связи, внедрение так называемых виртуальных приемных позволяет более качественно взаимодействовать с населением, получать актуальную и оперативную информацию о возникающих вопросах и проблемах. В результате именно официальные сайты становятся инструментом предоставления доступа к имеющимся информационным ресурсам государственного управления, обеспечивают открытость и прозрачность государственного управления, создают условия для повышения уровня социальной защищенности населения и качества работы, поддержки хозяйствующих субъектов, обеспечивают эффективность основных направлений социальной политики, а также государственной политики по противодействию коррупции.

Не менее востребованным и эффективным инструментом цифровизации государственного управления является разработка и внедрение государственных информационных систем. Одним из наиболее известных и востребованных у населения ресурсов выступает федеральная государственная информационная система «Единый портал» государственных и муниципальных услуг», регистрация на котором обеспечивает гражданам возможность доступа к получению целого ряда государственных услуг в электронном виде. Согласно официальным данным, предоставленным Министерством цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ, число пользователей портала «Госуслуги» на конец 2023 года составило 109 млн человек, что в 2 раза больше по сравнению с 2019 годом. За 2023 год прирост составил 10,2 млн человек, помимо этого в онлайн были переведены все запланированные социаль-

но значимые услуги, а затраты на IT превысили 540 млрд рублей (в 2019 году этот показатель составил 280 млрд рублей). Цифровая зрелость отраслей экономики за этот период возросла с 32% до более 74% [14].

К числу наиболее востребованных традиционно относятся государственные услуги, связанные с подачей заявления и оформлением социальных льгот и выплат. Пользуются особой популярностью такие виды услуг, как оформление детских пособий и льгот для семей с детьми, запись на прием к врачу, прочие ведомства, запись и подача документов в образовательные учреждения, подача заявлений в органы ЗАГС. С развитием и распространением цифровых технологий все более востребованным становится обеспечение доступа к цифровым копиям трудовой книжки, водительских удостоверений, предоставление электронных больничных листов и так далее.

При этом собственные ГИС действуют сегодня в самых различных сферах государственного управления, обладая при этом различным уровнем эффективности и функционалом, они, тем не менее, получили распространение и стали одним из важнейших ресурсов государственного управления: например, ГАС РФ «Правосудие», федеральная Единая система межведомственного электронного взаимодействия (СМЭВ), Единая ГИС здравоохранения и др. [3, с. 11].

Вместе с тем, эксперты отмечают сохранение разрыва в цифровизации региональных органах публичной власти, уменьшению которого призваны способствовать платформенные решения [1]. Так, в 2023 году было принято решение о переходе всех используемых в настоящее время федеральных и региональных информационных систем на единую цифровую платформу «ГосТех». Основой и причиной принятия данного решения стали сложности, которые возникли с программным обеспечением и необходимостью повышения информационной безопасности Российской Федерации в связи с внешнеполитическим санкционным противостоянием и нехваткой отечественных IT-решений для обеспечения должного уровня функционирования информационных ресурсов и платформ, задействованных в системе государственного управления. В связи с введением многочисленных санкций в отношении России встал вопрос не только обслуживания соответствующих ресурсов, но и отсутствия необходимых компонентов, технологий, которые перестали поставляться в страну. Это продемонстрировало высокую степень зависимости Российской Федерации от иностранного программного обеспечения, цифровых технологий, запасных частей и компонентов и стало причиной принятия целого ряда государственных решений, направленных на обеспечение технологического суверенитета.

Все более востребованными в современной системе государственного управления становится

такие цифровые технологии, как большие данные и искусственный интеллект, Интернет вещей [15]. Механизмы обработки больших данных (Big Data) все более активно используются для обработки значительных массивов информации, определения явных и скрытых зависимостей, проведения оперативного анализа и формирования аналитики на основании вовлечения нейронных сетей. Качественная и оперативная обработка значительного количества данных позволяет сформировать основу для принятия обоснованных оперативных решений.

Технологии искусственного интеллекта также используются в системе государственного управления для обработки значительных массивов данных. Все более популярными в различных сферах общественного развития и государственного управления становятся созданные на основе искусственного интеллекта технологии распознавания образа, распознавания речи. Современным и все более осваиваемым инструментом выступают нейросети. Для сбора и последующего анализа данных, предупреждения правонарушений, контроля и мониторинга процессов государственного управления, качества исполнения отдельных видов услуг используются технологии интернета вещей. Одним из наиболее известных ресурсов с использованием таких технологий выступает концепция единого управляемого пространства «Умный город», благодаря возможностям которого создаются условия и предпосылки для создания управляемого и максимально комфортного городского пространства, охвата современными системами мониторинга различных сфер жизни общества.

К числу современных цифровых технологий, которые активно внедряются в практику государственного управления, относится технология блокчейн. При этом цифровая трансформация государственного управления движется с огромной скоростью. И на сегодняшний день специалисты уже предлагают концепцию цифрового дуумвирата блокчейна и искусственного интеллекта: с одной стороны – блокчейн дает безопасность, прозрачность и децентрализацию цифровых транзакций; а искусственный интеллект – позволяет создавать более эффективные системы через интеллектуальный анализ данных и автоматизацию процессов.

Между тем нельзя забывать о том, что современные технологии, решения, в частности в области цифровых решений, должны внедряться в систему государственного управления на базе единых принципов и подходов.

Заключение

Таким образом, проведенное исследование свидетельствует о том, что современные информационно-коммуникационные технологии и цифровые решения в системе государственного управ-

ления являются его важнейшим элементом, все более активно и продуктивно используются для повышения качества управления, для чего в стране сформированы все необходимые организационные, нормативные, технологические предпосылки. Для сохранения имеющегося потенциала и темпов цифровой трансформации общества, необходима согласованность целей и действий органов власти всех уровней в условиях меняющейся реальности.

Литература

1. Алиева М.З., Бастрыкин С.В. Цифровизация государственного управления в Российской Федерации // Региональная и отраслевая экономика. – 2023. – № 1. – С. 95–101.
2. В России появится новый нацпроект «Экономика данных». – URL: <https://digital.gov.ru/ru/events/45686/> (дата обращения: 07.08.2024).
3. Деева Т.В. Внедрение цифровых технологий и платформенных решений в сферах государственного управления и оказания государственных услуг: первостепенная задача государства // Экономика и социум: современные модели развития. – 2021. – Том 11. – № 1. – С. 9–28.
4. Доклад Счетной палаты РФ «Открытость государства в России – 2023». – URL: <https://ach.gov.ru/upload/iblock/fa0/mmjmi9q6gdf48cuu2fllhk5mp0z70k8l.pdf> (дата обращения 01.09.2024).
5. Информационная панель данных Индекса зрелости государственных технологий (Gt-MI). [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.worldbank.org/en/data/interactive/2022/10/21/govtech-maturity-index-gtmi-data-dashboard> (дата обращения: 01.09.2024).
6. Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 313 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Информационное общество». – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=477083&dst=1000000001&cacheid=A58C0227910F151AE-F3A85565B529A95&mode=splus&rnd=71kA1FUoLA7oiDUy#lfpA1FUCXndFbCv4> (дата обращения: 05.08.2024).
7. Путин объявил о запуске национального проекта «Экономика данных» [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.interfax.ru/russia/948352> (дата обращения: 07.08.2024).
8. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 16.03.2024 № 637-р «Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации государственного управления». – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=472443&cacheid=14FFF9FAC0045EE3FF8DD5EA74132F36&mode=splus&rnd=71kA1FUoLA7oiDUy#Y9qj1FUK02YGXT5D1> (дата обращения: 05.08.2024).

9. Распоряжение Правительства РФ от 06.10.2021 № 2816-р «Об утверждении перечня инициатив социально-экономического развития Российской Федерации до 2030 года». – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=476116&cacheid=EB7318AB6DD0AA5FD82F8DB52784DF09&mode=splus&rnd=71kA1FUoLA7oiDUy#qRXH1FUoN1Jhi9ik> (дата обращения: 05.08.2024).
10. Ретинская В.Н., Мурзина И.А. Цифровая трансформация государственного управления в условиях изменяющейся социальной реальности: основные тренды и оценка эффективности // Мир науки. Социология, филология, культурология. – 2022. – Т. 13, № 1. [Электронный ресурс]. – URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/47SCSK122.pdf> (дата обращения: 05.08.2024).
11. Указ Президента РФ от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» (ред. от 21.07.2020). – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=358026&dst=100000001&cacheid=961D2C73DA6D5977494A4E6A803F7AA7&mode=splus&rnd=71kA1FUoLA7oiDUy#iYxC1FUM6xVJLeit> (дата обращения: 05.08.2024).
12. Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации». – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=470015&cacheid=211297800287DB879F9EFA055CD171C4&mode=splus&rnd=71kA1FUoLA7oiDUy#fQX1FUoP0kOFygn> (дата обращения: 05.08.2024).
13. Холоденко Ю.А. Цифровая трансформация государственного управления: возможности и риски // Вестник Московского университета. – Серия 18. Социология и политология. – 2022. – № 3. – С. 28–53.
14. Число пользователей «Госуслуг» составило 109 млн человек к концу 2023 года. [Электронный ресурс]. – URL: <https://digital.gov.ru/ru/events/49226/> (дата обращения: 01.09.2024).
15. Чмут Г.А. Цифровая трансформация государственного управления на современном этапе // Вестник университета. – 2022. – 1(12). – С. 30–36.

CONCEPTUAL FOUNDATIONS FOR MONITORING THE IMPACT OF DIGITALIZATION OF GOVERNMENT AGENCIES ON SOCIETY

Retinskaya V.N., Murzina I.A.
Penza State University

Total digital transformation is an objective reality of our time, permeating all spheres of social life. The study examines the process of digital transformation of public administration at the present stage of development of Russian society.

The goal is to consider the main directions of digitalization of public administration. The need to achieve this goal determined the formu-

lation of the key objectives of the study: analysis of the regulatory framework in the field of digitalization of public administration, assessment of the current state of the level of digital transformation of public authorities, as well as problems arising in this process.

The authors note the special role of the use of information and communication technologies and digital solutions in improving the quality of functioning of the public administration system and the efficiency of interdepartmental interaction between government bodies, as well as in increasing the level of provision of public services to the population.

The authors note the special role of the use of information and communication technologies and digital solutions in improving the quality of functioning of the public administration system and the efficiency of interdepartmental interaction between government bodies, as well as in increasing the level of provision of public services to the population.

The results of the study showed that the successful implementation of the digital transformation process requires coordinated decisions at all levels of public authority and a monitoring assessment that allows monitoring the situation in real time.

Keywords: public administration system, digitalization of public administration, digital transformation of public authorities, information and communication technologies, digital solutions, public services.

References

1. Alieva M.Z., Bastrykin S.V. Digitalization of Public Administration in the Russian Federation // Regional and Branch Economics. – 2023. – No. 1. – P. 95–101.
2. A New National Project “Data Economy” Will Appear in Russia. – URL: <https://digital.gov.ru/ru/events/45686/> (date of access: 07.08.2024).
3. Deeva T.V. Implementation of Digital Technologies and Platform Solutions in Public Administration and Provision of Public Services: the Primary Task of the State // Economy and Society: Modern Development Models. – 2021. – Vol. 11. – No. 1. – P. 9–28.
4. Report of the Accounts Chamber of the Russian Federation “Openness of the State in Russia – 2023”. – URL: <https://ach.gov.ru/upload/iblock/fa0/mmjmi9q6gdf48cuu2fllhk5mp0z70k8l.pdf> (date of access 09/01/2024).
5. Government Technology Maturity Index (GtMI) data dashboard. [Electronic resource]. – URL: <https://www.worldbank.org/en/data/interactive/2022/10/21/govtech-maturity-index-gtmi-data-dashboard> (date of access: 09/01/2024).
6. RF Government Resolution No. 313 of 04/15/2014 “On approval of the state program of the Russian Federation “Information Society”. – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=477083&dst=100000001&cacheid=A58C0227910F151AEF3A85565B529A95&mode=splus&rnd=71kA1FUoLA7oiDUy#lfpA1FUCXndFbCv4> (accessed: 08/05/2024).
7. Putin announced the launch of the national project “Data Economy” [Electronic resource]. – URL: <https://www.interfax.ru/russia/948352> (accessed: 08/07/2024).
8. Order of the Government of the Russian Federation of 16.03.2024 No. 637-r “On approval of the strategic direction in the field of digital transformation of public administration”. – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=472443&cacheid=14FFF9FAC0045EE3F-F8DD5EA74132F36&mode=splus&rnd=71kA1FUoLA7oiDUy#Y9qJ1FUK02YGXT5D1> (date of access: 05.08.2024).
9. Order of the Government of the Russian Federation of 06.10.2021 No. 2816-r “On approval of the list of initiatives for the socio-economic development of the Russian Federation until 2030”. – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=476116&cacheid=EB7318AB6DD0AA5FD82F8DB52784DF09&mode=splus&rnd=71kA1FUoLA7oiDUy#qRXH1FUoN1Jhi9ik> (accessed: 08/05/2024).
10. Retinskaya V.N., Murzina I.A. Digital transformation of public administration in the context of changing social reality: main trends and effectiveness assessment // World of science. Sociology, philology, cultural studies. – 2022. – Vol. 13, No. 1. [Elec-

- tronic resource]. – URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/47SCSK122.pdf> (date accessed: 05.08.2024).
11. Decree of the President of the Russian Federation of 07.05.2018 No. 204 “On national goals and strategic objectives for the development of the Russian Federation through 2024” (as amended on 21.07.2020). – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=358026&dst=1000000001&cacheid=961D2C73DA6D5977494A4E6A803F7AA7&mode=splus&rnd=71kA1FUoLA7oiDUy#iYxC1FUM6xVJLeit> (accessed: 05.08.2024).
 12. Decree of the President of the Russian Federation of 10.10.2019 No. 490 “On the development of artificial intelligence in the Russian Federation”. – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=470015&cacheid=211297800287DB-879F9EFA055CD171C4&mode=splus&rnd=71kA1FUoLA7oiDUy#fQXI1FUoP0kOFygn> (accessed: 08/05/2024).
 13. Kholodnenko Yu.A. Digital transformation of public administration: opportunities and risks // Bulletin of Moscow University. – Series 18. Sociology and political science. – 2022. – No. 3. – P. 28–53.
 14. The number of users of “Gosuslugi” amounted to 109 million people by the end of 2023. [Electronic resource]. – URL: <https://digital.gov.ru/ru/events/49226/> (date of access: 01.09.2024).
 15. Chmut G.A. Digital transformation of public administration at the present stage // University Bulletin. – 2022. – 1 (12). – P. 30–36.

Государственная политика по развитию цифровой экономики в рамках стратегии цифрового развития

Сушко Валентина Афанасьевна,

к.с.н., доцент, доцент кафедры социологии государственного управления МГУ им. М.В. Ломоносова
E-mail: valentina.sushko@gmail.com

В данной статье рассматриваются современные подходы к изучению цифровой политики государства, а также стратегия государства по совершенствованию цифрового развития, в рамках которого предполагается расширить государственные меры поддержки по предоставлению цифровых услуг населению РФ. Важность изучения данной тематики обусловлена не только ростом значимости цифровых технологий в современном мире, но и необходимостью эффективного управления этим процессом с целью обеспечения равного доступа к цифровым услугам для всех граждан.

Ключевые слова: цифровая политика государства, цифровая экономика, стратегия цифрового развития, цифровые услуги для населения РФ.

Цифровизация представляет собой многофакторный и всеобъемлющий процесс интеграции цифровых решений в жизнь общества посредством цифровой трансформации, которая осуществляется в том числе при поддержке государства. Цифровая политика государства имеет прямое влияние на благополучие и заключается в многоаспектном подходе к её реализации.

Цифровизация направлена не только на повышение качества жизни и конкурентоспособности физических и юридических лиц, но и на повышения качества самого государственного управления. Цифровые решения смогут оптимизировать многие процессы в государственном секторе. Цифровая же экономика открывает новые возможности для российских компаний, которые могут занять лидирующие позиции как на российском, так и на внешних рынках.

Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» (далее Программа) была составлена Правительством, и утверждена президиумом Совета при Президенте по стратегическому развитию и национальным проектам летом 2019 г. (Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ, 2023). Этот документ является продолжением серии стратегических документов [1], направленных в том числе на ускоренное внедрение цифровых решений социально-экономической сфере.

Программа включает в себя 9 федеральных проектов.

1. «Нормативное регулирование цифровой среды» (правовое поле для цифровизации).
2. «Кадры для цифровой экономики» (новые навыки и цифровые профессии).
3. «Информационная инфраструктура» (доступ в интернет и мобильная связь).
4. «Информационная безопасность» (безопасность цифровых данных).
5. «Цифровые технологии» (новые цифровые решения).
6. «Цифровое государственное управление» (цифровые госуслуги и государственные данные).
7. «Искусственный интеллект».
8. «Обеспечение доступа в Интернет за счёт развития спутниковой связи».
9. «Развитие кадрового потенциала ИТ-отрасли».

Основная цель Программы – повышение доступности новых цифровых сервисов для повышения качества жизни граждан, так и конкурентоспособности бизнеса.

Цифровая трансформация ставит одной из целей повышение доступности интернета, особенно для социально-значимых объектов. Быстрое и стабильное интернет-соединение является одним из необходимых условий более активного использования цифровых услуг. Образовательные организации, учреждения культуры, органы государственной власти и местного самоуправления, объекты МЧС и многие другие организации должны иметь не только качественный доступ в интернет, но и активнее использовать российские приложения для онлайн-коммуникаций, иметь возможность приобретать необходимый контент и российское программное обеспечение.

Цифровая экономика формирует спрос и на рынке образования и труда. Цифровая экономика, особенно в аспекте международной конкуренции, требует специфических навыков, которые целесообразно развивать не только в компаниях, но и в системе образования. Кратное повышение количества бюджетных мест по IT-специальностям и повышение квалификации преподавателей высшего и среднего профессионального образования призваны повысить популярность и качество предоставления образовательных услуг, связанных с цифровой экономикой. Планируется также осуществить обучение десятков тысяч государственных и муниципальных служащих, чтобы ускорить процесс цифровой трансформации государственного и муниципального управления. Взрослых граждан планируется вовлекать в новые компетенции и навыки через организацию и частичное или полное государственное субсидирование программ дополнительного образования (ДПО).

Государство осуществляет существенную поддержку развитию отечественных ИТ-разработок для форсирования создания новых компаний и высокотехнологичных рабочих мест. Ожидается, что удастся значительно пополнить список программных продуктов в реестре отечественного программного обеспечения (ПО). Предусмотрены три основные меры поддержки: предоставление налоговых льгот, грантов и венчурного финансирования, льготное кредитование.

В развитии искусственного интеллекта (ИИ) государство делает акцент на автоматизации деятельности государственных органов и предоставлении доступа к хранилищам данных для крупного бизнеса и небольших стартапов. Планируется, что удастся создать и развивать российские конкурентные решения в области ИИ. Для достижения этой цели государство форсирует поддержку исследовательских центров по ИИ, ИИ-стартапов, образовательных программ в системе высшего образования и ДПО.

Цифровизация в предоставлении государственных услуг призвана сделать их быстрее, удобнее и проще. Ежегодно происходит оптимизация работы единого портала «Госуслуги», где

граждане могут узнать информацию об услугах, заказать услуги в электронном виде, записаться на приём в государственные учреждения, оплатить услуги и оценить качество их исполнения. Ожидается, что к концу 2024 года 95% массовых социально-значимых государственных и муниципальных услуг будут предоставляться в электронном виде без необходимости очной явки.

Цифровые государственные данные необходимо сделать защищёнными и доступными, в том числе для взаимодействия граждан с коммерческим сектором. Личные сведения, прошедшие верификацию на госуслугах, могут быть использованы для получения различных сервисов, что упростит процедуру идентификации и кастомизации. Цифровой профиль гражданина может избавить его от дополнительных процедур и согласований. Цифровые документы помогут использовать возможности так называемого «цифрового двойника», когда многие документы можно правомочно использовать не только при предоставлении оригинала, но и через легитимные платформы в мобильном телефоне. Электронная подпись также призвана упростить и ускорить подписания различной документации.

Успешная реализация национальной программы «Цифровая экономика» будет способствовать выполнению основных показателей национальной цели «Цифровая трансформация» (2030), которые включают, во-первых, достижение цифровой зрелости ключевых отраслей экономики и социальной сферы; во-вторых, предоставление 95% массовых социально важных услуг в электронном виде; в-третьих, обеспечение доступа 97% домашних хозяйств к широкополосному интернету; в-четвёртых, четырёхкратное повышение вложений в российские информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) по сравнению с показателями 2019 года.

Эффект масштаба государства и «около государственных» корпораций позволяет ускорять процесс внедрения и развития цифровых инноваций во всех сферах социально-экономической жизни. «Ростелеком» и «ВК», например, ведут многолетние программы по реализации государственных стратегических инициатив в области цифровой экономики. «Сбер» – крупнейший банк России – является крупным участником цифровой экономики, а его контрольный пакет принадлежит государству.

Цифровая экономика не только открывает новые возможности, но и несёт большие риски. Киберпреступность только совершенствуется и требует большого количества ресурса для противодействия как в частном, так и в государственном секторе.

Глобальные цифровые корпорации уже много лет работают на международных рынках, поддерживаются правительствами и имеют внушительный объём ресурсов, что делает глобальную кон-

курению российских игроков цифровой экономики не простой.

Государственные меры поддержки предоставления цифровых услуг

Меры поддержки IT-отрасли постоянно расширяются. Ключевая поддержка осуществляется приоритетно для компаний, которые занимаются разработкой программного обеспечения, а также деятельностью по планированию, предварительной подготовке, эксплуатации и сопровождению компьютерных систем. Под определение IT-организаций также могут подпадать компании, занятые созданием информационных ресурсов и баз данных или реализующих проекты в области компьютерных технологий. Компания должна также пройти аккредитацию в Минцифры [2], и быть в списках соответствующего реестра. Основные льготы относятся к компаниям, у которых в структуре продаж собственная продукция составляет не менее 70%.

Аккредитованные IT-компании могли получать широкий перечень мер поддержки [3], согласно постановлению Правительства (№ 1729 от 30.09.2022 и (№ 296 от 22.02.2023):

- 1) пониженные тарифы страховых взносов;
- 2) обнуление налога на прибыль в 2022–2024 гг.;
- 3) льготная ипотека по ставке 5% годовых для сотрудников;
- 4) освобождение от выездных налоговых проверок и проверок органов государственного и муниципального контроля;
- 5) льготные кредиты по ставке до 3% годовых;
- 6) отсрочка для сотрудников с высшим образованием от призыва на военную службу;
- 7) упрощённая процедура трудоустройства и получения вида на жительство для иностранных специалистов.

Один из инструментов государственной поддержки компаниям, предоставляющим цифровые услуги, являются гранты. Гранты предоставлялись в размере от 20 до 500 млн руб. и ориентировались на поддержку проектов по разработке российских программ для ЭВМ и радиоэлектронной продукции, которые должны быть включены в государственные реестры [4].

Одним из институтов развития, реализующим поддержку проектов в сфере цифровой экономики, является Фонд содействия развитию малых форм предприятий в научной технической сфере [5]. Этот фонд ведёт свою деятельность с 1994 года, и его размер увеличился почти в 100 раз (17,6 млрд руб. в 2022 г.). С 2019 года в его рамках были запущены конкурсы по национальной программе «Цифровая экономика РФ», которые в 2021 году расширились по дополнительному направлению «искусственный интеллект». За первые 25 лет своей работы Фонд поддержал 6900 стартапов. Работа ведётся со школьниками, студентами, начинающими проектами, малым бизне-

сом и уже более зрелыми компаниями [6]. Общий объём привлекаемых средств, в первую очередь на проведение НИОКР, может достигнуть 24 млн руб.

Одним из косвенных индикаторов благоприятной среды для развития цифровой экономики является активность цифровых компаний в первом размещении акций на российских фондовых биржах. Например, сейчас группа компаний «Элемент», специализирующаяся на микроэлектронике, готовится к размещению на СПБ Бирже в 2024 году. Микроэлектроника – одна из ключевых «инфраструктурных» отраслей для цифровой экономики, особенно в условиях санкций и ограничения доступа к технологиям.

Развитие ГК «Элемент» – пример частно-государственного партнёрства по развитию как в целом IT-сектора, так и цифровой экономики в частности. В 2019 году госкорпорация «Ростех» и частная компания АФК «Система» объединили активы в сфере микроэлектроники. В совместный холдинг вошли 19 компаний, занятых в сфере разработки, производства и сертификации электронной компонентной базы. Одно из ключевых предприятий такого «кластера» по микроэлектронике – завод «Микрон» в Зеленограде, который в России лидирует направление микрочипов для документов и банковских карт.

Компания «Астра» не только создала операционную систему Astra Linux, но уже и планирует проводить вторичное размещение акций (SPO). По итогам 2023 года выручка компании выросла на 76%, достигнув отметки в 9,4 млрд руб., а прибыль – на 18% до уровня в 3,64 млрд руб.

Один из ключевых факторов ускоренного роста российских компаний цифровой экономики – импортозамещение, вызванное санкциями и уходом ряда иностранных компаний. «Астра», например, не только предлагает собственную операционную систему, но и виртуализацию, решения по базам данных, биллинговые решения и др. Компания «Позитив», также вышедшая на российскую биржу, сама производит и внедряет решения по кибербезопасности. Другая, торгуемая на бирже «цифровая» компания, «Софтлайн», занимается разработкой, в том числе и аппаратных решений. Отраслевой индекс компаний технологического сектора Московской биржи с начала 2024 года вырос на 40%, что в три раза больше среднего по рынку.

Дополнительным фактором развития российских «цифровых» компаний являются планы по переходу на российские программные продукты в государственном секторе и госкорпорациях.

Частные российские компании помогают выстраивать общую экосистему цифровых услуг. Например, с помощью Т-банк ID пользователи могут легко, быстро и безопасно проходить авторизацию и верифицировать личность без паспорта и других «стандартных» документов на популярных сайтах

и в мобильных приложениях (Авито, Финуслуги, ВКонтакте, СДЭК, Циан, Мос.ру и др.). Сервис доступен не только клиентам Т-банка. Любой гражданин может подать заявку на получение Т-Банка ID и при встрече с представителем банка подтвердить свою личность и документы.

Этот цифровой продукт предоставляется компаниям-партнёрам бесплатно, но им требуется собственный разработчик или может потребоваться использовать услуги сторонних компаний, которые помогут интегрировать сервис. Партнёрским компаниям, при согласии граждан, передаются данные о ФИО, телефоне, паспорте, почте, дате рождения.

В рамках реализации нацпрограммы «Цифровая экономика» реализуются также дорожные карты по сквозным цифровым технологиям, а именно: компонентам робототехники и сенсорики; нейротехнологиям и искусственному интеллекту; системам распределённого реестра; квантовым технологиям; новым производственным технологиям; технологиям беспроводной связи; технологиям виртуальной и дополненной реальности. Соответствующая государственная поддержка будет предоставляться по семи основным направлениям.

1. Организации, занятые разработкой и коммерциализацией программных продуктов и цифровых платформ в высокотехнологичной промышленности, могут рассчитывать на получение субсидий для возмещения затрат на разработку.

2. Приоритетная поддержка оказывается проектам внедрения российских решений в отрасли с потенциалом масштабирования.

3. Поддержка нацелена на тиражируемые решения с высокой социально-экономической значимостью для регионов.

4. Субсидии выделяются исследовательским центрам, проводящим научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы, помогающие достигать целевые показатели развития сквозных цифровых технологий.

5. Отдельная поддержка предоставляется малым предприятиям, разрабатывающим и коммерциализующим российские решения на основе сквозных цифровых технологий.

6. Особая поддержка предусмотрена для компаний-лидеров в сфере сквозных цифровых технологий.

7. Поддержка оказывается также комплексным проектам в области цифровых технологий в виде льготного кредитования.

Проекты, претендующие на государственную поддержку, отбираются на конкурсной основе специализированным уполномоченным оператором. Обязательное условие выделения государственных средств – наличие не менее половины внебюджетного фондирования [7].

Государственные структуры на собственном примере демонстрируют цифровую трансформацию, постоянно повышая качества предоставле-

ния цифровых услуг. Компания «Диалог» проранжировала 51 орган власти и один государственный внебюджетный фонд по уровню информационной работы министерств и ведомств в социальных медиа во 2-м полугодии 2023 года. Возглавило рейтинг Минпросвещения (88 баллов). Далее следовали Росмолодёжь (85), ФАС (84), Минобрнауки (82), Минцифры (82), Минфин (82), Минэкономразвития (80), Минздрав (77), Росстат (76), Минкультуры (76) [8].

Цифровая трансформация осуществляется в предоставлении не только массовых социальных государственных услуг, но и услуг по безопасности. 22 апреля 2024 года Президент подписал закон о цифровой трансформации Росгвардии [9], которая становится правомочной создавать и использовать государственные информационные системы в области государственного контроля безопасности объектов ТЭК, деятельности подразделений вневедомственной охраны, защищающих общественные объекты; охраны юридических лиц с «особыми» уставными задачами; частной охранной деятельности.

Литература

1. Указ Президента РФ от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» (ред. от 21.07.2020); Указ Президента РФ от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года».
2. Аккредитация ИТ-компаний // Официальный сайт портала Госуслуг. – URL: https://www.gosuslugi.ru/itindustry/accreditation/accreditation_of_it_companies.
3. Аккредитация ИТ-компаний // Официальный сайт Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. – URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/gov-services/1/>.
4. Гранты на разработку цифровых продуктов // Официальный сайт Центра Развития Предпринимательства Московской области. – URL: https://mспмо.ru/subsidies/federal_subsidies/12426/.
5. Официальный сайт Фонда содействия инновациям. – URL: <https://fasie.ru/fund/>.
6. Как получить грант в Фонде содействия инновациям // Сетевое издание Ведомости. – URL: <https://www.vedomosti.ru/management/articles/2019/10/09/813306-poluchit-grant>.
7. Какая поддержка оказывается проектам в рамках «сквозных» цифровых технологий? // Официальный сайт Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций. – URL: <https://digital.gov.ru/ru/appeals/faq/394/>.
8. Топ-10 органов власти по работе в интернете во II полугодии 2023 // Официальный сайт АНО

Диалог». – URL: <https://dialog.info/ratings/rejting-foiv-po-rabote-v-internete/>.

9. Федеральный закон от 22.04.2024 № 82-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».
10. Васильев В.П. Электронное правительство в цифровой реальности // Информационное общество. 2019. № 6.

STATE POLICY FOR THE DEVELOPMENT OF THE DIGITAL ECONOMY WITHIN THE FRAMEWORK OF THE DIGITAL DEVELOPMENT STRATEGY

Sushko V.A.

Lomonosov Moscow State University

This article examines modern approaches to the study of the state's digital policy, as well as the state's strategy for improving digital development, which is expected to expand state support measures for the provision of digital services to the population of the Russian Federation. The importance of studying this topic is due not only to the growing importance of digital technologies in the modern world, but also to the need to effectively manage this process in order to ensure equal access to digital services for all citizens.

Keywords: state digital policy, digital economy, digital development strategy, digital services for the population of the Russian Federation.

References

1. Decree of the President of the Russian Federation of 07.05.2018 No. 204 "On the national goals and strategic objectives of the development of the Russian Federation for the period up to 2024" (as amended on 21.07.2020); Decree of the President of the Russian Federation of 21.07.2020 No. 474 "On the national development goals of the Russian Federation for the period up to 2030".
2. Accreditation of IT companies // Official website of the State Services portal. – URL: https://www.gosuslugi.ru/itindustry/accreditation/accreditation_of_it_companies.
3. Accreditation of IT companies // Official website of the Ministry of Digital Development, Communications and Mass Media of the Russian Federation. – URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/govservices/1/>.
4. Grants for the development of digital products // Official website of the Center for the Development of Entrepreneurship of the Moscow Region. – URL: https://mспмо.ru/subsidies/federal_subsidies/12426/.
5. Official website of the Foundation for Assistance to Innovations. – URL: <https://fasie.ru/fund/>.
6. How to get a grant from the Foundation for Assistance to Innovations // Online publication Vedomosti. – URL: <https://www.vedomosti.ru/management/articles/2019/10/09/813306-poluch-it-grant>.
7. What support is provided to projects within the framework of "end-to-end" digital technologies? // Official website of the Ministry of Digital Development, Communications and Mass Media. – URL: <https://digital.gov.ru/ru/appeals/faq/394/>.
8. Top 10 government bodies in terms of work on the Internet in the second half of 2023 // Official website of ANO Dialog. – URL: <https://dialog.info/ratings/rejting-foiv-po-rabote-v-internete/>.
9. Federal Law of 22.04.2024 No. 82-FZ "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation".
10. Vasiliev V.P. Electronic government in digital reality // Information society. 2019. No. 6.

Практико-ориентированные исследования случаев в публичном управлении: особенности и перспективы развития

Ушаков Евгений Владимирович,

к.ф.н., доцент кафедры государственного и муниципального управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС, Санкт-Петербург)
E-mail: e_uszakow@mail.ru

В статье рассматриваются особенности практико-ориентированных кейс-стади в области публичного управления, дается определение данной разновидности исследований. Описываются основные различия между научно- (или теоретически-) и практически-ориентированными исследованиями случаев. Отмечается, что практические кейсы могут иметь широкий спектр приложений (в том числе эвристического характера), при этом заинтересованная аудитория во многом обладает самостоятельностью в интерпретации кейсов и определении способов их использования. Даются некоторые рекомендации по проведению и представлению результатов практических кейс-стади. К сожалению, сам жанр практико-ориентированных исследований случаев в публичном управлении пока недостаточно развит. В статье рассматривается ряд факторов, препятствующих его развитию, а также намечаются перспективы для дальнейшего продвижения данного научно-практического направления.

Ключевые слова: исследования случаев, государственное управление, методы социальных наук, сообщества практики, прикладные исследования

Исследования случаев (кейс-стади, case study) являются широким методологическим течением в социально-гуманитарных науках, в рамках которого проводятся самые разнообразные изыскания с различными целями и методологическими ди-зайнами. Для науки и практики публичного управления исследования случаев имеют особое значение, так как метод кейсов в свое время послужил основой для преподавания в области профессиональной подготовки будущих государственных служащих [1]. Кроме того, данный методологический подход остается чрезвычайно популярным в научных исследованиях публичного управления; так, имеется ряд знаменитых, классических работ в данной сфере, которые выполнены в форме кейс-стади (либо базируются на глубоком концептуальном анализе конкретных случаев или серий случаев).

Важнейшее значение с точки зрения удовлетворения растущих потребностей практики публичного управления имеют практико-ориентированные исследования случаев. Действительно, во многих ситуациях, учитывая бурное развитие современного публичного управления и его глубокую трансформацию в ряде наиболее существенных аспектов, вопросы отражения и передачи практического опыта становятся даже более важными, чем результаты научных изысканий.

Ярким примером может служить современная цифровизация (или цифровая трансформация) работы муниципальных органов, которая оказывает глубокое влияние на рутинную деятельность муниципальных чиновников, изменяет процедуры и практики подотчетности, опосредует формирование и функционирование муниципально-частных партнерств, взаимоотношения муниципалитетов и местных сообществ и др.

В этих обстоятельствах потребность в связанном, структурированном, отрефлексированном практическом опыте нередко имеет большее значение по сравнению с научно обоснованными рекомендациями или общими принципами (полученными, например, на основе строгих экспериментальных исследований или хорошо организованных наблюдений).

К сожалению, различие между научно- (или теоретически-) и практически-ориентированными кейс-стади пока недостаточно четко осознается (и данная статья призвана внести некоторый вклад в прояснение этой темы).

Прежде всего, предложим следующее свободное определение практических кейс-стади в публичном управлении, довольно широкое по своему характеру, которое могло бы охватить большое разнообразие выполняемых практико-ориентированных исследований случаев.

Практико-ориентированное исследование случая (серии случаев) – это структурированное представление какого-то (относительно завершенного) фрагмента практического опыта в области государственного управления, адресованное преимущественно практическим специалистом из этой области и предполагающее, как правило, определенный диапазон вариантов его практического использования.

К этому определению следует добавить некоторые пояснения. Авторами практических кейсов могут быть как практики, так и академические исследователи, имеющие непосредственный доступ к отраженному в исследовании опыту (это могут быть также смешанные группы, состоящие из академических исследователей и практиков).

Преимущественно практическая аудитория означает то, что подобные кейс-стади ориентированы в первую очередь на читателей-практиков; однако практические кейсы могут, разумеется, использоваться и в академических целях, для дальнейшего развития науки публичного управления (для выдвижения гипотез, проведения обобщений, формирования теорий и т.д.).

Наличие определенного диапазона применения означает то, что аудитории предоставляется известная свобода выбора способа использования данного опыта, самостоятельность в оценке его практической пользы и т.п.

Наиболее общий смысл практического кейса может состоять в том, что данный кейс выступает как *пример* чего-то, релевантный с точки зрения его практического применения. И здесь возможны совершенно различные модусы его полезности.

Так, пример может означать, что какую-то цель в принципе *можно* достичь (например, внедрить инновацию, решить проблему и т.п.); причем это не означает, что другие специалисты в другом месте будут делать это таким же образом. Это можно назвать «вдохновляющим» примером (или образцом, прокладывающим путь).

Кейс может также отражать общую идею о том, как это можно сделать. В таком случае представленный практический опыт побуждает аудиторию к поиску собственных идей (может быть, родственных или же отличающихся с учетом местного контекста).

Кроме того, это может быть пример, формирующий пространство для дальнейших размышлений (поисков, исследований). Так, кейс может описывать проблемы, с которыми столкнулась какая-то организация; это может быть также изложение ситуации, причины которой (порождающие механизмы, определяющие факторы и т.п.), оста-

лись невыясненными; и т.п. Иными словами, подобный пример предоставляет читателям возможность самим проработать данную тему, обратить внимание на данную ситуацию с точки зрения их собственного контекста практики и т.п.

Перейдем к основным отличиям научно- и практически- ориентированных кейс-стади. Главным критерием оценки практического кейса (начиная с оценки, проводимой самим автором на стадии замысла исследования) является его практическая польза. В этой связи автору планируемого кейс-стади следует ответить на некоторые основополагающие вопросы. Во-первых, это вопрос о том, *кому* может быть полезен данный кейс (т.е. предварительное определение круга читателей). Во-вторых – вопрос о том, *в чем* может состоять практическая польза (учитывая при этом, что спектр практического применения может быть шире, чем предполагалось автором).

В-третьих, рекомендуется рассмотреть, что может быть *наиболее* полезным для потенциального пользователя. (Например, с точки зрения заимствования и внедрения хороших практик, дальнейшего развития базисной идеи и т.д.). Продумывание ответа на этот вопрос поможет структурировать материал в кейс-стади, логически упорядочить его, акцентировать те или иные наиболее значимые аспекты представленного опыта.

Практические кейсы преследуют широкую цель прироста практического знания и опыта, поэтому проблема *обобщаемости* (генерализуемости) результатов исследования случая (которая является одной из наиболее дискуссионных тем в научной методологии кейс-стади [2], [3], [4]), в общем, не является столь острой.

Более того, можно сказать, что к практическим кейсам не предъявляются такие ригористические требования, как в отношении научно-ориентированных исследований случаев. Хотя, разумеется, ряд базисных требований к практическим кейсам сохраняется. Это, в частности: необходимость получения и использования достоверной информации (это относится к источникам информации, к техникам ее получения – например, к проведению опросов, анкетированию и т.п., для которых выдерживаются все правила валидной методологии). Сюда относится также точность и ясность описаний, хорошая структурированность отчета о проведенном исследовании, убедительность выводов и т.п.

С точки зрения применяемых методов в практических кейсах чаще используются качественные подходы и техники и, как правило, могут отсутствовать такие приоритетные (для научных исследований) установки, как предпочтение количественных методов, выделение основных переменных, выдвижение и проверка рабочих гипотез, применение статистики и т.п. (хотя, разумеется, все это не исключается).

Общий стиль презентации материала может быть нарративным (или, например, вопросно-ответным), т.е. ориентированным больше на понимание представленного сюжета аудиторией, чем на формальную методологическую основу исследования.

Широкий спектр применимости практико-ориентированных исследований подразумевает то, что далеко не все кейсы содержат некий успешный пример (образец деятельности), который рекомендуется к использованию другими специалистами. Более обширное практическое значение кейсов можно обозначить как *эвристическое*. Это означает, что данный кейс (который, как говорилось, предполагает самостоятельные оценки и суждения аудитории) может содержать определенный материал, полезный в плане стимуляции собственных рассуждений и выводов читателей.

Так, информация из практического кейса может быть принята во внимание адресатами для различных целей – например, это может быть принятие решения о *неиспользовании* данного образца практики по каким-то причинам (скажем, его непригодности в местных условиях). Либо это может быть учет каких-то ошибок, недостатков, серьезных проблем, которые обнаруживаются в данном фрагменте практики; подобные кейсы, таким образом, служат как бы негативными примерами, или примерами – предостережениями.

Важным эвристическим посылом, содержащимся в практическом кейсе, может быть стремление представить ту или иную проблему с *разных точек зрения* (или в русле различных подходов), предложить другие интерпретации (по сравнению с преобладающими и т.п.), то есть в конечном счете – переформулировать, переопределить проблему.

К примеру, разработка и внедрение новых информационных систем (цифровых сервисов) в публичном управлении может производиться с точки зрения инженеров – разработчиков, фирм – владельцев и продавцов программного продукта, пользователей – администраторов государственных учреждений, а также пользователей – граждан (получателей государственных услуг).

Уже само расширение кругозора, разрушение сложившейся моноцентрической установки (или даже целой парадигмы) в отношении видения определенной проблемы или класса задач может иметь существенное значение, как практическое, так и академическое.

Если в кейс-стади эксплицитно ставится задача расширения кругозора в отношении данной тематики и представления (изучения) разных точек зрения, то подобную разновидность исследований можно назвать *интерпретативным* практическим кейс-стади. В этом случае в рамках одного исследования проводится развернутое изучение точек зрения (мнений, оценок, суждений и т.п.) различных категорий участников: например, точки зре-

ния высшего руководства организации, руководителей отделов, рядовых сотрудников, граждан, контрольных органов и др. В зависимости от задач исследования, оно может завершаться сравнительным анализом, а также практическими замечаниями и выводами.

В тех или иных ситуациях можно даже порекомендовать проведение исследований разных точек зрения (в рамках одного кейс-стади) различными исследователями (соавторами), т.е. исследовательской командой (например, это может быть полезным в целях достижения большей беспристрастности исследования или лучшего изучения тех или иных чувствительных тем). Для исследований могут быть использованы разнообразные методы получения качественных данных «в глубину» – различные техники бесед, интервьюирования, участвующего наблюдения и др.

Для некоторых практических исследований можно порекомендовать такой прием, как добавление к ним серии комментариев (это может быть представлено отдельной рубрикой в статье). В этом случае материал кейс-стади перед публикацией может предоставляться экспертам или другим заинтересованным сторонам для ознакомления и высказывания своих мнений, оценок, предложений и др. Комментаторами могут выступать представители разных специальностей, различных научных дисциплин и т.п. (в зависимости от специфики исследования). Комментарии к тексту могут предназначаться для достижения большей объективности результатов, обеспечения лучшей практической направленности или, опять же, для расширения спектра точек зрения в отношении данной тематики.

В контексте прикладной направленности практико-ориентированного кейса важная роль может отводиться такому компоненту исследования, как *обсуждение результатов*; по существу, это может быть практический разбор данного случая (в зависимости от конкретных целей и тематики). Здесь возможен обширный набор вариантов проведения обсуждения. (При этом в публикации рубрика «Обсуждение» может иметь другое, более конкретное название либо быть разбита на несколько подразделов.)

Например, после изложения исходного сюжета может проводиться анализ и оценка того, как вел себя персонал (и/или руководство) в данной ситуации, какие были допущены ошибки, какие имелись недостатки организационного уровня. Могут обсуждаться также возможные причины данной ситуации (проблемы, события и т.п.), влияние внешнего контекста, возможные решения данной проблемы (или если решение было дано – оценки этого решения; возможные альтернативные подходы или решения) и многое другое.

Разбор кейса может следовать какой-либо логически упорядоченной схеме. Например, за основу могут быть взяты методики анализа кейсов

в системе образования. Так, Й.С. Ли предложил (для использования в преподавании) серию шагов, разбитую на три фазы: анализ проблемной ситуации, участвующих факторов, стратегий для решения [5].

В рамках практического разбора кейса могут быть даны также авторские рекомендации, как его можно использовать (но с учетом того, что диапазон применения может быть шире). Как правило, информативные кейсы на актуальную тематику могут стимулировать дальнейшие дискуссии и исследования среди профессиональных сообществ, могут применяться в учебных целях, а также для разбора на рабочем месте в административных учреждениях (с целью извлечения уроков и т.п.).

Следует отметить, что развитию практико-ориентированных кейс-стади в публичном управлении (в том числе с методологической стороны) придается меньшее значение, чем в отношении исследований случаев для научно-исследовательских сообществ. Поэтому потенциал данного направления пока остается недостаточно развитым и не в полной мере использованным.

Это связано с множеством обстоятельств. Так, в профессиональных кругах доминирует научное видение исследовательской деятельности, т.е. преобладает преимущественно академический интерес в получении новых знаний, а также в развитии тех или иных методов (что отражается в том числе в продолжающихся методологических дискуссиях в отношении кейс-стади как научной методологии). Развитию прикладных кейс-стади препятствует и тот очевидный факт, что специалисты-практики часто не владеют техникой проведения таких исследований (поэтому им требуются специальная подготовка, консультации или сотрудничество с академическими исследователями).

Формированию устойчивой установки на развитие прикладных исследований не способствует также широкое разнообразие практических вопросов, которые могут быть отражены в кейс-стади (а также обширный спектр возможностей их применения). По причине подобного разнообразия трудно достичь единого понимания в отношении того, что представляет собой практико-ориентированное исследование случая и в чем состоят его основополагающие черты (тем более, что плюрализм мнений до сих пор имеет место и по поводу сугубо научных кейс-стади) [6, p. 113].

Еще одним сдерживающим фактором выступает политика научных журналов (их редакторов). На современном этапе отчетливо видно, что научные журналы практически во всех областях знания ориентированы на возрастающую строгость научной методологии и высокую научную значимость публикаций (с ориентацией прежде всего на количественную методологию).

Таким образом, для более интенсивного развития практико-ориентированных кейсов как особого направления требуется ряд мероприятий. В том

числе это должны быть разнообразные инициативы со стороны сообществ администраторов-практиков, нацеленные на расширение возможностей для проведения и публичного представления (публикаций) прикладных кейс-стади. Необходимо также более тесное сотрудничество с академическими кругами с целью выполнения совместных исследований, а также получения разносторонней поддержки (в том числе для более широкого ознакомления с современными техниками выполнения исследований случаев).

Требуется также увеличение количества практико-ориентированных журналов, а также развитие электронных площадок и форумов для обсуждения тех или иных практических тем в области публичного управления. Более того, сегодня отчетливо видна потребность в преодолении традиционного для научных сообществ формата публикаций – прежде всего журнальных статей (как основной единицы научной информации) – и выхода к формату интерактивных площадок для обмена опытом, предоставления заинтересованным аудиториям своих прикладных кейсов, развития тематики за счет получения и анализа комментариев, приглашения к сотрудничеству других авторов (и формирования исследовательских команд) и т.п.

Это важно для особо проблемных, динамично развивающихся направлений практики управления (цифровизация, применение современных методов науки о данных, развертывание сетевых форм взаимодействия с обществом, создание государственно-частных партнерств, этические проблемы работы публичных служб, развитие социальной ответственности бизнеса и др.). В настоящее время возможности для обмена практическим опытом на основе развития новых информационных технологий (создание сетей знаний, *knowledge networks*, и др.) неуклонно возрастают.

Развитие практико-ориентированных кейсов тем более актуально на фоне сформировавшегося широкого тренда в ряде областей, направленного на более интенсивное развитие профессионального практического опыта сообществами специалистов. Данный тренд часто обозначается как движение за рефлексивную практику (Д. Шён и др. [7]), за развитие сообществ практики (Э. Венгер и др. [8], [9]), за проведение исследований действием и участвующих исследований [10] и т.п. Данное течение охватывает сегодня такие области, как социальная работа, преподавательская деятельность, сестринское дело, психологическое консультирование, психотерапия, инженерно-техническая деятельность и другие сферы. Разумеется, все это актуально и для области публичного управления.

Литература

1. Ушаков Е.В. Исследования случаев в государственном управлении: история развития мето-

- дологии и современные тенденции. Социально-гуманитарные знания. 2024. № 8. С. 61–64.
2. Jensen J. L., Rodgers R. Cumulating the Intellectual Gold of Case Study Research. *Public Administration Review*, 2001, 61(2): 235–246.
 3. *Case Study Method: Key Issues, Key Texts / Gomm R., Hammersley M., Foster P. (Eds.)*. SAGE Publications, 2000.
 4. Gerring J. *Case Study Research: Principles and Practices*. – Cambridge University Press, 2016.
 5. Lee Y.S. Public Management and Case Study Methods // *Teaching Political Science*, 1983, 11:1, 6–14, DOI: 10.1080/00922013.1983.9942350
 6. Andrews S. *Learning and Researching with Case Studies: A Student Companion for Business and Management Research*. Routledge, 2024.
 7. Schön D.A. *The Reflective Practitioner: How Professionals Think in Action*. – New York: Basic Books, 1983.
 8. Wenger E. *Communities of Practice: Learning, Meaning, and Identity*. – Cambridge University Press, 1998.
 9. Wenger E., McDermott R., Snyder W.M. *Cultivating communities of practice: A guide to managing knowledge*. – Boston, MA: Harvard Business School Press, 2002.
 10. Coghlan D., Brannick T. *Doing Action Research in Your Own Organization*. SAGE Publications, 2005.

PRACTICE-ORIENTED STUDIES IN PUBLIC ADMINISTRATION: FEATURES AND PROSPECTS OF DEVELOPMENT

Ushakov E.V.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA, St. Petersburg)

The article examines the special properties of practice-oriented case studies in the field of public administration, and defines this type of research. The main differences between scientifically (or theoretically) and practically-oriented case studies are described. It is noted that practical cases can have a wide range of applications (including heuristic ones), while the target audience largely has independence in interpreting the cases and determining how to use them. Some recommendations are given for conducting and presenting the results of practice-oriented case studies. Unfortunately, the genre of practice-oriented case studies in public administration is still insufficiently developed. The article examines some of the factors hindering its development, as well as outlines prospects for further advancement of this scientific and practical direction.

Keywords: case studies, public administration, social science methods, communities of practice, applied research.

References

1. Ushakov E.V. Case studies in public administration: the history of methodology development and current trends // *Social and humanitarian knowledge*. 2024. № 8. P. 61–64.
2. Jensen J. L., Rodgers R. Cumulating the Intellectual Gold of Case Study Research. *Public Administration Review*, 2001, 61(2): 235–246.
3. *Case Study Method: Key Issues, Key Texts / Gomm R., Hammersley M., Foster P. (Eds.)*. SAGE Publications, 2000.
4. Gerring J. *Case Study Research: Principles and Practices*. Cambridge University Press, 2016.
5. Lee Y.S. Public Management and Case Study Methods // *Teaching Political Science*, 1983, 11:1, 6–14, DOI: 10.1080/00922013.1983.9942350
6. Andrews S. *Learning and Researching with Case Studies: A Student Companion for Business and Management Research*. Routledge, 2024.
7. Schön D.A. *The Reflective Practitioner: How Professionals Think in Action*. – New York: Basic Books, 1983.
8. Wenger E. *Communities of Practice: Learning, Meaning, and Identity*. – Cambridge University Press, 1998
9. Wenger E., McDermott R., Snyder W.M. *Cultivating communities of practice: A guide to managing knowledge*. – Boston, MA: Harvard Business School Press, 2002.
10. Coghlan D., Brannick T. *Doing Action Research in Your Own Organization*. SAGE Publications, 2005.

Проблемы изучения социальной инклюзии инвалидов в современном обществе

Рочева Яна Сергеевна,

к.с.н., руководитель отдела мониторинга соблюдения прав инвалидов ФГБУ ФНОЦ МСЭ и Р им. Г.А. Альбрехта Минтруда России, доцент кафедры «Связи с общественностью» СПбГЭТУ «ЛЭТИ»

Шавонин Артем Леонидович,

аспирант СПбГЭТУ, младший научный сотрудник отдела мониторинга соблюдения прав инвалидов ФГБУ ФНОЦ МСЭ и Р им. Г.А. Альбрехта Минтруда России

В данной статье рассмотрены различные подходы к понятию «социальная инклюзия». Рассмотрены подходы ученых к соотношению понятий «интеграция» и «инклюзия». На основании рассмотрения авторами сформированы основные признаки социальной инклюзии. Также, в рамках статьи затрагивается социальная группа людей с инвалидностью как объект социальной инклюзии и предмет социологического мониторинга. Рассмотрены подходы к возникновению и пониманию инвалидности и динамика их развития. Отмечена важность проведения мониторинга соблюдения прав людей с инвалидностью с опорой на положения Конвенции о правах инвалидов в рамках их социальной инклюзии и. Авторы поднимают вопрос важности изучения репрезентации людей с инвалидностью в социальных медиа, как одном из наиболее популярных современных видов медиа, и включения подобного исследования в систему мониторинга соблюдения прав инвалидов.

Ключевые слова: инвалидность, социальная инклюзия, социальная эксклюзия, мониторинг прав инвалидов, интеграция.

Проблема социальной инклюзии в современном обществе встает особенно остро. В обществе, в котором права человека выходят на первый план, вопрос полноценного включения всех людей в жизнь социума и предоставление максимального количества прав уязвимым социальным группам являются одними из важнейших задач.

В данном контексте особую роль занимает социальная группа людей с инвалидностью. Согласно данным сайта ВОЗ на 2023 год, социальная группа людей с ограничениями здоровья составляет 16% от всего населения нашей планеты [7]. Согласно данным Росстата, в России данная социальная группа менее многочисленна, но все равно составляет значительную часть населения страны – 7,5% на декабрь 2023 года [8]. Это связано с тем, что современный уровень медицины позволяет сохранить жизнь человеку в ситуациях, в которых ранее это было невозможно или маловероятно. Тем не менее, подобное медицинское вмешательство не всегда позволяет полностью избежать негативных эффектов травмы или болезни и может оставлять последствия, которые ограничивают будущую жизнедеятельность человека.

В контексте адаптации людей с инвалидностью к жизни в обществе часто применяется термин «инклюзия». Полноценное понимание этого термина необходимо для определения социальных процессов, которые должны стать объектами изучения и управления проектами.

В первую очередь, стоит выделить подходы к соотношению терминов «интеграция» и «инклюзия». Зачастую, они используются как синонимы, но между ними есть существенная разница. Существует два основных подхода к соотношению терминов «инклюзия» и «интеграция». Согласно мнению одной группы ученых, инклюзия является процессом включения уязвимой группы в общественную жизнь и предоставления ей необходимых возможностей, в то время как интеграция является результатом данной деятельности. Например, М.С. Астоянц писала: «Социальная инклюзия должна рассматриваться как процесс, ведущий к социальной интеграции, а сама интеграция – как результат этого процесса» [5]. Таким образом, в данном подходе термин интеграция является более широким, чем инклюзия.

Другая группа ученых предлагает прямо противоположный подход. Согласно данному подходу, инклюзия является более широким термином, чем интеграция. Данного подхода, например, придержи-

живается известный российский исследователь проблем инвалидности Е.Р. Ярская-Смирнова [2]. Интеграция в данном случае является ограниченными точечными мерами, направленными на повышение комфорта жизни людей с инвалидностью в обществе. В то же время, инклюзия – это комплекс мер, направленных на существенное изменение общества для полноценного включения людей с инвалидностью в социальную жизнь. По мнению авторов, данный подход к пониманию инклюзии является наиболее предпочтительным [6].

Семеновских Т.В. в статье «Многомерность инклюзии» отмечает две модели многомерности инклюзии – «вертикальную» и «горизонтальную». «Вертикальная» инклюзия подразумевает включение социально уязвимой группы в основные системы общества: социальную, экономическую, институциональную, территориальную и символическую. «Горизонтальная» инклюзия подразумевает включение индивида в группу, в деятельность и наличие у него субъективного ощущения включенности в общество [12]. Подобный подход к понятию инклюзии отражает все многообразие этого явления и встраивается в понимание инклюзии как более широкого, чем интеграция, понятия.

Также, стоит отметить, что понятие социальной инклюзии тесно связано с понятием социального государства. Одними из важнейших характеристик социального государства является выделение заботы о социально уязвимых группах населения в отдельное направление социальной политики, а также ориентация на борьбу с социальной эксклюзией уязвимых групп населения, попытки по снижению ее интенсивности, а не только ее констатация. В подобном государстве меры, направленные на достижение социальной инклюзии, становятся одним из важнейших направлений [13].

Безусловно, учесть все нюансы и подходы к понятию «инклюзия» крайне сложно. Однако, на основании сравнения упомянутых выше подходов, можно выделить следующие основные признаки социальной инклюзии, которые приписываются ей всеми определениями.

1. Социальная инклюзия всегда направлена на социальную группу, которая по той или иной причине ограничена в доступе к социальным благам.
2. Социальная инклюзия связана с предоставлением уязвимой социальной группе полноценного доступа к благам и ее полноценное включение в жизнь общества.
3. Социальная инклюзия, в отличие от интеграции, подразумевает комплекс мер, кардинально меняющих общество для полноценного включения уязвимых групп.

Также, в контексте обсуждения проблемы социальной инклюзии людей с инвалидностью стоит отметить различные подходы к происхождению и существованию феномена инвалидности.

Первым подходом к феномену инвалидности, который стоит рассмотреть, является медицинский подход. Данный подход стоял у истоков изучения инвалидности в рамках социологии и являлся доминирующим долгое время. Перечислим основные особенности медицинского подхода.

1. Фокус на физических недостатках.

Основной упор в медицинском подходе к инвалидности делается на первопричине появления феномена – наличии медицинских состояний, приводящих к ограничениям в жизни человека.

2. Индивидуальная ответственность и игнорирование социальных факторов.

В рамках медицинского подхода к инвалидности в большинстве случаев наличие ограничений здоровья рассматривается как личная проблема человека с инвалидностью. В то же время, социальным факторам формирования феномена инвалидности не уделяется достаточное количество внимания. В связи с этим основными мерами, которые применяются для решения данной социальной проблемы, становятся личные усилия человека с инвалидностью по избавлению от ограничивающего медицинского состояния или адаптации к жизни в общества, а меры по адаптации общества практически не принимаются. Таким образом, можно сделать вывод, что медицинский подход внес существенный вклад в развитие социологии инвалидности и был адекватен для времени, когда он был популярен в научных кругах. Однако, в настоящее время, его использование в чистом виде невозможно, так как он не учитывает социальные факторы формирования инвалидности в необходимой степени [4].

Следующим подходом к феномену инвалидности в социологии является теория социального угнетения. Сторонники данного подхода занимают противоположную от сторонников медицинского подхода позицию. Согласно данной теории, люди с инвалидностью регулярно сталкиваются с социальными барьерами, которые не позволяют им в полной мере получить доступ к благам. Причиной существования этих барьеров является неадаптированность общества к людям с инвалидностью. Таким образом, ключом к решению проблемы инвалидности является адаптация общества для людей с инвалидностью и их полноценной инклюзии. Данный подход является гораздо более прогрессивным и соответствующим современным реалиям, однако, в нем в недостаточной степени учитывается медицинская сторона проблемы [1].

Наиболее перспективным способом изучения и решения проблемы инвалидности в современном обществе является направление, объединяющее упомянутые выше подходы – Disability studies. Disability studies – это междисциплинарное поле научных исследований, которое на данный момент набирает популярность. Оно включает в себя изучение феномена инвалидности с разных сторон – медицинской, юридической, социальной.

Подобное объединение усилий разных научных областей является ключом к полноценному, комплексному решению проблемы феномена инвалидности [3].

Актуальность подобного подхода к изучению проблемы инвалидности является большое количество публикаций, исследований и проектов, в которых задействуются специалисты из научных областей.

Примером подобного подхода может служить реализация мониторинга соблюдения Конвенции о правах инвалидов Федеральным научно-образовательным центром медико-социальной экспертизы и реабилитации им. Г.А. Альбрехта. Мониторинг включает в себя юридический анализ законодательства Российской Федерации и ее субъектов, статистический, а также изучение социального положения людей с инвалидностью. Данный проект объединяет ученых из различных научных областей, служит почвой для множества научных публикаций [9, 10, 11, 14] и его успешная реализация, безусловно, является примером эффективности и актуальности подхода Disability studies.

Вопрос мониторинга соблюдения прав инвалидов в контексте изучения и борьбы за социальную инклюзию людей с инвалидностью в современном обществе является крайне важным. Важность данного процесса закреплена в 33 статье Конвенции о правах инвалидов «Национальное осуществление и мониторинг». Проведение мониторинга соблюдения прав людей с инвалидностью имеет большое значение, так как принятие эффективных управленческих решений, направленных на социальную инклюзию инвалидов, и оценка их результатов возможны только на основе достаточного количества релевантных данных о положении людей с инвалидностью в обществе, которые будут отражать не только текущее их состояние, но и динамику развития данной социальной проблемы.

Несмотря на то, что социологический мониторинг соблюдения прав инвалидов в Российской Федерации активно развивается, все еще существуют стороны социальной жизни людей, которые не затронуты или мало затронуты государственной системой мониторинга. Одной из них является медиа. Медиа являются крайне эффективным инструментом влияния на общество в связи с их большим охватом аудитории. В первую очередь, медиа играют важную роль в процессе включения людей с инвалидностью в социальные и символические системы, которые были упомянуты выше в рамках концепции «вертикальной» инклюзии.

Особенно эффективным инструментом влияния на общество являются современные виды медиа. К ним, например, относятся социальные медиа. Они являются более сложным видом медиа с более сложным и активным взаимодействием между автором и аудиторией. Это позволяет им

оказывать более сильное воздействие на аудиторию. В то же время, данный вид медиа на текущий момент являются наименее изученными, так как появились сравнительно недавно. Поэтому, изучение репрезентации людей с инвалидностью в социальных медиа является одной из важнейших задач, стоящих перед социологией инвалидности на сегодняшний день.

Таким образом, процесс социальной инклюзии людей с инвалидностью является крайне актуальной проблемой в современном обществе. Полноценное включение людей с инвалидностью в жизнь общества и минимизация стоящих перед ними социальных барьеров является важной задачей. По результатам анализа современных проблем изучения инвалидности можно сказать, что со времени своего появления социология инвалидности прошла большой путь, однако по-прежнему существует множество вопросов в данном научном поле, которые требуют к себе пристального внимания.

Литература

1. Barnes, C., and Oliver, M. Disability: A Sociological Phenomenon Ignored by Sociologist / Leeds, England: Centre for Disability Studies, University of Leeds. – URL: <https://disability-studies.leeds.ac.uk/wp-content/uploads/sites/40/library/Barnes-soc-phenomenon.pdf> (дата обращения: 06.07.2024).
2. Cross-cultural competencies in social services. Formation of an inclusive organizational culture: methodological guidance / under the general editorship of E. Yarskaya-Smirnova. – М.: Council of Europe, 2017. – 136 p.
3. Gareth M. Thomas A legacy of silence: the intersections of medical sociology and disability studies / *Med Humanit*, 2022, 48 (1). P. 123–132.
4. Thomas C. Theorising disability and chronic illness: Where next for perspectives in medical sociology? / *Social Theory and Health Annual Lecture*, Vol.10. P. 209–228.
5. Астоянц М.С., Россихина И.Г. Социальная инклюзия: попытка концептуализации и операционализация понятия // *Изв. Юж. федер. ун-та. Пед. науки*. 2009. № 12. С. 51–58.
6. Маргулян Я.А., Рочева Я.С., Шавонин А.Л. Формирование положительного образа людей с инвалидностью в современных российских СМИ как основа их социальной инклюзии // *Дискурс*. 2024. № 10(1). С. 73–85.
7. Официальный сайт ВОЗ. – URL: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/disability-and-health> (дата обращения: 22.06.2024).
8. Официальный сайт Росстата. – URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13964> (дата обращения: 11.07.2024).
9. Радута В.И., Свинцов А.А., Шестаков В.П., Чернякина Т.С. О мерах, принятых Российской

- Федерацией по исполнению положений Конвенции о правах инвалидов (правовые аспекты) // Реабилитация – XXI век: традиции и инновации: сборник статей II Нац. конгр. с межд. участием. Санкт-Петербург, 12–13 сентября 2018 года. – Санкт-Петербург, 2018. – С. 21–23.
10. Рочева Я.С., Свинцов А.А., Радута В.И. Термин «инвалид» с позиций современной модели инвалидности // Социальное и пенсионное право. 2021. № 2. С. 38–44.
11. Свинцов А.А., Шестаков В.П., Чернякина Т.С. Радута В.И. Система мониторинга соблюдения прав инвалидов в Российской Федерации по выполнению положений конвенции ООН о правах инвалидов // Реабилитация – XXI век: традиции и инновации: сборник статей II Нац. конгр. с межд. участием. Санкт-Петербург, 12–13 сентября 2018 года. – Санкт-Петербург, 2018. – С. 24–27.
12. Семеновских Т.В. Многомерность инклюзии // Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Том 8. № 5/3. С. 153–155.
13. Терновая Л.О. Понимание проявлений эксклюзии и инклюзии в осмыслении специфики социального государства // Вестник экономических и социологических исследований. 2023. № 1. С. 35–44.
14. Чернякина Т.С., Шестаков В.П., Свинцов А.А., Радута В.И. Методические основы государственного мониторинга соблюдения прав инвалидов // Реабилитация – XXI век: традиции и инновации: сборник статей II Нац. конгр. с межд. участием. Санкт-Петербург, 12–13 сентября 2018 года. – Санкт-Петербург, 2018. – С. 24–27.

PROBLEMS OF STUDYING SOCIAL INCLUSION OF PEOPLE WITH DISABILITIES IN MODERN SOCIETY

Rocheva Y.S., Shavonin A.L.

Saint Petersburg Electrotechnical University, Saint Petersburg State Economic University, Federal Scientific Center of Rehabilitation of the Disabled
n. a. G. A. Albrecht

This article discusses various approaches to the concept of “social inclusion”. The approaches of scientists to the relationship between the concepts of “integration” and “inclusion” are considered. Based on the consideration, the authors have formed the main features of social inclusion. Also, the article touches upon the social group of people with disabilities as an object of social inclusion and a subject of sociological monitoring. Approaches to the emergence and understanding of disability and the dynamics of their development are considered. The importance of monitoring compliance with the rights of people with disabilities based on the provisions of the Convention on the Rights of Persons with Disabilities in the framework of their social inclusion is noted. The authors raise the issue of the importance of studying the representation of people with disabilities in social media, as one of the most popular modern types of media,

and the inclusion of such research in the system of monitoring compliance with the rights of people with disabilities.

Keywords: disability, social inclusion, social exclusion, monitoring, integration.

References

1. Barnes, C., and Oliver, M. Disability: A Sociological Phenomenon Ignored by Sociologist / Leeds, England: Center for Disability Studies, University of Leeds. – URL: <https://disability-studies.leeds.ac.uk/wp-content/uploads/sites/40/library/Barnes-soc-phenomenon.pdf> (accessed 07/06/2024).
2. Cross-cultural competencies in social services. Formation of an inclusive organizational culture: methodological guidance / under the general editorship of E. Yarskaya-Smirnova. – M.: Council of Europe, 2017. – 136 p.
3. Gareth M. Thomas A legacy of silence: the intersections of medical sociology and disability studies / *Med Humanit*, 2022, 48 (1). P. 123–132.
4. Thomas C. Theorising disability and chronic illness: Where next for perspectives in medical sociology? / *Social Theory and Health Annual Lecture*, Vol.10. P. 209–228.
5. Astoyan M.S., Rossikhina I.G. Social inclusion: an attempt to conceptualize and operationalize the concept // *Izvestiya Yuzh. federal. univ. Ped. sciences*. 2009. No. 12. Pp. 51–58.
6. Margulyan Ya.A., Rocheva Ya.S., Shavonin A.L. Formation of a positive image of people with disabilities in modern Russian media as a basis for their social inclusion // *Discourse*. 2024. No. 10 (1). P. 73–85.
7. Official website of WHO. – URL: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/disability-and-health> (date of access: 22.06.2024).
8. Official website of Rosstat. – URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13964> (date of access: 11.07.2024).
9. Raduto V.I., Svintsov A.A., Shestakov V.P., Chernyakina T.S. On the measures taken by the Russian Federation for the implementation of the provisions of the Convention on the Rights of Persons with Disabilities (legal aspects) // *Rehabilitation – XXI century: traditions and innovations: collection of articles of the II Nat. Congr. with int. participation*. St. Petersburg, September 12–13, 2018. – St. Petersburg, 2018. – P. 21–23.
10. Rocheva Ya.S., Svintsov A.A., Raduto V.I. The term “disabled person” from the standpoint of the modern model of disability // *Social and pension law*. 2021. No. 2. P. 38–44.
11. Svintsov A. .A., Shestakov V.P., Chernyakina T.S. Raduto V.I. System for monitoring compliance with the rights of persons with disabilities in the Russian Federation for the implementation of the provisions of the UN Convention on the Rights of Persons with Disabilities // *Rehabilitation – XXI century: traditions and innovations: collection of articles of the II Nat. Congr. with int. participation*. St. Petersburg, September 12–13, 2018. – St. Petersburg, 2018. – P. 24–27.
12. Semenovskikh T.V. Multidimensionality of inclusion // *Historical and socio-educational thought*. 2016. Vol. 8. No. 5/3. P. 153–155.
13. Ternovaya L.O. Understanding the manifestations of exclusion and inclusion in understanding the specifics of the social state // *Bulletin of Economic and Sociological Research*. 2023. No. 1. P. 35–44.
14. Chernyakina T. S., Shestakov V.P., Svintsov A.A., Raduto V.I. Methodological foundations of state monitoring of compliance with the rights of persons with disabilities // *Rehabilitation – XXI century: traditions and innovations: collection of articles of the II Nat. Congr. with international participation*. St. Petersburg, September 12–13, 2018. – St. Petersburg, 2018. – P. 24–27.

Применение социального-управленческой технологии нейминга высшего учебного заведения: на примере Университета ИТМО

Шадрин Александр Александрович,

ассистент, аспирант кафедры социологии и управления персоналом Санкт-Петербургского государственного экономического университета
E-mail: shadrin29@list.ru

Целью статьи является рассмотрение категории имиджа организации высшего образования (вуза) как объекта человекоориентированного управления. Автор анализирует сущность понятия «человекоориентированное управление» в контексте организации высшего образования, а также раскрывает взаимосвязь между имиджем вуза и реализацией принципа управления, ориентированного на человека.

В теоретической части работы представлены основные внешние факторы, влияющие на формирование имиджа высшей школы в России, а также описаны ключевые аспекты ESG-концепции (экологический, социальный и управленческий), которые могут быть использованы в качестве основы для разработки программ и практик человекоориентированного управления в вузах.

Автор приводит пример реализации человекоориентированного подхода в Университете ИТМО. В частности, рассматривается социально-информационная технология нейминга/рениминга и управленческая технология по созданию комьюнити-бренда ITMO.FAMILY, ориентированного на принципы устойчивого развития и человекоориентированного управления.

В заключение делается вывод о том, что участие вузов в рейтингах, учитывающих критерии ESG, является эффективным инструментом для продвижения имиджа организации, основанного на принципах человекоориентированного управления.

Ключевые слова: корпоративный университет, корпоративная культура, ценности, мотивация персонала, вовлеченность, удовлетворенность, кадровый потенциал, методы обучения.

Словосочетание «человекоориентированное управление» известно современной науке управления достаточно давно. В основе такого подхода к анализу системы управления лежит роль личности в производственной деятельности. Если проанализировать авторские подходы к пониманию сущности принципа, то можно выделить следующие ключевые определения [1]:

- Э. Мейо: «Работник предприятия – важный и основной актив управления»;
- Н. Бонтис: «Объединение в системе управления интеллекта, навыков, знаний, которые создают отличительные черты компании и увеличивают вклад в определение ее стоимости»;
- Х. Скарборо: «Это связь с методами организационной работы персонала по достижению проектируемых результатов»;
- Р. Пунтам: «Социальные качества личности, характерные для социальной жизни, на основе взаимодействия норм поведения и доверия, которые приводят к достижению общих целей»;
- Р. Грант считает, что это «процессы обучения персонала, адаптации персонала, которые формируют гибкость управления, создают условия для приверженности и лояльности, определяют контуры для сохранения и увеличения конкурентных преимуществ компании» и др. [1]

При этом для отечественных ученых «человекоориентированное управление» – это, прежде всего, «накопленные знания, роль профкомпетенций, ценностно-смысловые ориентации сотрудников», а также «коллективная деятельность в рамках общественно-значимых задач» и др. [1]

В отношении организации высшего образования на современном этапе все указанные авторские обоснования принципа управления, ориентированного на человека, являются актуальными.

«Вуз – это организация, обладающая четкой структурой и объединяющая людей единой целью – поддержание и развитие образовательной деятельности, а также популяризации науки и высшей школы среди целевых аудиторий. В основе лежат социально-коммуникативные отношения, отражающие соотношение интересов и ценностей взаимодействующих сторон (социальных общностей)». [2, 5]

«Основными субъектами высшего образования являются социальные общности студентов, научно-педагогических работников, вузовских менеджеров, в действиях и взаимодействиях которых в процессе реализации образовательных

и научных программ создается и возникает феномен высшего образования». [3, 5]

Отечественных и зарубежных исследователей высшего образования, в том числе специалистов в области стратегического менеджмента, изучающих феномен имиджа социальной организации, объединяет точка зрения о влиянии внешних и внутренних стейкхолдеров на формирование единого коммуникационного поля вуза. То есть имидж организации складывается во взаимодействии с заинтересованными сторонами. В этом контексте выявление, анализ и корректировка образа организации – ключевая задача коммуникационных менеджеров. Решение задачи позволит укрепить имидж, сделать его единым для всех заинтересованных сторон, а также сформировать ключевые стратегические маркеры для формирования эффективной имиджевой политики, общей стратегии развития бренда. При этом общая стратегия будет состоять из подстратегий, работающих на общий результат. В частности, сюда можно отнести такие виды подстратегий: операционную (бизнес-процессы, управление), продуктовую (знания, образовательные программы, исследования и разработки), коммуникационную (внутренние и внешние коммуникации, в том числе имидж) [14, 15].

Если следовать подходу Д.П. Гавры [4], который анализирует категорию имиджа с позиции прикладной социальной коммуникации (информационно-коммуникационный подход), то имидж обладает двойственной природой. Его можно рассматривать как процесс (информационно-коммуникативная социальная технология) и результат социальной коммуникации (элемент измененной социальной реальности на микроуровне). Именно поэтому особое значение имеет вид имиджа – «транслируемый имидж» социальной организации. Таким образом, автор формулирует два определения имиджа:

1. Процессуальное понимание: «комплексная форма коммуникации, обеспечивающая целевым аудиториям определенное впечатление об объекте и отношение к нему». [4]

2. Субстанциональное понимание: «относительно устойчивый знаково опосредованный когнитивно обусловленный и эмоционально окрашенный, обладающий рядом характеристик стереотипа психический образ представление об объекте, подразумевающий его оценку. Имидж способен наделять объект «путем ассоциаций дополнительными ценностями (социальными, психологическими, эстетическими и т.д.), необязательно имеющими основания в реальных свойствах самого объекта, но обладающими социальной значимостью для воспринимающих такой образ». [4] То есть для стейкхолдеров организации.

Стоит отметить, что на практике наполнением имиджа информацией занимаются менеджеры (например, в ИТМО – департамент по стратегическим коммуникациям), которые обраба-

тывают данные об организации и с помощью социально-управленческих и информационно-коммуникативных технологий формируют образы, инсайты, архетипы и управляют коммуникационным процессом, что соответствует социально-управленческому подходу В.В. Сиберева.

Социально-управленческий подход дополняет подход Д.П. Гавры. Общая точка притяжения – информация об организации, а также знания. Толчком для формирования новой точки зрения на имидж вуза послужило активное развитие рынка образовательных услуг, конкуренция за ресурсы и привлечение внешних стейкхолдеров (абитуриентов, студентов, партнеров, родителей, государства).

«Имидж организации или вуза – это относительно устойчивый образ, формируемый в процессе коммуникации (социального взаимодействия) организации с заинтересованными сторонами (целевыми группами). Любая организация преследует определенные цели, но она не должна забывать, что у взаимодействующих с ней сторон тоже есть свои цели, чаще всего не совпадающие с целями организации». [11] Сиберева подробно не рассматривает ключевых стейкхолдеров вуза. Однако мы делаем на них акцент, в том числе на их изучении, например, с помощью технологии социального портретирования, поскольку в рамках имиджа стейкхолдеры вуза играют роль «получателей и трансляторов имиджа». [2, 5, 11, 12]

Организации высшего образования давно встали в один ряд с бизнесом и компаниями из реального сектора экономики. Ключевая задача для всех – «максимизация прибыли, конкуренция за потребителя образовательной услуги, за возможность получения финансирования из негосударственных источников (через благотворительность, эндаумент-фонды, со-финансирование образовательных, научных проектов реальным сектором экономики и т.п.). Таким образом, в таких условиях положительный имидж становится источником дополнительных доходов и инвестиций. Вузы начинают конкурировать с помощью имиджа на региональном, национальном, международном уровнях. Многие авторы именно в этом, экономическом подходе, видят предпосылку к формированию устойчивого понятия «имидж вуза». [2]

С новой силой на имидж вуза стали обращать внимание с 2000-х годов. Знаковыми проектами в сфере образования значатся: Национальный проект «Образование» (2006 год), Проект «5–100» (2012 год), «Приоритет 2030» (2020 год по настоящее время). Основные маркеры: модернизация, структурное обновление, интернационализация, научная коммуникация, коммерциализация, внедрение проектного подхода. [5, 6]

Основные внешние факторы (тенденции), повлиявшие на формирование имиджа высшей школы в России: [5, 6]

– переход на болонскую систему;

- внедрение инновационных образовательных программ;
- создание федеральных, национальных исследовательских университетов;
- персонализация образования – привлечение в вузы ведущих ученых;
- целенаправленная работа по участию в международных рейтингах – интернационализация имиджа;
- введение понятия «опорный университет» в рамках трансляции опыта передовых вузов в регионах (укрупнение вузов и расширение региона присутствия);
- вузы, как центры пространства создания инноваций;
- развитие экспортного потенциала отечественных образовательных услуг как элемента несырьевого экспорта России;
- генерация новых знаний, рынков, технологий для внедрения в отечественную экономику и социальную сферу;
- внедрения ESG-практик на организационном и образовательном уровнях (появление центров устойчивого развития в вузах, программ по подготовке специалистов, разделяющих принципы человекоориентированного управления в организации) и др. [5, 6]

Таким образом, если соотнести две дефиниции «имидж вуза» и «чело­векоориентированное управление», то мы видим взаимосвязь понятий, которая реализуется через социальные общности организации (целевые аудитории), которые также выступают получателями и трансляторами имиджа. То есть реализация принципа управления, ориентированного на человека в организации, формирует положительный имидж. При этом если «имидж является неосязаемым активом» [6], то программы, разработанные с ориентацией на человека – осязаемы и «выступают реальным источником конкурентоспособности и ключевым фактором адаптации любой организации к внешним условиям». [6]

Приведем примеры программ Университета ИТМО, основанных на принципе «чело­векоориентированного управления» в вузе для различных групп внешних и внутренних трансляторов и получателей имиджа:

1) сотрудники (внедрение структурных подразделений, отвечающих за подбор, адаптацию и обучение персонала, внедрение системы качества образовательного процесса, системы внутренних и внешних коммуникаций, офиса сотрудников и по типу одного окна);

2) студенты (программы мобильности, электронная среда вуза, развитие общественных пространств для работы и учебы, студенческое самоуправление и молодежная политика, программа менторства и наставничества, студенческий офис, волонтерское движение, экологическая програм-

ма по отдельному сбору мусора в корпусах, развитие волонтерское движение и др.);

3) профессорско-преподавательский состав (снижение бюрократической нагрузки, программы интернационализации, обучения и развития, и др.);

4) абитуриенты и родители (курсы, внешние мероприятия, пространства по типу коворкингов для работы и учебы и др.);

5) партнеры (хоздоговоры, гранты, инфраструктура вуза для реализации совместных научных и образовательных программ, инклюзивная среда, совместные образовательные программы по профилю) и др.

На международном уровне особый интерес получил ESG-принцип в управлении социальными организациями. Кроме этого, это устойчивый подход для формирования положительного имиджа компании и повышения узнаваемости бренда на внутреннем и внешнем рынке.

Современная ESG-концепция основывается на целях устойчивого развития, но не обязательно предполагает, что организация активно работает над каждой из них. Это набор принципов экологического, социального и корпоративного управления, в котором центральное место занимают социальные общности организации, призванные быть акторами, «формирующими представление о деятельности организации в отношении финансовой устойчивости, социального равенства и корпоративной справедливости». То есть реализующие в системе и на постоянной основе принцип «чело­векоориентированного управления». [7]

Концепция устойчивого развития является философией, которая представлена в 17 целях устойчивого развития ООН, следовательно, ESG – это отражение того, как эффективно бизнес движется к достижению этих целей, выраженное в формате нефинансовой отчетности и рейтингов. Таким образом, устойчивое развитие – более общая категория, а ESG – набор критериев, выраженный в количественных результатах, на которые ориентируются инвесторы и партнеры. В бизнес-среде и научном сообществе «устойчивое развитие» и ESG зачастую используются взаимозаменяемо. Термин ESG наиболее измеримый, так как содержит расширенный набор критериев и факторов, выраженный в количественных результатах. [7]

Ключевые аспекты ESG включают: [7, 8]

- экологический аспект: изменение климата; управление водными ресурсами; выбросы, сбросы, отходы и использование ресурсов; процесс переработки; источники сырья; биоразнообразие и земельные ресурсы; экологическое соответствие; использование энергии, утилизация отходов.
- социальный аспект: трудовые практики; охрана труда и промышленная безопасность; права человека; местные сообщества; гендерное равенство; социальное воздействие и создание цен-

ности; возможности для женщин; благотворительная деятельность; общественная работа.

- управленческий аспект: корпоративное управление; управление рисками; управление персоналом и HR-трансформация; противодействие коррупции и деловая этика; раскрытие информации; взаимодействие с клиентами; состав советов директоров, внешние попечители. [7, 8]

В декабре 2023 года РА RAEX была проведена конференция «Университеты и устойчивое развитие: практика, перспективы, критерии эффективности». Эксперты в области образования обсудили развитие ESG-повестки в вузах с целью способствовать созданию национального ESG-рейтинга организаций высшего образования. Кроме этого, агентством был проведен опрос, по итогам которого были выделены ключевые маркеры, которые лежат в основе долгосрочного и стабильного развития отечественных вузов по ключевым критериям ESG: [9]

- экология: безбумажные технологии;
- социальная часть: обеспечение уважительного отношения к культуре и традициям разных стран и народов;
- управление: поддержка руководством вуза творческих и спортивных организаций. [9]

Площадка для опроса: сайт gaex.ru. Срок: с 10 по 20 ноября 2023 года. Количество респондентов: 3223 (701 – преподаватели и научные сотрудники, 2522 – студенты и выпускники). Анкета состояла из 10 пунктов (вопросы на понимание принципов ESG в целом, так и в конкретных вузах). [9]

Стоит отметить, что рейтинг влияет на узнаваемость и имидж организации. В частности, проведенное автором исследование на базе Университета ИТМО в 2021–2023 гг. среди обучающихся первого курса бакалавриата, магистратуры и аспирантуры показал устойчивость рейтинга как фактора влияния на выбор вуза (см. таблицу 1). [5, 6]

Таблица 1. Факторы влияния на выбор вуза

Критерий	Значение в исследовании			Среднее значение	Максимальное отклонение от среднего, %
	2021 г.	2022 г.	2023 г.		
Рейтинг вуза	62%	58,8%	51,4%	57,40%	6,00
Имидж вуза	70%	51,4%	47,0%	56,13%	-13,87
Возможность трудоустройства	48%	36,4%	34%	39,47%	-8,53
Местоположение вуза (город и место вуза в городе)	57%	22,4%	20%	33,13%	-23,87
Большой выбор образовательных программ и направлений	–	21,6%	18,0%	19,80%	-1,80
Наличие бюджетных мест	–	17%	30%	23,50%	6,50
Совет родителей	58%	5,4%	4,0%	22,47%	-35,53
Наличие военной кафедры	–	9,7%	2,0%	5,85%	-3,85
Желание учиться в СПб	57%	33,5%	26,0%	38,83%	-18,17
Проходные баллы ЕГЭ или вступительных испытаний в вуз	–	8,2%	11,0%	9,60%	1,40

«Если учесть, что при значении генеральной совокупности первого исследования в 5231 человек и количестве принявших в анкетировании – 147 человек, предельная ошибка выборки была 10,49%; для исследования 2022 года – 4707/352 человека соответственно, предельная ошибка выборки была 6,61%; при значении генеральной совокупности исследования 2023 года в 4495 человек и количестве принявших в анкетировании – 100 человек, предельная ошибка выборки – 12,76%. Кроме этого, аналогичное исследование, проведенное в СПбГЭУ в 2024 году, закрепило результат рейтинга как фактора влияния выбора на уровне 55,4%. При этом имидж вуза – 37,5% (значение генеральной совокупности – 4076, количество респондентов – 112 человек, предельная ошибка выборки – 9,13%). Рост предельной ошибки на 4,678 пункта в 2023 году и сохранение значения в 2024 г.

допустим, так как наша основная цель – выявить тенденцию». [5, 6]

Осведомленность среди вузовского сообщества о ESG достаточно низкая. На это указывает отчет рейтингового агентства (опрос), указанного ранее. Однако все эксперты пришли к выводу, что каждый вуз должен внести в свои стратегии развития элементы человекоориентированного принципа. [9] Вузы-участники федерального проекта «Приоритет 2030» уже внедряют элементы ESG-повестки на разных уровнях, в том числе и на уровне управления. Лидером по этому показателю в Санкт-Петербурге является Политехнический университет Петра Великого. Не отстают и региональные вузы. В том числе представители организаций высшего образования – участники ключевых рейтингов вузов, которые учитывают элементы человекоориентированного управле-

ния (принципов устойчивого развития). Приведем примеры таких ранжированных списков из отече-

ственной и международной практики в таблице 2. [13]

Таблица 2. Анализ мировых рейтингов, оценивающих вклад университетов в устойчивое развитие общества

Наименование	Характеристика	Индикаторы
UI GreenMetric World University Rankings (Индонезия)	Производится оценка приверженности вузов идеям устойчивого развития.	1. Образование и исследования; 2. Транспорт; 3. Вода; 4. Отходы; 5. Энергия и изменения климата; 6. Окружение и инфраструктура.
The Times Higher Education University Impact Rankings (Великобритания)	Оценка вклада вузов в достижение целей устойчивого развития (ЦУР ООН). База – оценка направлений деятельности организации для решения актуальных глобальных вызовов.	1. Исследования (система научных); 2. Обучение (формирование компетенций для реализации ESG-принципов в профессиональной карьере; ориентация на практику); 3. Распространение (продвижение и популяризация устойчивого развития); 4. Управление (формирование системы управления ресурсным потенциалом вуза)
QS World University Rankings: Sustainable Development Goals (Великобритания)	Акцент на научных исследованиях и исследовательской активности по двум укрупненным целям устойчивого развития (ЦУР) ООН. А именно: 1. Воздействие на общество (ЦУР 5, ЦУР 10); 2. Воздействие на окружающую среду (ЦУР 7, ЦУР 11–15). Оцениваются научные публикации по каждой ЦУР на платформе SciVal (Elsevier).	1. Общее количество научных статей; 2. Общее количество цитирований; 3. Количество статей, опубликованных в академических изданиях, входящих в 10% лучших по CiteScore Percentile; 4. Среднее значение индекса цитирования, взвешенного по отрасли (FWCI); 5. Медиана цитирований на статью и медиана FWCI цитирований на статью.
Globethics.net University Ranking (Швейцария)	Фокус на центральные принципы вузов в мире: ценности, этика, устойчивость. Основан на отзывах ключевых стейкхолдеров в сфере высшего образования – студентов и сотрудников. В основе оценивания лежат принципы: открытости, инклюзивности вне зависимости от географии, размера и бюджета.	Семь групп индикаторов от студентов: 1) преподавание и обучение; 2) оценка и обратная связь; 3) приобретенные навыки; 4) социальный опыт и взаимодействие; 5) устремления (планы после окончания учебы); 6) академическая честность, осведомленность о ESG; 7) приверженность ESG-повестке. Четыре группы от академического персонала: 1) оценка лидерства; 2) институциональные ценности; 3) институциональная устойчивость; 4) приверженность принципам ESG. В итоговом рейтинге (итоговый взвешенный балл) вузы оцениваются по категориям: 1) студенческий опыт обучения; 2) устойчивость и честность обучающихся; 3) благоприятная рабочая среда для персонала; 4) устойчивое развитие и устойчивость вуза.
MoslUR The Three University Missions (Россия)	Рейтинг ориентирован на оценку вклада университетов в развитие общества, в том числе традиционные миссии – образовательная деятельность, научные исследования.	Три укрупненные группы: 1. Образование; 2. Наука; 3. Университет и общество.

Ключевые индикаторы рейтингов вуза показывают, что имиджевая политика организации может быть выстроена в рамках трех аспектов: экология, социальное развитие, корпоративное управление. Программы и практики, выстроенные по принципам ESG – уникальные «торговые» предложения (УТП) для стейкхолдеров вуза. В том числе в структуре имиджевой политики можно выделить отдельные стратегии по направлениям деятельно-

сти: операционная (сервис) и коммуникационная с учетом принципов человекоориентированного управления. Приведем примеры активностей, исходя из аспектов ESG.

– Экологические аспекты. Внедрение программ по сортировке отходов, созданию зеленых кампусов, учебные курсы и исследовательские проекты, посвященные экологической проблематике.

- Социальные аспекты. Создание инклюзивных центров, продвижение равенства среди студентов и сотрудников, создание безопасной и поддерживающей среды, развитие волонтерского движения, программы менторства, психологическая поддержка и развитие карьерного консультирования и др.
- Корпоративные аспекты. Создание специальных подразделений, направленных на поддержание принципов прозрачности в управлении, отчетности, управление рисками, связанными с ESG-факторами, вовлечение стейкхолдеров в принятии решений и формировании стратегии вуза, в том числе выстраивание понятного коммуникационного поля (системы внутренних и внешних коммуникаций) для мотивации сотрудников формировать ценностные установки, учитывающих ESG-повестку.

В качестве социальной технологии по стимулированию, популяризации и для выработки лояльности стейкхолдеров организации к ESG-повестке – участие компании в институциональных рейтингах, в которых оцениваются критерии по ключевым маркерам человекоориентированного управления, указанные выше. В том числе они войдут в список индикаторов для оценки эффективности организации.

Распространенным методом при выработке инструментария для продвижения и оказания влияния на выбор вуза в качестве надежного партнера для инвестиций, работы и учебы – ежегодный независимый мониторинг, учитывающий индикаторы человекоориентированного управления. Например, уровень мотивации, качество образовательной среды, образовательных программ и проектов, системы внутренних и внешних коммуникаций, уровня удовлетворенности социальных общностей организации, развития социальных программ, экологическая безопасность, инклюзивная среда и др.

Для продвижения своих идей и принципов, в том числе принципов ESG, организация может использовать социально-управленческую технологию по формированию комьюнити – комьюнити-менеджмент (с включением новой позиции в структуре компании – комьюнити-менеджер).

Комьюнити – социальная группа, которая создается на базе сильного бренда, которым является организация высшего образования. Процесс коммуникации также может быть выстроен на базе одной темы или интереса. Инструмент диджитал в лице социальных сетей как раз способствуют объединению. Однако это объединение не происходит стихийно, менеджеры компании ведут целенаправленную работу. База – единая имиджевая политика с учетом всех ключевых стратегий компании, объединенных общей целью. Развивает «кружок по интересам» – комьюнити-менеджер. Специалист целенаправленно подтягивает новых и постоянных участников (стейкхол-

деров), подогревая интерес к бренду организации с помощью интегрированных маркетинговых коммуникаций, содержащие различные социально-управленческие, социально-коммуникационные технологии. Приведем пример кейса Университета ИТМО по созданию комьюнити ИТМО.FAMILY.

Университет ИТМО провел репрезентацию «семьи» (команды) с помощью технологии нейминга/релейминга.

«Нейминг от английского naming – имя образование. Сейчас определяется как совокупность процессов в маркетинге, направленная на создание особого, отличного от других, запоминающегося названия предприятия, проекта, товара, услуги или их комплекса».

Отметим, что нейминг как технология является одной из стандартных услуг, оказываемых всеми коммуникационными агентствами. Это очень сложный процесс по созданию «номинаций» (названий, имен, торговых марок), который входит в комплекс мероприятий в составе интегрированных маркетинговых коммуникаций. На образовательном рынке для продвижения товара в виде «знания», «образовательной программы», «научной разработки», «авторского курса», «методики» и пр. нейминг пришел лишь после запуска федерального проекта по преобразованию вузов «Проект 5–100» (2012–2020 гг.).

Результатом реализации указанной программы стало вхождение к 2020 году не менее пяти российских университетов в первую сотню ведущих мировых вузов согласно международным рейтингам. Госпроект позволил отечественным вузам разработать собственные стратегические программы, в которых значительная роль была отведена маркетинговым коммуникациям (формированию имиджевой политики). В частности, некоторые организации взяли на вооружение релейминг – изменение (доработка) существующего имени.

Основная причина релейминга – уйти от длинных номинаций, сохранившихся еще с советских времен, а также выстроить положительные ассоциативные ряды для стейкхолдеров, закрепить новое имя в сознании потребителя. Кроме этого, новое название несет в себе добавочные ценности, которые необходимы для более точного позиционирования организации на рынке образовательных услуг.

В мае 2014 года в ИТМО был запущен комплексный процесс изменения бренда: новый логотип, фирменный стиль, философия («Больше чем университет»), миссия, нейминг / релейминг (появилось официальное сокращенное название – «Университет ИТМО / ИТМО University», дополнительный «нейм-слоган» – «Первый неклассический университет»).

Команда использовала технологию «контактных аудиторий» для совершенствования бренда [20].

На первом этапе нейм выводился в рамках одного мероприятия университета, создавался законченный цикл брендинга, включающий визуализацию, материализацию и популяризацию имени. Производилась оценка реакции «контактной аудитории» (стейкхолдеров), включающих сотрудников и руководство университета, студентов, абитуриентов, партнеров, СМИ, освещающих мероприятие.

На следующем этапе нейм вводился в полном объеме во все мероприятия профориентационного, имиджевого, научного направлений.

Последний этап – наполнение основного нейма, который стал основным брендом («Университет ИТМО – первый неклассический университет»), элементами, дополняющими и развивающими его. Так, был создан целый ряд неймов: ITMO.FAMILY, ITMO.LOVE, ITMO.RUSSIA, ITMO.SPB, ITMO.START, ITMO.NEWS. Спустя время они стали самостоятельными «именными единицами» (группой суббрендов), дополняющими и развивающими основной бренд университета, в том числе с ориентацией на внутренних и внешних стейкхолдеров вуза.

Отметим, что ИТМО официально ввел понятие суббренд в 2016 году, обновив брендбук.

«Суббренд – это бренд, который дополняет и расширяет главный бренд на предмет понимания и погруженности в целевую аудиторию, ярче подчеркивает его индивидуальность. При этом суббренд имеет возможность развиваться самостоятельно (развиваться в отрыве от основного бренда)». [18]

Особое внимание на том этапе развития команда уделила соответствию нейминга стратегии университета – «...содействие технологическому развитию и усилению конкурентных преимуществ РФ по приоритетным направлениям модернизации экономики страны в условиях ускоряющегося научно-технического развития и глобализации мировой экономики» [19].

На сегодняшний день ИТМО участник новой федеральной программы по преобразованию вузов – «Приоритет 2030». Вуз разработал новую стратегию развития, обновил имидж с учетом коммуникационных трендов, скорректировал образовательно-управленческую модель, объявив на открытом ученом совете (сентябрь 2022 года) о создании научно-образовательной корпорации, которая учитывает принцип полицентричности, компетентностный подход в обучении и развитие индивидуальных траекторий, непрерывное образование по типу «все включено», ESG-повестку (принцип человекоориентированного управления), практикоориентированность и дух предпринимательства. Все перечисленное было объединено в ключевом суббренде – ITMO.FAMILY, а некоторые суббренды были упразднены.

В центре ITMO.FAMILY стоит человек, а проекты, разработанные в рамках программы «При-

оритет 2030», позволяют соответствовать текущим запросам государства, бизнеса и общества в целом. Ключевым проектом, ориентированным на ESG-повестку, является «Университет счастья». В основе заложен принцип well-being: положительные эмоции, здоровая физика, мотивация и продуктивность для всех обучающихся и сотрудников. Выделены направления трансформации и входящие в них отдельные программы, сервисы:

1. Be friendly (проекты, создающие среду для общения и нетворкинга);
2. Be healthy (проекты для поддержания здорового образа жизни, в том числе ментального здоровья);
3. Be fit (спорт и физическая культура);
4. Be eco («зеленые» практики и осознанное потребление);
5. Be pro (профессиональный рост и самореализация);
6. Be open (открытый вуз для научной, образовательной деятельности, досуга и творчества, инклюзивная культура).

Указанные выше критерии для развития организации высшего образования переключаются с ЦУР ООН (ключевые аспекты ESG), могут быть оценены в рамках международных и отечественных институциональных рейтингов, продвигаться в качестве УТП бренда. При этом участие в рейтингах – инструмент и технология для продвижения своих интересов, имиджа вуза на рынке образовательных услуг.

Основными факторами влияния на выбор вуза обучающимися являются имидж и рейтинг, где принцип человекоориентированного управления становится ключевым элементом в формировании информационного поля вуза для объединения внутренних и внешних стейкхолдеров организации – получателей и трансляторов имиджа.

Литература

1. Потемкин В.К. Человекоориентированное управление предприятиями и организациями // Экономика и управление. 2020. № 2 (172). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chelovekoorientirovannoe-upravlenie-predpriyatiyami-i-organizatsiyami> (дата обращения: 24.09.2024).
2. Гильдингерш Марина Григорьевна, Шадрин Александр Александрович Социальный портрет студента университета как основа стратегического планирования имиджевой политики // KANT: SS&H. 2023. № 3 (15). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnyy-portret-studenta-universiteta-kak-osnova-strategicheskogo-planirovaniya-imidzhevoy-politiki> (дата обращения: 24.09.2024).
3. Зборовский Г.Е., Амбарова П.А. Социология высшего образования: монография. – Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2019

4. Гавра Д.П. Категория имиджа в современной коммуникативистике // Журнал социологии и социальной антропологии. – № 4. – 2013. – С. 29–43.
5. Шадрин А.А. Социологические аспекты формирования имиджа вуза // Новые императивы устойчивого развития социально-экономической системы: сборник лучших докладов по материалам XI Национальной научно-практической конференции института магистратуры с международным участием. Санкт-Петербург, 21–22 апреля 2022 г. – СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2022. – С. 319–324.
6. Иваненко Юлия Александровна Имидж организации как фактор повышения ее конкурентоспособности // Вестник СГТУ. 2006. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/imidzh-organizatsii-kak-faktor-povysheniya-ee-konkurentosposobnosti> (дата обращения: 24.09.2024).
7. Мацько В. В. ESG-позиционирование как устойчивый подход к повышению узнаваемости бренда // Вестник СИБИТа. 2022. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/esg-pozitsionirovanie-kak-ustoychivyy-podhod-k-povysheniyu-uznavаемости-brenda> (дата обращения: 24.09.2024).
8. Горбунова Ольга Ивановна, Каницкая Людмила Васильевна О реализации ESG-практик в России, странах Запада и Азиатско-тихоокеанского региона в новых реалиях // Известия БГУ. 2023. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-realizatsii-esg-praktik-v-rossii-stranah-zapada-i-aziatsko-tihookeanskogo-regiona-v-novyh-realiyah> (дата обращения: 24.09.2024).
9. Аналитические материалы РАЭК-АНАЛИТИКА. ESG в российской высшей школе: взгляд практиков // Аналитические материалы РАЭК-АНАЛИТИКА. – 2023. – 7 декабря. – С. 2–28. URL: https://raex-rr.com/files/analytics/ESG_0712_Analytica_Final_Web.pdf (дата обращения: 24.09.2024).
10. Сибирев В.В. Социально-коммуникативные аспекты управления имиджем вуза // Вестник СПбГУ. Сер. 12. – Вып. 1. – 2013. – С. 75–80.
11. Шадрин А.А. Устойчивость основных факторов, влияющих на выбор абитуриентом высшего учебного заведения // Телескоп. 2023. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ustoychivost-osnovnyh-faktorov-vliyayuschih-na-vybor-abiturientom-vysshego-uchebnogo-zavedeniya> (дата обращения: 25.09.2024).
12. Шадрин А.А. Построение имиджевой политики организации высшего образования на основе комплексного социального портрета студентов // Российское общество сегодня: ценности, институты, процессы: материалы Всероссийской научной конференции XVII Ковалевские чтения (16–18 ноября 2023 года) / Отв. редакторы: Н.Г. Скворцов, Ю.В. Асочаков; Санкт-Петербургский государственный университет. – Санкт-Петербург: Сциентиа, 2023. URL: https://soc.spbu.ru/images/nauka/kovalevskie/%D0%A1%D0%B1%D0%BE%D1%80%D0%BD%D0%B8%D0%BA_2023.pdf [Дата обращения: 25.09.2024 г.]
13. Нехода Е.В., Краковецкая И.В., Каз М.С., Редчикова Н.А., Воробьева Е.С. Университеты в ESG-повестке: подходы к оценке устойчивых практик // Креативная экономика. – 2023. – Том 17. – № 7. – С. 2457–2474.
14. Habicht H. Universität und Image: Entwicklung und Erprobung eines stakeholderorientierten Erhebungsinstrumentariums. – 2009.
15. Honecker P. Image-und Reputationsmanagement als strategischer Prozess // International Journal of Education. – Т. 15. – 2011. – С. 6.
16. Гильдингерш М.Г., Шадрин А.А. Особенности социального портрета студента вуза // Векторы благополучия: экономика и социум. – 2023. – № 4 (51). – С. 87–100.
17. Траут Дж., Ривкин С. Новое позиционирование. – СПб: Питер, 2001. – 192 с.
18. Руководство по использованию фирменного стиля Университета ИТМО/ Официальный сайт Университета ИТМО. URL: https://itmo.ru/module/pdf_viewer/pdf_viewer.php?id=76#page/119 (дата обращения: 12.10.2024)
19. Стратегия Университета ИТМО – 2034/ Официальный сайт Университета ИТМО. URL: <http://itmo.ru/ru/page/159/> (дата обращения: 29.10.2017).
20. Молочников Н.Р., Филипповский М.Л. Роль контактных аудиторий в маркетинговой среде предприятия // Теория и практика общественного развития. 2012. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-kontaktnyh-auditoriy-v-marketingovoy-srede-predpriyatiya> (дата обращения: 12.10.2024).

APPLICATION OF SOCIAL-MANAGERIAL TECHNOLOGY OF NAMING A HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTION: THE EXAMPLE OF ITMO UNIVERSITY

Shadrin A.A.

St. Petersburg State University of Economics

The purpose of the article is to consider the category of the image of an organization of higher education (university) as an object of human-oriented management. The author analyzes the essence of the concept of "human-oriented management" in the context of higher education organizations, and also reveals the relationship between the image of the university and the implementation of the principle of human-oriented management.

The theoretical part of the work presents the main external factors that influenced the formation of the image of higher education in Russia, as well as describes the key aspects of the ESG concept (environmental, social and managerial), which can be used as a basis for the development of programs and practices of human-oriented management in universities.

The author gives examples of the implementation of this approach at ITMO University. In particular, he considers the socio-information technology of naming/renaming and management technology for the creation of the ITMO.FAMILY community brand, focused on the

principles of sustainable development and human-oriented management.

In conclusion, it is concluded that the participation of universities in institutional ratings that take into account the ESG criteria is an effective tool for promoting the image of an organization based on the principles of human-oriented management.

Keywords: University image, image policy, human-oriented management, university rating, ESG practice, scientific and educational corporation, naming, renaming, social management and information technology, community management.

References

- Potemkin V.K. Human-oriented management of enterprises and organizations // *Economics and management*. 2020. № 2 (172). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chelovekoorientirovannoe-upravlenie-predpriyatiyami-i-organizatsiyami> (date of request: 09/24/2024).
- Gildingersh Marina Grigoryevna, Shadrin Alexander Alexandrovich The social portrait of a university student as the basis for strategic planning of image policy // *KANT: SS&H*. 2023. No.3 (15). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnyy-portret-studenta-universiteta-kak-osnova-strategicheskogo-planirovaniya-imidzhevoy-politiki> (date of reference: 09/24/2024).
- Zborovsky G.E., Ambarova P.A. *Sociology of higher education: monograph*. – Yekaterinburg: University of the Humanities, 2019
- Gavra D.P. The category of image in modern communication studies // *Journal of Sociology and Social Anthropology*. – No. 4. – 2013. – pp. 29–43.
- Shadrin A.A. Sociological aspects of the formation of the image of the university // *New imperatives of sustainable development of the socio-economic system: a collection of the best reports on the materials of the XI National Scientific and Practical Conference of the Institute of Magistracy with international participation*. St. Petersburg, April 21–22, 2022 – St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg State University, 2022. – pp. 319–324.
- Ivanenko Yulia Aleksandrovna The image of an organization as a factor of increasing its competitiveness // *Bulletin of the SS-TU*. 2006. No.1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/imidzh-organizatsii-kak-faktor-povysheniya-ee-konkurentosposobnosti> (date of reference: 09/24/2024).
- Macko V. V. ESG positioning as a sustainable approach to increasing brand awareness // *Bulletin of SIBITA*. 2022. No.3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/esg-pozitsionirovanie-kak-ustoychivyy-podhod-k-povysheniyu-uznavаемости-brenda> (date of request: 09/24/2024).
- Gorbunova Olga Ivanovna, Kanitskaya Lyudmila Vasilyevna On the implementation of ESG practices in Russia, Western countries and the Asia-Pacific region in new realities // *Izvestiya BSU*. 2023. No.1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-realizatsii-esg-praktik-v-rossii-stranah-zapada-i-aziatsko-tihookeanskogo-regiona-v-novykh-realiyah> (date of request: 09/24/2024).
- Analytical materials of RAEX-ANALYTICS. ESG in the Russian higher school: a view of practitioners // *Analytical materials of RAEX-ANALYTICA*. – 2023. – December 7. – pp. 2–28. URL: https://raex-rr.com/files/analytics/ESG_0712_Analytica_Final_Web.pdf (date of application: 09/24/2024).
- Sibirev V.V. Social and communicative aspects of university image management // *Bulletin of St. Petersburg State University*. Ser. 12. – Issue 1. – 2013. – pp. 75–80.
- Shadrin A.A. Stability of the main factors influencing the choice of an applicant of a higher educational institution // *Telescope*. 2023. No.2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ustoychivost-osnovnykh-faktorov-vliyayuschih-na-vybor-abiturientom-vysshego-uchebnogo-zavedeniya> (date of application: 09/25/2024).
- Shadrin A.A. Building an image policy of the organization of higher education based on a comprehensive social portrait of students // *Russian society today: values, institutions, processes: materials of the All-Russian scientific conference XVII Kovalevsky Readings (November 16–18, 2023)* / Editors: N.G. Skvortsov, Yu.V. Asochakov; St. Petersburg state University. – St. Petersburg: Scientia, 2023. URL: https://soc.spbu.ru/images/nauka/kovalevskie/%D0%A1%D0%B1%D0%BE%D1%80%D0%BD%D0%B8%D0%BA_2023.pdf [Date of issue: 09/25/2024]
- Nekhoda E.V., Krakovetskaya I.V., Kaz M.S., Redchikova N.A., Vorobyova E.S. Universities in the ESG agenda: approaches to assessing sustainable practices // *Creative Economics*. – 2023. – Volume 17. – No. 7. – pp. 2457–2474.
- Habicht H. *Universität und Image: Entwicklung und Erprobung eines stakeholderorientierten Erhebungsinstrumentariums*. – 2009.
- Honecker P. *Image-und Reputationsmanagement als strategischer Prozess* // *International Journal of Education*. – Vol. 15. – 2011. – p. 6.
- Gildingersh M.G., Shadrin A.A. Features of the social portrait of a university student // *Vectors of well-being: economics and society*. – 2023. – № 4 (51). – Pp. 87–100.
- Trout J., Rivkin S. *New positioning*. – St. Petersburg: Peter, 2001. – 192 p.
- ITMO University Corporate Identity Guidelines/ ITMO University Official Website. URL: https://itmo.ru/module/pdf_viewer/pdf_viewer.php?id=76#page/119 (date of application: 12.10.2024)
- ITMO University Strategy – 2034/ ITMO University official website. URL: <http://itmo.ru/ru/page/159/> (accessed: 10/29/2017).
- Molochnikov N.R., Filippovsky M.L. The role of contact audiences in the marketing environment of the enterprise // *Theory and practice of social development*. 2012. No. 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-kontaktnykh-auditoriy-v-marketingovoy-srede-predpriyatiya> (date of application: 12.10.2024).

Значение традиций храмоздательства в социокультурной среде современности России

Кидямкин Алексей Анатольевич,

аспирант кафедры философии, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева

Цель статьи – рассмотреть, что для современной российской культуры – ценности культурного наследия, важны достижения разных отраслей человеческой деятельности, произведения культуры, в т.ч. искусства, архитектуры, музыки, литературы и др.

Актуальность темы обусловлена обращением к российской социокультурной традиции как возможности духовно-нравственного возрождения, потенциального источника оздоровления современной духовности, содержащего необходимые нравственные установки. Такая позиция позволяет вспомнить о том, что главной и конечной ценностью развития общества, культуры, всего бытия является человек. Высокое призвание человека в универсуме, как богоподобного существа, обладающего морально-нравственной ответственностью, сформулированное в святоотеческой традиции и развитое русскими философами конца XIX – первой половины XX века, в современном российском обществе может служить тем идеалом, той необходимой целью, к которой имеет смысл стремиться.

Многие современные исследователи констатируют, что современный человек нуждается в решительных и существенных изменениях.

Ключевые слова: традиция, религия, регион, культура, специфика национальной представительности.

Российская культура – одна из значимых, самобытных и оригинальных культур, давшая миру гениальные произведения Ф.М. Достоевского, М. Горького, А.С. Пушкина, Л.Н. Толстого, И.С. Тургенева и множество других талантливых писателей, поэтов, композиторов, ученых. Труды российских представителей искусства и науки внесли вклад в формирование системы духовных ценностей всего человечества, благодаря чему российская культура заняла одно из самых достойных мест в мировой культуре. Рассмотрим развитие идей о системе духовных ценностей на примере трудов великих российских ученых-философов: Н.А. Бердяева, Н.О. Лосского, В.С. Соловьева, Л.Н. Толстого [2]. В развитие социально-философских аспектов анализа традиций духовности России большой вклад внесли такие ученые, как Н.А. Бердяев, Н.О. Лосский, В.С. Соловьев, Л.Н. Толстой, М.А. Маслин и др.

Духовные ценности являются основой для обеспечения стабильного устойчивого развития и благополучия коллектива. *К духовным ценностям коллектива относятся: взаимопонимание, сотрудничество, способность к совместному труду, ответственность, уважение личности человека, творчество личности, дружба, доброта, человечность по отношению к обществу и природе, стремление к новым достижениям, значимость общих целей, эстетическое восприятие, корпоративная культура, общение, общие интересы и т.д.* Они сплачивают людей в социальных общностях, создают атмосферу для взаимопонимания и совместной успешной деятельности. Духовные ценности являются важной основой и одним из источников социальной взаимосвязи людей. Это отмечается в российской общественной мысли [4, с. 134].

Существенным признаком возрождения духовности сегодняшний патриарх РПЦ считает строительство новых православных храмов в России. Если храмы не наполняются людьми, – никто не будет вкладывать деньги в то, что не нужно. Кирилл замечает, что богослужения в храмах ведутся уже на стадии строительства, и даже раньше – иногда люди приходят молиться на место закладки будущего храма. Таким образом, в будущем, как считает патриарх, Россия возродится через православие. Предпосылки такого возрождения, по его словам, заложены уже сегодня.

В качестве чистой науки он понимает сумму определенных смысловых закономерностей, отвлеченное, вневременное и внепространственное построение, отличая ее от реальной науки, которая всегда исторична, идеологична, зависит от фактической обстановки.

При равномерном включении во все сферы жизни общества развивающейся системы духовных ценностей большую роль играет развитие аксиологии – науки о ценностях. Эти идеи духовных ценностей активно реализуются во всех сферах общественной жизни за счет правильно организованной политической власти России и ее субъектов, дающей реальную основу для стабильного развития общества на основе сохранения и приумножения духовных ценностей, необходимых народу [1].

Для решения социальных проблем в современном обществе необходимо опираться на обеспечение функционирования в нем системы ценностей. Для оптимальной реализации системы ценностей в государстве большое значение имеет внедрение и реализация государственных программ, принятие федеральных законов о решении социальных проблем, меры государственной поддержки традиций российского населения. Религия – это вообще иной пласт человеческого бытия: стремление утвердиться личности в вечности, ее трансформация. В религии человек ищет утешения, оправдания, очищения и спасения.

Также религиозность – это уровень интенсивности проявления религиозных чувств и настроений в системе религиозной жизни социума, как вообще иной пласт человеческого бытия: стремление утвердиться личности в вечности, ее трансформация. В религиозности и религии человек ищет утешения, оправдания, очищения и спасения.

По А.Ф. Лосеву водораздел науки и религии проходит по их отношению к жизни, по участию личности в жизни. Науке присуща некая абстрактная изолированность бытия, можно даже предположить определенную условность. Религия же по Лосеву – это бытие синтетическое, подлинно реальное, живое. Ведь основная цель – трансформация личности, что невозможно сделать без непосредственного личного участия человека. Наука – «отвлеченная копия и аналитически продуманная картина законченного и механического мира» [6], а религия – сфера внутреннего бытия, ее интересует личностный смысл.

Следует иметь в виду, что аскетическая линия философии в России имеет давнюю традицию. Она связана с такими именами как Феодосий Печерский, Нил Сорский, Иосиф Волоцкий, и мн. др. К ней примыкает Григорий Сковорода, Феофан Затворник. Эта линия лежит в основе духовной, нравственной сосредоточенности многих деятелей культуры, презревших внешние блага ради внутреннего горения и служения избранной цели. М.Н. Громов обращает особое внимание

на софийную традицию, привнесенную на Русь посредством византийского влияния. Образ Софии Премудрости Божией является «ключевым для понимания древнерусской философии как образно-художественного, эстетического выражения мудрости» [2, с. 17].

Это была трагедия народа. Храм Христа Спасителя в Москве был разрушен. Духовные ценности, церковные святыни гибли. Кризис и крах религиозных духовных ценностей казался невосполнимой утратой. Но в конце XX века началось их возрождение. Научный интерес к ним возрос. В этом я вижу необходимость своей работе.

За эти 20 лет на просторах Святой Руси произошло то, что не происходило за всю историю рода человеческого – ни одна страна, ни одна цивилизация, ни одна Церковь не переживала то, что пережили мы – грандиозное возрождение православия.

Уровень ценностей межличностного взаимодействия представлен ценностями, отвечающими за продуктивное взаимодействие между людьми. К этим ценностям относятся: дружба, взаимопонимание, признание, уважение, преданность, любовь к родственникам. Ценности межличностного взаимодействия связаны с другими уровнями и имеют собственные характерные черты. Они свойственны непосредственному общению между людьми. Общение бывает разное по стилю, уровню знакомства, доверия, социального положения.

Духовные ценности образуют основу внутреннего мира человека, являются выражением его индивидуальности. Нивелирование их значения в моральном сознании индивида ведет к опустошению его личности. Для успешного развития России необходима реализация системы ценностей во всех сферах общества. Для каждой сферы общественной жизни государства существует своя система ценностей. Эти ценности являются смысловой основой для взаимосвязи традиций и инноваций. Традиции как приобретения культуры российского общества находят выражение в ценностях в виде осуществленных достижений деятелей общественной жизни, а также в сложившемся порядке функционирования всех сфер общества. Ценности инноваций, основываясь на значимых ценностях каждой из сфер общества, выражаются в новых достижениях, принимающих новые формы в соответствии с целями и задачами общественного развития.

Для этого уровня характерно общение между двумя и более людьми, между коллективами, в результате которого будет осуществляться взаимодействие между системами ценностей общающихся людей. По словам В.В. Библихина сегодня наблюдается тенденция: «идея восстановления *restauratio* величия древности из руин «нынешнего века» – квинтэссенция такого способа мышления» [1, с. 225]. Например, определенная система ценностей межличностного взаимодействия свой-

ственна дружескому общению, в ней выделяется высокая степень доверия между людьми, основанная на дружеских взаимодействиях, личных симпатиях, взаимном предпочтении в общении, наличии общих интересов, относительно долгого знакомства. Уровень делового общения характерен для профессионального взаимодействия между людьми в процессе совместной деятельности. Для этого уровня системы ценностей характерна социальная иерархия взаимодействия, основанная на распределении общественно значимых для организации, коллектива функций, необходимых для успешного осуществления деятельности. Уровень системы ценностей, характерный для родственного общения в семье отличается родственными отношениями, основанными на родстве, на родственных чувствах, на прочном взаимном доверии, признании всех членов семьи. Ценности этого уровня скреплены любовью и взаимными доброжелательными чувствами между родственниками [3].

Ценности межличностного взаимодействия характерны также для взаимодействия между двумя и несколькими коллективами. Они носят деловой и функциональный характер. Бывает, что коллективы входят в состав общего предприятия, между ними распределены функции и задачи по осуществляемой деятельности [4]. В связи с этими функциями и задачами выстраивается определенная система ценностей межличностного взаимодействия. В каждом конкретном случае социального взаимодействия между людьми данный уровень системы ценностей носит свои особенности, характерные для складывающейся ситуации общения. Для данного уровня системы ценностей также характерно наличие общих ценностей, по-разному проявляющихся в разных ситуациях социального взаимодействия между людьми. К этим ценностям относятся: дружба, взаимопонимание, признание, уважение, преданность, любовь к родителям, родственникам [5].

Уровень ценностей личности характерен для мировоззрения человека. Этот уровень имеет свои характерные особенности, основанные на индивидуальных чертах системы ценностей каждой личности, представляет собой сложную систему. Имеются общие черты, присущие этому уровню, характерные для всех людей. Это свидетельствует о наличии представлений в социальной общности об общечеловеческих ценностях, вещах, явлениях окружающего мира, человеческих отношениях, общей для всех реальности. Представления об этих общечеловеческих ценностях для каждого человека будут собственными [3].

Этот уровень ценностей связан с остальными уровнями благодаря тому, что человек включен в межличностные отношения с другими людьми и взаимосвязан с событиями и явлениями окружающей действительности. Человек находится под воздействием культуры человеческого общества,

которая его окружает, достижения которой являются достоянием прошлого и настоящего поколений. Духовные ценности культуры формируют его систему ценностей, являются основой для становления и самовыражения человеческой личности [1].

Бытует мнение, что наука и религия суть два взаимоисключающих понятия. Система ценностей, свойственная определенному уровню организации общества формируется под воздействием общественного развития. Уровни системы ценностей российского общества взаимосвязаны между собой. В первой главе диссертации рассмотрен вклад мыслителей периода XIX–XXI столетий в формирование и развитие системы духовных ценностей, также на основе анализа трудов ученых была представлена взаимосвязь традиционного и инновационного в системе духовных ценностей и раскрыты механизмы ее реализации. Во второй главе в системе ценностей показаны ценности рассмотренных уровней и сфер и их значение для общества и его развития, рассмотрены механизмы и модели реализации ценностей для каждого уровня в современном российском обществе, также показано значение взаимосвязи традиционного и инновационного в системе ценностей для обеспечения оптимального развития и функционирования всех сфер общественной жизни. Интересная позиция была представлена представителем русской религиозной мысли Л.П. Карсавиным: «наука должна строиться на началах христианской религии, поскольку последняя обладает абсолютной истиной. Но внешнего подчинения науки религии следует избегать: наука должна свободно воцерковиться, то есть свободно искать себе абсолютного обоснования и свободно исправлять свои ошибки» [4, с. 23].

Конфликт науки и религии не является неизбежным, потому что именно религия создала предпосылки для появления первой научной картины мира. Например, в христианстве предпосылкой зарождения науки является полное доверие к божественному творению мира и человека, которое означает твердое убеждение в единстве субъективного и объективного. Христианин воспринимает мир как рациональное творение Бога, как воплощение его божественного замысла, что никак не может иметь неорганизованный, иррациональный характер.

В исследовании направлено на анализ статистических показателей об этом уровне ценностей, раскрывающих особенности проявления ценностей внутреннего мира человека у населения регионов и России. Эти статистические показатели были получены рядом отечественных мыслителей путем исследования общественного мнения о ценностях, характерных для внутреннего мира личности. О подробном анализе этого уровня речь пойдет ниже.

Анализу философского исследования М.А. Маслинапо русской философии подвержены следующие уровни ценностей: ценности, связанные с государством, ценности межличностного взаимодействия и ценности внутреннего мира личности россиянина: «готовности к самоограничению и даже самопожертвованию, служению миру» [8, с. 71]. Также проведен анализ трудов других современных ученых по реализации и обеспечению оптимального функционирования ценностей в рассмотренных уровнях системы ценностей во всех сферах общества и соответствующих им уровнях общественной структуры.

Взаимосвязь традиционного и инновационного в системе ценностей российского общества осуществляется на разных уровнях ценностей: в ценностях человеческой цивилизации, ценностях государства, духовных ценностях народов России, ценностях межличностного взаимодействия, ценностях личности. Все эти уровни взаимосвязаны между собой. Ценности каждого уровня представляют собой сложную систему, включенную в общую систему ценностей. Каждый уровень системы ценностей благодаря сознательной деятельности каждого человека функционирует и организует общественную жизнь коллективов и всего общества. Система ценностей каждого уровня, каждого коллектива отличается своим своеобразием и неповторимостью.

Это своеобразие и неповторимость связаны со многими факторами. Во-первых, это связано со своеобразием входящих в состав социальных общностей людей. Во-вторых, с особенностями складывающихся в коллективах и социальных общностях отношений. В-третьих, с разными ситуациями, возникающими перед коллективами и их последствиями. В-четвертых, с особенностями путей формирования и развития общественных организаций и объединений. В-пятых, со сложностью функциональной структуры общественной организации. В-шестых, со стилем руководства и взаимодействия в коллективе или общественной организации.

Продуктивным является стиль руководства организацией, который учитывает все вышеперечисленные факторы, а также складывающиеся обстоятельства, особенности коллектива и путь его формирования. В системах ценностей любых организаций и коллективов помимо отличительных особенностей выделяются и общечеловеческие духовные ценности, характерные для всех социальных общностей. К этим ценностям относятся: доброта, человечность, красота, честность, дружба, сотрудничество, любовь, знания и др. Эти ценности имеют разные формы выражения в зависимости от особенностей ситуаций взаимодействия, но сам факт их наличия остается общим для всего общества. Наличие общечеловеческих ценностей для всех коллективов и общественных организаций служит объединяющим фактором для сплочен-

ия и организации совместной деятельности людей [2].

Рассмотрение реализации духовных ценностей в российском обществе – важное направление проводимого исследования, поскольку отражает раскрытие реальных возможностей и направлений в общественных реалиях по обеспечению активации ценностей через путь сердца человека, от общественных идеалов к нравственным реальным поступкам людей. В трудах М.А. Маслина делается акцент на рассмотрение общественного мнения населения России и ее регионов по уровням структуры духовных ценностей [6]. Также проведен тщательный анализ трудов многих современных ученых по вопросам реализации духовных ценностей в каждом уровне системы ценностей российского общества.

Духовная сила творчества основана на правде, добре и воплощается в человеке во внутренней свободе, открытой к лучшему в мире. Доброта, как нравственное качество, существует в глубине души каждого человека, важно чтобы оно получило выражение в добрых делах через реализацию индивидуальности личности. Диалогическая этика М.М. Бахтина, рассматривая сферу межкультурного взаимодействия, предлагает новое осмысление пространства практической реализации принципа направленности на деятельную заботу о благе человека.

Не ограничиваясь уровнем анализа индивидуального отношения человека к людям, российская общественная мысль разрабатывает проблему выражения идеи специфики менталитета россиян на уровне всей системы человеческих взаимоотношений, исследуя такие связанные с ней феномены, как соборность, всеединство, всечеловечность. Основным содержанием социальных требований к человеку, определявших российскую гуманистическую традицию, была сама идея гуманизма, представавшая в роли принципа должного отношения к людям. По верному наблюдению современных исследователей: «В процессе взаимодействия представителей различных деноминаций между ними возникают межконфессиональные отношения...» [5, с. 8]. В российской социальной реальности указанное обстоятельство порождает комплементарное отношение между людьми разных конфессий и традиций.

В течение предшествующих советской эпохе периодов система ценностей российского общества последовательно формировалась, на основе культуры, достижений общества и привела к настоящему времени к формированию имеющейся структуры ценностей России. Минувшие сложные периоды, проходя исторический путь развития, система ценностей претерпевала некую трансформацию, но сохранила стержневые основания каркаса пирамиды ценностей, выраженные в духовных ценностях культуры России. Благодаря чему, открываются перспективы дальнейшего разви-

тия всех сфер общества и возможна реализация сформированной системы ценностей в обществе.

Таким образом, в строении и функционировании системы духовных ценностей в разные исторические периоды имелись определённые характеристики. Можно отметить, что ценности российского общества во все времена имеют определённую структуру. Трансформация системы духовных ценностей российского общества представлена в виде динамики характеристик структуры ценностей в исторических периодах: царской России до 1917 года, периоде советской власти в СССР, современной России. Каркас структуры и существенные характеристики системы духовных ценностей в различные исторические периоды остаются относительно постоянными. Меняется форма выражения ценностей в обществе и деятельности людей, меняются особенности их выражения и факторы формирования.

Анализ трансформации системы духовных ценностей позволяет нам сформулировать структуру духовных ценностей, которая обладает упорядоченным и иерархическим строением.

Духовные ценности в указанном плане – результат духовного освоения мира человеком и обществом за всю историю его духовного развития, воплощённые как в предметах природы и быта, так и в произведениях искусства, науки, религии, народного творчества и мастерства, в достижениях мысли и воли людей, в их идеалах добра и красоты, в образе мысли и образе жизни человека и человечества. На протяжении эпох, последовательно воплощаясь в культуре, они являются надёжной основой исторически целесообразной интерпретации событий и открывают человечеству большие перспективы и простор для развития. Современная культура образована на основе достижений и ценностей культур прошлых исторических периодов. При взаимодействии культур и ценностей предыдущих эпох с современными реалиями, образуется и раскрывается во всем своем многообразии современная культура, наполненная смыслом воплощенных в ней духовных ценностей.

Заключение

Таким образом, была представлена специфика формирования гармонии системы ценностей в современном российском обществе. Она включает в себя ряд механизмов: государство, право, экономику, доверие между государством и гражданами, науку, образование, культуру, диалог культур. Если все эти механизмы будут осуществляться во взаимосвязи, учитывать интересы граждан и духовные ценности, то это приведет к приближению гармонии системы ценностей российского общества и благополучию населения и государства. В России созданы необходимые условия для реализации такой модели, основанной на соответствующих механизмах. К настоящему времени наукой накоплен богатый мате-

риал о ценностях, их развитии и реализации. Все это открывает большие перспективы для дальнейшего развития России, ее культуры в конструктивном взаимодействии и сотрудничестве с культурами всех народов и государств.

В социальной политике правительства за указанный период проявлялись несколько аспектов. Во-первых, государство отказалось от жесткого регулирования в социальной сфере, набора определенных социальных услуг, которые получал гражданин.

Во-вторых, разгосударствление социальной сферы и освобождение государства от функций непосредственного предоставления гражданам социальных услуг.

В-третьих, формирование рыночных отношений проходило на фоне небывалой криминализации социальных отношений, что представлялось в качестве либерализации, освобождения социальных отношений от лишнего контроля общественных структур.

Одним из последствий реформ можно рассматривать кризис социальной сферы, который во многом повлиял на ухудшение демографической ситуации. Приступив к экономическим и политическим преобразованиям, Россия столкнулась с постоянным ростом заболеваемости населения и смертности, падением рождаемости и, как следствие этих процессов, естественной убылью населения.

Литература

1. Биbihин Н.В. Мир, язык, философия / Н.В. Биbihин. – СПб.: Аст, 2016. – 448 с.
2. Громов М.Н. Образы философов в Древней Руси / М.Н. Громов. – М.: ИФ РАН, 2010. – 190 с.
3. Духовное производство: Социально-философский аспект проблемы духовной деятельности / [Отв. ред. В.И. Толстых]. – М.: Наука, 1981. – С. 134.
4. Карсавин Л.П. Апологетический этюд / Л.П. Карсавин // Путь. 1926. – № 3. – С. 23.
5. Козин В.В. Религиозная ситуация в Республике Мордовия: монография / В.В. Козин, И.М. Фадеева. – Саранск: Изд-во Мордов. унта, 2022. – 124 с.
6. Лосев А.Ф. Диалектика мифа / Лосев А.Ф. // Из ранних произведений. – М.: Правда, 1990. – 429 с.
7. Лосев А.Ф. Очерки античного символизма и мифологии / Лосев А.Ф. – М.: Мысль, 1993. – 959 с.
8. Маслин М.А. Разноликость и единство русской философии. – СПб.: Изд-во Русской христиан. гуманитар. академии, 2017. – 526 с.

CHURCH BUILDING AND THE REVIVAL OF RUSSIA'S SPIRITUAL TRADITIONS

Kidyamkin A.A.

National Research Mordovian State University named after N.P. Ogarev

The purpose of the article is to consider what the values of cultural heritage are for modern Russian culture, the achievements of various branches of human activity, works of culture, including art, architecture, music, literature, etc. are important. The relevance of the topic is due to the appeal to the Russian socio-cultural tradition as a possibility of spiritual and moral revival, a potential source of improvement of modern spirituality, containing the necessary moral attitudes. This position allows us to recall that the main and ultimate value of the development of society, culture, and the whole existence is man. The high vocation of man in the universe, as a godlike being possessing moral responsibility, formulated in the patristic tradition and developed by Russian philosophers of the late XIX -first half of the XX century, in modern Russian society can serve as that ideal, that necessary goal, which makes sense to strive for. Many modern researchers state that modern man needs decisive and significant changes.

Keywords: tradition, religion, region, culture, specificity of national representative ness.

References

1. Bibikhin N.V. World, Language, Philosophy / N.V. Bibikhin. – St. Petersburg: Ast, 2016. – 448 p.
2. Gromov M.N. Images of Philosophers in Ancient Rus' / M.N. Gromov. – Moscow: Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, 2010. – 190 p.
3. Spiritual Production: Social and Philosophical Aspect of the Problem of Spiritual Activity / [Responsible. ed. V.I. Tolstykh]. – Moscow: Nauka, 1981. – P. 134.
4. Karsavin L.P. Apologetic Etude / L.P. Karsavin // The Way. 1926. – No. 3. – P. 23.
5. Kozin V.V. Religious Situation in the Republic of Mordovia: Monograph / V.V. Kozin, I.M. Fadeeva. – Saransk: Publishing house of the Mordov. University, 2022. – 124 p.
6. Losev A.F. Dialectics of myth / Losev A.F. // From early works. – M.: Pravda, 1990. – 429 p.
7. Losev A.F. Essays on ancient symbolism and mythology / Losev A.F. – M.: Mysl, 1993. – 959 p.
8. Maslin M.A. Diversity and unity of Russian philosophy. – St. Petersburg: Publishing house of the Russian Christian. humanitarian. Academy, 2017. – 526 p.

Буддийский форум в цифровом пространстве: репрезентация и аудитория

Шантаков Артем Михайлович,

аспирант, научный сотрудник центра социально-политических исследований «Альтернатива» Бурятского государственного университета имени Доржи Банзарова, старший специалист по работе в социальных сетях Центра управления регионом Республики Бурятия.

E-mail: artemshantakov@mail.ru

Цыденов Александр Баторович,

стажер-исследователь Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, научный сотрудник центра социально-политических исследований «Альтернатива» Бурятского государственного университета имени Доржи Банзарова.

E-mail: tsydenovab@bsu.ru

Статья представляет собой подробный контент-анализ публикаций, связанных с репрезентацией II Международного буддийского форума «Традиционный буддизм и вызовы современности» в цифровом пространстве социальных медиа. Основное внимание уделено тому, как форум освещался в социальных сетях, особенно в официальном сообществе Буддийской традиционной сангхи России (БТСР) на платформе ВКонтакте. Рассматриваются ключевые темы, на которых концентрировались публикации религиозного сообщества, а также анализируется социальный портрет целевой аудитории этих публикаций: её активность, вовлечённость и предпочтения. Исследование выявляет структуру постов, оценивает реакцию аудитории и даёт характеристику содержанию информации, размещённой в связи с форумом. Особое внимание уделено тому, как БТСР использует цифровое пространство для распространения своих религиозных и культурных ценностей, а также для укрепления своего влияния в обществе. Результаты исследования демонстрируют активное использование социальных сетей для поддержания диалога между буддийскими организациями и их аудиторией, что способствует популяризации буддизма и развитию общественных связей. В статье также поднимается вопрос о роли цифровых медиа в религиозных сообществах и их значении для современной культуры.

Ключевые слова: Буддизм, социальные сети, сообщество, буддийский форум, контент-анализ, ВКонтакте.

В современном мире вопросы религии как одного из ключевых институтов гражданского общества стали как никогда актуальны в свете процессов развития постсекулярного общества. Взаимодействие религиозных сообществ, государства и общества обретают сегодня новые формы, в которых прежнее секулярное видение существенно пересматривается. Одним из примеров такого нового формата государственно-конфессиональных отношений стало проведение в Республике Бурятия Международного буддийского форума, инициированного Главой Республики Бурятия А.С. Цыденовым. Организаторами данного мероприятия выступили Глава и Правительство Республики Бурятия, Буддийская традиционная сангха России, Фонд содействия буддийскому образованию и исследованиям, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН и Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова.

Целью Форума было объявлено всестороннее обсуждение вопросов развития буддизма, буддийской культуры, философии и практики, а также предоставление площадки для международного диалога. Миссия Форума заключалась в развитии научного, образовательного и культурного сотрудничества между буддийскими организациями разных стран, а также представителями светских научных и образовательных учреждений, связанных с изучением буддизма и преподаванием буддологических дисциплин [4].

Участников Форума в своих посланиях приветствовали Президент России Владимир Владимирович Путин и министр иностранных дел Сергей Викторович Лавров. Около 1800 участников из регионов России (в два раза больше по сравнению с прошлогодним Форумом) и 15 иностранных государств (Бангладеш, Беларусь, Бразилия, Бутан, Вьетнам, Индия, Камбоджа, Китай, Лаос, Монголия, Мьянма, Непал, Таиланд, Шри-Ланка и Япония (в 2023 г. 14 государств) съехались на Форум. Среди участников и гостей Форума были Чрезвычайный и Полномочный посол Королевства Таиланд в РФ господин Сасиват Вонгсинсават, Чрезвычайный и Полномочный посол Демократической Социалистической Республики Шри-Ланка в РФ господин Пакир Мохидин Амза, министр культуры по вопросам религии и делам буддизма Шри-Ланки господин Видура Викрамаяяка, генеральный консул Китайской Народной Республики в Иркутске господин Ли Хай, министр посольства Республики Индия в РФ господин Винай

Статья подготовлена в рамках гранта Фонда содействия буддийскому образованию и исследованиям № 06 от «11» июня 2024 г. «Общественное соучастие буддийских сообществ в современной России».

Кумар, госсекретарь министерства культов и религий Королевства Камбоджи господин Сай Аннан, заместитель председателя Фронта национального строительства Лаоса господин Инлаван Кеобунпхан, бывший советник президента Монголии по вопросам религии господин Самдангийн Цэдэндамба и многие другие.

Структура мероприятий II Форума включила в себя как научные, так и религиозные и культурно-просветительские площадки. Первые мероприятия, связанные с Форумом, прошли ещё до его официального открытия. 4 августа в КСК «Дружба» прошло учение Белой Тары и построение мандалы, 6 августа на площади Советов г. Улан-Удэ была проведена Йога-ретрит. День открытия Форума включил в себя фестиваль восточных единоборств, круглый стол «Буддийское искусство. Традиции и современность», мастер-класс шаолиньских монахов по традиционному ушу, открытие выставки «Шедевры буддийского бурятского искусства из Государственного Эрмитажа»

Целью данной статьи стало исследование репрезентаций II Международного буддийского форума в социальных медиа Буддийской традиционной сангхой России, как одного из организаторов мероприятия и крупнейшей буддийской организации России. Интерес представляет содержание информации и оценки мероприятия именно с точки зрения религиозного сообщества, поскольку этот форум стал площадкой для реформирования общественно-политического статуса буддийской общины как в России, так и на международной арене.

В современном обществе люди все шире смешивают «виртуальный» и «реальный» миры, создавая в нем особые гибридные онлайн и офлайн связи и сообщества. Глобальные международные события мгновенно становятся достоянием интернета. Вся основная информация и ключевые сообщения передаются в социальных сетях. Религия, в отличие от множества других институтов все еще позволяет объединять общество и интегрировать его под началом благодеяния и созидания, отказываясь от политических, расовых, национальных и иных различий между народами и обществами разных стран. Одним из таких примеров стал, прошедший недавно в Республике Бурятия Международный Буддийский форум «Традиционный Буддизм и вызовы современности». Участие в нем приняли более 600 человек из 11 стран мира, включая Китай, Японию, Индию, Монголию и Непал¹.

Как становится ясным из информации на официальном сайте форума и разных информационных источников, это событие стало местом встречи не только буддистов, но и делегаций различных правительственных и не правительственных

¹ О Форуме / Официальный сайт II Международного буддийского форума: «Традиционный буддизм и вызовы современности». – URL: <http://buddha-forum.ru/about-forum> (07.10.2024).

организаций, для решения широкого спектра вопросов. В связи с этим, важно понять и ответить на вопрос, что значит данный форум для представителей религиозных буддийских организаций и как они интерпретируют его в собственных медиа ресурсах. Для ответа на этот вопрос нами будет использован метод контент-анализа для изучения публикаций пабликов буддийской тематики в социальной сети ВКонтакте. Выбор данной социальной сетью обусловлен, тем, что на данный момент ВКонтакте наиболее популярная социальная сеть в России, что подтверждают данные социологического исследования, проведенного ВЦИОМ².

Посредством поиска онлайн сообществ на заданную тематику, по ключевым словам: «Буддизм», «Дацан», «Дхарма», «Сангха», «Будда», «Дзэн», «Ламы», с количеством участников более 1 000 пользователей, мы собрали базу из 149 пабликов с совокупной аудиторией 2 079 336 подписчиков³. Рассмотрев подробнее контент данных сообществ в период непосредственно перед проведением II Международного буддийского форума и после его окончания (с 01.06.2024 по 30.09.2024) через систему парсинга «Target Hunter»⁴, мы видим, что форуму посвящено 25 публикаций, 21 из которых сделана от имени сообщества «Буддийская Традиционная Сангха России»⁵, являющегося официальным сообществом буддийской Буддийской традиционной сангхи России (далее – БТСР) самой многочисленной буддийской организации в России (Бадмацыренов, Скворцов, Хандаров, 2018: 309). Что не удивительно, т.к. БТСР является одним из организаторов буддийского форума. Таким образом, мы видим, что среди интернет-пользователей, интересующихся буддизмом, наибольший интерес Буддийский форум вызвал среди прихожан Буддийской традиционной сангхи России, найдя меньший отклик в среде других пользователи-буддистов.

Рассмотрим данное сообщество поподробнее. Как мы видим, среднее значение коэффициента вовлечения аудитории или Engagement Rate (ER) данного сообщества составило 3,7%, что является показателем большой вовлеченности⁶.

Процент ER был рассчитан по формуле:

² Социальные сети и мессенджеры: вовлеченность и предпочтения / ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/socialnye-seti-i-messendzhery-voivlechennosti-predpochtenija> (10.10.2024).

³ Аудитория может быть перекрестной и не является уникальной.

⁴ Экосистема сервисов для продвижения в социальных сетях и парсинга данных «TargetHunter». – URL: <https://targethunter.ru/> (07.10.2024).

⁵ Официальное сообщество Буддийской Традиционной Сангхи России. – URL: https://vk.com/datsan_sangha (07.10.2024).

⁶ Коэффициент вовлеченности аудитории (ER) – что это такое, как рассчитать / Обучающая платформа VK Бизнес. – URL: <https://expert.vk.com/articles/koeffitsient-voivlechyonnosti-auditorii-er-cto-eto-takoe-kak-rasschitat/> (09.10.2024).

$$ER = \frac{SI / Views * 100}{10}$$

где *SI* сумма соцреакций;

Views сумма просмотров на пост;

10 количество публикаций.

По состоянию на 7 октября 2024 года аудитория данного онлайн-сообщества составляла 17634 пользователя. Так как данные пользователи выразили наибольший интерес к публикациям о Буддийском форуме, стоит понять какая аудитория является потребителем и целевой аудиторией мероприятий вроде Международного буддийского форума. Для этого мы рассмотрим данные личных страниц пользователей, подписанных на этот паблик. Эти данные предоставляют собой ценный набор информации о идентичности и ценностях пользователей, выступая для социологов как не анонимные анкеты (Забокрицкая, Хлебников, Орешкина, Комоцкий, 2020: 153).

Начнем с самых базовых данных (рис. 1).

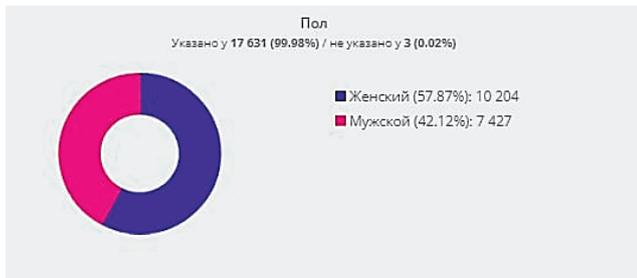

Рис. 1

Как мы видим, пол является самой, распространённой характеристикой, ее указали 99,98% от общего числа пользователей. Число женщин превосходит число мужчин почти на 3 тысячи человек (рис. 2).

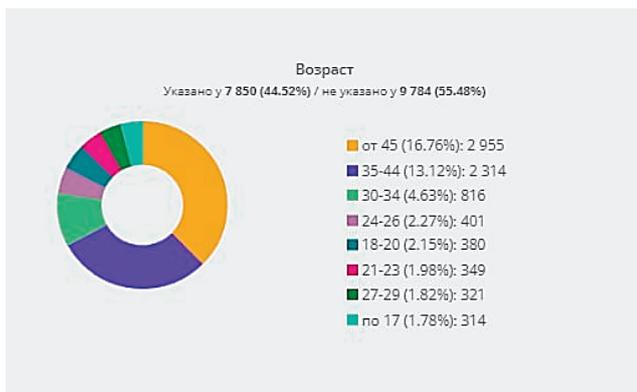

Рис. 2

Только половина пользователей указала свой возраст (44,52%). Однако, даже на основе этих данных мы видим, что основной возраст участников данных групп, варьируется в промежутке от 35 лет и выше (рис. 3).

Следующая значимая для понимания социального портрета аудитории, интересующейся буддийским форумом их территориальная принад-

лежность. Мы видим, что 55% подписчиков указали местом своего проживания Улан-Удэ. Также существенная часть пользователей указала в качестве своего места проживания другие регионы Российской Федерации, отдалённые вроде Москвы и Санкт-Петербурга, и соседние с республикой, вроде Иркутской области и Забайкальского края.

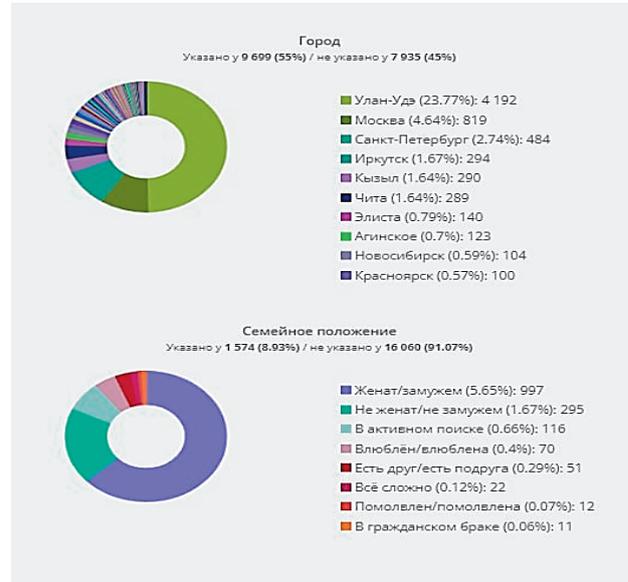

Рис. 3

Это подтверждает утверждение Д.Д. Амоголоновой, что Буддийская традиционная сангха России является бурятской организацией, не охватывающей буддистов Тувы и Калмыкии, но имеющей влияние на буддистов за пределами Бурятии, включая Москву и Санкт-Петербург (Амоголонова, 2021: 387), что и в виртуальном взаимодействии.

Вышеописанные данные подтверждают исследования о том, что люди, участвующие в виртуальных буддийских религиозных действиях в Бурятии это, как правило, женщины от 40 до 60 лет, являющиеся буддистками по традиции, т.е. приобщены к буддизму с детства (Очирова и др., 2021: 89).

Мы используем метод контент-анализа в социальных сетях, как один из наиболее удобных методов для определения основных тезисов Буддийского форума, важных непосредственно как для верующих буддистов, так и для религиозной организации. Применение метода контент-анализа, выбранных в качестве объекта исследований 21 публикации в сообществе БТСР, с упоминанием буддийского форума, даст нам возможность изучения смешанным типом (количественным и качественным) отсекая новостные тексты и темы, не относящиеся к конфессиональной тематике. В качестве единицы анализа нами выбрано слово и словосочетания, как в отдельности, так и в тематических группах.

Метод контент-анализа позволяет нам получить объективную невербальную информацию, из массива субъективных вербальных данных (Замарен-

ков, 2023: 57). Ввиду большого объёма данных в социологических исследованиях для контент-анализа все чаще используется специализированное программное обеспечение (Бадараев, Цыденов, 2024: 183). Для проведения нашего исследования мы использовали программное обеспечение MAXQDA¹, в результате чего получили облако слов, отображенное на рисунке 4. В нем в зависимости от количества упоминаний, слова расположены от центра к краям, от большего к меньшему.

Продолжение

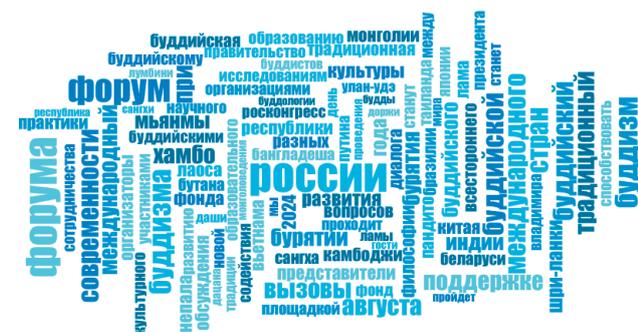

Рис. 4

Для удобства расположим полученные нами количественные данные в виде таблицы 1.

Таблица 1. Частота упоминания различных слов в публикациях сообщества Буддийская традиционная сангха России

Слова	Количество упоминаний	Итого
России	62	62
Форума, форум	60+50	110
буддийской, буддийский, буддийского, буддийская	34+33+24+17	108
Буддизма, буддизм	37+34	71
стран	36	36
международного	34	34
августа	32	32
«традиционный	31	31
современности»	31	31
вызовы	30	30
хамбо	29	29
поддержке	29	29
международный	27	27
Бурятия, бурятия	26+26	52
Мьянмы	24	24
Индии	24	24
развития	21	21
Непала	21	21
Шри-Ланки	21	21

¹ Официальный сайт программного обеспечения для качественного анализа данных MAXQDA. – URL: <https://www.maxqda.com/ru> (08.10.2024)

Слова	Количество упоминаний	Итого
культуры	20	20
республики	20	20
философии	19	19
представители	19	19
обсуждения	18	18
Лаоса	18	18
диалога	17	17
всестороннего	17	17
вопросов	17	17
практики	17	17
организаторы	17	17
пандито	17	17
лама	17	17
разных	17	17
Вьетнама	17	17
Камбоджи	17	17
Китая	17	17
Монголии	17	17
фонда	17	17
традиционная	16	16
сангха	16	16
буддийскому	16	16
участниками	16	16
станут	16	16
Беларуси	16	16
Бразилии	16	16
Бутана	16	16
Таиланда	16	16
Японии	16	16
образованию	16	16
развитию	15	15
президента	15	15
Владимира	15	15
Путина	15	15
научного	15	15
образовательного	15	15
культурного	15	15
сотрудничества	15	15
между	15	15
буддийскими	15	15
организациями	15	15
Бангладеша	15	15
исследованиям	15	15
новой	14	14
площадкой	14	14

Окончание

Слова	Количество упоминаний	Итого
способствовать	14	14
правительство	14	14
фонд	14	14
содействия	14	14
росконгресс	14	14
проходит	13	13
станет	13	13
ламы	11	11
Улан-Удэ	10	10
буддистов	10	10
мы	10	10

Исторически смысл применения контент-анализа свёлся от раскрытия «явного содержания» к исследованию латентного, скрытого содержания коммуникации через изучение реальных данных текстового массива как источника информации. Этот метод помогает выявить закономерности и спрогнозировать тенденции в тех или иных социальных движениях (Пашинян, 2012: 16).

Буддизм и связанные с ним культурные и религиозные темы занимают центральное место в обсуждениях. Высокая частота упоминаний слов, связанных с буддизмом, свидетельствует о направлении этого форума и темам, которые обсуждались на дискуссионных площадках. Так изрядное уделяется внимание философским (19), культурным (15), научным (15) и образовательным (15) темам. В публикациях БТСР также подчеркивается роль Пандито Хамбо-лам, т.к. форум был приурочен к 260-летию этого института¹.

Однако, форум выполняет функцию не только религиозной, но и политической площадки, служит платформой для укрепления связей России со странами традиционного распространения буддизма. Что подтверждается частыми упоминаниями слов «международный» и «сотрудничество», а также тем фактом, что одними из наиболее часто упоминаемых слов в публикациях являются упоминания государств-участников форума: Мьянма, Индия, Непал, Шри-Ланка, Вьетнам, Камбоджа, Китай, Монголия и т.д. Немаловажным также является упоминание президента Российской Федерации Владимира Путина. Стоит отметить, что президент России является единственной персоналией, названной по имени и отчеству большое количество раз. Его совместное упоминание с правительством России подчеркивает важность форума для внутренней и международной политики России.

¹ 260-летию института Пандито Хамбо лам посвятят II Международный буддийский форум в Бурятии / Пресс-центр Буддийского форума. – URL: <http://buddha-forum.ru/tpost/dg89a6x5i1-260-letiyu-instituta-pandito-hambo-lam-p> (15.10.2024)

Также мы можем рассмотреть выражение региональной значимости Бурятии и основные темы, затрагиваемые в рамках форума. Упоминания о Бурятии подчеркивает политическую значимость для России, которая через свою буддийскую республику, играла центральную роль в организации форума, что подчеркивает её значимость в современном буддийском мире. Этот сигнал является крайне важным для БТСР, как преимущественно бурятской буддийской организации.

В результате проведенного анализа, наличие публикаций, посвященных II Международному буддийскому форуму «Традиционный буддизм и вызовы современности» в паблике БТСР свидетельствует о внимании религиозной организации к состоявшемуся событию, не только как к религиозно, но и как к политически важному мероприятию. Полученные данные отражают усиление роли БТСР как института гражданского общества, в том числе в онлайн формате.

Кроме того, отсутствие публикаций в иных буддийских пабликах, напротив говорит об их закрытом характере и ограничении развития социальных контактов, что может оказать негативное воздействие на буддизм, как на основополагающий институт гражданского общества.

Наличие подобных форумов, безусловно оказывает положительное влияние на развитие социальных отношений, как на международном, так и на государственном, местном уровне. Признание мероприятия в социальных сетях со стороны БТСР, как одной из самых многочисленных буддийских организаций, свидетельствуют о достаточно высоком уровне её зрелости и готовности к интеграции в «виртуальный мир», что активно поддерживается её офлайн сторонниками и получает одобрение со стороны подписчиков.

Литература

- 260-летию института Пандито Хамбо лам посвятят II Международный буддийский форум в Бурятии / Пресс-центр Буддийского форума. – URL: <http://buddha-forum.ru/tpost/dg89a6x5i1-260-letiyu-instituta-pandito-hambo-lam-p> (15.10.2024).
- Амоголонова Д.Д. Буддийская традиционная Сангха России в социокультурных процессах современной Бурятии / Д.Д. Амоголонова // Научный диалог. – 2021. – № 7. – С. 381–399.
- Бадараев Д. Д., Цыденов А.Б. Исследования социальной идентичности в контексте цифровой социологии: теоретико-методологический аспект // Власть. 2024. Т. 32. № . С. 181–189.
- Бадмацыренов Т. Б., Орбодоева М.В. Международный буддийский форум «Традиционный буддизм и вызовы современности» // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2023. № 4(52). С. 166–170.

5. Бадмацыренов Т. Б., Скворцов М.В., Хандаров Ф.В. Буддийские цифровые практики трансцендентности: VK-сообщество «Хамбо Лама Даши-Доржо Итигэлов» //Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2018. № 2. С. 309–332.
6. Забокрицкая Л.Д., Хлебников Н.А., Орешкина Т.А., Комоцкий Е.И. Возможности изучения ценностей молодежи через профиль социальной сети «ВКонтакте» //Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. – № 2. С. 148–167.
7. Замаренков М.Ю. Контент-анализ в религиозно-ведческих исследованиях: к постановке проблемы //Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2023. № 1. С. 55–63.
8. Коэффициент вовлечённости аудитории (ER) – что это такое, как рассчитать / Обучающая платформа VK Бизнес. – URL: <https://expert.vk.com/articles/koeffitsient-vovlechyonnosti-auditorii-er-cto-eto-takoe-kak-rasschitat/> (09.10.2024).
9. О Форуме / Официальный сайт II Международного буддийского форума: «Традиционный буддизм и вызовы современности». – URL: <http://buddha-forum.ru/about-forum> (07.10.2024).
10. Очирова О. А. и др. Социальный портрет буддиста-паломника Бурятии: от традиционного к онлайн формату (по результатам социологического исследования) //Новые исследования Тувы. 2021. № 2. С. 79–91.
11. Пашинян И.А. Контент-анализ как метод исследования: достоинства и ограничения //Научная периодика: проблемы и решения. 2012. № 3. С. 13–18.
12. Социальные сети и мессенджеры: вовлеченность и предпочтения / ВЦИОМ. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/socialnye-seti-i-messendzhery-vovlechennost-i-predpochtenija> (10.10.2024).

THE BUDDHIST FORUM IN DIGITAL SPACE: REPRESENTATION AND AUDIENCE¹

Shantakov A.M., Tsydenov A.B.

Buryat State University named after Dorzhi Banzarov

The article presents a detailed content analysis of publications related to the representation of the II International Buddhist Forum “Traditional Buddhism and the Challenges of Modernity” in the digital space of social media. The focus is on how the forum was covered in social networks, particularly in the official community of the Buddhist Traditional Sangha of Russia (BTSR) on the VKontakte platform. The analysis examines the key themes emphasized in the publications of the religious community and provides a social profile

of the target audience of these publications, including their activity, engagement, and preferences. The study identifies the structure of the posts, evaluates audience reactions, and characterizes the content shared in connection with the forum. Special attention is paid to how the BTSR utilizes the digital space to disseminate its religious and cultural values and to strengthen its influence within society. The research results demonstrate the active use of social networks to foster dialogue between Buddhist organizations and their audience, contributing to the popularization of Buddhism and the development of public connections. The article also addresses the role of digital media in religious communities and its significance for contemporary culture.

Keywords: Buddhism, social media, community, Buddhist forum, content analysis, VKontakte.

References

1. II International Buddhist Forum in Buryatia Dedicated to the 260th Anniversary of the Pandito Hambo Lama Institute / Buddhist Forum Press Center. – URL: <http://buddha-forum.ru/post/dg89a6x5i1-260-letiyu-instituta-pandito-hambo-lam-p> (15.10.2024).
2. Amogolonova D.D. The Buddhist Traditional Sangha of Russia in the Sociocultural Processes of Modern Buryatia / D.D. Amogolonova // Scientific Dialogue. – 2021. – No. 7. – Pp. 381–399.
3. Badaraev D. D., Tsydenov A.B. Studies of Social Identity in the Context of Digital Sociology: Theoretical and Methodological Aspects // Vlast. 2024. Vol. 32. No. 2. Pp. 181–189.
4. Badmatsyrenov T. B., Orbodoeva M.V. International Buddhist Forum “Traditional Buddhism and the Challenges of Modernity” // Bulletin of the Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. 2023. No. 4(52). Pp. 166–170.
5. Badmatsyrenov T. B., Skvortsov M.V., Khandarov F.V. Buddhist Digital Practices of Transcendence: The VK Community “Hambo Lama Dashi-Dorzho Itigelov” // Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes. 2018. No. 2. Pp. 309–332.
6. Zabokritskaya L. D., Khlebnikov N.A., Oreshkina T.A., Komotky E.I. The Possibilities of Studying Youth Values through the Profile of the Social Network “VKontakte” // Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes. 2020. No. 2. Pp. 148–167.
7. Zamaranov M. Yu. Content Analysis in Religious Studies: Problem Setting //Intellect. Innovations. Investments. 2023. No. 1. Pp. 55–63.
8. Audience Engagement Rate (ER) – What It Is and How to Calculate It / VK Business Training Platform. – URL: <https://expert.vk.com/articles/koeffitsient-vovlechyonnosti-auditorii-er-cto-eto-takoe-kak-rasschitat/> (09.10.2024).
9. About the Forum / Official Website of the II International Buddhist Forum: “Traditional Buddhism and the Challenges of Modernity”. – URL: <http://buddha-forum.ru/about-forum> (07.10.2024).
10. Ochirova O. A. et al. Social Profile of a Buddhist Pilgrim in Buryatia: From Traditional to Online Format (Based on Sociological Research) // New Research of Tuva. 2021. No. 2. Pp. 79–91.
11. Pashinyan I.A. Content Analysis as a Research Method: Advantages and Limitations // Scientific Periodicals: Problems and Solutions. 2012. No. 3. Pp. 13–18.
12. Social Networks and Messengers: Engagement and Preferences / VCIOM. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/socialnye-seti-i-messendzhery-vovlechennost-i-predpochtenija> (10.10.2024).

¹ The article was prepared within the framework of Grant No. 06 from the Foundation for the Promotion of Buddhist Education and Research, dated June 11, 2024, titled «Public Participation of Buddhist Communities in Contemporary Russia».

Нравственные идеи и уроки Ф.М. Достоевского в XXI веке

Мочалов Евгений Владимирович,

д.ф.н., профессор, заведующий кафедрой философии ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва», профессор кафедры гуманитарных наук религиозной организации ДОО ВО «Саранская духовная семинария Саранской и Мордовской епархии Русской православной церкви»
E-mail: mochalov_ev@mail.ru

В данном исследовании автор проводит антропологическое исследование взглядов писателя на место России в европейском социуме. Он демонстрирует актуальность творчества Ф.М. Достоевского в контексте патриотизма, веры и православия. Особое место в исследовании уделяется нравственным проблемам, затронутым в творчестве писателя. В первую очередь они связаны с властью денег в современном обществе, воспитанием молодежи, осмыслением религиозной идентичности России в современной цивилизации, ролью православия в обществе. В условиях столкновения цивилизаций России и Запада, а также кризисных явлений в развитии современного человека, обращение к этико-философским идеям Ф.М. Достоевского становится особенно значимым. Мыслитель не только предвосхитил многие проблемы, возникшие перед обществом XXI века, но и намечил пути их дальнейшего решения.

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, православие, Россия, цивилизация, воспитание человека, нравственность, идея, проблема.

Творчество Федора Михайловича Достоевского – это достояние народа России и всего мира. Литературные образы, созданные им, живут в сознании всего человечества. Они не умрут, да и не могут умереть. Почтение, бесконечная признательность и уважение к художественному гению Достоевского, его мучительным поискам правды, высокому моральному пафосу его произведений требуют от нас сегодня особой ответственности в оценке его творчества.

Общеизвестен факт того, что Федор Михайлович поставил в своих всегда взволнованных, беспокойных образах очень много так называемых больших, тревожных и проклятых вопросов. Он открыл в русской литературе целый неизученный мир – мир большого города, мир добра, мир маленького человека.

Наконец, в его произведениях всегда звучит голос совести. Нельзя жить, когда унижен и оскорблен человек на земле. У одного из его героев, Макара Алексеевича Девушкина из романа «Бедные люди», слишком доброе сердце, которое принимает на себя горе всех обиженных людей. Подчеркнем, что как романы, так и творческое наследие Достоевского излучают прямо-таки беспощадную искренность, будоражат совесть современного поколения.

Писатель и сегодня не дает спокойствия читателю. Федор Михайлович взывает к душам людей, обращаясь к проблемам безразличия к страданиям других и необходимости совестливого отношения к ближним. В его произведениях поднимается вопрос о жестокости в обществе.

Достоевский призывает всех нас всмотреться в самих себя, быть требовательными к самому себе. Он пишет о борьбе между добром и злом, Богом и дьяволом, где поле битвы сердца людей. Произведения, написанные в XIX веке, и наследие писателя связаны с современной действительностью страданиями человека, стремятся к правде и справедливости.

Федору Михайловичу было присуще какое-то особое ощущение русской истории, периодов ее распада и зарождения новых общественных отношений. Человек, о котором так много писал Достоевский, оказался предоставленным самому себе, одиноким в социальном, политическом, идейном, психологическом смысле, разобщенным. Герои Достоевского происходят из городских низов, это

обездоленные люди, которые живут или существуют в своих каморках, похожих на шкаф или сундук.

В записях Достоевского к одному из предполагавшихся романов мы встречаем замечательные слова: «или рабство, или владычество» [19]. Из двух возможных антиномий Федор Михайлович в конечном итоге выбирает следующую: «лучше быть жертвой, чем палачом; лучше быть раздавленным, чем давить других» [12, с. 9]. Достоевский обращает внимание на действительность и свободу.

«Что такое свобода?» – спрашивает он. Речь идет о произведении Достоевского «Зимние заметки». Ответом автору служит: «Свобода. Какая свобода? Одинаковая свобода всем делать все что угодно в пределах закона. Когда можно делать все что угодно? Когда имеешь миллион. Дает ли свобода каждому по миллиону? Нет. Что такое человек без миллиона? Человек без миллиона есть не тот, который делает все что угодно, а тот, с которым делают все что угодно» [16].

Именно в этих словах, возможно, заключена одна из основных идей произведений Достоевского, которая впоследствии стала идеей Родиона Раскольников, перед которым общество поставило выбор: либо стать человеком, которому позволено делать все что угодно – сверхчеловеком, либо быть человеком, с которым делают все что угодно. В этих словах заключена, и тема другого романа Достоевского – «Подросток» – герой которого мечтает скопить миллион для того, чтобы не быть тем, с кем можно делать все что угодно.

Очень интересна в «Зимних заметках» глава «Ваал». Именно в ней, по Достоевскому, представлены и сопоставлены правда жизни и правда цивилизации, когда хрустальные дворцы в Лондоне соседствуют с нищенством. Общеизвестен и тот факт, о котором писал еще М.М. Бахтин, что «Ф.М. Достоевский создал новый тип романа, которому присуща динамичность в запечатлении действительности, который пытается отобразить новые социальные явления и типы» [4, с. 7–8].

Речь идет не только о романе-диалоге, но и о романе-трагедии. Все произведения писателя диалогичны и драматичны по своей внутренней сути и композиции. В ходе размышлений о «Заметках» мы будем привлекать роман «Преступление и наказание» – замечательное и художественно цельное произведение. В образе Сони Мармеладовой «Преступление и наказание» раскрывается как произведение великой боли за человечество. Из картин нищеты, одиночества и духоты жизни следует вывод – человеку жить в таком обществе невозможно.

Эту тему писатель поднимает в романе «Идиот», в образе Настасьи Филипповны, до уровня высокой трагедии, показывает всю ее внутреннюю красоту, однако она гибнет в этом мире, обуреваемом эгоистичными страстями, ненавистью и враждой. Апогей развития сюжета романа достигает-

ся, когда Настасья Филипповна бросает в огонь деньги.

Власть денег – одна из идей, присутствующая во всех произведениях Достоевского. По Федору Михайловичу, жажда денег обуяла всех вокруг, и, как следствие, власть денег плодит преступления. Такие блага, как слава, доблесть и честное имя, можно приобрести за деньги. Даже человек становится предметом купли-продажи. Пример тому – образ Настасьи Филипповны. Однако, с точки зрения Ф.М. Достоевского, не всё можно купить. Правда и настоящая красота неподкупна и не продается. Достоевский категорически не приемлет власть денег.

Обратим внимание на слова подростка: «Деньги – это единственный путь, который приводит на первое место даже ничтожество. Деньги, конечно, есть деспотическое могущество, но в то же время и высочайшее равенство, и в этом главная их сила. Деньги сравнивают все неравенства» [9, с. 89–90]. Такова власть денег, она порождает власть бездарностей, которая воплощена у Достоевского в образе Ганечки Иволгина.

Интересна и проблема детских страданий, поднимаемая Достоевским и обращенная к совести человечества. Образы детей в его произведениях – это образ вселенского ребенка. Достоевский устами своих героев декларирует мысль, что безнравственно для матери прощать муки ее ребенка. Федор Михайлович адресует вопросы всему человечеству: «Может ли совесть человечества забыть, простить слезинку хоть одного замученного ребенка? И способна ли, имеет ли право совесть всего человечества забыть и простить преступления тех, которые так относятся к детям?» [19].

По нашему мнению, в разделе статьи вполне оправданно обратиться к власти денег еще раз. Вспомним роковые три тысячи, сыгравшие ключевую роль в судьбе Дмитрия Карамазова, десять тысяч, которыми князь Валковский пытался оплатить позор Наташи, и, естественно, рогожинские сто тысяч и миллион, о котором мечтает подросток Долгорукий.

Подобные цифры становятся своего рода механизмом, связавшим душевные переживания всех героев Достоевского. Однако отношение героев Федора Михайловича к материальному весьма сложное. В частности, утверждает он, что страшны не сами деньги и материальные блага, а страшны действия, которые уродуют душу человека. Как уже было отмечено выше, важнейшая проблема и идея, затрагиваемая Достоевским, – *идея социальной справедливости, веры в Бога и отрицания веры, атеизма*.

Вот выдержка из писем 1854 года: «Я скажу вам про себя, что я дитя века, дитя неверия и сомнения до сих пор и даже (я знаю это) до гробовой крышки. Каких страшных мучений стоила и стоит мне теперь эта жажда верить, которая тем сильнее в душе моей, чем более во мне доводов про-

тивных» [3, с. 70]. Достоевский вместе с тем ставит в своих работах и *проблему счастья для человека*. В определенном смысле данная идея присутствует как в «Подростке», так и в ненапечатанных главах из «Бесов» и «Сне смешного человека».

В последнем произведении картины радостной и счастливой жизни на планете, на которую попадает в своем сне смешной человек, обладают высокой степенью притягательности и кажутся возможными, реальными. Сила реализма и уверенности такова, что герой восклицает: «Я видел Истину. Я видел и знаю, что люди могут быть прекрасны и счастливы, не потеряв способности жить на земле. Я не хочу и не могу верить, чтобы зло было нормальным состоянием людей» [14, с. 32]. Однако вместе с тем писатель подчеркивает человеческую двойственность, говоря о присущих человеку как негативных, так и положительных чертах. Достоевский убежден в существовании сил, которые смогут обуздать все плохое в человеке, – это *страдание и вера*.

«Страданием все очищается», – говорит Наташа в «Униженных и оскорбленных» [15, с. 62]. «Страдания, Родион Романович, великая вещь», – учит Раскольникова Порфирий Петрович и добавляет: «В страдании есть идея» [13, с. 436]. «Пострадать хочу и страданием очищусь», – кричит Дмитрий Карамазов, совмещающий в своей душе две бездны, порока и добродетели [6, с. 330]. «Страдание – это есть и жизнь», – внушает черт Ивану Карамазову [6, с. 416]. «Человек иногда ужасно любит страдание, до страсти», – говорит герой «Записок из подполья», – страдание – единственная причина сознания» [8, с. 14].

В «Дневнике писателя» Федор Михайлович пишет: «Я думаю, самая главная, самая коренная духовная потребность русского народа есть потребность страдания, всегдашнего и неутолимого, везде и во всем» [7, с. 38]. В этом отношении трагедия Раскольникова заключается в том, что он, совершив убийство, разрывает религиозные связи, которые объединяют, связывают людей друг с другом.

Достоевский и вера – вопрос особенный. Попробуем еще раз обратиться к словам самого Федора Михайловича, в знаменитом письме к Н.Д. Фонвизиной от февраля 1854 года. «Бог посылает мне иногда минуты, в которые я совершенно спокоен, и в такие-то минуты я сложил в себе символ веры, в котором всё для меня ясно и свято. Этот символ очень прост, вот он: верить, что нет ничего прекраснее, глубже, симпатичнее, разумнее, мужественнее и совершеннее Христа, и не только нет, но с ревнивою любовью говорю себе, что и не может быть. Мало того, если б кто мне доказал, что Христос вне истины, и действительно было бы, что истина вне Христа, то мне лучше хотелось бы оставаться со Христом, нежели с истиной» [19].

Достоевский рисует образы своих современников, например, Родион Раскольников, который

выступает как представитель мыслящей молодежи, студент; образы буржуазии, образы хищников. М.Е. Салтыков-Щедрин в своих дневниках обращает на данный аспект особое внимание. «Хищник – вот истинный представитель нашего времени, – пишет он. – Хищник проникает повсюду, захватывает все места, захватывает все куски, интригует, сгорает завистью, подставляет ногу, стремится, спотыкается, встает и опять стремится» [18, с. 78].

Типичным представителем подобного образа хищника выступает Лужин, человек без совести, делец, социальный тип 1860-х годов России. В своих записных книжках Достоевский писал о Лужине: «Он поклонился деньгам, ибо все погибает, а деньги не погибнут; я, дескать, из низкого звания и хочу непременно быть на высоте лестницы и господствовать» [13, с. 131]. Лужин из тех людей, которые стремятся приобрести за деньги молодость и красоту, при этом экономя каждый грош.

Не менее интересна процентщица Алена Ивановна из «Преступления и наказания», которую великий русский критик Д.И. Писарев как-то назвал пауком в человеческом образе. Достоевский тоже рисует ее как олицетворение власти денег, говоря о том, что только ассигнации в ее шкапулке придают Алене Ивановне черты человека. Именно они формируют в ней волю и сознание, образ крошечной, сухой старушонки лет шестидесяти, с острыми и злыми глазками, которая говорит строго, внушительно, резко. Даже чистота в ее комнате, по Достоевскому, свидетельствовала о зле. Поэтому именно из такого образа у писателя вытекает другая тема – *тема бунта против существующей реальности*.

Кто такой Родион Раскольников? Это не только, студент и представитель молодого поколения с отрицательными чертами, но и великодушный, отзывчивый и благородный человек. Достоевский обращает особое внимание, что в прошлом Раскольников помогал больному товарищу, а во время пожара спас детей. Он, по Достоевскому, благоговейно чит все страдание человеческое. Он умен, наблюдателен, у него ум ученого и мыслителя. Однако одновременно с положительными качествами у Раскольникова присутствует и бесчеловечность. Откуда она? Бесчеловечность Раскольников – результат влияния тех общественных условий, в которых он живет.

В произведении Достоевского раскрывается трагедия близких Раскольникову людей. Гуманное стремление юноши оградить близких от посягательств хищников (буржуазии), изменить свою жизнь порождает его страшную теорию. Человек в конечном итоге обезчеловечивается под влиянием общества. Нужно ли такое общество? «Свобода и власть, а главное власть! Над всею дрожащею тварью и над всем муравейником!.. Вот цель!» – заявляет Раскольников [13, с. 255].

В теории Раскольникова важнейшей составляющей является ее социальная и этико-философская сторона. Неслучайно Достоевский показывает и сопоставляет взгляды Раскольникова с бонапартизмом, с Наполеоном – кумиром для некоторых представителей русского общества.

Безусловно, подобное было вызвано революционными идеями и развитием капиталистических отношений. Достоевский осуждает и не приемлет царства антихриста. Он выступает сторонником *православной идеи*, не приемлет веянья Запада – атеизм и социализм, которым он противопоставляет «сияющий образ Христа», православного, подлинного Христа, которого предало католичество, но которому суждено обновить и спасти весь западноевропейский мир. В частности, в письме к А.Н. Майкову в 1867 году Достоевский пишет о своем пребывании в Бадене: «Какие здесь плуты и мошенники встречаются. Право, черный народ здесь гораздо хуже и бесчестнее нашего, а что глупее, то в этом сомнения нет. Ну что вы говорите про цивилизацию; ну что сделала им цивилизация и чем они так очень-то могут перед нами похвастаться!» [19]. В другом письме он излагает свои впечатления о Швейцарии: «На иностранца смотрят здесь как на доходную статью; все их помышления о том, как бы обманывать и ограбить» [19].

На смену безнравственной и безбожной западноевропейской цивилизации должна прийти цивилизация православная, христианская. Достоевский утверждает: «наш народ безмерно выше, благороднее, честнее, наивнее, способнее и полон другой высочайшей христианской мысли, которую и не понимает Европа с ее дохлым католицизмом и глупо противоречащим себе самому лютеранством» [19]. Федор Михайлович в письмах Н. Страхову в 1889 году замечает: «Сущность русского призвания состоит в разоблачении перед миром русского Христа, миру неведомого и которого начало заключается в нашем родном православии. По-моему, в этом вся сущность нашего будущего цивилизаторства и воскрешения хотя бы всей Европы, и вся сущность нашего могучего будущего бытия». В другом письме он продолжает эту мысль: «Именно России, именно новому миру России суждено обновить христианство всеславянской православной идеей и внести в человечество новую мысль, когда загниет Запад, а загниет он тогда, когда папа исказит Христа окончательно и тем зародит атеизм в опоганившемся западном человечестве» [19].

Суждениями своих героев, в особенности князя Мышкина, Достоевский определяет отношения России и Запада, Православия и католичества, социализма и атеизма. Он полагает, что России суждено сразиться с антихристом – духом Запада, что мы, русские, несем миру возобновление их утраченного идеала. «Наш народ велик и прекрасен потому, что он верует, и потому, что у него есть

православие. Мы, русские, сильны и сильнее всех потому, что у нас есть необъятная масса народа, православно верующего» [16].

Однако писателя гложут и сомнения: «А что будет, если пошатнется в народе вера?» [19]. Тогда народ будет разлагаться, как начали уже разлагаться на западные народы. Возможно ли верить? Если нельзя, то чего же кричать о силе православия? Достоевский говорит, что главная опасность в неверии.

Оценивая революционные процессы 1860–1870-х годов, писатель предостерегает русское общество от анархии и нечаевщины. Подобная тенденция проступает в образе Петра Верховенского в «Бесах», в знаменитом «Катехизисе революционера». Именно в образе Петра Верховенского Достоевский подвергает критике идеи известного русского «революционера» С.Г. Нечаева, популярного в определенных слоях русского общества.

Еще одна тема, затронутая Достоевским – *судьба человека, России и всего человечества*. Так или иначе, она присуща всем произведениям, но особенно ярко проявляется в «Братьях Карамазовых». Широта философско-политической проблематики силы человеческих страстей в романе потрясает воображение. Чего стоит душевная борьба Мити Карамазова, тайны Федора Павловича, любовь Грушеньки и Екатерины Ивановны? Венцом произведения становится глава «Бунт» и последующая новелла-исповедь «Легенда о Великом Инквизиторе». В письме к обер-прокурору Святейшего Синода Победоносцеву, Достоевский утверждал, что именно в ней смысл книги: богохульство и опровержение богохульства.

Столкновение взглядов Ивана и Алеши Карамазовых – не просто идеологическая драма и трагедия, а характерная черта молодежи того времени. Сердце Ивана наполнено сомнениями и противоречиями безверия: «Я не Бога не принимаю, пойми ты это, я мира, им созданного, мира-то Божьего не принимаю и не могу согласиться принять» [6, с. 157]. Его стремление обрести Бога – стремление осуществить идеал счастливого будущего человечества, стремление к справедливости и разумности мира.

Иван объясняет свои сомнения следующим образом: «Я убежден, как младенец, что страдания заживут и сгладятся, что весь обидный комизм человеческих противоречий исчезнет, что, наконец, в мировом финале, в момент вечной гармонии, случится и явится нечто до того драгоценное, что хватит его на все сердца, на утоление всех негодований, на искупление всех злодейств людей, всей пролитой ими крови, – пусть, пусть это все будет и явится, но я-то этого не принимаю и не хочу принять!» [6, с. 157].

Почему же Иван не хочет этого принять? Он, исходя из идеалов гуманизма, однако уверен, что ничем нельзя ни искупить, ни оправдать несправедливости человеческих страданий, и ни одна

слезинка невинного ребенка не может быть оправдана будущей гармонией. Данный этический подход к социальным и политическим проблемам содержит в себе общественную антиномию. Почему? Потому что оно не может быть разрешено: удел человека – глас отчаяния и безнадежности.

Далеко неслучайно обращение Достоевского в «Братьях Карамазовых» к строкам Ф. Тютчева: «Мужайся, сердце, до конца: и нет в творении творца! И смысла нет в мольбе!» [1]. Возможен другой выход – нигилизм, воплощенный в образе Смердякова. Естественна и тревога писателя о внутреннем мире отдельной личности, трагедии индивидуальности. Его волнует не столько вопрос, чем жить Ивану Карамазову, сколько вопрос, чем жить России.

Вот образ Смердякова, для которого нет ничего святого, презирающего Россию и человечество, способного убить отца и предать Родину. «Я всю Россию ненавижу», – говорит он [6, с. 150]. Смердяков сожалеет, что в 1812 г. Наполеон не уничтожил русских, однако это не значит предпочтение им Западной Европы: «Если вы желаете знать, то по разврату и тамошние, и наши все похожи. Все шельмы-с, но с тем, что тамошний в лакированных сапогах ходит, а наш подлец в своей нищете смердит» [6, с. 150]. Суть смердяковщины в отсутствии моральных и политических убеждений. Смердяков служит тому, кто больше платит, по Ф.М. Достоевскому, Смердяков – крайняя ступень нравственного цинизма.

Затронутые в исследовании проблемы и противоречия в общественной и социальной жизни приводят его к мысли, что мир полон человеческих страданий, способных воплотиться в *идею протеста*.

Эта идея опасна для общества тем, что отрицание религии и традиционных социальных устоев может привести к уничтожению этических норм и к ещё большей жестокости, к действиям по принципу «все позволено».

Борьба за социальную справедливость может обернуться новыми, ещё большими страданиями народа. Напряженные поиски и стремление найти решение, извлечь уроки из данной проблемы, придавало и придает наследию Ф.М. Достоевского значимость и актуальность в наши дни.

Достоевский пытается решить подобное противоречие в романе «Подросток»: «Но что делать, однако ж, писателю, не желающему писать лишь в одном историческом роде и одержимому тоской по текущему? Угадывать и... ошибаться» [9, с. 530]. В письме к Страхову он замечает: «У меня свой особенный взгляд на действительность, и то, что большинство называет почти фантастическим и исключительным, то для меня иногда составляет самую сущность действительного. Обыденность явлений и казенный взгляд на них, по-моему, не есть еще реализм, а даже напротив» [2].

Осмысление наследия Ф.М. Достоевского, его нравственных уроков приводит к выводу, что если человек претерпит муки, пострадает за людей, человечество, то «принесет много плода», станет творцом, а если будет жить в своем грехе, неверии и эгоизме, то останется одиноким, как молодой ученый Ордын в «Бедных людях», мечтатель из «Белых ночей», учитель Вася из «Дядюшкина сна».

В завершение статьи приведем замечательное высказывание писателя: «Этот вечный русский позыв имеет идею, вот что прекрасно. Есть в России народная идея – жертвовать собою и всем для правды. Вот национальная черта поколения» [19]. В этих словах и заключена основная идея выдающегося русского писателя, идея, которая, на наш взгляд, будет особенно актуальна в XXI веке, в наши дни.

Литература

1. ProStih [Электронный ресурс]. – URL: <https://prostih.ru/> (дата обращения: 07.10.2024).
2. Азбука веры [Электронный ресурс]. – URL: <https://azbyka.ru/> (дата обращения: 07.10.2024).
3. Андрианова И.С., Вяль Е.Н. Письмо Н.Д. Фонвизиной к Ф.М. Достоевскому от 8 ноября 1853 года // Неизвестный Достоевский. – 2015. – № 2. – С. 70–76.
4. Бахтин М.М. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 6 Проблемы поэтики Достоевского. Работы 1960–1970-х гг. / под ред. С.Г. Бочарова, Л.А. Гогтишвили. – М.: Русские словари, Языки славянской культуры, 2002. – 799 с.
5. Достоевский Ф.М. Бедные люди / под ред. Е.В. Безмен, Л.А. Новицкас, М.Б. Смирнова. – М.: Наука, 2015. – 807 с.
6. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. – М.: АСТ, 2007. – 495 с.
7. Достоевский Ф.М. Дневник писателя. – М.: Азбука, 2022. – 1056 с.
8. Достоевский Ф.М. Записки из подполья. – М.: Азбука-классика, 2006. – 59 с.
9. Достоевский Ф.М. Подросток. – М.: Эксмо, 2023. – 544 с.
10. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 14 т. Т. 7 Идиот: Роман в 4 частях. – СПб.: Типография Л.Ф. Пантелеева, 1904. – 595 с.
11. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 5 Повести и рассказы 1862–1866 / под ред. Е.И. Покусаева. – Ленинград: Наука, 1973. – 407 с.
12. Достоевский Ф.М. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 1 Произведения 1846–1848 / под ред. Е. Цехера. – М.: ГИХЛ, 1956. – 685 с.
13. Достоевский Ф.М. Собрание сочинений: Преступление и наказание. – М.: Мир книги, 2008. – 464 с.
14. Достоевский Ф.М. Сон смешного человека. – М.: Русский язык. Курсы, 2017. – 48 с.

15. Достоевский Ф.М. Униженные и оскорбленные. – М.: Neoclassic, 2021. – 512 с.
16. Интернет-библиотека А. Комарова [электронный ресурс]. – URL: <https://ilibrary.ru/> (дата обращения: 07.10.2024).
17. Русская литература в оценках, суждениях, спорах: хрестоматия литературно-критических текстов / сост. А.Б. Есин. – М.: ФЛИНТА, 2019. – 323 с.
18. Салтыков-Щедрин М.Е. Дневник провинциала в Петербурге. – СПб.: Эксмо, 2023. – 512 с.
19. Федор Михайлович Достоевский [электронный ресурс]. – URL: <http://dostoevskiy-lit.ru> (дата обращения: 07.10.2024).

MORAL IDEAS AND LESSONS OF F.M. DOSTOEVSKY IN THE XXI CENTURY

Mochalov E.V.

National Research Ogarev Mordovia State University, Saransk Theological Seminary of the Saransk and Mordovian Diocese of the Russian Orthodox Church

In this study, the author conducts an anthropological study of the writer's views on the place of Russia in European society. It demonstrates the relevance of F.M. Dostoevsky's work in the context of patriotism, faith and Orthodoxy. A special place in the study is given to the moral problems raised in the writer's work. First of all, they are related to the power of money in modern society, the education of young people, the understanding of Russia's religious identity in modern civilization, and the role of Orthodoxy in society. In the context of the clash of civilizations between Russia and the West, as well as crisis phenomena in the development of modern man, the appeal to the ethical and philosophical ideas of F.M. Dostoevsky becomes especially significant. The thinker not only anticipated many of the problems facing the society of the XXI century, but also outlined ways to further solve them.

Keywords: F.M. Dostoevsky, Orthodoxy, Russia, civilization, human education, morality, idea, problem.

References

1. ProStih [electronic resource]. – URL: <https://prostih.ru/> (date of access: 07.10.2024).
2. The ABC of Faith [electronic resource]. – URL: <https://azbyka.ru/> (date of access: 07.10.2024).
3. Andrianova I.S., Vyal E.N. Letter of N.D. Fonvizina to F.M. Dostoevsky dated November 8, 1853 // Unknown Dostoevsky. – 2015. – No. 2. – pp. 70–76.
4. Bakhtin M.M. Collected works: in 7 vols. Vol. 6 Problems of Dostoevsky's poetics. Works of the 1960s-1970s / edited by S.G. Bocharov, L.A. Gogotishvili. – M.: Russian dictionaries, Languages of Slavic culture, 2002. – 799 p.
5. Dostoevsky F.M. Poor people / edited by E.V. Bezmen, L.A. Novitskaya, M.B. Smirnova. – M.: Nauka, 2015. – 807 p.
6. Dostoevsky F.M. The Brothers Karamazov. – M.: AST, 2007. – 495 p.
7. Dostoevsky F.M. The diary of a writer. – M.: ABC, 2022. – 1056 p.
8. Dostoevsky F.M. Notes from the underground. – M.: ABC classics, 2006. – 59 p.
9. Dostoevsky F.M. Teenager. – M.: Eksmo, 2023. – 544 p.
10. Dostoevsky F.M. Complete works: in 14 vols. 7 The Idiot: A Novel in 4 parts. – St. Petersburg: L.F. Panteleev Printing House, 1904. – 595 p.
11. Dostoevsky F.M. The Complete works: in 30 vols. Vol. 5 Novellas and short stories 1862–1866 / edited by E.I. Pokusaev. – Leningrad: Nauka, 1973. – 407 p.
12. Dostoevsky F.M. Sobranje sochinenii: in 10 t. T. 1 works 1846–1848 / Ed. Well. The workshop. – M.: GIHL, 1956. – 685 p.
13. Dostoevsky F.M. Collected works: Crime and punishment. – M.: Mir knigi, 2008. – 464 p.
14. Dostoevsky F.M. The dream of a funny man. – M.: Russian language. Courses, 2017. – 48 p.
15. Dostoevsky F.M. Humiliated and insulted. – M.: Neoclassic, 2021. – 512 p.
16. The Internet library of A. Komarov [electronic resource]. – URL: <https://ilibrary.ru/> (date of access: 07.10.2024).
17. Russian literature in assessments, judgments, disputes: a textbook of literary and critical texts / comp. A.B. Yesin. – M.: FLINT, 2019. – 323 p.
18. Saltykov-Shchedrin M.E. Diary of a provincial in St. Petersburg. – St. Petersburg: Eksmo, 2023. – 512 p.
19. Fyodor Mikhailovich Dostoevsky [electronic resource]. – URL: <http://dostoevskiy-lit.ru> (date of application: 07.10.2024).

ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ, ФИЛОСОФИЯ РЕЛИГИИ

Реализация идей философских систем конфуцианства, буддизма и даосизма в китайской культуре

Ван Линь,

к.ф.н., старший преподаватель, институт русского языка
Хэйлуцзянского университета
E-mail: wanglin89@yandex.ru

В статье рассматриваются основные идеи трех философских систем Китая: конфуцианства, даосизма и китайского буддизма, а также их интеграция и развитие в китайской культуре. Конфуцианство наследовало и развило гуманистические традиции династий Инь и Чжоу, восстановив ритуальную и музыкальную систему (цивилизацию ритуалов и музыки) на основе этики добродетели, что заложило основу для доминирующей китайской идеологии. Даосизм, с его центральной идеей «Дао следует само по себе», подчеркивает недеяние, чистоту от желаний и мягкое и податливое побеждает твердое и крепкое, призывая к гармонии между человеком и природой. Китайский буддизм, вобравший в себя основные учения индийского буддизма и синтезировавший их с китайской традиционной культурой, развил уникальную философскую систему, подчеркивающую три характеристики бытия: пустота и зависимое происхождение, сострадание и спасение всех существ. В статье анализируются ключевые идеи этих учений, их значимость в истории и современном обществе, а также их взаимное влияние и интеграция, формирующие уникальные черты китайской культуры.

Ключевые слова: конфуцианство; даосизм; китайский буддизм; ритуал и человеколюбие; не деяние.

«Жень» и «ли» в конфуцианстве

Конфуцианство унаследовало и развило гуманистические традиции, восходящие к династиям Инь и Чжоу. В условиях социального кризиса, характеризующегося «упадком ритуалов и разрушением музыки», конфуцианцы возродили цивилизацию ритуалов и музыки, основанную на этике и добродетели, и выбрали направление культурного развития, в котором воспитание осуществляется через гуманность, праведность, ритуалы и музыку, тем самым заложив основу для доминирующей китайской идеологии. Конфуцианство высоко ценит «ритуалы и музыку» и «человеколюбие и справедливость», продвигая идеи «верность и снисходительность» и «золотая середина». В политике конфуцианцы выступают за гуманное и добродетельное правление, акцентируя внимание на этическом воспитании и самосовершенствовании [1].

В «Лунь юй. Сюэ эр» сказано: «Использование ритуала ценно потому, что оно приводит людей к согласию». Это указывает на то, что ритуалы с помощью установленных правил улаживают конфликты и координируют межличностные отношения и приводят дела в порядок. Конфуций считал, что ритуалы являются основой поддержания социального порядка и моральных норм, и тесно связаны с человеколюбием (жень) (仁). Он говорил: «Если человек не обладает человеколюбием, то как он может соблюдать ритуал? Если человек не обладает человеколюбием, то о какой музыке может идти речь?» («Лунь юй. Ба и»).

Ритуалы обладают образовательной функцией, через ритуальное воспитание формируют моральные качества и укрепляют социальное единство. «Молодые люди должны дома проявлять почтительность к родителям, а вне его – уважительность к старшим, серьезно и честно относиться к делу, безгранично любить народ и сближаться с человеколюбивыми людьми» («Лунь юй. Сюэ эр»). Ритуалы также являются нормами поведения, регулирующими слова и действия, приводя их в соответствие с моралью. «Если руководить народом посредством законов и поддерживать порядок при помощи наказаний, народ будет стремиться уклоняться [от наказаний] и не будет испытывать сты-

да. Если же руководить народом посредством добродетели и поддерживать порядок при помощи ритуала, народ будет знать стыд и он исправится» («Лунь юй. Вэй чжэн»). Придавал огромное значение ритуалу как важному средству управления [2].

Конфуцианская теория ритуалов раскрывает основные ценности китайской культуры, реализуемые через ритуальные системы и нормы поведения. Ритуалы играют важную роль в личной морали, социальных нормах и культурном наследии, поддерживают общественный порядок и содействуют гармонии. Теория ритуалов Конфуция заложила прочный фундамент для развития китайской культуры и предоставила ценные ресурсы для гармоничного развития современного общества.

Конфуций придавал большое значение «ритуалу» (ли) (禮), однако его практика должна основываться на «человеколюбие» (жень) (仁). Без человеколюбия ритуалы становятся пустой формальностью. Человеколюбие, как высшая моральная категория, выражает всеобщую доброжелательность и дух братства по отношению к человечеству, являясь внутренним стимулом ритуальных действий [3].

Конфуций многократно подчеркивал важность «человеколюбие» (жень) (仁) в «Лунь юй», раскрывая, что она является высшей моральной категорией и основой всех поступков и норм. Он говорил: «Если человек не обладает человеколюбием, то как он может соблюдать ритуал? Если человек не обладает человеколюбием, то о какой музыке может идти речь?» («Лунь юй. Ба и»), указывая на то, что без опоры на человеколюбие ритуалы и музыка теряют своё значение. Ритуалы и музыка – это внешние формы, тогда как человеколюбие – внутренняя сущность.

Конфуций далее объяснил путь к достижению человеколюбия (жень) (仁). Когда Янь Юань спросил о человеколюбии, Конфуций ответил: «Сдерживать себя, с тем чтобы во всем соответствовать требованиям ритуала, – это и есть человеколюбие» («Лунь юй. Янь Юань»). Здесь Конфуций подчеркивает, что человеколюбие требует осознанных усилий со стороны личности, а не навязывается извне. Кроме того, Конфуций отметил, что сущность человеколюбия заключается в «любви к людям». Когда Фань Чи спросил о человеколюбии, Конфуций ответил: «Любить людей» («Лунь юй. Янь Юань»). Основой человеколюбия и является забота и сострадание к другим.

Конфуций в «Лунь юй. Шуэр» сказал: «Разве человеколюбие далеко от нас? Если я хочу быть человеколюбивым, человеколюбие приходит». Если человек искренне стремится к гуманности, он сможет ее достичь. Реализация человеколюбия – это результат осознанного выбора и внутреннего стремления человека.

Конфуций также предложил принцип «чжуншу» (忠恕), что означает: «Человеколюбивый чело-

век – это тот, кто, стремясь укрепить себя [на правильном пути], помогает в этом и другим, стремясь добиться лучшего осуществления дел, помогает в этом и другим» («Лунь юй. Юнье»). Чжун означает строгие требования к себе, а шу – терпимость и понимание к другим. Этот принцип требует, чтобы человек, стремясь к собственному развитию, также помогал другим достигать их целей, что отращает дух взаимопомощи и любви к ближнему.

Конфуций утверждал: «Не делай людям того, чего не желаешь себе» («Лунь юй. Янь Юань»). Данный принцип является основой концепции человеколюбия (仁) и важным нормативом в межличностных отношениях, отражающим уважение и понимание по отношению к другим.

Учение Конфуция о человеколюбии (仁) имеет важное значение не только для личного морального воспитания, но и служит глубоким руководством в вопросах межличностных отношений и управления обществом, став одним из ключевых ценностей китайской культуры [4].

Мудрость даосизма

Лао-цзы является основателем даосизма. За ним последовал Чжуан-цзы, а его труд «Дао Дэ Цзин», состоящий из пяти тысяч слов, стал главным каноническим даосским текстом, обладая высочайшим авторитетом. Наряду с ним, «Чжуан-цзы» также оказал значительное влияние на последующие поколения. Если Конфуций стремился к позитивным реформам и восстановлению культурных ценностей эпохи Чжоу через ритуалы и музыку, то Лао-цзы выбрал путь критики и отказа от этих культурных форм, стремясь вернуться к первобытной простоте. Таким образом, несмотря на то, что конфуцианство и даосизм сталкивались с одними и теми же вызовами своего времени, их подходы к их решению различались [5].

Ключевая идея даосизма – «Дао следует само по себе» – является отправной точкой для понимания даосской философии. Лао-цзы в «Дао Дэ Цзин» говорит: «Человек следует Земле, Земля следует Небу, Небо следует Дао, а Дао следует самому себе». Здесь «Дао» означает всеобщий закон природы и источник всего сущего. Даосизм утверждает, что природа является воплощением Дао, и все явления должны следовать естественным законам, подчиняться природе. Эта идея подчеркивает гармоничное сосуществование человека и природы, призывая к уважению природы, следованию её законам, а не к её покорению.

«Управлять недеянием» является важным постулатом политической философии даосизма. Лао-цзы в «Дао Дэ Цзин» говорит: «Если я не действую, народ будет находиться в самоизменении; если я спокоен, народ сам будет исправляться. Если я пассивен, народ сам становится богатым». Основная идея «управлять недеянием» заключается в сокращении искусственного вмешательства

ства, предотвращении злоупотребления административной властью, чтобы общество могло функционировать в соответствии с естественным порядком, достигая тем самым спонтанной гармонии и стабильности.

Чистота и отсутствие желаний являются основными принципами самосовершенствования в даосизме. Лао-цзы считал, что желания являются источником страданий и хаоса, и только посредством их сокращения можно достичь внутреннего покоя и удовлетворенности. В «Дао Дэ Цзин» он говорит: «Люди должны быть простыми и скромными, уменьшать личные желания и освобождаться от страстей». Даосизм призывает людей вернуться к простой и скромной жизни, чтобы уменьшить внутренние беспокойства и достичь духовного покоя и самоудовлетворенности.

Мягкое и слабое побеждает твердое и сильное – это философский взгляд даосизма на силу и жизненную мудрость. Лао-цзы в «Дао Дэ Цзин» говорит: «Мягкое и слабое побеждает твердое и сильное». Мягкость и слабость не означает слабость или бессилие, а проявление мудрости и силы, которая приспосабливается к природе и гибко в адаптации к изменениям. Даосизм считает, что мягкость позволяет избегать противостояния и разрушения, приводя к истинной победе через гибкость и уступчивость.

Даосизм утверждает философский принцип «Мягкое и слабое побеждает твердое и сильное», подчеркивая, что мягкость – это не просто проявление слабости, а мудрость и сила, заключающиеся в следовании природе и гибкости в адаптации. Лао-цзы в «Дао Дэ Цзин» утверждает: «Мягкое и слабое побеждает твердое и сильное», что показывает, что мягкость позволяет избежать конфликтов и разрушений, вызванных жесткостью. Преодолевая жесткость мягкостью и отступая, даосизм считает возможным достичь истинной победы.

Даосизм призывает вернуться к естественной природе человека, отвергнуть искусственные и сложные аспекты, стремиться к простоте и искренности. Чжуан-цзы в «Чжуанцзы. Внутренние раздел» упоминает: «Мудрый человек не имеет ничего своего. Божественный человек не имеет заслуг. Духовный человек не имеет имени», подчеркивая идеал возвращения к природе и управления через недеяние. Концепция «возвращения к простоте и естественности» является критикой сложного образа жизни современного общества и призывом к простой и естественной жизни [6] 庄子.

Эти классические идеи даосизма оказали глубокое влияние на древний Китай и имеют важное значение для современного общества. Особенно в условиях материализма и чрезмерной конкуренции даосизм предлагает ценное философское руководство и практические пути для достижения гармонии и внутреннего покоя.

«Мудрый человек не имеет ничего своего. Божественный человек не имеет заслуг. Духовный человек не имеет имени».

Экологический дух круговой гармонии и сострадания в китайском буддизме

Будда в китайской культуре – это символ буддизма, который пришел из Индии, взаимодействуя с конфуцианством и даосизмом, трансформировался в уникальную китайскую буддийскую культуру. Китайский народ, сохраняя основополагающие учения Будды, с помощью своей уникальной мудрости обогатил и развил этот культурный феномен. Китайский буддизм не является простой копией индийского буддизма, а представляет собой результат творческой адаптации и инновационного развития. Вбирая в себя основные учения индийского буддизма и синтезируя их с традиционными китайскими ценностями, китайский буддизм сформировал уникальную философскую систему [7].

Основные положения буддийского учения выражаются в «Трёх Печатах Закона», которые являются критерием ортодоксальности буддийских учений.

Аничча (непостоянство): все явления изменчивы, ничего не существует вечно.

Анатман (отсутствие Я): нет независимого и постоянного «Я». То, что мы называем «Я», – это лишь совокупность пяти скандх (форма, восприятие, ощущение, воля, сознание). Понятие анатмана разрушает привязанность к себе, помогая устранить эгоцентричное мышление и достичь более высокого уровня духовной свободы.

Нирвана (безмятежность): через практику можно достичь состояния полного освобождения, преодолеть цикл рождения и смерти и обрести окончательный покой [8].

Философский принцип пратисьямутпада (зависимое возникновение) является фундаментом буддийской философии и утверждает, что все явления возникают в зависимости от других и не обладают собственной сущностью.

Зависимое возникновение: все явления возникают в результате взаимозависимых причин. Этот закон объясняет взаимосвязанность всех существ и явлений во Вселенной, побуждая человека осознать свою неразрывную связь с внешним миром.

Пустота (шуньята): поскольку все явления возникают зависимым образом, они не обладают постоянной сущностью, а потому сущностно пусты.

Китайский буддизм уделяет особое внимание духу сострадания и спасению всех живых существ.

Сострадание: любовь и забота ко всем живым существам, стремление помочь им избавиться от страданий.

Спасение всех существ: буддисты стремятся не только к собственному освобождению, но и к спасению всех существ, осуществляя общее освобождение. Это отражает дух Махаяны,

который подчеркивает неразрывную связь между освобождением индивида и всех живых существ.

Китайский буддизм также делает акцент на совершенствовании ума, что наиболее ярко выражено в учениях Чань-буддизма – одной из самых уникальных школ китайского буддизма, пропагандирующей «прямое указание на ум» и «постижение своей природы для обретения состояния Будды». Эта школа учит очищению ума от желаний, устранению беспокойств и избавлению от заблуждений [9].

Буддизм как религия неизменно стремится к освобождению. Китайский буддизм, начиная с доказательства необходимости и возможности освобождения, особо подчеркивает, что все живые существа обладают природой Будды и могут достичь состояния Будды. Благодаря этим учениям китайский буддизм не только предлагает последователям путь к духовной практике, но и предоставляет обществу моральные и этические ориентиры. В процессе своего исторического развития китайский буддизм, взаимодействуя с традиционной китайской культурой, не только обогатил своё философское содержание, но и внёс значительный вклад в процветание китайской культуры.

Конфуцианство, даосизм и китайский буддизм сыграли важнейшую роль в эволюции китайской культуры. Конфуцианство, акцентируя внимание на культуре ритуалов и добродетели, установило моральные основы социальной этики и политического управления, способствуя гармонии и стабильности общества. Даосизм, продвигая философию следования за природой и невмешательства («у-вэй»), обеспечил интеллектуальную поддержку для гармоничного сосуществования человека и природы, снижая воздействие мирской суеты на индивида. Китайский буддизм, через дух сострадания и философскую концепцию взаимозависимого происхождения, не только обогатил личную духовную жизнь, но и предоставил глубокие руководящие принципы в области морали и этики для общества [10]. Эти системы мыслей оказали длительное влияние на древнее общество и продолжают предоставлять ценные интеллектуальные ресурсы и решения для решения сложных вызовов современности. Благодаря глубокому пониманию и интерпретации человеческой природы, социальных отношений, природы и вселенной, они продолжают вести процесс культурного наследия и развития.

Литература

1. Лоу Юйле, Конфуцианство, буддизм и даосизм в китайской культуре. – Издательство исследований буддизма, 2017. – С. 20. (на кит. яз.)
2. Фэн Юлань, Краткая история китайской философии. – Издательство Пекинского университета, 2013. – С. 43. (на кит. яз.)

3. Чэнь Сяоя, Обсуждение концепции ритуалов Конфуция // [Электронный ресурс]. – URL: http://www.jn001.com/paperpc/content/content_46971.html (дата обращения: 05.07.2024). (на кит. яз.)
4. Ли Цзэхоу, Суждения и беседы. – Всемирное книжное издательство, 2019. – С. 214. (на кит. яз.)
5. Чэнь Гуин, Лао-цзы. Примечания и обозрение. – Издательство Чжунхуа, 2009. – С. 109. (на кит. яз.)
6. Чжуанцзы, Внутренний раздел // [Электронный ресурс]. – URL: <https://opentextnn.ru/man/chzhuanczy-vnutrennij-razdel/> (дата обращения: 22.07.2024).
7. Моу Чжунцзянь, Краткая история отношений трех учений: конфуцианства, буддизма и даосизма. – Народное издательство, 2018. – С. 26 (на кит. яз.)
8. Янгутов Л.Е., Традиции Праздника парамита в Китае // [Электронный ресурс]. – URL: https://www.indostan.ru/biblioteka/knigi/2942/4131_1_0.pdf (дата обращения: 18.06.2024).
9. Инь Шунь, История китайской школы Чань. – Народное издательство Цзянси, 2007. – С. 324. (на кит. яз.)
10. Хун Сюпин, Исследование взаимосвязи трех учений Конфуцианства, Буддизма и Даосизма в Китае. – Издательство китайских социальных наук, 2011. – С. 119. (на кит. яз.)

IMPLEMENTATION OF THE IDEAS OF THE PHILOSOPHICAL SYSTEMS OF CONFUCIANISM, BUDDHISM AND TAOISM IN CHINESE CULTURE

Wang Lin
Heilongjiang University

This article discusses the core concepts of the three major ideological systems of Confucianism, Taoism and Chinese Buddhism and their integration and development in Chinese culture. Confucianism inherited and developed the humanistic tradition of the Yin and Zhou dynasties, rebuilt the ritual and music civilization based on virtue ethics, and laid the foundation for the mainstream Chinese thought. Taoism takes «Tao follows nature» as its core, emphasizes inaction, tranquility and desirelessness, and the victory of softness over strength, and advocates harmonious coexistence between man and nature. Chinese Buddhism absorbs the core teachings of Indian Buddhism and combines it with Chinese traditional culture to develop a unique ideological system that emphasizes the Three Dharma Seals, dependent origination and emptiness, and compassion and universal salvation. This article analyzes the main viewpoints of these thoughts, reveals their important significance in history and modern society, and explores their mutual influence and integration, which constitute the unique characteristics of Chinese culture.

Keywords: Confucianism; Taoism; Chinese Buddhism; benevolence and etiquette; inaction.

References

1. Lou Yulie, Confucianism, Buddhism, and Taoism in Chinese Culture. – Buddhist Studies Press, 2017. – P. 20. (in Chinese)
2. Feng Youlan, A Brief History of Chinese Philosophy. – Peking University Press, 2013. – P. 43. (in Chinese)
3. Chen Xiaoxia, Discussion of Confucius's Concept of Rituals // [Electronic resource]. – URL: http://www.jn001.com/paperpc/content/content_46971.html (date of access: 05.07.2024). (in Chinese)

4. Li Zehou, Judgments and Conversations. – World Book Publishing House, 2019. – P. 214. (in Chinese)
5. Chen Guin, Lao Tzu. Notes and Review. – Zhonghua Publishing House, 2009. – P. 109. (in Chinese)
6. Zhuangzi, Inner Section // [Electronic resource]. – URL: <https://opentextnn.ru/man/chzhuan-czy-vnutrennij-razdel/> (date of access: 22.07.2024).
7. Mou Zhongjian, A Brief History of the Relationships of the Three Teachings: Confucianism, Buddhism and Taoism. – People's Publishing House, 2018. – P. 26 (in Chinese)
8. Yangutov L.E., Prajnaparamita Traditions in China // [Electronic resource]. – URL: https://www.indostan.ru/biblioteka/knigi/2942/4131_1_o.pdf (date of access: 18.06.2024).
9. Yin Shun, History of the Chinese Chan School. – Jiangxi People's Publishing House, 2007. – P. 324. (in Chinese)
10. Hong Xiuping, A Study of the Relationship between the Three Teachings of Confucianism, Buddhism and Taoism in China. – Chinese Social Sciences Publishing House, 2011. – P. 119. (in Chinese)

Византизм, культура евразийского социума и духовные ценности современности: социально-философский аспект

Елдин Михаил Александрович,

профессор кафедры философии, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева

Захаров Алексей Владимирович,

аспирант кафедры философии, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева

Кидямкин Алексей Анатольевич,

аспирант кафедры философии, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева

Цель статьи – рассмотреть тот факт, что духовный кризис и крах религиозных духовных ценностей являлся невосполнимой утратой для многих евразийских социумов. Но в конце XX века началось их возрождение в России. Научный интерес к ним возрос. В этом мы видим необходимость рассмотреть их в своей статье.

Именно в византийской традиции можно было наблюдать распространение как естественно-регенерационной (восстановительной) парадигмы социального единства, так и жесткий систематизирующий подход с явно консервативными тенденциями. Притом консерватизм бывает многовариантным в этом плане. Таким образом, в качестве составной части системы ценностей, рассмотрен уровень ценностей человеческой цивилизации, включенный в систему ценностей российского общества, рассмотрена взаимосвязь традиций и инноваций в нем. Выявлены основные научные направления, оказывающие решающее влияние на устойчивое развитие цивилизации. Для эффективной реализации ценностей данного уровня необходимо принятие совместных решений на международном уровне при использовании выделенных механизмов.

Ключевые слова: религиозность, культурные традиции, социум, российская философия, Евразия, интеграция.

В условиях современных межцивилизационных противоречий очень важно проследить динамику и специфику развития этнокультурных традиций евразийского социума. К сожалению, сегодняшние молодые поколения утверждают свой религиозно-мировоззренческий статус как агностический. В этом варианте познавательный процесс замыкается в агностицизме, что в религиозном смысле равняется атеистическому мировоззрению.

На развитие всех направлений культуры царской России стержневое влияние оказывало православие, которое вместе с самодержавием и народностью составляло национальную идею Российской империи. Именно православие изначально заложило своеобразный духовно богатый образ русской культуры. В основе православной культуры лежали традиции Византии. Но своеобразный путь развития России сформировал ее особый культурно-исторический облик. В процессе исторического развития культура России испытала влияние Востока (сначала Золотой Орды, затем частично Османской империи и ряда восточных государств), веяний Запада (особенно, начиная со времен Петра I ее светский облик был сформирован под непосредственным воздействием моды стран Запада). Но вобрав в себя многообразные культурные тенденции, российская культура обогащалась на основе своего пути развития и в соответствии с российскими традициями. До XVIII века во многих сферах общественной жизни преобладал этот исконно русский стиль, пропитанный православной духовностью и связанными с ней ценностями. В живописи это проявлялось в технике парсуны, в портрете и иконописи. С помощью великих святых образов духовные ценности православия приобретали визуальную воспринимаемую форму и глубокий сакральный символический смысл [3].

Укажем на тот факт, что благодаря творчеству человек выражает свое осмысление реальности и видение того результата, который нужно достичь. Творчество конструктивно, оно приводит к развитию культуры, т.к. в процессе творчества совершаются достижения человеческой мысли. Эти достижения неразрывно связаны с культурой общества, историей этносов и народов [2]. И как верно замечает Э.С. Кульпин: «Элита Золотой Орды связана дальнейшую эволюцию своей культуры с народами ислама» [4, с. 77] и эта ориентация оказалась судьбоносной

Также очень часто символизм традиции в средневековой культуре и философии приводил к полифункциональности наследия. Символизм здесь может мыслиться вне всякого соотношения с сущностью, как условный, конвенционально принятый знак, *flatus vocis* – пустой звук и колебание голоса, бессмысленное и случайное сочетание фонетических форм, выражаемых в случайном сочетании букв. Эстафету по наполненности культурного содержания социального символизма бытия человека в новейшее время наполняет наука и научное мировоззрение.

В научном знании органично соединились традиции и культуры евразийских государств [3]. Благодаря доверию населения к государству происходит организованная деятельность граждан во всех отраслях.

В государстве сферы общества функционируют во взаимосвязи. Для благополучного развития российского общества осуществляется государственное, региональное и местное управление во всех структурных подразделениях сфер общества. Для оптимального функционирования всех сфер общественной жизни необходимо обеспечить реализацию системы ценностей в процессе осуществления деятельности, а также взаимосвязь традиционного и инновационного в общественном развитии. Реализация системы ценностей должна опираться на распределение функций и задач между участниками и подразделениями общественной деятельности на всех уровнях структуры общества. При выполнении этих условий произойдет оптимальная реализация ценностей государства, обеспечение благополучия населения и прогрессивное развитие общества. Современным ученым В.М. Межуевым верно подмечено, что «обычно «своей культурой» называют ту, с которой человек связан своим происхождением, местом проживания, воспитанием, языком, на котором говорит и мыслит, традициями, сохраняющимися в его памяти» [5, с. 150].

Таким образом, была представлена концептуальная позиция формирования гармонии системы ценностей в современном российском обществе. Она включает в себя ряд механизмов: *государство, право, экономику, доверие между государством и гражданами, науку, образование, культуру, диалог культур, творческую реализацию личности*. Если все эти механизмы будут осуществляться во взаимосвязи, учитывать интересы граждан и духовные ценности, то это приведет к приближению гармонии системы ценностей российского общества и благополучию населения и государства. В России созданы необходимые условия для реализации такой модели, основанной на соответствующих механизмах. К настоящему времени наукой накоплен богатый материал о ценностях, их развитии и реализации. Все это открывает большие перспективы для дальнейшего развития России, ее культуры в конструктивном взаимодей-

ствии и сотрудничестве с культурами всех народов и государств.

Духовные ценности человеческой цивилизации необходимы для существования и развития всего комплекса диалоговых отношений евразийских народов. Эта позиция выражает изначальную бытийственную интуицию русской философии, которая определяет этический и метафизический пафос отечественной философской традиции и присутствует в жизни человека с младенчества [1, с. 90].

Усложнение форм этнокультурного взаимодействия позволяет (по К.Н. Леонтьеву) укрепить устойчивость развития религиозных и нравственных начал социальной системы. Постепенно этос имперского сознания на территории бывшей российской империи совмещался в XX столетии с пониманием солидарности и интернационализма культур Евразии. Сегодня указанный процесс утверждается тезисом о российском этнокультурном солидаризме и интегративности.

Кризис культуры в конце XIX – начале XX века ощущали многие мыслители: Ф. Ницше, В.И. Ленин, В.С. Соловьев, Н.А. Бердяев, Л.Н. Толстой, П.А. Флоренский. Все искали пути разрешения кризиса, так как он мог привести к катастрофе. И она действительно разразилась. Первая мировая война в самой культурной части земного шара, в Европе.

Что же предлагали мыслители? В.И. Ленин и предлагал, и действовал так, чтобы превратить мировую войну в гражданские войны в странах Европы и Азии, начать Мировую революцию. Это был путь усиления катастрофы. Россия пошла по этому пути.

Но религиозные мыслители искали иные пути. В.С. Соловьев призывал к единению религий, к всеединству, к оправданию добра, но не был убежден в том, что его услышат на вершинах власти и совести. Н.А. Бердяев, Л.И. Шестов, Д.С. Мережковский ратовали за обновление религиозного сознания и за свободу духа, понимая ее как самую глубокую сущность человека, дарованную ему Богом.

Л.Н. Толстой призывал к непротивлению злу насилием и к тому, чтобы образумить и царя, и народ, и религиозную жизнь. Но за эти идеи был отлучен от Церкви. Но сам решил пойти в народ, показать пример духовного подвига и благородства. И не один Л.Н. Толстой в России начала XX века был гениальным писателем и религиозным мыслителем. Были и нерелигиозные деятели культуры. Поэт Велимир Хлебников называл их будетлянами, а они называли себя футуристами. В. Хлебников предсказал гибель Российской империи в 1917 году, В.В. Маяковский предвидел, как в терновом венке революции грядет XX век.

Положение в экономике и в системе формирующихся ценностей личности осложнялось наличием платного образования на всех ступенях обуче-

ния, что ограничивало наличие квалифицированных кадров. Качество образования было высоким, но доступ к нему был несколько ограничен. Культуру регионов развивали деятели культуры, экономики, промышленности. Личность, как и во все времена, занимала ключевую роль в жизни общества, в ней пересекались ценности всех уровней общества, и каждая личность выполняла определенную значимую роль в обществе.

На формирование системы духовных ценностей в производственной сфере существенное влияние оказали определенные факторы. В частности, в российском производстве произошло развитие, что являлось следствием промышленного переворота в XIX веке. Он охватил зарубежные страны и Россию. Проявлялся в интенсивном развитии науки и внедрении научно-технических достижений в производство. В России работали заводы, стали производиться паровозы, пароходы, различные виды машин. Строительство Транссибирской железнодорожной магистрали (историческое название – Великий Сибирский Путь), начатое в 1891 году с указа императора, существенно ускорило промышленное и экономическое развитие, создало необходимые условия для целостного функционирования хозяйства страны в различных ее регионах. Но улучшение наукоемкости производственных процессов, внедрение новых технологий вступали в противоречие с уровнем жизни и быта пролетариата – класса рабочих. Уровень зарплаты рабочих заводов был минимален, а также объем отработанного времени был ненормирован. Также уровень образования рабочих был низкий, т.к. доступ к образованию был ограничен у населения из-за платного обучения [4].

В сфере культуры ценности играют определяющую роль в сохранении и приумножении культурного наследия. Ценности определяют смысловые ориентиры произведений и все ценное, накопленное в творчестве представителей культур народов. Для функционирования и развития культуры на международном уровне необходимо обеспечить продуктивное сотрудничество между государствами, в процессе которого будут активно реализовываться духовные ценности. Сотрудничеству по сохранению достижений культуры способствует деятельность международных организаций, в т.ч. СНГ, ШОС и др. При организации стран СНГ осуществляется деятельность государств, в результате которой преодолеваются многие проблемы, связанные с культурой. Успешно решаются вопросы по реставрации памятников архитектуры и культуры, приданию им международного статуса объектов культурного наследия, осуществляется организация просвещения населения по актуальным вопросам культуры, создаются условия для творческого развития коллективов различных направлений культуры: театра, музыки, архитектуры, литературы и др.

Для продуктивной деятельности необходима взаимосвязь традиционного и инновационного в процессе творчества, и совместного труда. Эта взаимосвязь осуществляется при помощи объединяющей традиции и инновации роли духовных ценностей в процессе деятельности [4]. Изначально православные традиции евразийской общности были характерны для византийской цивилизации. Важным аспектом утверждения указанной традиции в полиэтничной среде Поволжья, например, была проповедь византийских миссионеров. Византист С.А. Иванов отмечает, что: «О греческом православии в Золотой Орде данных у нас не очень много. В 1261 г. в столице этого государства была основа епископия, получившая наименование «сарайская и переяславская, на которую русский митрополит Кирилл поставил Митрофана» [3, с. 284].

В развитой форме религиозные организации представляют собой сложный социальный институт, какой является РПЦ на постсоветской территории. В церковь ходят сейчас все слои населения, представители многих профессий. Церковь и духовные основы общества проникли во все сферы общества, несмотря на то, что начался век постиндустриального развития с главенством информационных технологий. Вера в сердцах россиян продолжает оставаться важнейшей гуманистической и социокультурной ценностью, прошедшей испытание веков.

Человек в атмосфере духовных ценностей обретает душевное спокойствие благодаря организации своей жизни согласно ее смыслу. Если рассмотреть творческую деятельность любого человека во взаимосвязи с обществом, то ценности, осознанные творческими людьми, воплощаются в виде продуктов их деятельности – общественных достижений [3]. Вклад, который человек вносит в общество, лично значим для него и для общества. У каждого человека свой путь, талант, призванный вносить в общество неповторимый вклад. Личность со своими талантами включена с помощью духовных ценностей в сложную саморазвивающуюся систему культуры, достижений общества. В этом проявляется идея всеединства В.С. Соловьева [5].

Для общества важен каждый человек. Важно, чтобы личность с помощью духовных ценностей выбрала свой путь, реализовалась в обществе. Вл. Соловьев понимал, что для успешной реализации личности важно осуществление взаимодействия ее с обществом, основываясь на осознании человеком смысла бытия и закономерностей оптимального социального взаимодействия. При этом он исходил из идей русской философской мысли начала XX века.

Такие ценности, как истина, добро, красота, справедливость, любовь, которые помогают личности и обществу осуществить функционирование общественных отношений на основе взаимодей-

ствия глубоко осмыслили Н.А. Бердяев, Н.О. Лосский, Л.Н. Толстой и другие мыслители XX века. Их идеи помогают понять значение духовных ценностей в реальной жизни людей. Не все идеи этих мыслителей выдержали испытание временем. Но их значение в том, что они помогли нам перейти от классового подхода к общечеловеческому пониманию ценностей.

Социальная философия XXI века играет важнейшую роль в формировании и развитии системы духовных ценностей общества. На основе ее достижений происходит регулирование и управление развитием общества в результате внедрения в жизнь механизмов по формированию и реализации системы духовных ценностей [6]. Международный Философский конгресс в Стамбуле в октябре 2005 года показал, что социальная философия обогатилась идеями диалогизма, создавшего социальную синергетику.

Система образования очень важна для сохранения, реализации и приумножения духовных ценностей, поскольку обеспечивает преемственность ценностей в ряду поколений. Российское образование активно сохраняет и приумножает духовные ценности культуры каждого народа. Система духовных ценностей культуры народов России активно передается от поколения к поколению с помощью образования. Это очень важно, поскольку знания о культуре закладывают основу для дальнейшего ее развития [1].

В начале XX века в России религиозное сознание переживало глубокий кризис. В начале он проявился в виде сектантства и упадка веры в рядах интеллигенции. Небывалым событием стало отлучение от церкви великого писателя Л.Н. Толстого.

А после Октябрьской революции само государство и его правящая партия повели беспощадную борьбу с религией. Духовные и материальные ценности русской Церкви оказались в состоянии упадка и разорения. Храмы закрывались, иконы и другие святыни порой уничтожались, религиозные деятели подвергались арестам, суду, а в 1937 году многие из них были расстреляны. Современная культура образована на основе достижений и ценностей культур прошлых исторических периодов. При взаимодействии культур и ценностей предыдущих эпох с современными реалиями, образуется и раскрывается во всем своем многообразии современная культура, наполненная смыслом воплощенных в ней духовных ценностей. Взаимодействие стран проявляется в деятельности международных организаций. Важна выработка в общественном сознании ценностного подхода по решению актуальных задач современности [2].

Во-первых, необходима правовая и политическая просвещенность граждан, но, одновременно, воспитание политической и культурной ответственной личности, способной правильно и грамотно использовать эти знания есть залог сохра-

нения стабильного развития современного социума.

Во-вторых, в современном региональной системе бытия общества важна солидарность социума, поскольку она является важнейшей вечной ценностью, неразрывно связанной с человечностью, душевностью и является неотъемлемой частью мировоззрения современного человека.

В-третьих, необходимо дальнейшее институциональное оформление православно-просветительских программ по социальной адаптации молодежи в российских регионах.

В-четвертых, важно в контексте укрепления православных общероссийских культурно-образовательных тенденций укреплять и роль свободного и ответственного творчества россиян. Христианин и сегодня воспринимает мир как рациональное творение Бога, как воплощение его божественного замысла, что никак не может иметь неорганизованный, иррациональный характер.

И конечно, еще не поставлена точка в вопросе места и роли философии России не только в контексте не только всей русской, но и мировой философии, так как его вклад в науку, а вернее будет сказать в различные науки, поистине уникален и по своей фундаментальности сравним с творениями великих мировых научных деятелей.

Важно определить системный подход к истокам духовного наследия российского социума в условиях современных цивилизационных вызовов. Для динамичного развития структуры духовных ценностей необходимо осуществление взаимосвязи традиций и инноваций. Традиции представляют собой установленные правила поведения, а также совершенные в прошлом открытия.

Литература

1. Бычков В. В. 2000 христианской культуры. sub specie aesthetica. В 2-х ТТ., т. 2. Славянский мир. Древняя Русь. Россия. – М.: СПб.: Университетская книга, 1999. – 527 с.
2. Елдин М.А. Философские проблемы взаимодействия духовных традиций российских народов в Средневолжье / М.А. Елдин // Историко-культурные аспекты развития полиэтничных регионов России: мат-лы X Сафаргалиевских науч. чтений / МГУ им. Н.П. Огарева; [отв. ред. Н.М. Арсентьев]. Саранск: Тип. «Красн. Окт.», 2006. – С. 293.
3. Иванов С.А. Византийское миссионерство. Можно ли сделать из варвара христианина? / С.А. Иванов. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 376 с.
4. Кульпин Э.С. Золотая Орда: судьбы поколений / Предисловие М.А. Усманова. Изд.2-е., доп. / Э.С. Кульпин. – М.: Книжный дом «Либроком», 2011. – 192 с.
5. Межуев В.М. Культура как предмет философского знания. // В диапазоне гуманитарного

знания. Серия «Мыслители», Выпуск 4. / Сборник к 80-летию профессора М.С. Кагана. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. – С. 150.

BYZANTINISM, THE CULTURE OF THE EURASIAN SOCIETY AND THE SPIRITUAL VALUES OF MODERNITY: THE SOCIO-PHILOSOPHICAL ASPECT

Eldin M.A., Zakharov A.V., Kidyamkin A.A.

National Research Mordovian State University named after N.P. Ogarev

The purpose of the article is to consider the fact that the spiritual crisis and the collapse of religious spiritual values was an irreparable loss for many Eurasian societies. But at the end of the XX century, their revival began in Russia. Scientific interest in them has increased. This is why we see the need to consider them in our article. It was in the Byzantine tradition that one could observe the spread of both the naturally regenerative (restorative) paradigm of social unity and a rigid systematizing approach with clearly conservative tendencies. Moreover, conservatism can be multivariate in this regard. Thus, as an integral part of the value system, the level of values of human civilization included in the value system of Russian society is considered, the interrelation of traditions and innovations in it is considered. The main scientific directions that have a decisive impact on the sustainable development of civilization are identified. For the effective realization of the values of this level, it is necessary to make joint decisions

Keywords: religiosity, cultural traditions, society, Russian philosophy, Eurasia, integration.

References

1. Bychkov V. V. 2000 Christian culture. sub specie aesthetica. In 2 TT., v. 2. Slavic world. Ancient Rus'. Russia. – M.: SPb.: University book, 1999. – 527 p.
2. El'din M.A. Philosophical problems of interaction of spiritual traditions of Russian peoples in the Middle Volga region / M.A. El'din // Historical and cultural aspects of the development of multiethnic regions of Russia: materials of the 10th Safargaliev scientific readings / Moscow State University named after N.P. Ogarev; [ed. N.M. Arsentiev]. – Saransk: Type. "Krasn. Okt.", 2006. – P. 293.
3. Ivanov S.A. Byzantine missionary work. Is it possible to make a Christian out of a barbarian? / S.A. Ivanov. – M.: Languages of Slavic Culture, 2003. – 376 p.
4. Kulpin E.S. Golden Horde: Fates of Generations / Preface by M.A. Usmanov. 2nd ed., suppl. / E.S. Kulpin. – M.: Book House "Librokom", 2011. – 192 p.
5. Mezhuev V.M. Culture as a Subject of Philosophical Knowledge. // In the Range of Humanitarian Knowledge. Series "Thinkers", Issue 4. / Collection for the 80th Anniversary of Professor M.S. Kagan. – St. Petersburg: St. Petersburg Philosophical Society, 2001. – P. 150.

Эволюция представлений о феномене «совесть» в православном богословии I–IV вв.

Емелькина Ирина Владимировна,

д.ф.н., доцент, профессор кафедры философии ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва», профессор кафедры гуманитарных наук религиозной организации ДОО ВО «Саранская духовная семинария Саранской и Мордовской епархии Русской православной церкви»
E-mail: zagirina71@yandex.ru

Мочалов Евгений Владимирович,

д.ф.н., профессор, заведующий кафедрой философии ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва», профессор кафедры гуманитарных наук религиозной организации ДОО ВО «Саранская духовная семинария Саранской и Мордовской епархии Русской православной церкви»
E-mail: mochalov_ev@mail.ru

Цель статьи – теоретический анализ представлений о феномене «совесть» в православном богословии I–IV вв., систематизация основных теорий, содержащихся в «Добротолубии», выявление аксиологической ценности суждений о феномене «совесть» сквозь призму этико-богословской системы «Добротолубия».

Решение исследовательских задач обеспечивалось комплексом взаимодополняющих теоретических и эмпирических методов. В ходе работы применялись: анализ сборника аскетических произведений «Добротолубия» и систематизация экзегетического святоотеческого наследия, методы сравнения, классификации, обобщения, синтеза полученных сведений.

В работе проанализированы различные источники философского, духовно-нравственного и богословского содержания по проблематике совести в различных культурах. Сделан ряд предварительных замечаний, касающихся исторически сложившихся концепций, по-разному определяющих это многогранное явление. Авторы текстов, вошедших в «Добротолубие», не только раскрывают суть феномена, но и процесс его формирования. Они говорят о необходимости совершенствования совести, о стремлении к её чистоте через испытание, стыд и покаяние. Объединяющей идеей рассуждений разных авторов является мысль о том, что совесть – духовный фундамент общечеловеческой нравственности.

Ключевые слова: феномен, совесть, добро, зло, Божественный глас, категория, нравственное сознание, православие, традиция.

Вопрос изучения природы человеческой совести считается одним из сложных. Совесть, пожалуй, самый загадочный и труднообъяснимый феномен в духовной организации человека. Несмотря на это, изучение феномена совести в науке имеет огромное значение, так как совесть выполняет центральную регулятивную роль в поведении человека и осознании им мотивов и последствий своих поступков. Совесть – это некий духовный критерий, позволяющий человеку различать понятия добра и зла и делать правильный выбор между ними. По своему жизненному опыту каждый человек знает, что совесть – это некий «внутренний камертон».

В Библии говорится о том, что Бог, сотворив человека «начертал Свой образ и подобие» в глубине его души (Быт. 1:26), даровал ему Свой «Божественный глас», именуемый совестью. Это закон духовный, действующий во всех людях.

Феномен совести, его становление и эволюция уже на протяжении нескольких столетий интересуют многих мыслителей. Философов, богословов, этиков, ученых, занимающихся важнейшими вопросами существования человечества. Имеются различные взгляды на это явление, но в научных кругах по сей день расходятся во мнениях относительно его сущности.

Для нас актуально изучение феномена совести в аспекте религиозно – философской мысли в произведениях святоотеческой литературы, в частности текстах «Добротолубия» [1], которые позволяют проследить эволюцию совести как нравственной категории и внутреннего регулятора поступков человека с момента зарождения христианства.

Феномен совести в истории науки описывался неоднократно.

Данной проблеме посвятили свои труды многие античные философы [2]. Именно в их сочинениях впервые обозначена этическая роль совести и принципы её функционирования.

В Ветхом Завете проблема совести ещё скрыта и неявна, но содержащиеся в нём наиважнейшие аспекты стали точкой опоры и подготовили благодатную почву для богословов и философов будущих эпох в интерпретации данной проблематики.

Позднее античные и ветхозаветные представления о совести были освоены и истолкованы авторами новозаветных книг. Понятие совести в Новом Завете подробно изложено апостолом Павлом, которого по праву считают богословом сове-

сти. В своем учении апостол истолковывает значение совести, веры, любви, благодати Святого Духа в жизни человека в их взаимосвязи.

Особенно стоит отметить значимость монашеско-аскетической литературы, в частности, собрание текстов «Добротолубия», содержащей в себе суждения святых отцов о различных состояниях совести, о её роли в духовной жизни, о связи с верой и молитвой.

Выдающиеся русские религиозные мыслители В.С. Соловьев, С.Л. Франк, Н.А. Бердяев, Н.О. Лосский представляли совесть в качестве духовного ядра личности.

Следует отметить, что в дореволюционной богословской науке изучению феномена было посвящено немало работ, которые не утратили своей значимости и по настоящее время. Среди опубликованных в то время авторов следует отметить о. Дмитрия Фаворского, К.Д. Попова, А.И. Лепорского, Н.С. Стеллецкого, митр. Питирима.

К сожалению, в советское время мало кто из богословов обращался к изучению настоящего вопроса. Среди немногочисленных ученых, наиболее известны имена С. Параклиса, А. Станько, М. Беспалова.

Тема совести более широко представлена в западноевропейской религиозно – философской мысли уже начиная с X–XVIII вв. трудами Б. Спинозы, Дж. Локка, И. Канта, Г. Гегеля. В области психологии теориями З. Фрейда, К. Юнга, Э. Фромма, В. Франкла.

Заслуживают особого внимания отдельные современные исследования совести, написанные на основе религиозно-этического подхода.

С точки зрения психологии и нравственного богословия изучал феномен совести иерей С. Домусчи, опираясь при этом на тексты древневосточных и античных авторов, тексты Талмуда и ветхозаветные тексты на иврите, а также произведения Ф. Александрийского, И. Флавия.

М.В. Рукавишникова в своих работах рассматривает феномен совести сквозь призму текстов Библии, памятников аскетической письменности.

Однако следует отметить, что в настоящее время число исследований, которые в полной мере раскрыли бы глубинное содержание понятия совесть в «Добротолубии» весьма незначительно.

Совесть – важнейшая этическая категория. Этим понятием пользуются писатели и поэты, политики и журналисты, преподаватели и юристы, моралисты и философы, наделяя его самыми разными и даже противоположными значениями.

Проблема определения совести – одна из самых трудных. В словарях, энциклопедиях и справочниках даются различные определения термина совесть.

Совесть понимается как «чувство нравственной ответственности за свое поведение перед окружающими людьми, обществом» [3, с. 738] или «нравственное сознание, нравственное чутье, чув-

ство в человеке; внутреннее сознание добра или зла; тайник души, в котором отзывается одобрение или осуждение каждого поступка; способность распознавать качество поступка; чувство, побуждающее к истине и добру, отвращающее от лжи и зла; невольная любовь к добру и к истине; природная правда, в различной степени развития» [4].

В «Большом энциклопедическом словаре» «совесть определяется как «...понятие морального сознания внутренняя убежденность в том, что является добром и злом, осознанием нравственной ответственности за свое поведение. Совесть – выражение способности личности осуществлять нравственный самоконтроль, самостоятельно формулировать для себя нравственные обязанности, требовать их выполнения и производить самооценку совершаемых поступков» [5].

Уже на протяжении нескольких веков феномен совести является объектом изучения ученых – мыслителей, занимающихся важнейшими проблемами существования человека и ищущих пути и способы их решения. Вопрос этот имеет многовековую историю, а сам процесс зарождения совести восходит к началу человеческого рода.

Обратимся к эволюции представлений о совести, опираясь на древнее, античное, библейское, новозаветное и святоотеческое толкование.

Рассуждения о совести и её значении встречаются уже в древних культурах. Так, в месопотамской цивилизации религия, по мнению ученых, больше тяготела к магии, в которой важнее было соблюдение внешних ритуалов, нежели обращение к внутреннему миру человека. Жизнь вавилонян и шумеров не была исполнена высокого смысла, а полностью была подчинена служению богам, их почитанию, преклонению и, главным образом, жертвоприношению. Конечно, и представления о добре и зле исходили из их религиозной картины мира. Исследования показывают, что в месопотамской культуре отсутствовало слово «совесть», а данному понятию были эквивалентны слова «сердце», «печень» и даже «почки». Считалось, что человек без вмешательства богов не может отличить добро и зло, а, как известно, языческие боги могли быть и добрыми, и злыми. Поэтому и нравственная картина языческого мира была неоднозначна. В то же время в сонме божеств уже существовали боги, испытывавшие сердце на доброе и злое, например, богиня Нанше, что указывает всего лишь на существование неявных, опосредованных представлений о совести у древних месопотамцев. Развитой нравственности, в том числе и совести, в месопотамской цивилизации не было.

В отличие от Месопотамии, в Древнем Египте уже знали о некой обличающей силе, сокрытой в сердце человека, одобряющей или осуждающей его поступки и обязывающей к повиновению. Расшифрованные в конце XIX – в начале XX века ие-

роглифы свидетельствуют не только о развитой египетской культуре, но и о высоконравственной религии, в которой наряду с понятием «совесть» существовал божественный закон мироздания, соблюдать который обязаны были не только люди, но и боги.

Как видим, представления о совести в месопотамской и египетской культуре существенно различаются. Если в месопотамской цивилизации человек, сам не являясь источником нравственности, обязан соблюдать некие заповеди, то у древних египтян именно сердце становится источником нравственности.

У Древних греков совесть «стыд перед самим собой и страх перед божеством» [7, с. 63]. Вполне естественно, что уже в древнегреческой трагедии, к примеру, в произведениях Гомера [8] и Эсхила, мы находим множество примеров внутренних мук героев из-за осознания своих проступков или грехов, что, несомненно, является проявлениями совести.

Античный человек, совершивший неблагоприятный поступок, стыдился, прежде всего, не себя, а других, при этом он боялся потерять свое лицо, свое достоинство в глазах окружающих, но не испытывал раскаяния в совершенном поступке. Считается, что именно чувства стыда, страха и вины выступают прообразом совести, возникшего в античности. Само учение о совести появилось одновременно с зарождением христианства.

В Священном Писании Ветхого Завета мы не найдем понятия «совесть». Одни ученые объясняют этот факт особенностями древнееврейского языка, в котором отсутствовало слово «совесть», но, возможно, были понятия, тождественные ему. Другие говорят, что в нём и не было необходимости, поскольку ветхозаветный человек в своей жизни строго следовал Божьим заповедям и держал ответ за свои поступки перед лицом Господа.

Отсутствие термина «совесть» не означало отсутствие в ветхозаветной традиции обобщенного морального опыта, связанного с совестью. Выразился он словом «сердце» и означал человека, сотворенного Богом, знающего Бога и Его Завет. Вся жизнь ветхозаветного человека была подчинена Завету и обусловлена обязательным его соблюдением. Ветхозаветная совесть расценивалась, как глас Божий и была тесно связана с понятиями Божьей правды и Божьего суда. Жить по законам Божьим, соблюдая Его заповеди, означало иметь совесть чистую, непогрешимую, что непременно должно привести к примирению с Богом и к обретению мира в собственной душе.

В Новом Завете, как и в Ветхом, слово совесть нам не встречается. Даже при отсутствии слова «совесть», в Новом Завете имеются множественные косвенные примеры ее проявления.

В текстах Нового Завета сталкиваемся с тем, что Иисус Христос и апостолы, говоря о совести, используют не только слово «сердце».

Христос в Своей Нагорной проповеди называет совесть Светильником и Оком (Мф. 6–22). Таким божественным Оком наделен каждый человек, что позволяет считать нас богоподобными. И Господь призывает нас блюсти чистоту своего божественного Ока, иначе голос совести зазвучит в нас тише или же и вовсе замолчит. Совесть – это и есть Светильник, который не дает покоя человеку, заставляет снова и снова возвращаться к совершенному им поступку и анализировать его. Для неё не существует авторитетов и материальных ценностей, но при этом только она способна побудить человека к пониманию, сопереживанию и состраданию к ближнему. Человеку, признавшему свою ошибку или грех и покаявшемуся в нем, Светильник вновь освещает путь к радости и счастью. И нет для согрешившего человека большего облегчения, чем покаяние, отпущение грехов и успокоение совести. Желанное облегчение и истинное счастье приобретает грешник, получивший отпущение грехов и успокоивший тем свою совесть. Подобных примеров во множестве находим мы в Евангелии. Вспомним грешницу в доме Матфея, с благодарностью омывшую ноги Христа своими слезами и отершими их своими волосами (Лк. 7:38).

Понятие совести в Новом Завете весьма полно изложено апостолом Павлом, которого по праву считают богословом совести. В его Посланиях слово «совесть» – «синидисис» употреблено около тридцати раз. Существует мнение, что это понятие апостолом позаимствовано у стоиков, не разделявших нравственное сознание человека и голос бога. Именно апостол Павел переосмыслил стоическое понятие о совести, наделив его новым, богатым содержанием и выявив «богооткровенный» характер совести как «закона, вложенного Богом в каждого человека» [9]. В соответствии с представлениями апостола, Бог, сотворив человека, даровал ему нравственные заповеди, на которые он должен ориентироваться, одарил голосом внутреннего мира – голосом совести, способным обличать или оправдывать его на пути нравственных решений. И этот нравственный закон, эта норма заложена в каждом человеке, даже и в язычнике, с самого его рождения и позволяет ему различать доброе и злое, правое и неправое, является непреложным мерилем всех его поступков. «Не слушатели закона праведны пред Богом, но исполнители закона оправданы будут, ибо, когда язычники, не имеющие закона, по природе законное делают, то, не имея закона, они сами себе закон: они показывают, что дело закона у них написано в сердцах, о чем свидетельствует совесть и мысли их, то обвиняющие, то оправдывающие одна другую, – в день, когда, по благовествованию моему, Бог будет судить тайные дела человеков через Иисуса Христа» (Рим. 2:13–16).

В своем учении апостол Павел весьма много и подробно рассуждает о совести. Наиболее ярким примером служит описание ситуации, случившейся-

ся в Коринфской церкви. В Коринфе были люди, не боящиеся вкушать пищу, приносимую в жертву идолам, чем смущали немощную коринфскую братию. Немощными апостол называет этих людей потому, что они еще верят в идолов и боятся якобы существующих за ними существ. Поэтому их смущает принятие христианами идоложертвенной пищи. Христианин не совершает греха в принятии таковой пищи. Немощный брат же считает это греховным, к тому же он и сам может впасть в грех, видя, как это делают христиане, поступая так же. Этим апостол Павел научает, что человек, поступающий согласно своей совести, должен позаботиться и о спасении своего ближнего, своего немощного брата.

«Дух же ясно говорит, что в последние времена отступят некоторые от веры, внимая духам обольстителям и учениям бесовским, через лицемерие лжесловесников, сожженных в совести своей, запрещающих вступать в брак и употреблять в пищу то, что Бог сотворил, дабы верные и познавшие истину вкушали с благодарением» (1Тим. 4:1–3).

Апостол Павел, с одной стороны, называет грешников, совесть которых выжжена их грехами и никоим образом себя уже не обнаруживает «лжесловесниками». С другой стороны, трудно узреть в этих лжесловесниках грешников с сожженной совестью, ибо они запрещают есть мясо, вступать в брак и очень строги в соблюдении христианских религиозных принципов. Их грех заключается в ложной праведности, за что и названы апостолом лицемерами.

Так же апостол в своем учении говорит о «совести благой, доброй, прекрасной, чистой, непорочной» (Деян. 24:16; Деян. 23:1; 1Петр.3:16–21; 1Тим. 1:5; 1Тим. 3:9; 2Тим. 1:3; Евр. 13:18), а также немощной, оскверненной, заблуждающейся, а порой, по причине греховного искажения, даже порочной и лукавой (1 Кор. 8:7–13; Тит. 1:15; Евр. (10:22)» [10, с. 14].

Апостол Павел обращает внимание на то, что духовный рост христианина зиждется только на его вере и чистой совести (1Тим. 1:19). Примечательно, что именно в учении апостола Павла мы впервые встречаемся с представлением о чистоте человеческой совести. В Ветхом Завете, а тем более в античной и месопотамской цивилизациях, его не было. Сам же апостол говорит: «Мое сердце ни в чём меня не обличает» (1 Кор.4:3), «совесть моя не обличает меня ни в чём» (1 Кор.4:4). В этом контексте важным является пояснение, касающееся чистоты совести, которую он стяжает потому, что крещен. По апостолу Павлу, чистота совести – это дар, получаемый человеком от Христа в таинстве Крещения и «ведущая нас спасительным путем Агнца Божия, взявшего на Себя грех мира» [11].

В первые века, следующие за написанием Нового Завета, т.е. в патристический период, Святыми Отцами Церкви – христианскими богосло-

вами, церковными деятелями и писателями главным образом II–VIII веков – каких-либо значимых теорий о совести создано не было. Первыми отцами Церкви – мужами апостольскими и самими апостолами – слово «совесть» используется в качестве общеупотребительного слова, не несущего в себе какого – либо специального или богословского значения.

Из ранних патристических авторов наиболее подробно о совести говорили Ориген и Климент Александрийский.

По мнению Оригена [12], совесть – это некая внутренняя основа человека, его сердце, просвещённое верой в Бога и осознание себя пред лицом Бога, сердечное ведение, направляемое Иисусом Христом.

Климент Александрийский – современник Оригена, изначально будучи язычником, а позднее став христианином – гностиком, в своем учении объединяет апостольское понимание совести (совесть есть Богом данный нравственный закон и способность следовать ему) и стоическое (совесть – это голос Бога в человеке). При этом, по учению Климента, чистоту свою и опору совесть получает от Бога.

Наиболее точное определение совести дает Иоанн Златоуст. Он говорит, что совесть – это врожденное знание человека о добре и зле: «нам не нужно учиться, что блуд есть зло, а целомудрие добро, мы знаем это от начала. Он только запретил грех, а не учил о нем» [14]. Бог не поучал о грехе, а указал, что это неподобающе, а причины греха человек должен искать в своей совести. «Он (Бог) расположил нашу совесть и волю любить добродетель, а против греха враждовать еще до их совершения на деле» [14, с. 14], – продолжает свою мысль святитель. То есть, совесть – это не просто способность человека к рассуждению, совесть – это расположение к добру и противостояние злу.

Выдающийся богослов и учитель Церкви Иоанн Дамаскин [15], говоря о совести, утверждает, что в человеке заключены три закона: закон Божий, закон ума и закон греха. Совесть, по Дамаскину, является внутренним законом нашего ума, а не голосом Божиим в человеке. Закон Божий, входя в ум человека, пробуждает его совесть и отвращает её от закона греха. То есть в человеке идет постоянная борьба между законом Божиим и законом греха за его совесть.

Разное понимание этических регуляторов и истолкование понятия совести было связано с разделением христианской Церкви на Западную и Восточную.

Интерпретация данного явления имеет свои особенности в «Добротолубии» – собрании текстов, созданных в период между IV и XV веками духовными подвижниками восточно-христианского монашества исихастской традиции.

Антология этих тестов составлена в XVIII веке святыми отцами Никодимом Святогорцем и Ма-

карием Коринфским и впервые издана в Венеции в 1782 году. Вряд ли можно найти иную книгу, столь повлиявшую не только на православие, но и на весь христианский мир в течение последних столетий. Не случайно многие исследователи называют «Добротолюбие» Библией православной духовности. Так, например, один из издателей современного английского перевода «Добротолюбия» митрополит Каллист (Уэр) назвал этот литературный памятник настоящим собранием мудрости, оказавшим большее воздействие на читателей, нежели любые другие духовные книги за всю историю Православной Церкви.

Авторами текстов «Добротолюбия» являются монахи – исихасты – безмолвные пустынноики, идущие труднейшим путем аскетизма, практиковавшие трезвение и писавшие о нем. Аскеза – это непрестанная духовная внимательность к себе, забота о чистоте своего сердца и помыслов, а также постоянная молитва. Цель этого пути – обожение, т.е. уподобление человека Богу и единение с Ним, а значит и его спасение.

Падение Византии в XV веке, оплота Римской империи и сокровищницы культурных ценностей, – трагическое событие, отразившееся на всем тогдашнем мире, в том числе и на православной Церкви, утратившей свои центральные позиции в жизни общества.

XVIII век ознаменовал собой эпоху Просвещения на Западе и прозелитизма в Римско-католической церкви. Таким образом, «Добротолюбие» было написано не случайно, целью его стало возрождение патристического богословия и создание полного и подробного учения о молитве. Сочинения отцов-подвижников сыграли немаловажную роль в противостоянии западной мысли и сохранении православной идентичности и духовности.

Термин «Добротолюбие» или «Филокалия», впервые был использован св. Василием Великим и св. Григорием Богословом в качестве названия составленного ими сборника сочинений Оригена.

Слово «филокалия» (φιλοκαλία) в переводе с греческого означает «любовь к прекрасному, хорошему».

Именно свт. Василий Великий и свт. Григорий Богослов первыми придают этому слову духовный и экклезиологический смысл: термин «филокалия» приобретает значение «любовь к Богу, который является первоисточником и первопричиной всего хорошего и прекрасного» [16].

Авторами сочинений, вошедших в «Добротолюбие», являются прп. Антоний Великий, прп. Макарий Великий, авва Исая, Марк Подвижник, Евагрий Понтийский, прп. Исихий Синаит (Исихий пресвитер), прп. Нил Подвижник, прп. Ефрем Сирин, прп. Иоанн Лествичник, прп. Варсонофий Великий и Иоанн Пророк, прп. Авва Дорофей, прп. Исаак Сирин, Диадок Фотикийский, Иоанн

Карпафский и др. (всего насчитывается тридцать шесть авторов).

Основными жанрами «Добротолюбия» являются поучение, трактат, сотница, житие. Тема большинства текстов «Добротолюбия» – молитвенный опыт монашествующих, спасение души через творение Иисусовой молитвы, истолкование с точки зрения исихастов учения о Святой Троице, искупление всего рода человеческого Господом Иисусом Христом, Его Воскресение. «Добротолюбие» как текст и образ жизни посвящает нас в тайну соучастия в божественной жизни, чтобы достичь очищения, освящения и, наконец, совершенства.

Авторы «Добротолюбия» ведут весьма глубокие рассуждения о совести. Они связывают ее «... с самоиспытанием, покаянием, печалью, плачем, сокрушением и надеждой» [18].

Преподобный Макарий Египетский [18], размышляя о совести, разуме, воле, силе любви, представляет их как «царственные силы», в которых почивает Бог. Прп. Марк Подвижник [18, с. 522] связывает совесть с сердцем «...знающая его глубины, совесть руководит человеком. Для человека мир с совестью должен означать мир с Богом, и зависит этот мир от его собственных усилий. Но в тоже время совесть может быть подвластна неразумному нраву плотского мудрования, т.е. удовлетворению извращенных страстями телесных и душевных потребностей, потому Бог, проявляя заботу о ней, возбуждает её Своею благодатью» [19].

Преподобный Иоанн Кассиан Римский в своем сборнике представляет весьма противоречивые взгляды подвижников на проблему совести. Одни из них не разграничивают понятия «сердце» и «совесть» и считают их идентичными по своему значению. Другие то расценивают совесть как строгого и праведного судию, то допускают, что и она, по своей сути, не безошибочна. Но и теми, и другими чистая, неоскверненная грехами совесть расценивается как высшая победа монашествующего. При этом чистота совести достигается не духовными или физическими усилиями и тщанием монаха, а является даром божественной благодати. Искреннее покаяние, спокойная и чистая совесть, отсутствие и невозможность даже мысленного, воображаемого возвращения к прежней греховной жизни свидетельствуют о приближении человека к Богу, примирении с Ним.

Преподобный авва Исая Отшельник утверждает, что «совесть должна противостоять злой воле человека, которая исходит из его сердца, и таким образом освободить его и освободиться самой от страстей. По мысли преподобного, человек должен относиться к обличениям совести как к истинному законодательству; пренебрежительное отношение к совести ведет к отступлению её от человека и его оставлению. Подвижник должен полагаться на свидетельства собственной сове-

сти, не отчаиваться в своем спасении и уповать на Бога» [20].

Совесть у прп. Аввы Дорофея наречена помыслом, подобным божественной искре, который просвещает разум и помогает различать добро и зло. Он называет совесть естественным законом, следуя которому, ветхозаветные святые угождали Богу. Попранную грехами совесть – эту божественную искру – можно снова возжечь лишь соблюдением Божьих заповедей.

Прп. Иоанн Лествичник совесть именуется «зеркалом повиновения» и отождествляет её со словом обличения Ангела – Хранителя, гарантирующего спокойную совесть, вследствие смирения и послушания духовнику.

Преподобный Нил Анкирский считает совесть проявлением человеческого естества и не видит ее близкого общения с Богом. Он тоже называет совесть судьей, но при этом считает её свидетельством относительными. По его мнению, совесть может быть и слепой, и не исполнять своего предназначения, а потому она нуждается в постоянном испытании.

Следовательно, совесть вкупе с сердцем и умом представляют духовный фундамент общечеловеческой нравственности. Авторы текстов, вошедших в «Добротолюбие», не только раскрывают суть, но и процесс ее формирования. Они говорят о необходимости её совершенствования, о стремлении к её чистоте через испытание, стыд и покаяние.

В данной работе изучены источники философского, духовно-нравственного и богословского содержания (от текстов античных времен до святоотеческих наставлений «Добротолюбия») по проблематике совести в различных культурах. Проведенное исследование показывает, что с точки зрения интерпретации феномена совести существует множество исторически сложившихся концепций, которые по-разному определяют это многогранное понятие, но все они объединены идеей о том, что совесть является основой духовно-нравственного развития человека и общества.

Литература

1. Добротолюбие: в 5 т. Т. 1. М., 2010. – 541 с.
2. Асмус В.Ф. Античная философия: учебное пособие. М., 2001. – 400 с.
3. Ожегов С.И. Словарь русского языка: 70000 слов. М., 1989. – 736 с.
4. Толковый словарь живого великорусского языка В.И. Даля // Азбука веры: сайт. – URL: <https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/tolkovyy-slovar-zhivogo-velikorusskogo-jazyka-v-i-dalja-bukva-s/1388> (дата обращения: 01.10.2024).
5. Совесть // Большой Энциклопедический словарь: сайт. – URL: <https://rus-big-enc-dict.slovaronline.com/62380-СОВЕСТЬ> (дата обращения: 01.10.2024).

6. Домусчи С. А., иерей. Поиски совести в Месопотамии и Древнем Египте // Фома. 2018. № 10. С. 29–37.
7. Совесть как важнейшая моральная ценность в христианстве: на примере истории термина «совесть» в трудах античных и христианских авторов // «Молодой ученый». 2014. № 17. С. 62–66.
8. Гомер. Илиада. Одиссея. – М., 1987. – 400 с.
9. Понятие о совести в рамках Пастырского богословия // Азбука веры: сайт. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Pravoslavnoe_Bogosluzhenie/nastolnaja-knigasvjashhennosluzhitelja-tom-8/17 (дата обращения: 01.10.2024).
10. Основы православного нравственного учения: учебное пособие / под общей редакцией митрополита Волоколамского Илариона. – Москва: Издательский дом «Познание», 2020. – С. 13–17.; ISBN 978-5-906960-93-1.
11. Понятие о совести в рамках Пастырского богословия // Азбука веры: сайт. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Pravoslavnoe_Bogosluzhenie/nastolnaja-knigasvjashhennosluzhitelja-tom-8/17 (дата обращения: 01.10.2024).
12. Ориген. О началах. – Новосибирск, 1993. – 366 с.
13. Климент Александрийский. Строматы. Книги 1–7. – Санкт Петербург, 2018. – 816 с.
14. Домусчи С. А., иерей. Совесть в святоотеческой литературе // Фома. 2019. № 10. С. 14–21.
15. Иоанн Дамаскин, преп. Точное изложение православной веры. – М., 2019. – 434 с.
16. Добротолюбие. Том III. Глава 3 // Азбука веры: сайт. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/prochee/dobrotoljubie_tom_3/3 (дата обращения: 01.10.2024).
17. Домусчи С.А. Феномен совести в православном богословии и русской религиозно-философской традиции: специальность 26.00.01 «Теология»: диссертация на соискание ученой степени кандидата богословия. – Сергиев Посад, 2012. – 175 с.
18. Добротолюбие: в 5 т. Т. 1 / пер. с греч. свт. Феофана Затворника. – М., 2010. – 784 с.
19. Добротолюбие. Том I. Глава 51 // Азбука веры: сайт. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/prochee/dobrotoljubie_tom_1/51 (дата обращения: 01.10.2024).
20. Авва Исая, преп. Добротолюбие: в 5 томах. Том 1 / преп. Авва Исая. – Проповедь всемирного покаяния. Церковь Иоанна Богослова: сайт. – URL: <https://omolenko.com/books/isaia/content.php?p=4> (дата обращения: 01.10.2024).

THE EVOLUTION OF IDEAS ABOUT THE PHENOMENON OF “CONSCIENCE” IN ORTHODOX THEOLOGY OF THE I–IV CENTURIES

Yemelkina I.V., Mochalov E.V.

National Research Ogarev Mordovia State University, Saransk Theological Seminary of the Saransk and Mordovian Diocese of the Russian Orthodox Church

The purpose of the article is a theoretical analysis of the concepts of the phenomenon of "conscience" in Orthodox theology of the I–IV centuries, systematization of the main theories contained in the "Philokalia", identification of the axiological value of judgments about the phenomenon of "conscience" through the prism of the ethical and theological system of "Philokalia".

The solution of research tasks was provided by a set of complementary theoretical and empirical methods. In the course of the work, the following methods were used: analysis of the collection of ascetic works of "Philokalia" and systematization of the exegetical patristic heritage, methods of comparison, classification, generalization, synthesis of the information obtained.

The paper analyzes various sources of philosophical, spiritual, moral and theological content on the problems of conscience in various cultures. A number of preliminary remarks have been made regarding historically established concepts that define this multifaceted phenomenon in different ways. The authors of the texts included in the "Dobrotolubie" not only reveal the essence of the phenomenon, but also the process of its formation. They talk about the need to improve conscience, about striving for its purity through trial, shame and repentance. The unifying idea of the arguments of different authors is the idea that conscience is the spiritual foundation of universal morality.

Keywords: phenomenon, conscience, good, evil, Divine voice, category, moral consciousness, Orthodoxy, tradition.

References

1. Philokalia: in 5 volumes. Volume 1. Moscow, 2010. – 541 p.
2. Asmus V.F. Ancient Philosophy: a textbook. Moscow, 2001. – 400 p.
3. Ozhegov S.I. Dictionary of the Russian language: 70,000 words. Moscow, 1989. – 736 p.
4. Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language by V.I. Dahl // ABC of Faith: website. – URL: <https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/tolkovyj-slovar-zhivogo-velikorusskogo-jazyka-v-i-dalja-bukva-s/1388> (date of access: 01.10.2024).
5. Conscience // The Great Encyclopedic Dictionary: website. – URL: <https://rus-big-enc-dict.slovaronline.com/62380-COБECTЬ> (date of access: 01.10.2024).
6. Domuschi S. A., priest. The Search for Conscience in Mesopotamia and Ancient Egypt // Foma. 2018. No. 10. Pp. 29–37.
7. Conscience as the Most Important Moral Value in Christianity: Using the History of the Term "Conscience" in the Works of Ancient and Christian Authors // Young Scientist. 2014. No. 17. Pp. 62–66.
8. Homer. Iliad. Odyssey. – M., 1987. – 400 p.
9. The Concept of Conscience in the Framework of Pastoral Theology // ABC of Faith: website. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Pravoslavnoe_Bogosluzhenie/nastolnaja-knigasvjashhennosluzhitelja-tom-8/17 (accessed: 01.10.2024).
10. Fundamentals of Orthodox Moral Teaching: a textbook / edited by Metropolitan Hilarion of Volokolamsk. – Moscow: Publishing House "Poznanie", 2020. – Pp. 13–17.; ISBN 978-5-906960-93-1.
11. The Concept of Conscience in the Framework of Pastoral Theology // ABC of Faith: website. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Pravoslavnoe_Bogosluzhenie/nastolnaja-knigasvjashhennosluzhitelja-tom-8/17 (date accessed: 01.10.2024).
12. Origen. On the Principles. – Novosibirsk, 1993. – 366 p.
13. Clement of Alexandria. Stromata. Books 1–7. – St. Petersburg, 2018. – 816 p.
14. Domuschi S. A., priest. Conscience in Patristic Literature // Foma. 2019. No. 10. pp. 14–21.
15. John of Damascus, Rev. An Exact Exposition of the Orthodox Faith. – Moscow, 2019. – 434 p.
16. Philokalia. Volume III. Chapter 3 // ABC of Faith: website. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/prochee/dobrotoljubie_tom_3/3 (date accessed: 01.10.2024).
17. Domuschi S.A. The Phenomenon of Conscience in Orthodox Theology and the Russian Religious-Philosophical Tradition: specialty 26.00.01 "Theology": dissertation for the degree of candidate of theology. – Sergiev Posad, 2012. – 175 p.
18. Philokalia: in 5 volumes. Vol. 1 / trans. from Greek by St. Theophan the Recluse. – M, 2010. – 784 p.
19. Philokalia. Volume I. Chapter 51 // ABC of Faith: website. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/prochee/dobrotoljubie_tom_1/51 (date of access: 01.10.2024).
20. Abba Isaiah, St. Philokalia: in 5 volumes. Volume 1 / St. Abba Isaiah. – Preaching of universal repentance. Church of John the Theologian: website. – URL: <https://omolenko.com/books/isaia/content.php?p=4> (date of access: 01.10.2024).

Отражение театральности как философско-антропологического феномена в научном дискурсе

Рахимова Майя Вильевна,

к.ф.н., доцент, доцент кафедры социально-гуманитарных и психолого-педагогических дисциплин, заведующая кафедрой социально-гуманитарных и психолого-педагогических дисциплин ЮУрГИИ имени П.И. Чайковского
E-mail: mayesta@mail.ru

Данная научная работа посвящена анализу современных российских диссертационных работ, разрабатывающих проблематику театральности как самостоятельного феномена.

Как представляется, исследованиям театральности как самостоятельного феномена не хватает системности; границы термина размыты, содержание колеблется в широком диапазоне значений. При всей популярности и распространенности театральности как феномена, методология, методика его исследования, равно как и его морфологические контуры, функции, признаки нуждаются в уточнении, характеристике и философском анализе.

Данная работа представляет собой этап диссертационного исследования автора, ориентированного на анализ театральности как философско-антропологического феномена, вписанного в контекст повседневной культуры человека. Основными акцентами анализа являются интерпретация театральности, ее специфика, концептуальные подходы к ее исследованию, проблемы и противоречия, как они представлены в современных научных разработках российских ученых.

Ключевые слова: Театральность, повседневная культура, игра, концептуальный подход, театральная антропология.

Введение

Обращение к современным диссертационным исследованиям представляет интерес по ряду причин: во-первых, это базис изучаемой проблемы; во-вторых, наглядное отображение современной научной мысли по вопросу; наконец, это актуальный диапазон научного поиска, позволяющий грамотно выстроить авторскую траекторию работы.

Проблема театральности часто встречается в работах современных авторов: в основном она возвращается по профессиональной театроведческой орбите; особый интерес театральности представляет для филологических работ, работ социально-политического вектора и работ по культурологии. Философские исследования театральности встречаются, но реже. В основном, философский аспект вплетается как важная теоретическая составляющая работ конкретных профессиональных специальностей. Как представляется, исследованиям театральности как самостоятельного феномена, на данном этапе не хватает системности; границы термина размыты, его содержание колеблется в широком диапазоне значений. При всей популярности и распространенности театральности как явления, методология, методика его исследования, равно как и его морфологические контуры, функции, признаки нуждаются в уточнении, характеристике и философском анализе.

Как комплексная проблема, театральность включает в себя целый спектр предметных областей, крайне сложных, объемных для одного исследования, но предельно важных. Речь идет, в частности, о феноменах Другой, Иллюзия (кажимость), Маска, Представление, Адаптация, Отражение и многих других, составляющих содержательный потенциал театральности.

Тем не менее, проведенный анализ современных российских диссертационных работ, затрагивающих проблему театральности, позволил собрать достаточное количество материала и выявить ряд специфических характеристик театральности.

Прежде всего, напомним текущее (рабочее) определение театральности как философско-антропологического феномена, имеющего непосредственную и тесную связь с повседневной культурой общения человека.

Под театральностью на данном этапе исследования предлагается понимать сложный самоорганизующийся механизм адаптации человека к внешним и внутренним вызовам. Термин «теа-

тральность» представляется удобным, поскольку обозначенный механизм социокультурной адаптации задействует приемы и навыки, характерные для актерской игры. Речь идет о таких навыках и приемах, как опора на воображение, вера в предлагаемые обстоятельства, память физических действий, навыки воздействия, внушения, манипуляции, притворства, навыки выразительной жестикуляции, декламации.

Театральность, предположительно, есть элемент психической природы человека с ярко выраженной социальной, коммуникативной, социокультурной направленностью. Театральная природа проявляет себя в мышлении, поведении, действиях, направленных на выживание и преуспевание в общественной среде.

С помощью театральных средств выразительности человек стремится, как выразить себя, так и навязать собственную точку зрения, – желаемое. Для достижения цели, как правило, активно используются жестовые, вербальные манипуляции, обман, внушение, лесть, игровые элементы, притворство, причем, сам человек, задействовавший инструменты театральнойности, не всегда отдает себе отчет в манипуляционном размахе, который использует [11, p. 46].

Театральность: о специфике феномена

А в чем заключается специфика театральнойности – как ее понимают современные российские ученые? Анализ диссертационного материала показал, что даже при предполагаемом многообразии интерпретаций театральнойности, так или иначе, данный феномен осмысливается в контексте его профессионального содержания, – как элемент театральной культуры.

В то же время данное исследование исходит из положения, что театральнойность является устойчивым элементом повседневной культуры общения, жизненно востребованным элементом; более того, возможно, – глубинной установкой психической культуры человека, способствующей его лучшей адаптации в социоклимате. И что примечательно, – театрального (в смысле относящегося к миру искусства) в феномене театральнойности меньше всего (в контексте данного исследования, разумеется).

Что же касается исследуемых диссертационных работ, то театральнойность интерпретируется авторами достаточно широко, хотя и остается в содержательных рамках феномена искусства.

Прежде всего, авторы подмечают онтологический потенциал театральнойности. Философско-антропологический подход к театральной практике предлагает рассматривать театр как особую форму эволюционирующего бытия, отраженного в исторически изменяющихся философских концепциях [12, с. 9].

Онтологический аспект выражается в предполагаемой способности театральнойности производить

смыслы, быть «динамическим высвобождением духовной энергии человека» (М.К. Мамардашвили) [10, с. 5]. Правда, в указанном контексте театральнойности мыслится как феномен высокой культуры, поднимающей человечество над обыденностью, в отличие от «нерефлексируемости повседневной жизни», погружающей человека в суету и рутину простого дня.

Соглашаясь в целом со способностью театральнойности, как философско-антропологического феномена, производить смыслы, высвобождать духовные энергии, отметим также и уникальную, определяющую для данного исследования, способность театральнойности быть частью повседневности, частью бытового общения, социокультурной коммуникации. Отметим театральнойность как феномен культуры не только высокого, но и низового, «каждодневного» порядка, где, безусловно нет особого времени для рефлексивности, где востребованы быстрые, почти инстинктивные реакции на многочисленные вызовы дня, где именно артистический азарт и инструментарий помогают выживать, сохраняться и адаптироваться «здесь и сейчас», согласно текущим предлагаемым обстоятельствам.

Следует предположить, что человек, скорее всего, специально не сосредотачивает внимание на том, что он в конкретный момент взаимодействия с другим человеком, театрален. Он просто действует, согласно определенным социокультурным ролевым шаблонам, равно как и его партнер. Но инструменты театральнойности при этом задействованы, как если бы театральнойность была вписана в повседневность. В этом ее конвергентная сила.

Театральность осмысливается авторами и как своеобразная универсалия, как имманентное, интегративное свойство культуры, раскрывающее важнейшие стороны её генезиса и функционирования» [4, с. 4]. Будучи «атрибутом культуры», театральнойность предстает как уникальная форма человеческой игровой бытийности и артистической способности человека присутствовать в ней [13, с. 8, 9].

Авторы отмечают широкий мировоззренческий потенциал театральнойности; так «театральность представляет собой явление, далеко выходящее за пределы театра как учреждения культуры, поскольку задаваемый ею механизм социального взаимодействия имеет онтологические основания, укорененные в человеческой природе» [10, с. 3].

Театральность экзистенциальна, – отвечает экзистенциальным вызовам современности (отчуждению, феномену «одиноких толп»), создает потребность обретения единства, преодоления неполноты жизни. Достижение целостности возможно с помощью культурных практик театрального искусства (арт-практик, тренингов) [12, с. 3].

Как механизм социокультуры, как саморегулирующаяся социокультурная целостность, театральнойность позволяет выстроить «вторую» реаль-

ность, «проиграть» ее в разных вариантах, «замещающая» ее, вырабатывая новые модели социального поведения людей с помощью символических социальных коммуникаций [1, с. 6–8].

Театр выступает инструментом, транслирующим и закрепляющим в обществе ряд социокультурных паттернов, которые уходят с театральных подмостков в жизнь, укореняются в формах общения [1, с. 9, 10]. Жизненное пространство словно пронизано образами, благодаря которым человек разыгрывает выстроенную обществом и культурой роль [8, с. 3].

В современных диссертационных работах театральность осмысливается и как часть повседневной культуры. Так, в работе Бажановой Р.К., посвященной проблеме артистизма, оговаривается широкое проникновение форм артистизма в поведение человека, в высокую культуру и культуру его повседневного общения [2, с. 3].

Художественный контекст театральности раскрывается в диссертационных исследованиях как кладовая смыслов, где стержневым аспектом является игра. Так, к примеру, человек в произведениях Л. Андреева часто раскрывается в концептуальном пространстве игры, как игрок и как игрушка, что примечательно, – как сломанная игрушка. В его драматургии переплетаются образы, характерные для театра жизни и театра души, в результате чего можно говорить о глобальном влиянии театра на психику – «панпсихе» [6, с. 16].

Наконец, отдельного внимания заслуживают исследования, в которых театральность осмысливается с педагогической стороны как инструмент развития целого ряда способностей и навыков, инструмент корректного приспособления к сложной социальной среде, рабочему месту, к коллективу [9, с. 4, 5, 14].

В целом, наблюдается широкий диапазон интерпретаций театральности, правда, в большинстве случаев, ограничиваемых искусствоведческим потенциалом феномена. Театральность мыслится как элемент художественной культуры, обладающий, однако, возможностью влиять на многие, несвязанные непосредственно с театром, области культуры. Авторы также отмечают философский потенциал театральности, предчувствуя в ней экзистенциальное наполнение, мировоззренческий и онтологический статусы.

Проведенный анализ научных работ демонстрирует основные направления изучения театральности, а также обосновывает актуальность данного исследования, где театральность осмысливается с позиции не художественной, а повседневной культуры.

Театральность: о концептуальных подходах к феномену

В современных диссертационных работах театральность осмысливается с разных концептуальных сто-

рон. К примеру, с позиции диалогической концепции, раскрывающей проблематику взаимодействия общающихся сторон (Ф. Бэкон, А. Камю, М.М. Бахтин, Т. Берге, П. Лукман, И. Гофман). Применяется к театральности и суггестивный подход, когда театр выступает моделью социального воздействия и социального подчинения (Г. Маркузе, Г. Дебора, Ф. Бенетона, В.С. Грехнева) [10, с. 5].

С позиции социальной философии театральность предстает как элемент социального пространства, как особая форма коммуникативности, как характеристика социального и политического воздействия [10, с. 5, 6].

В рамках филологического подхода, театральность предстает жанром, параллельным литературности, с включенностью коммуникации в процесс создания художественного текста. Важным, помимо текста, элементом авторского замысла становятся декорации, костюмы, мимика персонажей, что подтверждает установку Р. Барта (театральность = театр минус текст) [10, с. 6]. Данную позицию развивают французские семиологи (М. Корвен, П. Пави, А. Юберсфельд), распространяя ее далее на внетеатральные тексты [13, с. 4].

Антропологический подход, равно как и культурологический, – уделяет внимание элементам театральности в повседневной бытовой культуре людей, их образу жизни и стилю поведения (В. Иванов, Й. Хейзинга, Р. Кайуа, Ю.М. Лотман) [13, с. 4].

Авторами осмысливаются деятельностный (Э.С. Маркарян, В.Е. Давидович, Ю.А. Жданов), эстетический (Т. Адорно, П. Брук, Н. Евреинов, К. Станиславский), семиотический (Ю. Лотман, Ж. Деррида, А.Б. Красноглазов, А.Я. Флиер), психоаналитический (Ю.И. Лотман, Ф. Ницше, Б. Успенский, З. Фрейд, Й. Хейзинга, К.Г. Юнг) аспекты театральности. Театральность по-прежнему остается в рамках скорее художественной, нежели повседневной культуры. Однако, диапазон исследований способствует накоплению эмпирических и теоретических характеристик феномена [1, с. 7, 8].

Размышляя о театральности с политической точки зрения, авторы обращают внимание на профессиональные театральные техники как актуальные и востребованные в политической и социальной среде [7, с. 5]. Ролевое бытовое поведение, семантически – наполненное и исполненное по литературным и театральным образцам, составляет предметную область таких исследований. Социологический анализ театральности также затрагивает проблему множественности социальных личностей, социальных «Я» [7, с. 6, 15, 16].

Терминологический инструментарий театральности также активен в научно-исследовательской работе как предмет анализа и стратегемы общественной жизни. Речь идет о таких категориях, как «карнавал», «мимикрия», «игра», «общество развлечений», «общество спектакля» [3, с. 23, 24].

Проблема соотношения, взаимодействия терминов «театральность» и «игра» авторами от-

дельно не разрабатывается, сравнительный анализ присутствует фрагментарно, выборочно. Тем не менее, отталкиваясь от достаточно хорошо разработанного термина «игра», можно понять и охарактеризовать отдельные свойства и черты, приписываемые уже театральности.

Современные авторы активно цитируют, анализируют концепцию «человека играющего», концепцию «языковой игры», в известном смысле необходимой для существования общества [3, с. 26]. Авторы интересуются связью театральности и техносреды человека, связью человека с технической культурой, культурой гаджетов, кардинально влияющих на игру и театральность [3, с. 27].

Антропологический вектор исследования примечателен в качестве хранителя большого количества примеров таинств, ритуалов, обрядов, в сердцевине которых театральность занимает важное место. Научный разговор, в частности, вращается вокруг генезиса театра, вокруг традиционного искусства как прародителя театра. В качестве предполагаемого алгоритма становления театра озвучивается смена ряда состояний, от первичного накопления фольклорно-этнографической культуры, через обряд к игре, затем к фольклорному театру и к театру профессиональному [5, с. 12; 4, с. 12, 13].

Среди концептуальных подходов отметим и подход, в котором «театр становится междисциплинарной экспериментальной площадкой философской антропологии». Согласно подходу, театр способен переработать и отразить в мир «теоретические философско-антропологические концепции целостности природы человека в конкретной театральной практике». Здесь и актерская игра осмысливается в парадигме философской проблематики – как элемент «квантово-синергетической антропологии» [12, с. 10].

Представляется важным упомянуть и театральную антропологию, которая сосредотачивает внимание на исследовании человека в рамках сценического действия. Научный поиск носит междисциплинарный характер и включает в себя социальную, культурную, психологическую антропологию. Среди авторов можно отметить Э. Барба, Н. Саварезе, С.М. Волконского, С.М. Эйзенштейна, А. Жарри, Ж. Кокто. Трудно обойтись и без классических работ по театру таких авторов, как К.С. Станиславский, В.Э. Мейерхольд, М.А. Чехов, Е.Б. Вахтангов, А.В. Бартошевич, Е. Гротовский, П. Брук, Б. Брехт и многие другие [12, с. 7].

Следует заметить, что проблема театральности разрабатывается достаточно широко и полно в рамках концептуальных к ней подходов. Каждая из исследуемых концепций помогает выделить и зафиксировать свойства, специфику, назначение и потенциал театральности. С другой стороны, обозначенная доступность, популярность и открытый потенциал театральности заставляет испытывать и ряд трудностей концептуального порядка,

поскольку трудно ухватить феномен целостно; границы его содержательно размыты, что в принципе свойственно феноменам гуманитарного толка. Данное исследование сосредотачивает внимание на не изученной на текущий момент проблеме театральности как философско-антропологического феномена, элемента ежедневной культуры общения, феномена, в некотором смысле, экзистенциального порядка, наряду с такими явлениями, как «игра», «труд», «любовь» и так далее.

Театральность: о проблемах и противоречиях

Обозначенные характеристики театральности демонстрируют мировоззренческий диапазон и социокультурный потенциал феномена. Тем не менее, современными авторами подмечается целый спектр пробелов в исследовании театральности. В частности, это:

- отсутствие целостного исследовательского направления о театральности;
- фрагментарный отрывочный характер научно-понятийного аппарата;
- потребность в строгой аналитике элементарно-структурного содержания феномена;
- отсутствие выверенных теоретико-философских концепций театральности;
- выраженная специфика предметного поля исследования (артистизм, игра);
- не театральный характер театральности;
- выпадение театральности (на постоянной основе) за границы искусства, в обыденный, повседневный мир общения [13, с. 3].

Театральность предстает как амбивалентная характеристика социальности, благодаря которой социальные факты могут приобретать различное, даже противоположное звучание, в связи с чем представляется не до конца разработанной в рамках социально-философского знания проблема структурно-семиотической природы театральности [10, с. 6].

Главная, с точки зрения некоторых авторов, проблема заключается в том, что отсутствует философско-культурологическое представление театральности как сложного атрибутивного признака культуры, проявляющегося в феноменах игры и артистизма. При всей значимости рассмотрения отдельных моделей понимания эстетико-игрового аспекта культуры следует признать отсутствие на сегодня возможности объяснить сам факт (событие) той или иной деятельности в процессе человеческого бытия [13, с. 5].

Выводы

1. Проблема театральности является популярной для гуманитарных наук проблемой. Анализ современных российских диссертационных работ показал определенный диапазон смысловых ориентиров исследования, среди которых веду-

щее место занимает интерпретация театральности как сложного художественного явления, способного выходить за рамки профессиональной сцены в мир культуры, политики, социологии и онтологии. Принципиальным замечанием для данного исследования является именно тот факт, что театральность понимается как феномен художественной культуры, но не как отдельный, экзистенциально-ориентированный, непосредственно вплетенный в культуру каждого дня, феномен.

2. Критериев осмысления театральности как философско-антропологической проблемы, а также морфологических опор и методологии исследования не хватает в виду отсутствия работ непосредственно по теме исследования. И это при том, что о врожденной театральности, в той или иной степени, пишут, как философы, так и писатели, психологи, искусствоведы, социологи и многие другие. Тем не менее, современные работы о театральности формируют обширный ареал эмпирических и теоретических данных о проблеме. Ему не хватает системности, выверенности и объективации, однако данный пробел в перспективе может быть снят за счет сформировавшейся временной дистанции, позволяющей по-новому взглянуть на собранный и обработанный материал, а также за счет качества новых работ об исследуемом феномене.
3. Особенностью данного исследования театральности является концентрация на его морфологических и содержательных характеристиках, генезисе, функционале и специфике исполнения в общественной среде; на философском анализе театральности как открытого социокультурного феномена, способствующего наилучшей адаптации и выживаемости человека в обществе с помощью артистических средств самовыражения и навыков повседневной драматургии.

Литература

1. Андреева И.М. Взаимосвязь театра и театрализованного сознания в социуме: автореферат дис. ... доктора философских наук: 24.00.01 / Краснодар. гос. ун-т культуры и искусств. – Краснодар, 2006. – 31 с.
2. Бажанова Р.К. Феномен артистизма: автореферат дис. ... кандидата философских наук: 24.00.01 / Казан. гос. ун-т культуры и искусств. – Казань, 2003. – 17 с.
3. Григорьева Н.Я. Эволюция философской антропологии в 1920–1950-х гг.: радикализация образа человека: диссертация ... доктора философских наук: 09.00.03 / Григорьева Надежда Яковлевна; [Место защиты: Рос. гос. гуманитар. ун-т (РГГУ)]. – Москва, 2009. – 454 с.: ил.
4. Давыдова И.С. Театральность в фольклоре коренных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока: автореферат дис. ... кандидата культурологии: 24.00.01 / Давыдова Ирина Станиславовна; [Место защиты: Рос. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена]. – Санкт-Петербург, 2008. – 23 с.
5. Жигмитова А.А. Мистерия Цам в современной Бурятии: этнотеатроведческие аспекты: автореферат дис. ... кандидата искусствоведения: 17.00.09 / Жигмитова Арюна Арсалановна; [Место защиты: Российский институт истории искусств]. – Санкт-Петербург, 2020. – 30 с.
6. Карякина М.В. Феномен игры в творчестве Леонида Андреева: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.01.01 / Ур. гос. ун-т им. А.М. Горького. – Екатеринбург, 2004. – 22 с.
7. Коваленко В.А. Процесс театрализации политики: автореферат дис. ... кандидата политических наук: 23.00.02 / Рост. гос. ун-т. – Ростов-на-Дону, 2006. – 23 с.
8. Орлова Е.В. Театральное пространство и пространство театра: компаративный анализ: автореферат дис. ... кандидата философских наук: 24.00.01 / Орлова Елена Валентиновна; [Место защиты: Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина]. – Тамбов, 2011. – 23 с.
9. Полякова Т.Н. Театрально-игровая деятельность в творческом развитии учителя в процессе постдипломного образования: автореферат дис. ... доктора педагогических наук: 13.00.01 / Полякова Татьяна Николаевна; [Место защиты: Рос. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена]. – Санкт-Петербург, 2010. – 48 с.
10. Райков В.Н. Феномен театральности: социально-философский анализ: автореферат дис. ... кандидата философских наук: 09.00.11 / Райков Валерий Николаевич; [Место защиты: Саратов. гос. ун-т им. Н.Г. Чернышевского]. – Саратов, 2010. – 21 с.
11. Rakhimova M.V., 2021. Is There a Viral Potential in “Suggestion” as a Quality of Theatrical Human Nature? Proceedings of the conference on current problems of our time: the relationship of man and society (CPT 2020). Available at: <http://dx.doi.org/10.2991/assehr.k.210225.009>.
12. Сеницына Т.А. Философско-антропологическое исследование связи сознания и тела в театральном действе: автореф. дис ... канд. филос. наук: 5.7.8 / Т.А. Сеницына. – М.: Изд-во МГУ, 2023. – 22 с.
13. Тазетдинова Р.Р. Театральность как феномен в бытии культуры: автореферат дис. ... доктора философских наук: 24.00.01 / Тазетдинова Руфина Ринатовна; [Место защиты: Казан. гос. ун-т культуры и искусств]. – Казань, 2013. – 45 с.

REFLECTION OF THEATRICALITY AS A PHILOSOPHICAL AND ANTHROPOLOGICAL PHENOMENON IN SCIENTIFIC DISCOURSE

Rakhimova M.V.

South Ural State Institute of Art named after P.I. Tchaikovsky

This article is devoted to the analysis of sci-fresh Russian dissertations that develop the problems of theatricality as an independent phenomenon.

It seems that studies of theatricality as an independent phenomenon lack consistency; the boundaries of the term are blurred, the content varies in a wide range of meanings. Despite the popularity and prevalence of theatricality as a phenomenon, the methodology and methodology of its research, as well as its morphological contours, functions, and signs need clarification, characterization, and philosophical analysis.

The work is a stage of the author's dissertation research focused on the analysis of theatricality as a philosophical and anthropological phenomenon inscribed in the context of everyday human culture. The main focuses of the analysis are the interpretation of theatricality, its specifics, conceptual approaches to its research, problems and contradictions, as they are presented in a contemporary scientific development of Russian scientists.

Keywords: Theatricality, everyday culture, the play, conceptual approach, theatrical anthropology.

References

1. Andreeva I.M. The relationship of theater and theatrical consciousness in society: abstract of the dissertation... Doctor of Philosophy: 24.00.01 / Krasnodar. State University of Culture and Arts. – Krasnodar, 2006. – 31 p.
2. Bazhanova R.K. The phenomenon of artistry: abstract of the dissertation of the Candidate of Philosophical Sciences: 24.00.01 / Kazan State University of Culture and Arts. – Kazan, 2003. – 17 p.
3. Grigorieva N. Ya. The evolution of philosophical anthropology in the 1920s-1950s: radicalization of the human image: dissertation ... Doctor of Philosophy: 09.00.03 / Grigorieva Nadezhda Yakovlevna; [Place of protection: Russian State Humanities uni-t (RGGU)]. – Moscow, 2009. – 454 p.: ill.
4. Davydova I.S. Theatricality in the folklore of the indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East: abstract of the dissertation of the candidate of cultural Studies: 24.00.01 / Davydova Irina Stanislavovna; [Place of protection: Russian State Pedagogical University. A.I. Herzen University]. – St. Petersburg, 2008. – 23 p.
5. Zhigmitova A.A. The mystery of Tsam in modern Buryatia: ethno-theatrical aspects: abstract of the dissertation of the Candidate of Art Criticism: 17.00.09 / Zhigmitova Aryuna Arsalanovna; [Place of protection: Russian Institute of Art History]. – St. Petersburg, 2020. – 30 p.
6. Karyakina M.V. The phenomenon of play in the work of Leonid Andreev: abstract of the dissertation of the candidate of Philological sciences: 10.01.01 / Ur. State University named after A.M. Gorky. – Yekaterinburg, 2004. – 22 p.
7. Kovalenko V.A. The process of theatricalization of politics: abstract of the dissertation of the Candidate of Political Sciences: 23.00.02 / Russian State University. – Rostov-on-Don, 2006. – 23 p.
8. Orlova E.V. Theatrical space and theater space: comparative analysis: abstract of the dissertation of the Candidate of Philosophical Sciences: 24.00.01 / Orlova Elena Valentinovna; [Place of defense: Tambov State University named after G.R. Derzhavin]. – Tambov, 2011. – 23 p.
9. Polyakova T.N. Theatrical and gaming activity in the creative development of a teacher in the process of postgraduate education: abstract of the dissertation... Doctor of Pedagogical Sciences: 13.00.01 / Tatyana Nikolaevna Polyakova; [Place of protection: Russian State Pedagogical University. A.I. Herzen University]. – St. Petersburg, 2010. – 48 p.
10. Raikov V.N. The phenomenon of theatricality: a socio-philosophical analysis: abstract of the dissertation of the candidate of Philosophical Sciences: 09.00.11 / Valery Nikolaevich Raikov; [Place of defense: Sarat. state University named after N.G. Chernyshevsky]. – Saratov, 2010. – 21 p.
11. Rakhimova M.V., 2021. Is There a Viral Potential in "Suggestion" as a Quality of Theatrical Human Nature? Proceedings of the conference on current problems of our time: the relationship of man and society (CPT 2020). Available at: <http://dx.doi.org/10.2991/assehr.k.210225.009>.
12. Sinitsyna T.A. Philosophical and anthropological study of the connection of consciousness and body in theatrical action: abstract. diss ... Candidate of Philos. Sciences: 5.7.8 / T.A. Sinitsyna. – M.: Publishing House of Moscow State University, 2023. – 22 p.
13. Tazetdinova R.R. Theatricality as a phenomenon in the existence of culture: abstract of the dissertation... Doctor of Philosophy: 24.00.01 / Tazetdinova Rufina Rinatovna; [Place of protection: Kazan State University of Culture and Arts]. – Kazan, 2013. – 45 p.

Эволюция идеологии в контексте духовного наследия

Бабашов Алтынбек Курманбаевич,

к.ф.н., старший научный сотрудник Института философии имени академика А.А. Алтымышбаева НАН КР
E-mail: altynbek.kurmanbay@gmail.com

Смутко Алексей Николаевич,

к.ф.н., докторант, Кыргызско-Российский Славянский университет имени Б.Н. Ельцина
E-mail: alesha.smutko@yandex.com

Аалиева Ширин Карыбековна,

к.ф.н., доцент, профессор Международного Кувейтского университета,
E-mail: aaliyeva75@bk.ru

Брусиловский Денис Александрович,

д.ф.н., начальник отдела развития международных научно-исследовательских коммуникаций «ИлимГрад», Кыргызско-Российский Славянский университет имени Б.Н. Ельцина
E-mail: denis6605@mail.ru

Апсаматова Эльвира Джумабековна,

к.ф.н., докторант, Кыргызский национальный университет имени Жусупа Баласагына
E-mail: elvira.apsamatova@mail.ru

В данной статье проводится всесторонний анализ эволюции идеологии в контексте духовного наследия, что позволяет глубже понять механизм воздействия идеологических изменений на общественное сознание и социальные структуры. Авторы акцентируют внимание на том, как идеология формируется не только в ответ на социальные и политические вызовы, но и на основе исторического опыта и духовных ценностей, которые были унаследованы предыдущими поколениями. Исследование начинается с рассмотрения основополагающих понятий идеологии и духовного наследия, а также их взаимосвязи, в частности разбираются протофилософские формы идеологии. Описание исторических этапов становления различных идеологических течений служит основой для анализа текущих реалий и тенденций. В частности, рассматривается, как глобализация, технологические изменения и социокультурные трансформации влияют на переосмысление традиционных идеологических концепций и их интеграцию в современное общественное сознание. Авторы изучают ключевые примеры, иллюстрирующие, как духовное наследие, включая религиозные, философские и культурные традиции, продолжает влиять на идеологические практики и общественные движения. Обсуждаются случаи взаимодействия традиционных духовных ценностей с современными идеологиями, что приводит к возникновению новых синтетических подходов, способных ответить на вызовы современности. В заключение подчеркивается важность дальнейшего исследовательского труда в области изучения идеологии и духовного наследия для более глубокого понимания социальных процессов и культурных изменений. Статья предлагает не только обобщенный взгляд на динамику идеологических изменений, но и открывает новые горизонты для будущих исследований, подчеркивая актуальность и необходимость изучения связи между идеологией и духовной культурой в условиях быстро меняющегося глобального контекста.

Ключевые слова: духовное наследие, идеология, протофилософия, традиции, общественное сознание, архетипы, духовные ценности, система идей, теоретическое мышление.

Введение

Термин «идеология» впервые был введен в науку в конце XVIII – начале XIX века Антуаном Дестютом де Траси, представителем последнего направления французского сенсуализма, в смысле «специальной науки об идеях». Однако такая научная трактовка идеологии не получила широкого распространения и была быстро забыта. Тем не менее термины «идеология» и «идеолог» все еще использовались, обозначая учения, направленные на решение различных проблем, связанных с абстрактными, воображаемыми принципами, весьма изолированными от реальной жизни и людей, их создавших.

В процессе формирования положений об идеологии Г.В. Плеханов, Ф. Меринг, П. Лафарг, А. Бебель, Д. Благоев, А. Лабриола и ряд других выдающихся мыслителей внесли значительный вклад. Однако, только с создания марксизмом теории материалистического понимания истории удалось разработать идеологию, направленную на правильное отражение действительности в научно-теоретическом аспекте. В данном исследовании идеология рассматривается как субъективное отражение реальных закономерностей общественной жизни в сознании людей, а не как фантазия; она представляется результатом развития социальных и производственных отношений.

Методологические проблемы исследования

Протофилософские формы идеологии представляют собой ранние концептуальные структуры, предшествующие развитию организованной философской мысли, которые до сих пор не получили широкого изучения в научной литературе. Под «*протофилософией*» мы понимаем *уникальную и исконную основу жизни человека, говоря конкретнее – его стремление к системе ценностей и его диалектическое взаимодействие с миром, в ходе которого он вырабатывает значения, понятия и ценности* (Здесь и далее обсуждение методологических проблем наше. – Д. Б. и Э. А.).

Даже самая строгая логичная система должна опираться на протофилософию. Протофилософия состоит не только из предпосылок, из которых могут быть сделаны логические выводы, но и из следующих элементов: 1) набора базовых метафор (в том числе, из таких фигур речи, как жизненная сила Анри Бергсона или воля к жизни Артура Шопенгауэра, которые в определенных контекстах могут быть буквальными описаниями, но которые становятся тропами, когда выходят за их преде-

лы); 2) *синтетических правил, с помощью которых дисциплинируется мышление человека* (концепция Джорджа Боас) [for more details see: 18].

Для большинства исследователей протофилософия не только ранняя или формирующаяся форма философии, но и *особый стиль мышления*; процесс сбора данных *перед построением теорий и разработкой полноценной философии*. В некотором роде речь идет о соотношении протоматериализма и протоидеализма, об отсутствии представлений по поводу явных границ между материализмом и идеализмом, что является результатом достаточно зрелой философии. Подобный подход требует от читателя знаний о соотношении *парафилософии, квазифилософии, антифилософии, псевдофилософии и метафилософии*. В свою очередь такое соотношение перечисленных понятий намекает читателю на необходимость понимания основ метатеоретического уровня научного знания: не только общенаучного знания, но и философских оснований науки.

Иногда протофилософию ассоциируют с ведической философией или философией Упанишад. Такой подход неслучаен. Дело в том, что протофилософию рассматривают как *часть протопсихологии*. В этом случае сама философия будет восприниматься как своего рода «*диванная экспериментальная психология*» (концепция Кайи Мортенсен и Дженнифер Нагель).

Другой подход связан с тем, что *протофилософия (если не сказать больше – сама философия или теоретическое мировоззрение) воспринимается в качестве спекулятивных повествований о космическом феномене, сотворении Вселенной и о высшей реальности* [for more details see: 20].

Иное понимание протофилософии возникнет у читателя данной статьи, если он начнет рассматривать философию как протонауку. В этом случае *методологический принцип прост: где была протофилософия и философия, там будет и наука* (например, в концепции Роберта Нозика). Дальнейшие обсуждения по данной концепции могут плавно перейти в русло исследований структурных и динамических отношений между философией и наукой, в частности, мнений о том, что философия предвосхищает и ведет за собой науку [for more details see: 19; 21].

Местоположение протофилософских форм идеологии – планетарная сфера, с которой она взаимодействует. При анализе и оценке той или иной формы протофилософии не стоит игнорировать конкретно-исторические условия ее формирования.

Идеология развивается в пространственно-временной природе и одновременно вырастает из нее. Если в научных трудах идеология признается следствием или проявлением исторически преходящих синкретических знаний и заблуждений, а не объективным явлением, то это свидетельствует об отсутствии понимания у авторов

методологии и критериев науки. Подобные оценки редко встречаются в академической среде. Вне рамок исторического подхода невозможно понять противоречивость современной системы идеологий, в которой диалектика единичного, особенно и общего проявляется в своеобразной форме – в переплетении элементов общечеловеческих, национальных, групповых, классовых.

Среди основных направлений для изучения идеологии можно выделить следующие: *структурное* (идеология как часть духовной жизни общества, уровень развития того или иного региона планеты, либо отдельного этноса, отношения между идеологиями и социальными структурами); *генетическое* (происхождение, соотнесение с конкретными социальными силами); *функциональное* (её социальные функции); *институциональное* (институциональное воплощение идеологий: конфигурации идеологических аппаратов, методы воздействия и механизмы манипулирования).

Если прошлый век считается веком идеологической борьбы по разным направлениям, то в нынешнюю эпоху противостояние идеологий сменяется конфликтом цивилизаций. Такой подход вытекает из того, что *проблема идеологии тесно связана с управлением глобальным обществом и отсутствием эффективных механизмов для развития геополитической коммуникации*.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что идеология в своих проявлениях является многоаспектным и разносторонним явлением, которому посвящены многочисленные научные труды и публикации [см.: 4; 6; 9; 11; 13; 14; 18; 19; 20; 21]. Эволюция понятий протофилософии и идеологии тесно связана с процессом их научного изучения.

Специфичность идеологии, в частности у тюркоязычных народов Сибири и Центральной Азии, проявляется в максимальной ее эластичности к новым социальным условиям, изменившейся духовной обстановке. Главной причиной живучести разных форм идеологии является их способность сосуществовать с другими формами культуры. Синкретизм, заложенный в самом феномене идеологии, требует серьезного междисциплинарного подхода [подробнее см.: 4; 6]. При этом методологически важно понимать, что *идеология – это не только общий статус самой идеологии как когнитивной и социальной системы среди междисциплинарных областей знания, но и вера в искусственный интеллект*, к которому человечество может прибегнуть как к последнему средству, столкнувшись с давлением окружающего мира. Это своеобразная попытка человечества ответить на следующие вопросы: как стал возможен искусственный интеллект, чем искусственный интеллект отличается от человеческого разума, понимаем ли мы потенциал искусственного интеллекта для эволюции систем идеологий и социальных убеждений. Теория идеологии должна быть

не только междисциплинарной, но и адаптивной под рамки искусственного интеллекта. Отсюда необходимость изучения идеологии как сложной и многогранной системы, которая включает в себя не только жизненно важные социальные элементы, но и новые технологические реалии, в том числе искусственный интеллект, как средство адаптации и выживания в условиях современного мира.

Обсуждение

Учитывая редкость упоминаний о протофилософских формах идеологии в научной литературе, мы решили исследовать духовное наследие, лежащее в основе общественного сознания кыргызов. Устное народное творчество представляет собой культурную основу, имеющую особое мироощущение, имеющее художественную и духовно-практическое значение. Трудно представить полную картину или образ протоформ идеологии без полного изучения народного искусства, которое является историческим источником мировоззрения кыргызов, с историко-философской точки зрения. В свою очередь, А.М. Горький отмечал, что истоки философии лежат в народной мудрости, которая является золотым истоком фольклора [3, с. 235]. Фольклор – это совокупность знаний народа, накопленных в процессе общественной работы. Такие знания жили в сознании народа в виде пословиц, сказок, легенд и повествований еще до появления письменности [1]. По своей сути такие знания были и наукой, и литературой одновременно. Устное народное творчество, отражая характер трудового процесса и методов работы, а также факторы, определяющие поведение индивидов в обществе, семье и роде, представляет собой важный элемент науки. Оно включает в себя пословицы, законы, заповеди и правила, оказавшие значительное влияние на развитие общественного и политического сознания древних людей. Роль протоформ архетипов духовного наследия и культуры заключается в формировании новой идеологии, адекватно отражающей политические и экономические проблемы современного общества, учитывающей интересы всех социальных групп и определяющей пути будущего развития страны. Прежде чем рассматривать идеологию как предмет духовного наследия, необходимо обратить внимание на ее внутреннюю структуру и характеристики.

В развитии общества духовное наследие включает в себя важнейшие элементы культуры прошлого, настоящего и будущего. В.И. Ленин: «...на какое бы явление мы ни смотрели в рамках процесса развития, оно всегда содержит в себе пережитки прошлого, основу настоящего и элементы будущего» [11, с. 81], – как он писал, каково бы ни было развитие, закономерно то, что в процесс вовлекаются элементы духовного наследия того или иного периода. Другими словами, духовное наследие – это часть прошлого, составляющая на-

стоящее. Чем более многогранна и тесная связь между духовным наследием и современностью, тем эффективнее развитие общественной жизни. Многие учёные высказали своё мнение о значении прошлого для сегодняшнего дня. Один из них, Н.А. Бердяев, делит прошлое на две части следующим образом: «...прошлое, которое исчезло, и прошлое, которое живет для нас как неотъемлемая часть сегодняшнего дня. Второе прошедшее время живет в памяти настоящего времени; это видоизменённое и обновленное прошедшее время, которое трактуется творчески, и только после этого творчества оно включается в настоящее время» [5, с. 28]. Поэтому организация общественной жизни на высоком социальном уровне зависит не только от достижений современной науки и техники, это зависит также от использования культурных и материальных ценностей прошлой эпохи, социального опыта старших поколений на высоком творческом уровне, принятия их с критической точки зрения.

Современная социальная структура, имеющая место в середине исторического развития общества, содержит в себе моменты прошлого, с одной стороны, и семена будущей жизни, с другой стороны. Иными словами, духовное наследие как ключевой элемент прошлого формирует основу сегодняшнего дня. Например, А. Уайтхед: «Прошедшее время объективно живет в настоящем времени, которое переходит в будущее время. Однако несмотря на то, что неясно, каким образом будущее имманентно содержится в предшествующих ему событиях, с точки зрения субъективно-объективной концепции опыта события настоящего имманентны друг другу. Поэтому гораздо проще в будущем посмотреть на отношение будущего к настоящему. Об этом наглядно свидетельствуют обычаи и привычки людей, которые всем нам хорошо известны ... Отмените прошлое и будущее и отложите их в сторону – настоящее время будет уничтожено. Наличие непрерывной жизни требует заполнения пустых щелей настоящего прошлым и будущим» [15, с. 592–593], – наглядно продемонстрировал диалектическую связь между этими тремя периодами. Конкретно при изучении любого явления или предмета можно сказать, что им всегда сопутствует единство триады исторического времени. Следует отметить, что использование наследия прошлого сегодня не означает повторения прошлого. Утверждения Н. Гартмана: «Современность прошлого – это не повторение или аналогия. Несмотря на то, что прошедшее время прошло, его можно назвать определенным сохранением или действительностью в прошедшем времени. Это и есть то самое, что называется погружением прошлого в настоящее» [7], – могут этому быть свидетельством. Поэтому при изучении сущности, состава и функции протофилософских форм идеологии в виде духовного наследия необходимо учитывать связь духовного наследия

с прошлым, настоящим и будущим. Однако протоформы идеологии как социального явления относительно независимы от современности, она несколько свободна в своем существовании. Между тройцей этого исторического периода нет даже очень прочной связи. Однако момент отбора создается за счет взаимодействия прошлого, настоящего и будущего. В ряде случаев в рамках современного прогрессивного развития протоформы идеологии могут отставать от общественного развития, терять свою актуальность, становиться неспособными быть непосредственным участником социальных процессов. Однако это не подразумевает отказа от протоформ идеологии, поскольку они остаются значимыми историческими символами в сознании людей и могут быть эффективно использованы в дальнейшем.

На самом первом этапе изучения содержания протоформ идеологии мы рассматриваем три принадлежащих ей свойства: 1) генетически прошедшее; 2) относящиеся к настоящему времени по выполняемой функции; 3) ее присутствие во всех сферах общественного сознания и жизни, а также ее универсальность. Трудности исследования, особенно использования, протоформ идеологии и архетипов общественного сознания связаны не с их генетически прошлым историческим периодом, а с их влиянием на развитие сегодняшнего дня. Архетипы общественного сознания возникают в ином историческом контексте прошлого и продолжают свою вторую жизнь, отражая особенности этого периода в социальной среде, совершенно отличной от предыдущей эпохи, в которой они появились. Такое явление обнажает противоречивость и сложность наследия, оставшегося от предыдущей эпохи. Излишне говорить, что не все дошедшие до нас архетипы или протоформы сегодня выполняют одну и ту же функцию. Тем не менее, социальные интересы всегда возникают вокруг духовного наследия и социальных архетипов, поскольку любая социальная группа может найти в этом духовном наследии или архетипах элементы идеологии, отражающие ее интересы. Поэтому в духовной жизни общества регулярное явление, что всегда возникают споры такого острого характера.

Неразумно делать вывод, что протоформы идеологии и прошлое образуют единство. В связи с этим мы имеем возможность разделить прошедший период на две части: во-первых, даже когда прошлый период сохраняется в некоторых исторических воспоминаниях, они не могут активно влиять на текущую жизнь, то есть теряют свою актуальность для сегодняшнего дня, а они в некотором смысле моральны и могут сохранять моральные и эстетические ценности. Ценности прошлого не могут в полной мере повлиять на нынешнюю жизнь и сохраняются лишь в исторической памяти народа не из-за длительности периода между двумя эпохами, а потому что они не могут отве-

чать интересам, потребностям и запросам текущей социальной жизни, иными словами, это «прошлое прошлого». «В истории, – говорит Гегель, – мы имеем дело с вещами, которые происходили и происходят» [8, с. 83]. Поэтому первая часть прошлого состоит из того, что произошло раньше, а та часть прошлого, которую мы используем сегодня, называется коллективным бессознательным, архетипом, наследием, социальной памятью или протоформой.

Коллективное бессознательное – термин, введенный немецким психологом Карлом Густавом Юнгом (1875–1961). Термин «коллективное бессознательное» относится к форме бессознательного (части психики, содержащей воспоминания и импульсы, не воспринимаемые индивидом), общей для всего человечества и являющейся продуктом наследственных структур мозга. В отличие от З. Фрейда, который считал, что поведение человека, страдающего психическим заболеванием, основано на каком-то неприятном событии, произошедшем в предыдущей жизни этого человека, К.Г. Юнг создал учение о «коллективном бессознательном», которое относится не к личности, а к психическому состоянию человечества в целом. Коллективное бессознательное отличается от индивидуальной формы бессознательного, в основе которой лежит личный опыт конкретного человека.

Согласно Юнгу, коллективное бессознательное сопровождается архетипами. Архетип (от греч. Arche – происхождение, typos – образ) – совокупность психических процессов и иллюзий, живущих в виде зародышей и возможностей в характерном для всего человечества коллективном бессознательном. В «аналитической психологии» Юнга архетип – это своеобразная, врожденная психическая структура, образ (мотив), формирующий содержание коллективного бессознательного и являющийся основой сновидений, мифов, сказок и других фантазий, художественных символов, принадлежащих всему человечеству. Архетип – это бессознательная форма восприятия любви, насилия, труда, счастья, справедливости или несправедливости и других фундаментальных структур социальной жизни. Архетипы повсеместно присутствуют во всех сказках, мифах, религии и даже магии и алхимии. Основными архетипами являются образ Матери-Земли, мудрого старца, дьявола и другие. Изучая содержание проблемы бессознательного, Юнг приходит к выводу, что проблема имеет общее содержание, лежащее в самой глубокой части сознания, помимо отдельных элементов [17]. Под влиянием проблемной или кризисной ситуации в личной или общественной жизни человека начинает оживать скрытый в глубинах сознания архетип. Архетипы не зависят от интеллектуального уровня, расы и культуры человека.

Прошлое, настоящее и будущее могут двигаться синхронно на основе социальной памяти обще-

ства. Течение этого периода является одним из путей движения человечества вперед. Тот факт, что общественная память включает в себя три периода исторического времени, определяет высокий уровень сознания людей. Общественная память является полигоном для испытания духовно-интеллектуального арсенала человека, нации. Об этом весьма непросто вопросе Ивар Леснер писал в предисловии к книге «Живое прошлое»: «Каждый день нашей жизни приходит только один раз, и он не повторится, этот день нельзя потерять. Только тогда вы оцените усилия, приложенные поколениями до вас, чтобы создать что-то для вас; Вы спешите воспользоваться возможностью, которую предлагает вам короткая жизнь. Только тогда вы ясно поймете, что живете в истории человечества, охватывающей тысячи лет» [16, с. 78].

Социальная память является одним из главных вопросов философии и постоянно изучается, но нас интересуют протофилософские формы идеологии, передающиеся из поколения в поколение в этой памяти. Общество в целом, как процесс развития, невозможно представить без связи с прошлым. Великий писатель кыргызского народа Ч. Айтматов так описывает память между временами, эпохами и поколениями: «...человек живет, погруженный в мимолетные мысли, формирующиеся во временных нормах сотен и тысяч лет, которые свойственны каждому из разумных существ, не лишены способности мыслить. Человек, который воспринимает события прошлого так же близко, как текущую жизнь, который увлечен прошлым так же, как он увлечен своей душой и судьбой, – человек печальный или трагический. Он сожалеет, что не смог повлиять на ход событий, предвидя последствия того или иного события, и жертвует собой во славу справедливости, которая так и не сбылась. Такая жажда установления истины есть священное дело... так новые поколения соединяются с предыдущими и даже с более ранними поколениями; на этом работа не заканчивается, жизненный опыт жизни постоянно растет, переходя из поколения в поколение через бесконечное время и пространство человеческого мира как бесконечная память через различение добра и зла. Вот почему говорят, что хотя вчерашние люди не знали, что произошло сегодня, сегодняшние люди знают события вчерашнего дня. ... Сегодняшние люди живут вчерашним днем, и если завтрашние люди забудут сегодняшний день, то говорят, что нас всех постигла катастрофа...» [2, с. 437].

По мнению В.В. Иванова, термин «сегодняшний день» (современность) имеет несколько значений с точки зрения исторического развития: 1) результат социальной практики сегодняшнего дня (современная история); 2) явление, существующее синхронно по отношению к изучаемому факту; 3) тип текущей социальной практики или явления, обуславливающие эти аспекты, да-

же если они не связаны хронологически [10, с. 6]. На наш взгляд, третье ближе к определению духовного наследия, чем первые два. Наследие и современность – две противоположности, находящиеся в одном взаимодействии и в то же время независимые друг от друга. Сегодня формируется и развивается на основе сохранившихся материалов наследия. Оно происходит из диалектических отношений между прошлым и настоящим. Вообще говоря, наследие и современный период – это разные стадии развития одного и того же явления или цепочек одного и того же процесса. Поэтому для понимания современности недостаточно изучить ее саму по себе, поскольку она развивается, приобретая современное содержание и форму на основе непосредственного вмешательства духовного наследия. Другими словами, сегодняшнее духовное наследие не может выжить без социальной основы и поддержки. Нация, лишенная прошлого социального опыта, материальной и духовной культуры, должна начать все сначала или исчезнуть. Причина в том, что естественное и нормальное развитие нации было нарушено, т.е. она осталась за пределами истории.

Духовное наследие – это не остатки прошлых эпох, не имеющие ничего общего с сегодняшним днем, это не мусор истории, а его можно рассматривать как строительный материал сегодняшнего дня. Наследие является не только основным фундаментом истории, но также может быть структурным элементом сегодняшнего дня. Наследие объективно по своим источникам и природе. Его невозможно игнорировать, оставаться равнодушным или отказываться от него.

Что касается темы исследования, то здесь речь идет лишь о критическом изучении и применении материальных и духовных ценностей прошлой эпохи, которые рассматриваются как протофилософские формы идеологии для прогрессивного развития настоящего времени. Таким образом, на основании вышеизложенного можно определить, что духовное наследие – это совокупность опыта социальной и культурной деятельности старших поколений, а также совокупность материальных и духовных ценностей, которые являются основой и составляющей сегодняшнего дня.

Духовное наследие включает в себя не только материальные и духовные ценности сегодняшних социальных форм, но и многогранный и противоречивый опыт социальных экспериментов по построению нового общества. Исходя из этого, можно сказать, что духовное наследие человечества всегда дополняется положительным и отрицательным социальным опытом. Поэтому не будет преувеличением сказать, что в духовном наследии Кыргызстана сохранились элементы бывшего социалистического общества. Определение значения духовного наследия, предоставление соответствующих характеристик дает возможность проанализировать его структуру. К материальному

наследию, прежде всего, относятся древние орудия труда, обработанные природные объекты, научные, промышленные и т.д., являющиеся частью современной материальной культуры. Во-вторых, в состав духовного наследия вполне можно включить достижения духовной деятельности старшего поколения, которые являются органичной частью современной культуры. Основными составляющими духовного наследия для нас являются художественные образы, научные, философские, политические, нравственные и правовые идеи, а также народные произведения, национальные традиции и обычаи.

Невозможно понять все прошедшие эпохи, в которых протофилософские формы идеологии были заменены новой эпохой, а также некоторые элементы прошлого, сохранившиеся и служащие сегодня. Это самая нужная, актуальная, функциональная часть прошлого на сегодня. Короче говоря, архетипы и протоформы идеологии лишь генетически связаны с прошлым. Наоборот, принять ее как уже свершившееся явление и ассоциировать только с прошлым – значит отрицать функцию протоформ идеологии сегодня, недооценивать ее содержание. Связывание протоформ только с древностью может снизить ее социальную значимость. Одним из ключевых качеств протоформ идеологии является её универсальность, что подразумевает наличие её элементов во всех сферах материальной, духовной и других аспектов социальной жизни народа. По сравнению с другими наследиями столь широкое распространение протоформ идеологии обусловлено тем, что путь нормального развития всех субъектов и явлений в обществе основан на диалектическом соотношении прошлого и настоящего, старого и нового. Например, все формы общественного сознания в той или иной степени содержат элементы духовного наследия, т.е. идеи в них сохранились из мудрого и недавнего прошлого. Элементы духовного наследия служат не только идеологии и социальной психологии, но и индивидуальному сознанию. Понимание этого уникального качества, учет положительных и отрицательных аспектов наследия, влияющего на сознание, является одним из условий успешной деятельности во всех сферах.

Деятельность по созданию идей и их систематизации по их политическому, социальному, экономическому, правовому и другим значениям приводит к возникновению идеологии. Изучение внутренних диалектических отношений форм идеологии как системы идей и определение внутреннего логического механизма возникновения одной формы идеологии с помощью другой (например, политических идей через философию и т.д.) позволяет раскрыть социальную природу процесса формирования идеологии. Если рассматривать систему идей как идеальное явление в феноменальном состоянии, то создаются условия для раскрытия социальной приро-

ды идеальности. «Идеальность – философское понятие, сформированное в рамках оппозиции «идеальность-материальность»; категория, выражающая конкретную субстанцию духа. В традиционных терминах, таких как идеализм, идеализм интерпретируется как реальность, существующая вне пространственно-временного континуума. В традиционном учении материализма оно объясняется как образ жизни объекта, отраженный в психическом мире, и жизнь субъекта» [12, с. 225]. Именно через эту идеальность может раскрыться диалектика возникновения идеалов. Рассматривая протофилософские формы идеологии как уровень развития теоретического сознания или абстрактно-логического мышления, неверно говорить, что система идей является продуктом мозговой деятельности человека.

На самом деле сознание – это свойство мозга, функция высокоорганизованной материи. Т.Я. Ойзерман по данному поводу справедливо замечает, что «...духовность, отражающая содержание идеологии, – это не только сознание и мысль. Существует духовный мир, состоящий из науки и общих знаний, многогранного искусства и религии. Понять, что наука, искусство или религия есть продукт высокоструктурированной материи и мозга, значит не понять и не объяснить подобные явления духовной деятельности во всем историческом развитии человека, человечества» [13, с. 15–16]. Идеология и ее протофилософские формы, отражающие социально-экономическую, политическую и эстетическую сферы общественной жизни, обусловлены эмоционально-психологическим восприятием содержания мира как частью духовной деятельности человека. Точнее, особая теоретическая деятельность мозга и передача духовных богатств из поколения в поколение являются основными условиями возникновения и функционирования идеологии. Одной из особенностей теоретического или идеологического мышления является то, что оно не только раскрывает сущность материи, но и предсказывает пути ее дальнейшего развития. Поэтому целью сегодняшней философской науки является разработка теории духовного развития человека, основанной на изучении духовного наследия.

Результаты исследования

Исследование углубило понимание взаимосвязи между идеологией и духовным наследием в современном обществе. Важно отметить, что эволюция идеологии в контексте духовного наследия может иметь как положительные, так и отрицательные стороны. Правильное использование и интерпретация духовного наследия способствует толерантности, солидарности и уважению культурного разнообразия, тогда как неправильная интерпретация может привести к конфликтам, расколу и социальной напряженности. Таким образом,

изучение эволюции идеологии в контексте духовного наследия важно для понимания динамики общественного развития, формирования культурной идентичности, создания гармоничного социокультурного пространства.

Литература

1. Абдылдаев М.К. Синкретизм пережитков доисламских и исламских верований киргизов / Абдылдаев М.К. – Фрунзе, 1967. – 22 с.
2. Айтматов Ч. Роман и повести / Айтматов Ч. – Фрунзе, 1988. – С. 437.
3. Архив А.М. Горького // Собр. Соч. Т. 3. / Архив – М., 1954. – С. 235.
4. Бегалиева, А.С. Религиозный туризм в Кыргызской Республике / А.С. Бегалиева, Д.А. Брусиловский. – Бишкек: Нео Принт, 2011. – 612 с. – ISBN 978-9967-12-208-6. – EDN ZNJTWB.
5. Бердяев Н.А. Философия свободного духа / Н.А. Бердяев – М., 1994. – С. 28.
6. Брусиловский Д.А. Реализация межкультурных возможностей диалога Запада и Востока в политико-правовой сфере / Д.А. Брусиловский, О.А. Тогусаков // Наука, новые технологии и инновации Кыргызстана. – 2016. – № 12. – С. 206–214. – EDN YNWLWR.
7. Гартман Н. Проблема духовного бытия. Философско-историческое введение: исследования к обоснованию философии истории и наук о духе / Николай Гартман. – Москва // Культурология: XX век: антология / Ред. С.Я. Левит. – М.: Юрист, 1995. – С. 608–648.
8. Гегель Г. Сочинения. Т. 8: Философия истории / Гегель; пер. А.М. Водена; Коммунист. акад. при ЦИК СССР, Ин-т философии. – М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1935. – 468 с. – Т. 8. – С. 83.
9. Гипертекстуальность и «Я»: деконструкция идентичности в цифровую эпоху / А.П. Гуйда, Э.Д. Апсаматова, А.Н. Смутко, Д.А. Брусиловский [и др.] // Социология. – 2024. – № 6. – С. 193–197. – EDN INOXKM.
10. Иванов В.В. Ленин о соотношении истории и современности // Вопросы истории. – 1970. – № 4. – С. 6.
11. Ленин В.И. Полн. собр. соч. / В. Ленин – Т. 1: 1893–1894. – С. 81.
12. Новейший философский словарь / Сост. А.А. Грицанов. – Минск, 1998. – С. 225.
13. Ойзерман Т.И. Опыт критического осмысления диалектического материализма // Вопросы философии. – 2000. – № 2. – С. 15–16.
14. Особенности государственного управления в условиях информационного общества / Ж.Н. Фрунзеева, А. Майрамбек, Д.А. Брусиловский, Э.Д. Апсаматова // Социально-гуманитарные знания. – 2024. – № 5. – С. 232–237. – EDN АННТВУ.
15. Уайтхед А. Избранные работы по философии / А. Уайтхед – М.: Прогресс, 1990. – 716 с. – С. 592–593.
16. Цит. по: Центральная Азия и культура мира. – 1997. – № 2–3. – С. 78.
17. Юнг К.Г. Проблемы души нашего времени / К.Г. Юнг – М.: Прогресс, 1994. – 329 с.
18. Boas G. The Role of Proto-philosophies in Intellectual History // The Journal of Philosophy. Vol. 45. No. 25. 1948. Pp. 673–84. JSTOR, <https://doi.org/10.2307/2019743>. Accessed 5 Oct. 2024.
19. Cláudio F. Costa. Philosophy as a Protoscience // Disputatio. Vol. 4. No. 34. December 2012. Pp. 591–608. <https://doi.org/10.2478/disp-2012-0022>.
20. Dange S.A. Proto-Philosophy in Myths // Journal of the Indian Musicological Society; Baroda Vol. 18. No. 2. Jan 1, 1987. 30 pp.
21. Stephen H. Daniel The Philosophy of Ingenuity: Vico on Proto-Philosophy // Philosophy & Rhetoric. Vol. 18. No. 4 (1985). Pp. 236–243.

EVOLUTION OF IDEOLOGY IN THE CONTEXT OF SPIRITUAL HERIAGE

Babashov A.K., Smutko A.N., Aliyeva Sh.K., Brusilovskii D.A., Apsamatova E.D.
National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic, Kyrgyz-Russian Slavic University, Kuwait International University, Kyrgyz National University named after Zhusup Balasagyn

This article provides a comprehensive analysis of the evolution of ideology in the context of spiritual heritage, which allows for a deeper understanding of the mechanism of the impact of ideological changes on public consciousness and social structures. The authors emphasize how ideology is formed not only in response to social and political challenges, but also on the basis of historical experience and spiritual values that were inherited by previous generations. The study begins with a consideration of the fundamental concepts of ideology and spiritual heritage, as well as their interrelationship, in particular, proto-philosophical forms of ideology. The description of historical stages of formation of various ideological currents serves as a basis for analyzing current realities and trends. In particular, it examines how globalization, technological change, and socio-cultural transformation affect the rethinking of traditional ideological concepts and their integration into contemporary social consciousness. The authors examine key examples that illustrate how spiritual heritage, including religious, philosophical, and cultural traditions, continues to influence ideological practices and social movements. Cases of traditional spiritual values interacting with contemporary ideologies are discussed, resulting in new synthetic approaches that can respond to the challenges of modernity. The conclusion emphasizes the importance of further research work in the study of ideology and spiritual heritage for a deeper understanding of social processes and cultural change. The article offers not only a generalized view of the dynamics of ideological change, but also opens new horizons for future research, emphasizing the relevance and necessity of studying the relationship between ideology and spiritual culture in a rapidly changing global context.

Keywords: spiritual heritage, ideology, proto-philosophy, traditions, social consciousness, archetypes, spiritual values, system of ideas, theoretical thinking.

References

1. Abdylidaev M.K. Syncretism of vestiges of pre-Islamic and Islamic beliefs of the Kyrgyz / Abdylidaev M.K. – Frunze, 1967. – 22 с.
2. Aitmatov Ch. Novel and stories / Aitmatov Ch. – Frunze, 1988. – С. 437.
3. Archive of A.M. Gorky // Sobr. Soch. Vol. 3. / Archive – М., 1954. – С. 235.

4. Begaliev, A.S. Religious tourism in the Kyrgyz Republic / A.S. Begaliev, D.A. Brusilovskii. – Bishkek: LLC “Neo Print”, 2011. – 612 c. – ISBN 978-9967-12-208-6. – EDN ZNJTWB.
5. Berdyaev, N.A. Berdyaev, Philosophy of free spirit / N.A. Berdyaev – M., 1994. – C. 28.
6. Brusilovskii D.A. Realization of intercultural opportunities of the dialogue between the West and the East in the political and legal sphere / D.A. Brusilovskii, O.A. Togusakov // Science, new technologies and innovations of Kyrgyzstan. – 2016. – № 12. – C. 206–214. – EDN YNWLWR.
7. Hartman N. The problem of spiritual being. Philosophical and historical introduction: studies to the justification of the philosophy of history and sciences of spirit / Nikolai Hartman. – Moscow // Cultural Studies: XX century: an anthology / Ed. by S.Y. Levit. S.Y. Levit. – Moscow: Yurist, 1995. – C. 608–648.
8. Hegel G. Works. T. 8: Philosophy of History / Hegel; per. A.M. Voden; Communist Acad. at the Central Executive Committee of the USSR, Institute of Philosophy. – Moscow: State Socio-Economic Publishing House, 1935. – 468 c. – VOL. 8. – P. 83.
9. Hypertextuality and “I”: deconstruction of identity in the digital age / A.P. Guida, E.D. Apsamatova, A.N. Smutko, D.A. Brusilovskii [et al] // Sociology. – 2024. – № 6. – C. 193–197. – EDN INOXKM.
10. Ivanov V.V. Lenin on the relationship between history and modernity // Voprosy istorii. – 1970. – № 4. – C. 6.
11. Lenin, V.I. Complete Collected Works / V. Lenin – Vol. 1: 1893–1894. – C. 81.
12. The Newest Philosophical Dictionary / Compiled by A.A. Gritsanov. A.A. Gritsanov. – Minsk, 1998. – C. 225.
13. Oizerman T.I. Experience of Critical Comprehension of Dialectical Materialism // Voprosy filosofii. – 2000. – № 2. – C. 15–16.
14. Features of public administration in the conditions of information society / J.N. Frunzeeva, A. Mayrambek, D.A. Brusilovskii, E.D. Apsamatova // Socio-humanitarian knowledge. – 2024. – № 5. – C. 232–237. – EDN AHHTVY.
15. Whitehead A. Selected works on philosophy / A. Whitehead – M.: Progress, 1990. – 716 c. – C. 592–593.
16. Cited in: Central Asia and Culture of the World. – 1997. – № 2–3. – C. 78.
17. Jung, K.G. Problems of the soul of our time / K.G. Jung – M.: Progress, 1994. – 329 c.
18. Boas G. The Role of Proto-philosophies in Intellectual History // The Journal of Philosophy. Vol. 45. No. 25. 1948. Pp. 673–84. JSTOR, <https://doi.org/10.2307/2019743>. Accessed Oct. 5. 2024.
19. Cláudio F. Costa. Philosophy as a Protoscience // Disputatio. Vol. 4. No. 34. December 2012. Pp. 591–608. <https://doi.org/10.2478/disp-2012-0022>.
20. Dange S.A. Proto-Philosophy in Myths // Journal of the Indian Musicological Society; Baroda Vol. 18. No. 2. Jan 1, 1987. 30 pp.
21. Stephen H. Daniel The Philosophy of Ingenuity: Vico on Proto-Philosophy // Philosophy & Rhetoric. Vol. 18. no. 4 (1985). Pp. 236–243.

Идеологический дискурс и искусственный интеллект в политических коммуникациях

Брусиловский Денис Александрович,

д.ф.н., начальник отдела развития международных научно-исследовательских коммуникаций «ИлимГрад», Кыргызско-Российский Славянский университет имени Б.Н. Ельцина
E-mail: denis6605@mail.ru

Апсаматова Эльвира Джумабековна,

к.ф.н., докторант, Кыргызский национальный университет имени Жусупа Баласагына
E-mail: elvira.apsamatova@mail.ru

Гао Тянь Цзинь,

PhD, докторант, Кыргызский национальный университет имени Жусупа Баласагына, доцент, колледж Тайчжоу, Нанкинский нормальный университет (Китай)
E-mail: 14024631@qq.com

Ху Сяоминь,

PhD, докторант, Кыргызский национальный университет имени Жусупа Баласагына, преподаватель, Профессионально-технический колледж сельского хозяйства, лесного хозяйства и технологии (Китай)
E-mail: 703498@qq.com

Большинство научных исследований идеологии, вместо того чтобы выйти за рамки обыденной классики, повторяют, переформулируют и переинтерпретируют традиционные подходы. Мы не ставим своей целью дискредитировать чьи-либо труды, нападать на теории величайших классиков или спорить о множестве уже существующих классических подходов. Такой спор был бы деструктивной оглядкой назад, а само исследование оставалось бы в тех же рамках дискуссий и размышлений, что и у предыдущих исследователей. Для нас основной целью является обнаружение альтернативных теоретических концепций, изучение и интегрирование тех классических идей об идеологии, которые остаются актуальными для новых методологических принципов и подходов, связанных с искусственным интеллектом.

Мы исследуем взаимосвязь между политической коммуникацией и идеологическим дискурсом в эпоху искусственного интеллекта. То, что является идеологически значимым выражением в одном дискурсе или контексте, может не совпадать с ним в другом. Это означает, что анализ идеологического дискурса очень сложен и должен учитывать все уровни текста и контекста, а также более широкий социальный фон дискурса и взаимодействия с искусственным интеллектом.

Для нас идеология – это не только междисциплинарная область знания, но и система идей, которая стремится как объяснить современный мир, так и изменить его природу. Идеология – это также и вера в искусственный интеллект, к которому человечество может прибегнуть как к последнему средству, столкнувшись с давлением окружающего мира.

Ключевые слова: идеология, дискурс, политическая коммуникация, власть, политика, искусственный интеллект, нейросети, цифровая эпоха.

Введение

Несмотря на множество различных подходов и междисциплинарных споров из-за понятия идеологии, исторические условия дебатов остаются удивительно схожими. Нас постоянно возвращают в начало XIX века, когда философ Дестют де Траси («Элементы идеологии», 1801–1805) во Франции предложил создать «науку об идеях» под названием «идеология», которая должна была раскрыть людям источник их предубеждений. Подобный подход можно обнаружить и в российском философском словаре [15, с. 264], и в англо-американском словаре современной мысли [18, р. 414].

С такой же предсказуемостью мы встретим упоминание работ К. Маркса, обычно в соавторстве с Ф. Энгельсом, а затем их западных последователей (с добавлением нео- или без него), среди которых важную роль играли Д. Лукач, А. Грамши, Л. Альтюсер. Аналогичным образом, с немарксистской стороны, мы обязательно столкнемся с целым рядом социологов, антропологов и философов, среди которых Э. Дюркгейм, М. Шеллер и К. Мангейм – лишь самые известные из них. Мы, например, изначально были знакомы с социологическими трудами Р. Арона, Э. Шилза, Д. Белла и С. Липсета. Некоторые исследователи вообще отдают предпочтения только работам позитивистов Т. Гейгера, Э. Топича, Г. Альберта. Если рассматривать идеологию в контексте критической теории общества, то обычно упоминаются такие философы как М. Хоркхаймер, Т. Адорно, Г. Маркузе, Ю. Хабермас, а в постструктурализме М. Фуко.

Как это обычно бывает в антропологии, политологии, социологии и философии, эти и другие классики по-прежнему занимают столь видное место в большинстве современных дискуссий об идеологии, так как трудно найти более аналитические и сложные исследования, которые интегрируют качественно новые концепции и представления о современных подходах в социальных и гуманитарных науках.

Методы

В ходе исследования были применены общенаучные методы: анализ, синтез, индукция, дедукция, абстрагирование, моделирование, формализация, метод восхождения от абстрактного к конкретному, аналогия, экспертный и др. Междисциплинарный

подход позволил нам раскрыть ключевые аспекты данного исследования.

Обсуждения

Пережитки классических дискуссий также фильтруются в повседневности, обыденном употреблении понятия «идеология», а именно в понимании его как набора убеждений, особенно тех, которых придерживается определенная группа, влияющая на поведение людей (альтернативные идеологии, идеология гендерных ролей). Такое понимание идеологии является справедливым, так как в своей сущности она предполагает набор ценностей и идей, на которых основана экономическая или политическая система.

С одной стороны, идеологии по определению социальны и разделяются группами людей. С другой стороны, они индивидуальны только в их личном, контекстуальном использовании, применении или реализации отдельными членами общества. В этом отношении они подобны языковым системам (или грамматикам, или дискурсивным обсуждениям).

Порой идеологию воспринимают в качестве системы искаженных или иным образом заблуждающихся убеждений, обычно ассоциирующихся с нашими социальными, религиозными, экономическими или политическими оппонентами. Критерием оценки идеологии является не ее истинная ценность, а ее когнитивная и социальная роль (например, эффективность, полезность) в управлении адаптивным мышлением и взаимодействием. При таком подходе для исследователей становится важным выявить когнитивную связь между обществом и дискурсом.

Как верно отмечает А. Марков о концепции современного философа Славой Жижека: «Идеология, по С. Жижеку, – это ложное сознание сразу многих людей, форма фантазии о реальном, «симптом» ложных представлений, объединяющих многих людей. При этом идеология невозможна без призыва к действию, без «возвышенного объекта»: например, капитализм существует не просто потому, что манит успехом, но потому что он обещает некоторую катастрофичность – например, всеобщий кризис, внутри которого можно выиграть. Поэтому идеология в наши дни невозможна без фильмов-катастроф и подобных «возвышенных» (т.е. поражающих воображение) образов.

Но идеология, согласно С. Жижеку, содержит в себе и некоторую мстительность за якобы украденное наслаждение. Например, ксенофобия всегда исходит из того, что «иностранцы забирают наши рабочие места». Хотя на практике оказывается, что никакие рабочие места они ни у кого не забирали, но их присутствие как бы крадет наслаждение заветным рабочим местом, как бы мешает мечтать о фантомном идеальном рабочем месте, поэтому идеология ведет к политическому

помешательству, основанному на неоправданной зависти» [10, с. 241]. При внимательном прочтении можно заметить, что в определении идеологии используется марксистское понятие «ложное сознание», сперва идет процесс отсылки читателя к письму Фридриха Энгельса для Франца Меринга, а затем к психоанализу Зигмунда Фрейда.

Философ Копенгагенской бизнес-школы Уле Бьерг осмысливает идеологию через идеи Славоя Жижека следующим образом: «Идеология не является выдуманной иллюзией, дающей нам возможность сбежать от невыносимой реальности, по своей сути она – фантазийная конструкция, служащая опорой для самой нашей «реальности»: «иллюзия», структурирующая наши эффективные, реальные, общественные отношения и тем самым маскирующая невыносимую, реальную, непостижимую сущность (...) Функция идеологии состоит не в том, чтобы предложить нам способ ускользнуть от нашей реальности, а в том, чтобы представить саму социальную реальность как уход от некоей травматической, реальной сущности» [7, с. 18].

Примечательным в этом ключе является вопрос о соотношении идеологии и теории коммуникации в целом. Так, в концепции одного из основоположников теории коммуникации Карла Дойча информация рассматривается в качестве механизма функционирования идеологий и социальных систем. Он исследовал использование кибернетики для изучения человеческих взаимоотношений, внедрение искусственного интеллекта в мировую политику и роль коммуникации в управлении. К. Дойч считал, что причинами дезинтеграции цивилизаций и гибели государств являются постепенное ослабление внутренней коммуникации между социальными слоями и исключение из неё низших слоев. По нашему мнению, «Человечеству необходима новая цивилизационная идеология, а для этого ему необходима качественно новая экономика, основанная приоритетно на общественной собственности на средства производства. Господствующая частнокапиталистическая собственность – это путь в никуда, путь к самоликвидации человечества. Об этом говорит всеохватывающий кризис капитализма в разных сферах: экономической, политической, социальной, духовной» [подробнее см.: 1; 2; 4].

Мы выделим три основных положения К. Дойча на политическую коммуникацию и социально-экономическое развитие.

1. *Значение политической коммуникации.* По мнению К. Дойча, политическая коммуникация играет решающую роль в поддержании стабильности и развития политических систем. Она позволяет гражданам получать информацию о политических процессах, участвовать в принятии решений и осуществлять контроль над своими лидерами.

2. *Влияние политической культуры.* К. Дойч подчеркивал влияние политической культуры на ха-

рактар политической коммуникации. Он считал, что в обществах с высокой политической культурой граждане более осведомлены о политике и обладают более высоким уровнем критического мышления, что приводит к более открытому и свободному обмену информацией.

3. *Развитие и коммуникация.* К. Дойч также связывал развитие с эффективной политической коммуникацией. Он утверждал, что экономическое и социальное развитие зависит от способности политической системы эффективно общаться с гражданами и реагировать на их потребности [12].

Взгляды К. Дойча оказали значительное влияние на развитие теории политической коммуникации и остаются актуальными для понимания роли коммуникации в современных политических системах.

В контексте данного исследования примечательным являются воззрения немецкого философа и социолога Юргена Хабермаса, который различал два типа власти в политических системах: 1) коммуникативная власть – власть, которая возникает в процессе коммуникации и основана на свободном и рациональном обмене идеями. Ю. Хабермас считал, что такая власть является легитимной, поскольку она основана на согласии и убеждении; 2) Административная власть – власть, которая применяется через политическую систему и основана на принуждении или угрозе принуждения. Ю. Хабермас полагал, что такая власть может быть легитимной, только если она основана на коммуникативной власти [16, с. 50].

Ю. Хабермас утверждал, что в политической общественности эти два типа власти пересекаются и взаимодействуют. С одной стороны, политическая общественность обеспечивает легитимную власть через процесс свободной и открытой коммуникации. С другой стороны, политическая система использует административную власть для управления политическими коммуникациями и обеспечения легитимности своих действий. По мнению Ю. Хабермаса, ключевым условием для демократической политической системы является наличие сильной и активной политической общественности, которая может формировать коммуникативную власть и контролировать применение административной власти.

Ю. Хабермас считал идеологию искаженной формой коммуникации, которая препятствует рациональному дискурсу и формированию подлинного общественного мнения. Он разработал понятие «идеальной речевой ситуации» как нормативного идеала для коммуникации, в котором все участники имеют равные возможности для выражения своих взглядов, свободны от принуждения и искажений, стремятся к достижению взаимопонимания.

В отличие от этого, Ю. Хабермас рассматривал идеологию как «систематически искаженную ком-

муникацию», которая нарушает условия идеальной речевой ситуации. Идеология, по его мнению, служит для оправдания и поддержания существующих властных отношений и привилегий, скрывая реальные интересы и противоречия за фасадом мнимого консенсуса [17, pp. 231–236].

Идеология, по Ю. Хабермасу, достигает этого искажения коммуникации следующими способами: во-первых, это легитимация власти, то есть идеология оправдывает существующее распределение власти и неравенства, представляя его как естественное и неизбежное; во-вторых, это контроль над дискурсом, иными словами идеология контролирует доступ к информации и дискурсу, подавляя или маргинализируя альтернативные точки зрения; в-третьих, искажение языка, когда идеология использует язык, чтобы замаскировать реальность и создать ложное чувство единства и согласия.

Ю. Хабермас считал, что преодоление идеологии и достижение подлинного общественного мнения требует создания условий для открытой, рациональной и инклюзивной коммуникации. Это включает в себя обеспечение равного доступа к информации, защиту свободы выражения мнения и поощрение критического мышления.

Британский социолог Энтони Гидденс подчеркивал фундаментальную роль коммуникации в формировании и поддержании социальной реальности. Он утверждал, что социальные взаимодействия и отношения возникают и развиваются через процессы коммуникации, которые позволяют людям обмениваться значениями, координировать действия и создавать общие смыслы. Э. Гидденс подчеркивал, что «позиционирование или расстановка индивидов в пространстве социальных взаимодействий составляет фундамент социальной жизни» [9, с. 20]. Понятие «позиционирования» Э. Гидденса относится к тому, как индивиды находятся и взаимодействуют в пространстве социальных взаимодействий. Он считал, что позиционирование формируется и изменяется через коммуникацию и является основой для понимания социального мира. В своей теории структуриации он утверждал, что социальная реальность является продуктом взаимодействия между структурой и действием. Структура относится к набору правил, норм и институтов, которые направляют социальное поведение, в то время как действие относится к действиям и взаимодействиям индивидов.

Коммуникация играет решающую роль в этом процессе, поскольку она позволяет людям интерпретировать и воспроизводить социальную структуру, а также вносить в нее изменения через свои действия. Позиционирование индивидов в пространстве социальных взаимодействий является ключевым аспектом этого процесса, поскольку оно определяет их доступ к ресурсам, возможностям и формам коммуникации. Э. Гидденс также подчеркивал важность рефлексивности коммуни-

кации, то есть способности людей размышлять о своих собственных коммуникативных практиках и вносить в них изменения. Это позволяет людям критически оценивать социальную реальность и вносить в нее осознанные изменения.

Так, Ю. Хабермас и Э. Гидденс признавали важность нормативного уровня в понимании общества. Однако они по-разному рассматривали его природу и роль в социальном развитии. Для Ю. Хабермаса нормативный уровень представляет собой набор универсальных принципов рациональности и коммуникации, которые служат основой для критики существующих социальных порядков и стремления к идеальному коммуникативному сообществу. Этот уровень считается относительно фиксированным и не зависящим от конкретных исторических обстоятельств.

В отличие от этого, Э. Гидденс считал нормативный уровень более гибким и изменчивым. Он утверждал, что нормы и ценности не являются жестко заданными, а скорее конструируются и перестраиваются через социальные взаимодействия в реальном времени и пространстве. Э. Гидденс подчеркивал роль рефлексивности в этом процессе. По его мнению, люди способны размышлять о своих собственных нормативных убеждениях и практиках и вносить в них изменения. Это позволяет нормативному уровню адаптироваться к изменяющимся социальным условиям и служить основой для социального творчества.

Таким образом, в то время как Ю. Хабермас рассматривал нормативный уровень как относительно фиксированный и трансцендентный, Э. Гидденс считал его более зависимым от конкретных социальных контекстов и подлежащим конструированию. Оба подхода подчеркивают важность критической рефлексии и коммуникации в формировании и изменении нормативного уровня общества [см. подробнее: 9; 16; 17].

В своей теории сетевого общества Мануэль Кастельс утверждал, что современное общество характеризуется набором взаимосвязанных потоков, которые формируют и продвигают глобальную сетевую структуру. «Под потоками я понимаю целенаправленные, повторяющиеся, программируемые последовательности обменов и взаимодействий между физически разъединенными позициями, которые занимают социальные акторы в экономических, политических и символических структурах общества» [13, с. 326], – пишет М. Кастельс. Он полагал, что эти потоки взаимосвязаны и влияют друг на друга, создавая сложную и динамичную сетевую структуру. В этом случае сетевое общество отличается от предыдущих общественных формаций своей глобализацией, взаимозависимостью и способностью к быстрой адаптации. При этом он не учитывал в своей теории, что необходима не только адаптация, но и взаимоадаптация. Но взаимоадаптация и диалог внутри идеологических структур и во всей цивилизации требуют

нового качества. Необходим поиск и нахождение новых механизмов и возможностей взаимоадаптации цивилизаций в различных сферах. Адаптация и взаимоадаптация – это неотъемлемые части идеологического дискурса, предполагающие совместный поиск ценностных, мировоззренческих и этических ориентиров духовной и материальной жизни глобального мира и будущего общечеловеческой культуры [см. подробнее: 5; 6; 7; 10; 11;]. К тому же наряду с глобализационными процессами всегда происходят и антиглобализационные.

Российские ученые внесли значительный вклад в изучение сущности политических коммуникаций и идеологического дискурса. Подчеркнем работы О.А. Барташовой и С.Е. Поляковой. В них анализируются социально-политические дискурсы с правовой и лингвистической точек зрения [3, с. 707].

Дискурс, изначально рассматривавшийся как лингвистическое понятие, в настоящее время *приобрел междисциплинарный статус*. Исследователь М.Б. Ворошилова отмечает, что политический дискурс, наряду с другими типами дискурса, проявляется в текстах, однако не ограничивается контекстами одного определенного текста. «Дискурс не ограничивается рамками собственно текста, а включает также социальный контекст коммуникации, характеризующий ее участников, процессы продуцирования и восприятия речи с учетом фоновых знаний. Дискурс – это текст в неразрывной связи с ситуативным контекстом, он выходит за пределы текста и включает в себя различные условия его реализации» [8, с. 73]. Другой российский исследователь Ю.А. Сорокин дает понятие политическому дискурсу через его соотношение с идеологическим дискурсом: «Политический дискурс есть разновидность – видовая – идеологического дискурса. Различие состоит в том, что политический дискурс эксплицитно прагматичен, а идеологический имплицитно прагматичен» [14, с. 57]. Он подчеркивал, что дискурс играет важную роль в формировании, поддержании и распространении идеологических взглядов и убеждений.

Дискурс формирует определенные способы восприятия и интерпретации политической реальности, которые соответствуют идеологическим рамкам. Таким образом, дискурс становится инструментом для продвижения и легитимации идеологических позиций. Интерпретация Сорокина подчеркивает тесную взаимосвязь между дискурсом и идеологией, признавая дискурс не просто как отражение идеологии, но как активную силу в ее формировании и распространении. Однако, как справедливо отмечается, необходимо также рассмотреть понятие идеологического дискурса с точки зрения идеологической и политической коммуникации. Такой подход позволит углубить понимание того, как идеология формируется, распространяется и поддерживается через коммуникативные процессы. Идеологический дискурс

играет решающую роль в формировании политических взглядов и поведения. Он обеспечивает систему убеждений, ценностей и норм, которые направляют и легитимизируют политические действия. Изучение идеологического дискурса с точки зрения политической коммуникации позволит лучше понять, как идеология передается и интерпретируется различными аудиториями; как идеология используется для мобилизации поддержки и легитимации политических решений; как идеология влияет на политические дебаты и отношения между различными политическими акторами и т.д.

Результаты

Если прошлый век считается веком идеологической борьбы по разным направлениям, то в нынешнюю эпоху противостояние идеологий сменяется конфликтом цивилизаций. Такой подход вытекает из того, что проблема идеологии тесно связана с управлением глобальным обществом и отсутствием эффективных механизмов для развития геополитической коммуникации.

В современную эпоху происходит осознание диалогового, коммуникативного характера процесса познания, а также направленность научных исследований и проектов на практический результат, на достижение эффективности и экономической целесообразности. Происходит активное расширение коммуникативного пространства, в которое включаются все новые и новые страны, представители широкой общечеловеческой, различных социальных и политических групп. Получает востребованность «интегративная идеология», в основе которой находится концепция сотрудничества, а не противостояния различных идеологических, духовных, религиозных, экономических и политических субъектов.

Идеология должна давать:

- объяснение причин, по которым те или иные явления стали такими, каковы они есть и как цифровая трансформация общества повлияла на механизмы формирования новой системы ценностей, которая бы разделялась значительной частью общества (как стал возможен искусственный интеллект, чем искусственный интеллект отличается от человеческого разума, понимаем ли мы потенциал искусственного интеллекта);
- указание направления развития этих явлений (руководство к активным социальным действиям и рекомендации по выбору совокупности идеалов и ценностей, конкретной идеологии среди многочисленных – партийных, культурных, религиозных, молодежных; действенные предложения о том, как поддерживать инновации в искусственном интеллекте);
- критерии различения действенных и несущественных аргументов на геополитической арене

(следует ли нам быть пессимистами или оптимистами в отношении искусственного интеллекта и ядерного конфликта).

В контексте искусственного интеллекта современная теория идеологии должна анализировать и объяснять следующее: – общий статус идеологии как когнитивной и социальной системы; – различия между идеологиями и другими системами (наборами идей, взглядов, идеалов); – компоненты и внутреннюю организацию идеологий; – отношения между идеологиями и другими разделяемыми социальными представлениями; – отношения между идеологиями и ценностями; – отношения между идеологиями и нейросетями; – отношения между идеологиями и социальными структурами; – отношения между идеологиями и группами, их геополитическими интересами; – институциональное воплощение идеологий; – отношения между идеологией и властью; – отношения между идеологией и политической коммуникацией; – цифровую трансформацию идеологии в современном обществе: как идеологии приобретаются, используются и изменяются с появлением искусственного интеллекта; как воспроизводятся идеологии в условиях цифровой трансформации общества; как идеологии выражаются в социальных практиках и нейросетях; как идеологии выражаются и воспроизводятся в виртуальном дискурсе.

В общем, если мы хотим знать, как на самом деле выглядят идеологии, как они работают и как они создаются, изменяются и воспроизводятся, то нам необходимо внимательно изучить их дискурсивные проявления при помощи человеческого потенциала и искусственного интеллекта. В обширной области изучения идеологии, человеческого познания и искусственного интеллекта необходима междисциплинарная теория, объясняющая их природу, структуры и функции. Иными словами, теория идеологии, прежде всего, должна быть междисциплинарной и адаптивной под рамки искусственного интеллекта.

Литература

1. Апсаматова Э.Д. Пространство современных культур и цивилизаций в поиске идентификационных оснований / Э.Д. Апсаматова // Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве. – 2022. – Т. 1, № 11. – С. 35–39. – EDN IXCJAN.
2. Апсаматова Э.Д. Цифровая идентичность как атрибут информационной реальности / Э.Д. Апсаматова // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. – 2024. – Т. 24, № 2. – С. 32–36. – DOI 10.36979/1694–500x-2024–24–2–32–36. – EDN ERXVHC.
3. Барташова О. А., Полякова С.Е. Манипулирование механизмом эпистемической бдительности в политико-правовых дискурсах // СФУ.

- Гуманитарные и социальные, новые науки. – 2018. – № 5. – С. 707–715.
4. Бегалиева А.С. Религиозный туризм в Кыргызской Республике / А.С. Бегалиева, Д.А. Брусиловский. – Бишкек: Нео Принт, 2011. – 612 с. – ISBN 978-9967-12-208-6. – EDN ZNJTWB.
 5. Брусиловский Д.А. Два мира – две интеграции: специфика соприкосновения цивилизаций с исламофобией / Д.А. Брусиловский, И.И. Есипов // Вопросы политологии. – 2019. – Т. 9, № 6(46). – С. 1282–1294. – EDN RPIMVN.
 6. Брусиловский Д.А. Реализация межкультурных возможностей диалога Запада и Востока в политико-правовой сфере / Д.А. Брусиловский, О.А. Тогусаков // Наука, новые технологии и инновации Кыргызстана. – 2016. – № 12. – С. 206–214. – EDN YNWLWR.
 7. Бьерг У. Как делаются деньги? Философия посткредитного капитализма [оригинальное название: Making Money. The Philosophy of Crisis Capitalism]. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2018. – 312 с. – С. 18.
 8. Ворошилова М.Б. Креолизованный текст в политическом дискурсе. Креолизованный текст в политическом дискурсе // В кн. Политическая лингвистика. – 2007. 3(23). – С. 73–78.
 9. Гидденс Э. Устроение общества. – М.: Академический проект, 2005. – 528 с.
 10. Деньги / Аристотель, Бенедикт Спиноза, Карл Маркс; авт.-сост. Александр Марков. – М.: АСТ, 2024. – 288 с. – С. 241.
 11. Диалог культур и взаимоадаптация цивилизаций в условиях мегасоциальной интеграции / К.А. Ажыбекова, О.А. Тогусаков, Д.А. Брусиловский [и др.] // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. – 2018. – Т. 18, № 1. – С. 128–135. – EDN YSP-CDM.
 12. Дойч К. Нервы правительства: модели политической коммуникации и контроля. – Нью-Йорк: Free Press, 1966. – 316 с.
 13. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. – М.: ВГЭ, 2000. – 606 с.
 14. Сорокин Ю.А. Политический дискурс: попытка истолкования объяснения. Политический дискурс как попытка интерпретации понятия. Политический дискурс в России: Материалы рабочего совещания. – М.: НИОПИК, 1997. – С. 57–62.
 15. Философский словарь / Под ред. А.А. Гусейнова и Ю.Н. Солодухина. Сост. П.П. Апрышко, А.П. Поляков. – 9-е изд., дораб. и доп. – М.: Мир философии, Алгоритм. 2021. – 942 с. – С. 264.
 16. Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. [Демократия. Разум. Мораль]. – М.: Академия, 1995. – 245 с.
 17. Khabermas Ju. «The Public Sphere» in Seidman, S. (ed.). Jurgen Habermas on Society and Politics. – Boston: Beacon Press, 1973. – Pp. 231–236.
 18. The Norton dictionary of modern thought / edited by Alan Bullock and Stephen Trombley; assistant editor, Alfred Lawrie. – 2nd rev. ed. – 933 pp. – P. 414.

IDEOLOGICAL DISCOURSE AND ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN POLITICAL COMMUNICATIONS

Brusilovskii D.A., Apsamatova E.D., Gao Tianjing, Hu Xiaomin

Kyrgyz-Russian Slavic University, Kyrgyz National University named after Zhusup Balasagyn, Nanjing Normal University (China), Vocational College of Agriculture, Forestry and Technology (China)

Most scientific studies of ideology, instead of going beyond the ordinary classics, repeat, reformulate and reinterpret traditional approaches. We do not aim to discredit anyone's work, attack the theories of the greatest classics, or argue about the multitude of classical approaches that already exist. Such a dispute would be a destructive look back, and the study itself would remain within the same framework of discussion and reflection as previous researchers. For us, the main goal is to discover alternative theoretical concepts, study and integrate those classical ideas about ideology that remain relevant for new methodological principles and approaches related to artificial intelligence.

We explore the relationship between political communication and ideological discourse in the era of artificial intelligence. What is an ideologically significant expression in one discourse or context may not coincide with it in another? This means that the analysis of ideological discourse is very complex and must take into account all levels of text and context, as well as the broader social background of discourse and interaction with artificial intelligence.

For us, ideology is not only an interdisciplinary field of knowledge, but also a system of ideas that seeks both to explain the modern world and to change its nature. Ideology is also a belief in artificial intelligence, which humanity can resort to as a last resort when faced with the pressure of the outside world.

Keywords: ideology, discourse, political communication, power, politics, artificial intelligence, neural networks, the digital age.

References

1. Apsamatova E.D. The space of modern cultures and civilizations in search of identification grounds / E.D. Apsamatova // Social integration and development of ethno-cultures in the Eurasian space. – 2022. – Т. 1, № 11. – С. 35–39. – EDN IXCJAN.
2. Apsamatova E.D. Digital identity as an attribute of information reality / E.D. Apsamatova // Bulletin of the Kyrgyz-Russian Slavic University. – 2024. – Т. 24, № 2. – С. 32–36. – DOI 10.36979/1694–500x-2024–24–2–32–36. – EDN ERXVHC.
3. Bartashova O. A., Polyakova S.E. Manipulating the mechanism of epistemic vigilance in political and legal discourses // SFU. Humanities and social, new sciences. – 2018. – № 5. – С. 707–715.
4. Begaliev A.S. Religious tourism in the Kyrgyz Republic / A.S. Begaliev, D.A. Brusilovsky. – Bishkek: LLC "Neo Print", 2011. – 612 с. – ISBN 978-9967-12-208-6. – EDN ZNJTWB.
5. Brusilovsky, D.A. Two worlds – two integrations: the specifics of the contact of civilizations with Islamophobia / D.A. Brusilovsky, I.I. Esipov // Voprosy politologii. – 2019. – Т. 9, № 6(46). – С. 1282–1294. – EDN RPIMVN.
6. Brusilovsky D.A. Realization of intercultural opportunities of the dialogue between the West and the East in the political and legal sphere / D.A. Brusilovsky, O.A. Togusakov // Science, new technologies and innovations of Kyrgyzstan. – 2016. – № 12. – С. 206–214. – EDN YNWLWR.
7. Bjerg U. How is Money Made? The Philosophy of Post-Credit Capitalism [original title: Making Money. The Philosophy of Crisis Capitalism]. – Moscow: Ad Marginem Press, 2018. – 312 с. – С. 18.
8. Voroshilova M.B. Creolized text in political discourse. Creolized text in political discourse // In V kn. Political linguistics. – 2007. 3(23). – С. 73–78.

9. Giddens E. The Structure of Society. – Moscow: Academic Project, 2005. – 528 c.
10. Money / Aristotle, Benedict Spinoza, Karl Marx; author-composer. Alexander Markov. – M.: AST, 2024. – 288 c. – C. 241.
11. Dialogue of cultures and mutual adaptation of civilizations in the conditions of megasocial integration / K.A. Azhybekova, O.A. Togusakov, D.A. Brusilovsky [et al] // Bulletin of the Kyrgyz-Russian Slavic University. – 2018. – T. 18, № 1. – C. 128–135. – EDN YSPCDM.
12. Deutsch K. The nerves of government: models of political communication and control. – New York: Free Press, 1966. – 316 c.
13. Castells M. Information Age: Economy, Society and Culture. – M.: VGE, 2000. – 606 c.
14. Sorokin Y.A. Political discourse: an attempt to interpret the explanation. Political discourse as an attempt to interpret the concept. Political Discourse in Russia: Proceedings of the Workshop. – M.: NIOPIK, 1997. – C. 57–62.
15. Philosophical Dictionary / Edited by A.A. Huseynov and Y.N. Solodukhin. Compiled by. P.P. Apyrshko, A.P. Polyakov. – 9th ed., rev. and supplement. – M.: Mir filosofii, Algorithm. 2021. – 942 c. – C. 264.
16. Habermas J. Democracy. Reason. Morality. [Democracy. Reason. Morality]. – Moscow: Academia, 1995. – 245 c.
17. Habermas Ju. «The Public Sphere» in Seidman, S. (ed.). Jürgen Habermas on Society and Politics. – Boston: Beacon Press, 1973. – Pp. 231–236.
18. The Norton dictionary of modern thought / edited by Alan Bullock and Stephen Trombley; assistant editor, Alfred Lawrie. – 2nd rev. ed. – 933 pp. – P. 414.

Современные когнитивные практики в социальной философии: аналитическая и герменевтическая методология

Равочкин Никита Николаевич,

д.ф.н., доцент, профессор кафедры истории, философии и социальных наук Кузбасского государственного технического университета имени Т.Ф. Горбачева, профессор кафедры педагогических технологий Кузбасского государственного аграрного университета имени В.Н. Полецкого
E-mail: nickravochkin@mail.ru

Рвалов Павел Николаевич,

к.ф.н., доцент, кафедры истории, философии и социальных наук Кузбасского государственного технического университета имени Т.Ф. Горбачева
E-mail: rvalovpn@kuzstu.ru

Закиров Станислав Анварьевич,

аспирант кафедры онтологии, теории познания и социальной философии Национального исследовательского Томского государственного университета
E-mail: zakirov-mars@mail.ru

В статье рассматривается применение аналитической и герменевтической методологии к изучению современных когнитивных практик в социально-философском дискурсе. Обозначается перестройка принципов и методов мышления в наличных условиях социального бытия. Актуализируется поиск новых исследовательских инструментов для изучения обозначенных практик. Приводятся позиции классиков и современников, раскрывающие различные взаимосвязи между когнитивными практиками и их реализацией в современном обществе. Отмечается высокая роль цифровизации при постижении ментальных моделей. Делается акцент на актуальном состоянии нейронаук. Показывается текущее положение коммуникации и знания, открывающих пути для понимания участников социальных интеракций. Демонстрируется высокая роль языка. Определяется прикладная роль герменевтической оптики. В заключение сформулированы выводы, дополняющие теоретико-методологические основания изучения когнитивных практик в современной социальной философии.

Ключевые слова: когнитивные практики, общество, язык, коммуникация, контекст, интерпретация, смысл.

В современности появляется необходимость поиска новых оснований и методик проведения познавательного процесса, такого, который смог бы позволить стать основанием, регламентом получения новых данных, адекватно отражающих как познаваемый предмет, так и отразить сущность познающего субъекта. Обращает на себя внимание решение проблемы современных когнитивных практик в когнитивной аналитической философии. В современной научной литературе существует целый пласт работ, в которых проводится целостное изучение сущности аналитической философии и ее использования в области когнитивных практик. К примеру, отметим весьма сильную работу М. Фаликман, в которой исследователь высказывает положение о том, что существует когнитивная наука, которая сочетает в себе достижения в различных областях знания о принципах, методах и способах человеческого мышления [10]. Психология, этнология, логика, искусственный интеллект – все это входит в область когнитивной науки и анализируется когнитивной аналитической философией.

Когнитивная наука как область знания базируется на нескольких структурных элементах, к которым можно отнести:

- изобретение компьютеров, а также множество попыток создания компьютерных программ, обладающих способностью решать такие задачи, которые изначально решались исключительно людьми;
- возникновение и трансформация экспериментальной психологии познания, включенной в систему так называемой когнитивной психологии. В рамках представленной концепции информация трактуется как переработка информации. Центральным является процесс выявления и анализа «внутренних информационных процессов, задействованных в восприятии, памяти, мышлении, речи и др.» [10, с. 4];
- создание и развитие лингвистики, элементом которой мыслится теория порождающей грамматики.

Кроме всего прочего, когнитивная наука своими истоками имеет трансформацию когнитивной психологии, в которой принципиальным становится переход от классической психологии к психоанализу и бихевиоризму к экспериментальной психологии Ф.Ч. Бартлера, эпистемологии Ж. Пиаже, а также развитию нейропсихологии (в частности, имеется в виду творчество А.Р. Лурия и Л.С. Выготского).

Аналитическая философия в современных ее форматах предметом своего изучения делает поиск, анализ и рафинирование информации, которая по своей природе получается через использование множества совершенно разнообразных источников получения данных. На этом основании представители аналитической философии полагают, что когнитивные процессы предполагают необходимость учитывать данные ряда когнитивных наук, среди которых следует выделить экспериментальную психологию познания, философию сознания, нейронауку, когнитивную антропологию, данные, получаемые в области компьютерных наук и искусственного интеллекта, и ряда других областей [6].

Так, в частности, когнитивная антропология как область знания, дающая некоторое количество данных для анализа представителям аналитической когнитивной философии, обладает собственным предметом изучения, который может быть определен так: это «система ментальной организации элементов культуры, а не сами по себе элементы культуры» [4, с. 88–89]. Очевидным фактом является принцип уникальности восприятия, мышления, поведения, эмоций у различных народов, что формирует в значительной степени все формы и способы реализации когнитивных практик народов мира. При этом познание человеком мира зависит от сигналов, поступающих в головной мозг. Все эти сигналы обрабатываются, систематизируются, что позволяет сформировать целостную картину мира у конкретного субъекта, человека. Здесь следует заметить, что поступающие в головной мозг сигналы обрабатываются как естественным путем через физиологические особенности восприятия конкретного субъекта, так и культурно обусловленным путем. Второй элемент когнитивных практик для современной когнитивной аналитической философии принципиален, поскольку требует необходимость анализа культурно обусловленных форм и способов преобразования поступающих сигналов.

В конечном счете получаемая и объединенная информация систематизируется в так называемых когнитивных категориях как ментальных, интеллектуальных моделях. На основании последних в рамках когнитивной антропологии культура мыслится как «совокупность человеческих когнитивных категорий, через которые только и реализуется процесс познания, состоящий в осмыслении и ментальной организации действительности» [7, с. 113]. Исходя из этого представителями когнитивной аналитической философии полагается необходимость учитывать особенности развития культуры для понимания системы мышления и процессов познания человека, целого сообщества, а также механики реализации всех возможных когнитивных практик.

Представленная схема размышления близка общей логике развития когнитивной семанти-

ки, представители которой полагают, что «каждый язык эквивалентен определенной системе концептов, посредством которой носители языка воспринимают, структурируют, классифицируют и интерпретируют поток информации, поступающей из окружающего мира и общества, в котором обитает индивид» [7, с. 113–114]. Мы видим, что в рамках когнитивной аналитической философии полагается необходимость использовать ресурсы семантики как области анализа множества значений, которое формирует целую культуру и позволяет сформировать основания для взаимного понимания целого поля социальных познающих субъектов. Когнитивные практики последних являются с одной стороны, схемами использования имеющихся значений, а с другой – основанием их формирования.

Кроме того, важным представляется тот факт, что представители когнитивной аналитической философии указывали на необходимость переосмысления статуса самой философии через ее натурализацию. Смысл такого положения сводится рядом ученых (к примеру, У. Куайном) к отказу философии от претензий на нормативизм и направлению усилий к обобщению данных в области психологии и наук о мозге. Формируется, таким образом, «натурализованная эпистемология» и гипотетическая будущая нейронаука, чей предмет изучения связывается с анализом работы компьютерной техники по образу и подобию функционирования головного мозга [9].

Кроме того, в рамках когнитивной аналитической философии ценным становится совмещение когнитивных наук, имеющих дескриптивный характер (в значении ресурсов и способностей описания предмета изучения) и философии как нормативной (аскриптивной) области знания. Как показывает В.А. Лекторский [5], натурализация эпистемологии как основания когнитивных практик позволяет не терять когнитивным наукам своего дескриптивного характера, а философии – ее нормативных принципов: «эпистемология может критически анализировать предпосылки когнитивных наук и обогащаться за счет полученных в них результатов» [9, с. 44]. Все это предполагает возможность и способность философии формулировать общие принципы когнитивных практик, создавать идеальные их образцы.

В результате, на основании так понимаемых когнитивных практик возникает целое направление, которое современные ученые обозначают как когнитивную социологию – область знания, предметом которой являются социально обусловленные особенности мышления индивидов и социальных групп. Наука в рамках такой дисциплины имеет социальную природу, поскольку процесс научного поиска во всех его проявлениях, методах и уровнях имеет субъективно-детерминированный характер. Когнитивные практики ученых в отношении одного и того же предмета изучения сви-

детельствуют о свободе выбора методов познавательных методов и приемов, что, однако, накладывает на исследователя определенный уровень ответственности за проводимый анализ.

Как итог, можно говорить о том, что когнитивные практики в рамках аналитической философии трактуются как определенная методология познавательной деятельности, которая имеет междисциплинарный характер и связана со множеством значений, которые транслируются с помощью результатов научного поиска. При этом отмечается укорененность исследователей в исторической ретроспективе, а также в системе социальных форм интеракций. Когнитивные практики в интерпретации представителей аналитической философии имеют субъективно-детерминистский характер, поскольку ученый обладает свободой выбора методов познания, осознавая при этом степень ответственности за получаемый результат [1, с. 31]. Кроме того, результаты когнитивных практик должны, с точки зрения представителей аналитической философии, укладываться в логическую систему, которая имеет интерактивный, интрасубъективный характер базовых задач.

Всякая научная деятельность понимается как двуединый информационный процесс единения потока информации и вывода, который из него следует. Интрасубъективные формы взаимодействия (общение, критика, игры, конференции и иные формы обсуждения получаемых результатов познавательного процесса) позволяют развивать любые формы и способы реализации когнитивных практик. При этом рациональные и эмоциональные основания процесса осмысления данных позволяют в максимальной форме интерпретировать получаемую информацию и одновременно актуализировать ее на практике.

В истории философии существует еще одна концепция, в рамках которой реализуется понимание когнитивных практик человека. Речь идет о всей возможной герменевтической традиции, которая со времен античности трактовалась как искусство толкования знаков и стремление выявить скрывающееся за ними значение. На протяжении философской традиции данная концепция претерпевала некоторые изменения в зависимости от изучаемых аспектов и требований предмета изучения.

Ряд исследователей, среди которых можно выделить Е.Н. Шульгу, указывают, что проблемным полем для герменевтики является толкование двух взаимосвязанных элементов. С одной стороны, это – система понятий, каждому из которых (как, например, в античности) придавалось множество значений и глубинных смыслов [11, с. 59]. Интерпретация значений предполагала возможность анализа их использования в конкретном контексте и необходимым способом. Как следствие, тот или иной определенный термин встраивался в конкретную философскую (научную) систему необхо-

димым образом и позволял объяснить группу процессов и элементов мироздания.

С другой стороны, герменевтика предполагала интерпретацию целой концепции, доктрины того или иного мыслителя (например, античного), что опиралось на эмпирический опыт, который подвергался обобщению и систематизации. Таким образом, в античном мире герменевтика воспринималась как искусство получения знания, причем такое, в рамках которого формировался эффект его преемственности: одно знание становилось основанием для другого. В различных античных концепциях высказывались различные аспекты данного процесса, однако принципиальным оставалось одно: герменевтика суть искусство получения и достижения знания.

В дальнейшем показывает, что философский поиск сущности герменевтики знания сводился к осмыслению врожденных его оснований (Р. Декарт, Г.В. Лейбниц, И. Кант), для которых герменевтической проблемой становится осмысление способов получения и осмысления врожденного знания. Тем не менее, ценным остается одно: знание как таковое сохраняет свою ценность как вневременной истины, а герменевтика мыслится как один из методов его получения и осмысления [11]. Трансформация герменевтики как методологии постижения связывается некоторыми другими исследователями с отказом от нормативности как наличия доминирующих принципов миропонимания в XIX – начале XX века. У.В. Сидорова демонстрирует, что такие известные герменевты, как Ф. Шлейермахер, В. Дильтей и Г.Г. Гадамер сводили искусство понимания к положению о необходимости учитывать исторический контекст как важный элемент понимания и толкования текстов. Более того, учеными полагалось, что культура – это и есть система текстов, который должен быть интерпретирован в соответствии с установками исторического периода, а также множества соответствующих форм коллективной интеракции [8].

Как следствие, возникает целый пласт философского, историко-культурного и иного понимания текста, который подвергается герменевтическому переосмыслению. При этом с середины XIX века возникает целый комплекс идей, который включает в себя идею о так называемой когнитивной герменевтики – области знания, в которой познания всего комплекса данных должен интерпретироваться как единство рационального и иррационального, научного и ненаучного в системе поведения человека.

Так, известно, что Ф. Шлейермахер призывал к реконструкции первоначального замысла автора, а также использованию известного герменевтического круга (метафора, позволяющая описать эффективное взаимное дополнение толкование целого текста и его структурных элементов). Предполагается, что именно автор, говорящий в рамках собственной культуры, оказывается едва ли не опре-

деляющим, главным субъектом познавательной деятельности. Когнитивная герменевтика в таком случае определяет перспективы постижения социального мира не с точки зрения познающего субъекта, а с позиций согласования двух субъектов познания: познаваемого и познающего. Принципиальным оказывается интерактивность совместного бытия множества субъектов герменевтики.

В. Дильтей в своем разделении наук на те, что о природе и те, что о духе, ввел в использование концепт «переживания» как «проживания жизни» и тем самым указал на необходимость двух важных элементов. С одной стороны, речь идет о важности включенности познающего субъекта в процесс жизни, социальной и исторической реальности. С другой стороны, именно понимание и истолкование как методология герменевтика позволяет вникнуть в истины наук о духе и открыть определенный жизненный мир конкретной культуры [3, с. 115], исторической эпохи, в целом – всего того, что характеризует предмет изучения наук о духе. М. Хайдеггер включил в понимание герменевтики практику опрашивания бытия. В таком ракурсе когнитивные практики стали включать в себя антропологическое измерение понимания и интерпретации: познание как таковое обладает человекомерным измерением, избавиться от которого становится принципиально невозможным. Человек невозможен без своего отношения к миру, а значит, его когнитивные практики имеют не просто субъективный, но еще и общеантропологический, культурный, исторический контекст, определяющий функционирование процесса познания. Г.Г. Гадамер, изучая сущность герменевтики, указывал на функционирование процесса понимания как фундаментального процесса. Понимание и интерпретация мыслятся отныне как универсальные основания и принципы толкования культуры, организованной на основе языка.

Современная когнитивная герменевтика впитала в себя исторический опыт предшествующих ее форм и вариаций, поэтому предметом ее изучения становится процесс интерпретации понятий, в то время, как главным оказывается необходимость учитывать контекст для сравнения содержания понятий. В своем существе «современная когнитивная герменевтика ориентируется на смысловой контекст интерпретируемого текста и утверждает, что трудности понимания часто связаны с понятийным расхождением, которое встречается в различных интерпретациях одного и того же текста или отдельного высказывания» [11, с. 59]. Следует отметить, что современные герменевты расширяют предметное поле своего изучения на все общество, полагая, что социум представляет собой множество языковых высказываний, каждое из которых интерпретируется участниками социальной интеракции с целью достижения взаимного понимания. Истолкование того, что происходит в мире, личного отношения к не-

му и всего многообразия межличностных отношений – вот три необходимых элемента когнитивной герменевтики современности.

Отсюда можно сделать вывод о том, что когнитивные практики в современной социальной философии связываются в первую очередь с необходимостью реализации коммуникационной интеракции и достижения согласованных социальных практик. Когнитивные практики, таким образом, должны быть основаны на факте консенсуса для взаимного понимания в системе социальных познавательных процессов [2]. На этом основании предметом современной когнитивной герменевтики оказывается ситуация коммуникации, а также все множество общепринятых допущений, знаков, символов и значений, которые так или иначе вплетены в структуру этих коммуникационных (когнитивных) практик.

Современные когнитивные практики в социальной философии предполагают не просто получение знания о протекающих общественных взаимодействиях. Они становятся основанием «вчувствования» в процесс коммуникативно интеракции, а также вывести данный процесс на теоретический, научный уровень, контролируя, тем самым, процесс познания и формируя более эффективно интеракции между участниками общественного процесса. В целом, мы видим, что современные когнитивные практики в социальной философии могут быть сведены к анализу и интерпретации языковой реальности, которая распространяется на все общественные формы интеракции. Предполагается, что так понимаемые когнитивные практики включают в себя необходимость учитывать социальные и исторические основания бытия человека, его место в системе интеракций. Знания и интерпретации общественных интеракций – вот, что может считаться результатом когнитивных практик в современной социальной философии.

Литература

1. Боброва Л.А. Новый проект аналитической философии: Аналитический обзор. – М.: РАН. ИНИОН, 2013. – 72 с.
2. Борисенкова А.В. Герменевтические проекты в социологии (на примере работ Ю. Хабермаса и П. Рикера) // Социологическое обозрение. 2007. Т. 6. № 2. С. 39–49.
3. Дильтей В. Введение в науки о духе // Зарубежная эстетика и теория литературы 19–20 вв. Трактаты, статьи, эссе. – М., 1987. – С. 184 с.
4. Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. – М.: Мысль, 1994. – 602 с.
5. Лекторский В.А. Философия перед лицом когнитивных исследований // Вопросы философии. 2021. № 10. С. 5–17.
6. Максимов Л.В. Когнитивная наука: новая жизнь старых парадигм // Философская мысль. 2017. № 11. С. 11–24.

7. Мишина Т.В. Когнитивизм как междисциплинарный подход в социальных исследованиях // Вестник Бурятского государственного университета. 2010. № 6. С. 110–114.
8. Сидорова У.В. Герменевтика как одна из ведущих современных когнитивных практик: историко-философский аспект // Вестник ЮУрГУ. Социально-гуманитарные науки. 2007. № 24 (96). С. 119–122.
9. Сущин М.А. Что философия и когнитивные науки могут дать друг другу? // Философская мысль. 2023. № 10. С. 40–50.
10. Фаликман М. Когнитивная наука: основоположения и перспективы // Логос. 2014. № 1 (97). С. 1–18.
11. Шульга Е.Н. Когнитивная герменевтика: знание и понимание // Вестник МГПУ. Серия: философские науки. 2020. № 3 (35). С. 54–61.

CONTEMPORARY COGNITIVE PRACTICES IN SOCIAL PHILOSOPHY: POSTMODERN AND PHENOMENOLOGICAL METHODOLOGY

Ravochkin N.N., Rvalov P.N., Zakirov S.A.

Kuzbass state technical university named after T.F. Gorbachev, Kuzbass state agricultural university named after V.N. Poletskov, National research Tomsk state university

The article considers the application of analytical and hermeneutic methodology to the study of modern cognitive practices in socio-philosophical discourse. It outlines the restructuring of the principles and methods of thinking in the current conditions of social existence. The search for new research tools for studying the aforementioned practices is updated. The positions of classics and contemporaries are given, revealing various relationships between cognitive practices and their implementation in modern society. The high role of digitalization in comprehending mental models is noted. Emphasis

is placed on the current state of neuroscience. The current state of communication and knowledge is shown, opening the way for understanding the participants in social interactions. The high role of language is demonstrated. The applied role of hermeneutic optics is determined. In conclusion, conclusions are formulated that replenish the theoretical and methodological foundations for studying cognitive practices in modern social philosophy.

Keywords: cognitive practices, society, language, communication, context, interpretation, meaning.

References

1. Bobrova L.A. New project of analytical philosophy: Analytical review. – Moscow: RAS. INION, 2013. – 72 p.
2. Borisenkova A.V. Hermeneutic projects in sociology (on the example of the works of J. Habermas and P. Ricoeur) // Sociological review. 2007. Vol. 6. No. 2. Pp. 39–49.
3. Dilthey W. Introduction to the sciences of the spirit // Foreign aesthetics and theory of literature of the 19th – 20th centuries. Treatises, articles, essays. – Moscow, 1987. – Pp. 184 p.
4. Levy-Bruhl L. Supernatural in primitive thinking. – Moscow: Mysl, 1994. – 602 p.
5. Lektorsky V.A. Philosophy in the face of cognitive research // Questions of philosophy. 2021. No. 10. Pp. 5–17.
6. Maksimov L.V. Cognitive Science: New Life of Old Paradigms // Philosophical Thought. 2017. No. 11. Pp. 11–24.
7. Mishina T.V. Cognitivism as an Interdisciplinary Approach in Social Research // Bulletin of the Buryat State University. 2010. No. 6. Pp. 110–114.
8. Sidorova U.V. Hermeneutics as One of the Leading Modern Cognitive Practices: Historical and Philosophical Aspect // Bulletin of SUSU. Social and Humanitarian Sciences. 2007. No. 24 (96). Pp. 119–122.
9. Sushchin M.A. What Can Philosophy and Cognitive Sciences Give Each Other? // Philosophical Thought. 2023. No. 10. P. 40–50.
10. Falikman M. Cognitive Science: Fundamentals and Prospects // Logos. 2014. No. 1 (97). P. 1–18.
11. Shulga E.N. Cognitive Hermeneutics: Knowledge and Understanding // Bulletin of Moscow State Pedagogical Univ. Series: Philosophical Sciences. 2020. No. 3 (35). P. 54–61.

Философские основания дискуссий в области образовательной политики: на примере дискурса о ваучерном финансировании школ

Тылик Артем Юрьевич,

к.ф.н., директор ГАУ ДПО ЯНАО «Региональный институт развития образования»
E-mail: tay@riroyanao.ru

В статье рассматривается актуальная проблема философского дискурса образовательной политики на примере ваучерного финансирования школ.

Цель статьи – показать философские основания дискуссий в области образовательной политики. Рассматривается дискуссия между сторонниками и противниками ваучеров в образовании. Показано, что дискуссия не может быть разрешена посредством эмпирических исследований, поскольку в ее основе лежит противопоставление ценности выбора и ценности общности. Показано, что аргументы сторонников ваучеров в образовании фундированы философией либерализма, а аргументы противников – философией коммунитаризма. В рамках проведенного исследования были использованы как отечественные, так и зарубежные источники.

По итогу проведенного исследования сделан вывод о том, что о философской природе аргументов, лежащих в основании решений в области образовательной политики.

Ключевые слова: философия образования, образовательная политика, ваучеры в образовании, либеральные ценности в образовании, коммунитаристские ценности в образовании.

Система образования – это важнейший общественный институт, решающий множество экономических, культурных, социальных и государственных задач. При этом, политик, работающий в сфере образования, сталкивается с необходимостью регулярно совершать выбор между альтернативными возможностями построения системы администрирования учебным заведением. Зачастую, этот выбор совершается в контексте интенсивной полемики, к которой оказываются вовлечены самые разнообразные категории граждан – родители, педагоги, теоретики и журналисты. На повестке дня такого дискурса, как правило, возникают следующие вопросы: «Нужно ли поддерживать развитие частных школ или все дети должны учиться в одинаковых условиях? Правильно ли делить детей по классам на основе их способностей, выявленных в ходе экзаменов? Что лучше: придерживаться единого образовательного стандарта или поощрять разнообразие школ? Стоит ли дать директору свободу в определении заработной платы учителя? Должны ли дети носить школьную форму?» Список принципиальных вопросов может быть практически бесконечным.

В этой ситуации политик естественным образом оказывается перед необходимостью поиска устойчивых инструментов и критериев, позволяющих сделать *правильный* выбор. Такая вполне естественная потребность привела в последние два десятилетия к появлению концепции *управления образованием на основе данных* [13, 15]. Сегодня данная концепция доминирует на многих кафедрах государственного и муниципального управления в сфере образования.

Концепция управления на основе данных предполагает возможность получить однозначные эмпирические данные (в том числе по результатам исследований), позволяющие сделать *правильный* выбор среди альтернативных образовательных политик. Так, например, принимая решение о внедрении инновационной модели преподавания математики, мы можем сравнить результаты итоговых тестов по математике в контрольной и экспериментальной группах. Тот же научистский подход предлагается распространить и на более сложные случаи.

Популярность управления на основе данных, безусловно, послужила прогрессу образовательной политики, сделав ее более рациональной и осознанной [7]. Примером тому может служить повсеместное использование результатов PISA

в принятии управленческих решений [12]. Тем не менее, предложение управления на основе данных в качестве панацеи может быть пагубным и даже опасным заблуждением. Цель данной статьи – показать ограничения управления на основе данных в сфере образования, которые связаны, прежде всего, с тем, что в основе многих дискуссий по поводу альтернативных образовательных политик лежат *специфически философские проблемы*, обсуждение и, тем более, позитивное разрешение которых требует иного типа рациональности. Иначе говоря, мы намереваемся показать на конкретном примере, что образовательная политика как таковая, в силу своей специфики, имеет, прежде всего, *философские основания*. Данный тезис может иметь значимые практические эффекты, в том числе в части переосмысления места таких дисциплин, как: «Философия образования», «Социальная и политическая философия», «Этика» в программах подготовки специалистов по направлению «Управление образованием».

Дискуссия по вопросу ваучерной реформы: философские основания и следствия

Для подтверждения наших тезисов обратимся к одной из самых актуальных дискуссий в области образовательной политики последних десятилетий. А именно, дискуссии о праве семей на свободный выбор школы. Сложность и принципиальность дискуссии о праве семей выбирать школу для своих детей можно оценить на конкретном примере: полемике в американской прессе 2010-х годов вокруг высказываний Б. ДеВос, министра образования в администрации Д. Трампа. В ряде публичных выступлений министр сравнила государственные американские школы с фабриками XIX века, указав на то, что образование, построенное на единых государственных стандартах, лишает ребенка индивидуальности, не удовлетворяет потребностям креативной американской экономики и в целом противоречит фундаментальному принципу свободы выбора. Следуя этим тезисам, Б. ДеВос выступила с активной поддержкой реформы образования, реализованной губернатором штата Флорида Р. ДеСантисом. 15 февраля 2019 года Р. ДеСантис дал пресс-конференцию, на которой сообщил о своем намерении разработать финансовый механизм, позволяющий семьям использовать государственные деньги для оплаты обучения в частных и религиозных школах [20].

Ценностное ядро реформы, предоставляющей гражданам беспрецедентные возможности выбора образовательной организации за государственный счет, выражают слова губернатора, сказанные в ходе той же пресс-конференции: «Во Флориде государственное образование будет иметь значение, определяемое родителями, где родители являются движущей силой, потому что они знают, что лучше для их детей» [14].

Сам по себе «выбор школы» на уровне здравого смысла – простая и непротиворечивая идея. Семья получает право выбирать для себя наиболее подходящую школу из некоторого набора альтернатив. Соответственно, система образования должна быть устроена так, чтобы, во-первых, содержать в себе набор альтернативных образовательных организаций (отличных друг от друга по содержанию образования, методике преподавания, образовательной среде, религиозным и политическим установам), а, во-вторых, предоставлять семье и ребенку возможность свободного выбора из всех имеющихся альтернатив. Интуитивная привлекательность этой идеи была поддержана мощными теоретическими разработками ведущих представителей обществоведческой мысли. Начиная с 1950-х годов в авангард движения за выбор школ встал патриарх неолиберальной экономической теории, идеолог новой экономической политики тэтчеризма, лауреат Нобелевской премии по экономике, М. Фридман, посветивший этому вопросу ряд специальных публикаций, а также отдельную главу в своем фундаментальном труде «Капитализм и свобода» [10, 11]. Теоретические работы М. Фридмана – лучшая возможность познакомиться с теми аргументами, которыми оперируют сторонники предоставления семьям права выбора школы из широкого спектра альтернатив.

Не смотря на всю свою революционность с точки зрения практик, сложившихся в развитых государствах в отношении сферы общего образования к концу XX века, проект М. Фридмана отличается интеллектуальной простотой и лаконичностью, характерными для «хороших гипотез»: «Государство могло бы ввести некий минимальный обязательный уровень обучения, финансирование которого осуществлялось бы посредством выдачи родителям ваучеров, по которым на каждого ребенка ежегодно выплачивалась бы какая-то фиксированная сумма при условии, что она будет истрачена на «официально утвержденное» обучение. Тогда родители имели бы право израсходовать эту и какую угодно дополнительную сумму из собственного кармана на покупку педагогических услуг в каком-то «официально утвержденном» учебном заведении по своему выбору. Такие услуги могли бы предоставляться частными коммерческими или некоммерческими учебными заведениями. Роль государства ограничивалась бы тогда наблюдением за тем, чтобы учебные заведения отвечали определенным минимальным требованиям (например, чтобы их программы содержали какой-то минимальный общий материал), примерно так же, как сейчас государство инспектирует рестораны и обеспечивает соблюдение минимальных санитарных правил» [5, с. 114]. Данная теория фактически описывает прагматические преимущества реализации модели, описанной Фриманом.

Во-первых, предлагаемые изменения породят в сфере общего образования так называемый

«рынок покупателя». Родители во-многом станут определять содержание, формы и даже методики преподавания, исходя, очевидно, из стремления к благу для своих детей. Это заставит школы стать клиентоцентричными – внимательными и гибкими в отношении интересов, особенностей и жизненных планов семей. «Рынок покупателя» позволяет исключить ситуацию, при которой педагогам и руководителям школ безразлична оценка их деятельности со стороны родителей и детей.

Во-вторых, модель свободного рынка позволит появиться множеству школ, отличных по своим ценностям, педагогическим практикам, архитектурным решениям, а также от государственного стандарта, что само по себе послужит обогащению педагогической теории и практики, будет способствовать возникновению новых идей в образовании, получающих развитие на базе новых школ, созданных креативным классом.

Как следствие, в-третьих, конкуренция между школами побудит их перенимать лучшие инновации в содержании образования, методике обучения, архитектуре. Тем самым конкуренция в образовании станет таким же драйвером развития, повышения производительности и качества, каким она выступает в других областях экономики.

Ваучерная модель до сих пор не была принята в США в качестве базовой для организации общего образования. Оставаясь объектом ожесточенных споров, ваучерное финансирование школ раз за разом становится полем политической борьбы между республиканцами (выступающими преимущественно «за») и демократами (отстаивающими развитие общего образования на основе единых государственных стандартов и дополнительного государственного финансирования). Тем не менее, ваучерное финансирование было реализовано в ряде штатов, в основном в форме локальных (для определенных категорий граждан) и пилотных (с ограниченным количеством вовлеченных школ) проектов [15]. Фрагментарностью отличается и опыт других стран [18].

Остановимся на нескольких ключевых аргументах «против», выдвинутых в адрес модели Фридмана уже с учетом опыта ее локальной реализации. Наша задача – наглядно показать, что поддержка модели ваучерного финансирования или отказ от нее не может быть вопросом эмпирического исследования, но *всегда* основывается на принятии (эксплицитно или имплицитно) определенной философской позиции.

Строго следуя логике управления образованием на основе данных, противники ваучерной модели в первую очередь апеллировали к результатам национальных и международных исследований, должных сравнить результаты экзаменов и стандартизированных тестов в системах, перешедших на ваучерную модель, с одной стороны, и системах, сохранивших традиционный подход, с другой стороны. Действительно, в ряде исследо-

ваний было показано отсутствие значимой связи или наличие слабой связи ваучерного финансирования с успеваемостью в стандартизированных тестах [16]. Эти исследования были моментально подняты на щит демократически ориентированной прессой, выступавшей в 2017 году против бюджетных инициатив Д. Трампа, предполагавших выделение 250 млн долларов на ученые проекты в образовании. В статье «Time» от 26 июня 2017 года Э. Вейрайх атакует Б. DeVos, министра образования Д. Трампа, ссылаясь на эмпирические данные: «...пара новых исследований, опубликованных в понедельник, свидетельствуют о том, что ваучерные программы не улучшают успеваемость учащихся по стандартизированным тестам, одному из поддающихся количественной оценке методов проверки результатов образования» [19].

Этот аргумент можно назвать аргументом от доказанной неэффективности ваучерного финансирования. В свою очередь, сторонники ваучерной реформы опровергали аргумент от доказанной неэффективности ссылаясь на альтернативные исследования, напротив, подтверждающие позитивное влияние ваучерного финансирования на результаты тестов. Так, Манхэттенский институт политических исследований в отчете «Когда школы конкурируют: влияние ваучеров на успеваемость в государственных школах» показал, что государственные школы, вынужденные конкурировать с частными в рамках ваучерной модели, значительно повысили свою результативность [20].

Таким образом, аргумент от доказанной неэффективности не может быть признан окончательным и принципиальным. Во-первых, на фоне публикации Манхэттенского института политических исследований и им подобных аргумент от *доказанной неэффективности* трансформируется в аргумент от *недоказанной эффективности*. Несмотря на воодушевление демократической прессы, корректный вывод будет состоять в том, что имеющиеся в наличии исследования, неизбежно ограниченные масштабами проектов, не дают однозначного ответа на вопрос о влиянии ваучерного финансирования на успеваемость школьников. Во-вторых, по нашему мнению, даже в том случае, если будет *эмпирически доказано* негативное влияние ваучерного финансирования на академическую успеваемость школьников, это не станет окончательным аргументом против его введения.

Как уже говорилось выше, у разных участников образовательных отношений могут быть разные представления о приоритетных целях общего образования. Результаты школьников в стандартизированных тестах могут иметь приоритетное значение для государства. Но из этого не следует, что родители, выбирая школу на свободном рынке, будут ориентироваться в первую очередь именно на этот критерий. Как известно, высокие результаты нередко достигаются в ущерб комфортной психологической атмосфере [9]. Совершая выбор,

родители могут отдавать приоритет благожелательной атмосфере, силе школьных спортивных клубов или наличию в составе школы отделения художественного образования. А следовательно, возможен вариант, при котором выбор школ не окажет позитивного влияния на результаты тестов по математике, но окажет влияние на содержание меню школьной столовой и квалификацию тренеров школьных спортивных клубов. Станет ли это поводом считать неудачей ваучерную реформу? Очевидно – нет, поскольку идейное основание выбора школы на свободном рынке состоит не в том, чтобы все стремились попасть в школу с наивысшими результатами по математике, а в том, чтобы каждая семья имела возможность через общее образование реализовать *собственную концепцию блага*.

Ценность этой возможности принципиально не может быть оспорена результатами тестов по математике, которые решают дети, поскольку, очевидно, в основании позиции сторонников ваучерной реформы находятся не результаты эмпирических исследований, а *философская позиция*. Эта позиция классического («консервативного», в американском контексте) либерализма заключается в придании первостепенной ценности *выбору* как праву человека самостоятельно определять жизненные цели и способы их достижения, если эти цели и способы не угрожают жизни, свободе и собственности других людей [1, 2, 3]. Данная философская позиция фундирует одну из популярных работ М. Фридмана «Свобода выбирать: наша позиция» [10, 11].

Таким образом, принципиальный аргумент против ваучеров в образовании не может основываться на противопоставлении успеваемости школьников, с одной стороны, и ценности выбора, с другой. Такой аргумент может, принимая известную форму весов, основываться только на противопоставлении ценности выбора иной ценности. И такой аргумент действительно занимает важное место в дискуссии о ваучерах в образовании.

Речь идет об аргументе, который мы предлагаем называть «аргументом от социальной солидарности», но который также правомерно называть «коммунитаристским аргументом». Чтобы лучше понять суть этого аргумента представим себе некоторые следствия масштабной реформы по воссозданию в общем образовании рыночных отношений, путем отказа от жесткого регулирования спроса и предложения в данной области.

Поскольку потенциально существует достаточно большое количество концепций блага, выраженных в том числе в разных представлениях семей о целях обучения и воспитания, неизбежно, под давлением спроса, единое пространство общего образования будет становиться все более диверсифицированным, похожим на лоскутное одеяло.

В рамках мысленного эксперимента, можно представить появление следующих типов школ:

школы для сторонников эволюционной теории и школы для креационистов; школы для толстовцев и школы для милитаристов; школы, в которых преподавание предметов ведется на английском – языке международной коммуникации, и школы, педагоги которых преподают на языках национальных меньшинств; школы для семей, поддерживающих политическую партию «А», и школы, для семей, поддерживающих политическую партию «Б». По мнению противников реализации рыночных моделей в общем образовании такая диверсификация неизбежно приведет к распаду социума: потере гражданами чувства принадлежности к *единой нации* [8].

Действительно, в XIX веке институт общего образования стал одним из ключевых механизмов формирования национальных государств [3]. Это особенно хорошо видно на примере США, население которых отличается полилингвальностью, поликультурностью и поликонфессиональностью.

Отметим, что именно американской школе удалось выплавить из разношерстной массы эмигрантов единую нацию. То же самое справедливо и в отношении советской школы, формировавшей единую советскую идентичность у носителей разнообразных культур и традиций. Школа не просто передает некоторый набор накопленных поколениями знаний. Каждая национальная школа формирует у представителей более мелких социальных групп (семьи, класса, национального меньшинства и т.д.) *единые* представления о естественном и социальном мире, а также помещает каждое индивидуальное сознание в стройный исторический нарратив, тем самым задавая единую оптику взгляду каждого «россиянина», «француза», «японца», «американца» на современность.

Все вышесказанное позволяет утверждать, что единственный действительно принципиальный аргумент против воссоздания рыночных отношений в сфере общего образования, может строиться только на противопоставлении ценности выбора другой ценности, а именно – ценности гражданской солидарности, национального единства, общности индивидов. Очевидно, спор между сторонниками приоритета выбора, с одной стороны, и сторонниками приоритета общности, с другой, не может быть разрешен посредством эмпирического исследования в духе образовательной политики на основе данных. В данном случае мы имеем дело с *классическим философским спором*.

Заключение

Антагонизм между ценностью свободы и ценностью общности принимал разные очертания в истории философской мысли. В современном философском дискурсе он известен в форме интенсивной дискуссии между либерализмом (во всех его проявлениях) и коммунитаризмом (во всех его проявлениях). Эта дискуссия, как известно, строится вокруг вопроса

об онтологическом и этическом приоритете между «индивидом» и «обществом». Последовательный либерал утверждает, что общество есть не более чем совокупность индивидов (онтологический приоритет), а значит ценность конкретного индивида выше ценности абстрактных общественных интересов (этический приоритет). Напротив, последовательный коммунитарист считает отдельно взятую личность порождением общественного бытия (онтологический приоритет), а значит ценность общности ставится им выше ценности индивида (этический приоритет). Обе эти принципиальные позиции имеют множество нюансов и вариаций, проявляя себя в политическом, экономическом и культурном поле. Не вдаваясь здесь в эти нюансы, можно тем не менее обоснованно утверждать, что либерализм фундирует аргументы сторонников ваучерной реформы в образовании, в то время как коммунитаризм фундирует аргументы ее противников. Соответственно, выбор той или иной позиции – неважно педагогом, родителем, политиком, теоретиком – будет философскими выбором, а решающие аргументы, обосновывающие выбор в каждом конкретном случае, – философскими аргументами.

Литература

1. Авдоница Н.С. Цели и задачи либерального образования // АНИ: педагогика и психология. 2019. № 4 (29). С. 68–90.
2. Авдоница Н.С. Ценности либерального образования // Ценности и смыслы. 2019. № 2. С. 68–79.
3. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. – Кучково поле, 2016. – 416 с.
4. Куренной В.А. Философия либерального образования: контексты // Вопросы образования. 2020. № 2. С. 120–137.
5. О свободе / Под ред. Фридман М., Хайек Ф. – М.: Социум, Три квадрата, 2003. – 192 с.
6. Образовательная аналитика: управление образовательной организацией и создание контента на основе данных / ред. М.Б. Свердлов (научная редакция), Е.В. Вербицкий, А.В. Конобеев, А.И. Крецу, В.Д. Стриканов. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Институт образования. – М.: НИУ ВШЭ, 2021. – 64 с.
7. Подход к управлению качеством образовательных программ на основе данных / Под ред. К.О. Тишкина, О.В. Елисеева, А.Ш. Багаутдинова // Университетское управление: практика и анализ. 2022. Т. 26. № 3. С. 112–119.
8. Сохраняева Т.В., Волкова Т.П. Проблема целей образования в контексте парадигмы коммунитаризма // Социально-политические науки. 2017. № 6. С. 44–59.
9. Тылик А.Ю. Сеттинг и экзамены с высокими ставками в системах общего образования: социально-философский анализ. // Научное мнение. 2024. № 6. С. 11–20.
10. Фридман М. Капитализм и свобода. – М.: Новое издательство, 2006. – 240 с.
11. Фридман М., Фридман Р. Свобода выбора: наша позиция. – М.: Новое издательство, 2007. – 356 с.
12. Шляйхер, Андреас. Образование мирового уровня. Как выстроить школьную систему XXI века? – М.: Издательство «Национальное образование», 2019. – 336 с.
13. Baker R., Siemens G. Educational Data Mining and Learning Analytics. Columbia University in the City of New York “Free to Choose: Can School Choice Reduce Student Achievement?”. American Economic Journal: Applied Economics. 2023. № 10 (1). P. 75–206.
14. Betsy DeVos and her allies are trying to redefine public education. Critics call it ‘absurd’. – URL: https://web.archive.org/web/20191025201956/https://www.washingtonpost.com/education/2019/02/28/betsy-devos-her-allies-are-trying-redefine-public-education-critics-call-it-absurd/?tid=ik_interstitial_manual_9. (дата обращения: 16.08.2024).
15. Carl, Jim. Freedom of Choice: Vouchers in American Education. – Westport: Praeger, 2011. – 264 p.
16. Free to Choose: Can School Choice Reduce Student Achievement? American Economic Journal: Applied Economics. 2023. № 10 (1). P. 175–206.
17. Shakeel M. Danish; Anderson, Kaitlin P.; Wolf, Patrick J. The participant effects of private school vouchers around the globe: a meta-analytic and systematic review”. School Effectiveness and School Improvement. 2021. № 32 (4). P. 509–542.
18. Sirelius E.I. Study Voucher in Use in Finland // Lifelong Learning in Europe. 1997. No. 2. P. 120.
19. Trump picks billionaire Betsy DeVos, school voucher advocate, as education secretary. – URL: <https://time.com/4832923/betsy-devos-trump-administration-school-choice-vouchers/>. (дата обращения: 16.08.2024).
20. When Schools Compete: The Effects of Vouchers on Florida Public School Achievement. – URL: <https://manhattan.institute/article/when-schools-compete-the-effects-of-vouchers-on-florida-public-school-achievement#:~:text=Schools%20already%20facing%20competition%20from,relative%20to%20Florida%20public%20schools>. (дата обращения: 16.08.2024).

PHILOSOPHICAL FOUNDATIONS OF DISCUSSIONS IN THE FIELD OF EDUCATIONAL POLICY: THE EXAMPLE OF THE DISCOURSE ON VOUCHER FINANCING OF SCHOOLS

Tylik A.Yu.

Regional Institute for Educational Development

The article examines the current problem of the philosophical discourse of educational policy using the example of voucher financing of schools.

The purpose of the article is to show the philosophical foundations of discussions in the field of educational policy. The discussion between supporters and opponents of vouchers in education is considered.

It is shown that the discussion cannot be resolved through empirical research, since it is based on the opposition of the value of choice and the value of community. It is shown that the arguments of supporters of vouchers in education are based on the philosophy of liberalism, and the arguments of opponents are based on the philosophy of communitarianism.

Based on the results of the study, it is concluded that about the philosophical nature of the arguments underlying decisions in the field of educational policy.

Keywords: philosophy of education, educational policy, vouchers in education, liberal values in education, communitarian values in education.

References

1. Avdonina N.S. Goals and objectives of liberal education // ANI: pedagogy and psychology. 2019. No. 4 (29). P. 68–90.
2. Avdonina N.S. Values of liberal education // Values and meanings. 2019. No. 2. P. 68–79.
3. Anderson B. Imagined communities. Reflections on the origins and spread of nationalism. – Kuchkovo pole, 2016. – 416 p.
4. Kurennoy V.A. Philosophy of Liberal Education: Contexts // Education Issues. 2020. No. 2. P. 120–137.
5. On Freedom / Ed. Friedman M., Hayek F. – M.: Society, Three Squares, 2003. – 192 p.
6. Educational Analytics: Management of an Educational Organization and Content Creation Based on Data / Ed. M.B. Sverdlov (scientific editor), E.V. Verbitsky, A.V. Konobeev, A.I. Kretsu, V.D. Strikanov. National Research University Higher School of Economics. Institute of Education. – Moscow: National Research University Higher School of Economics, 2021. – 64 p.
7. An Approach to Managing the Quality of Educational Programs Based on Data / Ed. by K.O. Tishkin, O.V. Eliseev, A. Sh. Bagautdinov // University Management: Practice and Analysis. 2022. Vol. 26. No. 3. P. 112–119.
8. Sokhranyaeva T.V., Volkova T.P. The Problem of Educational Goals in the Context of the Communitarian Paradigm // Social and Political Sciences. 2017. No. 6. P. 44–59.
9. Tylik A. Yu. Setting and High-Stakes Exams in General Education Systems: A Social and Philosophical Analysis. // Scientific Opinion. 2024. No. 6. P. 11–20.
10. Friedman M. Capitalism and Freedom. – Moscow: New Publishing House, 2006. – 240 p.
11. Friedman M., Friedman R. Freedom of Choice: Our Position. – Moscow: New Publishing House, 2007. – 356 p.
12. Schleicher, Andreas. World-Class Education. How to Build a School System of the 21st Century? – Moscow: National Education Publishing House, 2019. – 336 p.
13. Baker R., Siemens G. Educational Data Mining and Learning Analytics. Columbia University in the City of Ne «Free to Choose: Can School Choice Reduce Student Achievement?». American Economic Journal: Applied Economics. 2023. No. 10 (1). P. 75–206.
14. Betsy DeVos and her allies are trying to redefine public education. Critics call it absurd. – URL: https://web.archive.org/web/20191025201956/https://www.washingtonpost.com/education/2019/02/28/betsy-devos-her-allies-are-trying-redefine-public-education-critics-call-it-absurd/?tid=ik_interstitial_manual_9. (date of access: 08.16.2024).
15. Carl, Jim. Freedom of Choice: Vouchers in American Education. – Westport: Praeger, 2011. – 264 p.
16. Free to Choose: Can School Choice Reduce Student Achievement? American Economic Journal: Applied Economics. 2023. No. 10 (1). P. 175–206.
17. Shakeel M. Danish; Anderson, Kaitlin P.; Wolf, Patrick J. The participant effects of private school vouchers around the globe: a meta-analytic and systematic review.” School Effectiveness and School Improvement. 2021. No. 32 (4). P. 509–542.
18. Sirelius E.I. Study Voucher in Use in Finland // Lifelong Learning in Europe. 1997. No. 2. P. 120–122.
19. Trump picks billionaire Betsy DeVos, school voucher advocate, as education secretary. – URL: <https://time.com/4832923/betsy-devos-trump-administration-school-choice-vouchers/> (date accessed: 08.16.2024).
20. When Schools Compete: The Effects of Vouchers on Florida Public School Achievement. – URL: <https://manhattan.institute/article/when-schools-compete-the-effects-of-vouchers-on-florida-public-school-achievement#:~:text=Schools%20already%20facing%20competition%20from,relative%20to%20Florida%20public%20schools> (date of application: 16.08.2024).

Трудовая миграция: сущность и тенденции в России

Ерёмина Екатерина Витальевна,

кандидат социологических наук, доцент кафедры
«Менеджмент и государственное управление», ФГБОУ ВО
«Пензенский государственный университет»
E-mail: hope77@yandex.ru

Современные трансформации социально-экономического пространства России обуславливают высокую значимость исследования трудовой миграции как комплексного явления, определяющего перспективы развития национального рынка труда. Актуальность темы детерминирована необходимостью научного осмысления миграционных процессов – на фоне геополитической нестабильности, а также структурных изменений экономики, требующих детализированной характеристики тенденций.

Целью является систематизация существующие представлений касательно сущности, тенденций, противоречий трудовой миграции в России, выявление закономерностей. В ходе научной работы выявлены принципиальные разногласия: между объективной потребностью хозяйства в иностранной рабочей силе и несовершенством механизмов её интеграции, между нарастающей динамикой миграционных потоков и ограниченностью разработанных теоретических моделей их исследования.

Проведенное исследование позволило систематизировать подходы к интерпретации рассматриваемого феномена, выявить доминирующие тренды соответствующих процессов в России, предложить на основе этого направления последующих изысканий (при их формулировке автором учтены методологические, пространственно-экономические, технологические, социокультурные, институциональные и демографические аспекты). Значимость работы заключается в расширении методологического инструментария, развитии концептуальных оснований управления трудовой миграцией. Материалы статьи представляют интерес для экономистов, социологов, управленцев, аспирантов, студентов, специализирующихся на проблемах рынка труда.

Ключевые слова: миграционные процессы, мигранты, рынок труда, трудовая миграция, человеческий капитал, экономика труда.

Введение

Перемещение рабочей силы внутри либо через границы Российской Федерации представляет собой многоаспектное социально-экономическое явление, формирующее современный облик отечественного рынка труда. Масштабы притока иностранных работников, в сочетании с их влиянием на хозяйственную деятельность государства, побуждают к глубокому осмыслению данного феномена.

Проблема исследования заключается в наличии противоречия между объективной потребностью российской экономики в иностранной рабочей силе и отсутствием комплексной стратегии управления миграционными процессами, обеспечивающей эффективную интеграцию трудовых мигрантов в социально-экономическое пространство страны.

Методы и материалы

При подготовке статьи использовался сравнительный анализ, оценивались статистические данные. В ходе формулировки выводов применён метод обобщения. Также проанализированы современные научные публикации, в которых освещены конкретные стороны темы. Так, теоретический аспект трудовой миграции отражён в работе И.С. Абдулгзиса и Э.Д. Абдулгзиса [1], которые проводят комплексный анализ соответствующих процессов. Авторы акцентируют внимание на методологических подходах к изучению, рассматривая это многогранное социально-экономическое явление. А.А. Старовойтова [11] углубляется в понятийно-категориальный аппарат, сравнивая российский и зарубежный опыт концептуализации феномена. А.О. Королёв с соавторами [3] предлагают развернутую классификацию, систематизируя существующие научные подходы. Исследования А.Д. Лузанова [5] и Т.П. Логиновой с Е.В. Лядовой [4] сфокусированы на актуальных трендах трудовой миграции в России. Авторы подчеркивают динамичность данных процессов, их зависимость от экономической конъюнктуры, геополитических факторов. Э.Н. Соболев [10] комплексно рассматривает тенденции через призму безопасности, выявляя ключевые риски, механизмы регулирования потоков. Особый интерес представляют публикации, которые посвящены латентным аспектам трудовой миграции. Е.В. Ганебных с коллегами [2] анализируют феномен фиктивности в этой области, особенно актуальный в периоды кризисов. Ю.А. Саранкина [9], А.В. Мартакова, А.А. Слинко [6]

дополняют научную картину, давая характеристику социально-демографического «портрета» мигрантов. Значительный массив информации представлен эмпирическими источниками. Статистические материалы Росстата [8] и аналитические обзоры [7] предоставляют актуальную фактологическую базу для изысканий.

Проведенный обзор помогает обозначить несколько существенных противоречий и пробелов в существующих исследованиях: недостаточная проработанность долгосрочных прогнозов миграционных процессов, ограниченность комплексных междисциплинарных работ, слабое освещение проблематики социокультурной адаптации, фрагментарность анализа экономических эффектов трудовой миграции.

Результаты и обсуждение

Исследование сущностных характеристик трудовой миграции требует глубокого теоретического раскрытия данного феномена как социально-экономической категории. Фундаментальное осмысление природы и сущностных характеристик формируется на стыке самых разных научных дисциплин: экономики, социологии, демографии, правоведения и т.п.

В концептуальном ракурсе это явление представляет собой пространственное перемещение индивидов с целью получения экономической выгоды через реализацию своего трудового потенциала на новой территории [2]. Ключевым фактором, который определяет соответствующий процесс, служит дифференциация экономических условий между регионами, конкретными государствами.

Движущие силы трудовой миграции раскрываются через призму теории факторов «притяжения-выталкивания». Так, целесообразно выделить выталкивающие детерминанты: неблагоприятные условия занятости в стране происхождения, низкий уровень заработной платы, высокая безработица, ограниченные возможности профессиональной самореализации. В свою очередь, притяжение фиксируется в регионах назначения: высокая оплата труда, высококоразвитая социальная инфраструктура, перспективы карьерного роста [4, 9].

Теоретический анализ позволяет выделить три базовых компонента миграционного процесса (рис. 1).

Рис. 1. Ключевые составляющие миграционного процесса (составлено автором на основе [1, 5, 6])

Экономическая компонента проявляется через механизм перераспределения трудовых ресурсов. Данный процесс способствует оптимизации структуры занятости, повышению эффективности задействования человеческого капитала в глобальном масштабе. Миграционные потоки выступают в качестве инструмента балансировки спроса и предложения на международном рынке труда.

Социологическое измерение раскрывается через концепцию социальной мобильности. Перемещение индивидов между странами сопровождается изменением их социального статуса, формированием новых связей, вкупе с трансформацией поведенческих паттернов [4]. Особую роль играет феномен транснациональных соцсетей, обеспечивающих информационную, организационную поддержку.

Демографический аспект в рамках концептуального анализа сфокусирован на влиянии трудовой миграции на воспроизводство населения. Благодаря соответствующим потокам изменяется половозрастная структура как «отправляющих», так и «принимающих» сообществ [2]. Формируется специфическая динамика, характеризующаяся временным омоложением в государствах приема.

Правовое измерение определяет институциональные рамки перемещения рабочей силы. Юридические механизмы регулирования миграционных потоков представлены:

- визовыми режимами;
- квотированием иностранной рабочей силы;
- лицензированием деятельности по трудоустройству;
- схемами социальной защиты мигрантов [11].

Пространственно-временная характеристика позволяет классифицировать рассматриваемый процесс по различным критериям. По продолжительности выделяются временная, сезонная, постоянная миграция. Территориальный охват позволяет обозначить внутрорегиональную, межрегиональную, международную её формы. Характер протекания помогает дифференцировать соответствующие потоки на организованные и стихийные.

Концептуальное осмысление описываемого феномена опирается на анализ его макроэко-

номических эффектов. На уровне национальных экономик миграционные процессы влияют на:

- состояние платежного баланса;
- динамику валютного курса;
- уровень зарплаты;
- показатели безработицы;
- инфляционные процессы [1, 9].

Посредством учёта микроэкономического среза раскрываются нюансы влияния на поведение домохозяйств, фирм. Денежные переводы мигрантов изменяют структуру потребления, а также сбережений. Предприятия корректируют свои производственные стратегии, принимая во внимание, в том числе, доступности иностранной рабочей силы.

Концепция человеческого капитала позволяет рассматривать трудовую миграцию как инвестиционный процесс. Эти лица вкладывают ресурсы в приобретение новых навыков, изучение языка, профессиональную переподготовку, рассчитывая на повышение своих будущих доходов.

Далее после описания существенных характеристик следует перейти к рассмотрению ключевых тенденций. Статистические данные приведены на рисунке 2.

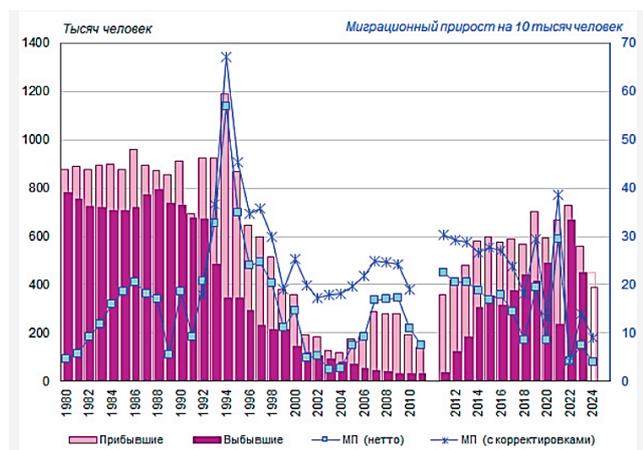

Рис. 2. Число прибывших в Россию и выбывших из нее (тыс. человек) и миграционный прирост (на 10 тыс. человек населения), 1980–2024 годы [7]

Трудовая миграция в российских реалиях характеризуется неравномерным географическим распределением потоков рабочей силы. Преобладающее число мигрантов прибывает из стран Центральной Азии, преимущественно из Узбекистана, Таджикистана, Армении, Киргизии (рис. 3). Обозначенное выше обстоятельство обусловлено историческими связями, безвизовым режимом, а также существенной разницей в уровне заработных плат между странами.

Рис. 3. Распределение стран происхождения трудовых мигрантов в 2023 году, % от количества прибывших в РФ [8]

Экономическая целесообразность привлечения иностранной рабочей силы проявляется в ряде аргументаций. Во-первых, характеризуемые лица восполняют дефицит кадров в трудоемких отраслях, где местное население демонстрирует низкую заинтересованность. Во-вторых, работники из-за рубежа содействуют снижению производственных издержек субъектов хозяйствования, что положительно сказывается на конкурентоспособности отечественной продукции.

Так, строительная отрасль выступает в качестве основного потребителя иностранной рабочей силы, где доля мигрантов достигает 40% от общего количества занятых [8]. Значительное присутствие зарубежных кадров наблюдается также в сфере услуг, розничной торговле, транспортном секторе. При этом фиксируется тенденция к расширению профессионального спектра занятости анализируемой категории лиц – от неквалифицированного труда до позиций, требующих специальной подготовки.

Территориальное распределение характеризуется ярко выраженной неоднородностью. Московский регион, Санкт-Петербург, Ленинградская область являются ключевыми центрами притяжения трудящихся из за рубежа, концентрируя свыше 50% всех мигрантов [8]. Помимо этого, существенные потоки направляются в нефтегазодобывающие регионы Сибири, промышленно развитые субъекты Урала.

Нынешние тренды в сфере трудовой миграции характеризуются качественными изменениями. Обнаруживается постепенное повышение образовательного уровня прибывающих работников, что, как представляется, сопряжено с развитием системы профессиональной подготовки в странах исхода. Растет доля таких лиц, которые владеют русским языком на достаточном для трудовой деятельности уровне [3].

Цифровизация экономической сферы оказывает мощное влияние на характер рассматриваемых

в статье процессов. Развитие онлайн-платформ по поиску работы и оформлению документов весомо упрощает трудоустройство иностранных граждан. Внедрение электронных патентов, формирование единой базы данных способствуют повышению прозрачности.

Хозяйственные эффекты проявляются в различных областях. Денежные переводы обеспечивают значительные финансовые потоки. Данные средства стимулируют потребительский спрос, вкупе с инвестиционной активностью.

Демографический аспект трудовой миграции приобретает особую значимость на фоне старения населения России. Приток работоспособных лиц частично компенсирует естественную убыль рабочих ресурсов. При этом увеличивается число мигрантов, которые ориентированы на долгосрочное пребывание, на интеграцию в российское общество.

Рынок труда демонстрирует секторальные трансформации под влиянием миграционных процессов. В отдельных отраслях формируются устойчивые профессиональные ниши – с преобладанием иностранных работников. Данное явление сопровождается развитием специфической инфраструктуры, которая представлена, к примеру, агентствами по трудоустройству, юридическими консультациями, центрами языкового обучения.

Современные вызовы, сопряжённые с глобальными экономическими потрясениями, требуют переосмысления подходов к регулированию рассматриваемой области. Актуализируется проблематика усовершенствования механизмов определения потребности в иностранной рабочей силе (с учетом технологических изменений, структурных сдвигов в хозяйственной сфере).

Современное состояние исследований трудовой миграции в России позволяет обозначить ряд перспективных направлений для последующего научного поиска. Ниже описываются рекомендуемые векторы, требующие углубленного изучения.

Первостепенное значение приобретает разработка инновационных методик сбора и обработки данных о миграционных потоках. Целесообразно сосредоточить внимание на создании математических моделей прогнозирования трендов (с учетом региональной специфики), внедрении методов машинного обучения с целью анализа больших данных о перемещении рабочей силы, разработке инструментария оценки теневой занятости.

Исследовательский интерес представляет на перспективу изучение территориальных особенностей распределения трудовых мигрантов.

Цифровизация экономики создает новое исследовательское поле. Требуется изучение влияния роботизации, автоматизации производства на спрос на иностранную рабочую силу, трансформации профессиональной структуры занятости мигрантов под воздействием технологических

изменений, роли digital-платформ в организации характеризуемого процесса.

Помимо отмеченного выше, необходимо углубленное исследование социальных процессов в среде трудовых мигрантов:

- формирование новых поведенческих моделей;
- трансформация семейных отношений в условиях временной миграции;
- механизмы культурной интеграции второго поколения.

Перспективным направлением служит исследование демографических последствий. Речь идёт, к примеру, о влиянии на брачное поведение населения принимающих регионов, репродуктивных установках в семьях мигрантов.

Необходимо более детализированное изучение процессов формирования и использования человеческого капитала (механизмов признания профессиональных квалификаций, практик неформального обучения на рабочем месте, трансфера навыков между странами).

Наконец, актуальность приобретает сравнительный анализ региональных моделей трудовой миграции: имеются в виду специфика таких процессов в приграничных регионах, особенности занятости мигрантов в моногородах, влияние климатических условий на сезонные потоки.

В ходе проведения самих исследований рекомендуется: использовать комбинированные методы сбора данных, сочетающие количественные и качественные подходы, применять лонгитюдные исследования в целях отслеживания динамики миграционных процессов, внедрять междисциплинарный подход при анализе сопутствующих явлений.

Выводы

Теоретическое понимание сущности трудовой миграции создает «фундамент» для разработки эффективной политики в этой сфере. Учет многомерности обсуждаемого явления позволяет формировать сбалансированные управленческие решения, в рамках которых принимаются во внимание интересы всех участников.

Трудовая миграция выступает в качестве весьма значимого фактора социально-экономического развития России. Грамотное управление соответствующими людскими потоками, базирующееся на корректном понимании их природы, закономерностей, позитивно отражается на укреплении потенциала государства, а также на укреплении международного сотрудничества.

Реализация предложенных в статье направлений последующих исследований (при их формулировке автором учтены методологические, пространственно-экономические, технологические, социокультурные, институциональные и демографические аспекты) позволит сформировать целостное представление о трудовой миграции

в РФ, сформировать научную основу для принятия грамотных решений в этой сфере с опорой на организационные и политические действия.

Литература

1. Абдулгасис В.С. Теоретический анализ международных миграционных процессов: современный аспект / В.С. Абдулгасис, Э.Д. Абдулгасис // Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета. – 2022. – № 2 (76). – С. 6–9.
2. Ганебных Е.В. Фиктивная трудовая миграция в периоды кризиса / Е.В. Ганебных, Т.А. Бурцева, Н.А. Миронова // Экономика труда. – 2023. – Т. 10. – № 4. – С. 605–614.
3. Королёв А.О. Понятие трудовой миграции и её классификации / А.О. Королёв, И.Ф. Кратович, В.А. Бажутова // Теории, школы и концепции устойчивого развития науки в современных условиях. Сборник статей Международной научно-практической конференции. – Уфа: 2023. – С. 14–16.
4. Логинова Т.П. Международная трудовая миграция в экономике современной России / Т.П. Логинова, Е.В. Лядова // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. – 2024. – № 1 (104). – С. 170–179.
5. Лузанов А.Д. Трудовая миграция в России: оценка современных тенденций / А.Д. Лузанов // Via Scientiarum – Дорога знаний. – 2023. – № 3. – С. 33–38.
6. Мартакова А.В. Трудовая миграция: понятие, виды и особенности / А.В. Мартакова, А.А. Слинько // Аспирантские тетради. Сборник научных статей научно-практической конференции. – Воронеж: 2022. – С. 122–125.
7. Миграция в России по итогам первого полугодия 2024 года // URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/2024/01047/barom01.php> (дата обращения: 31.10.2024).
8. Росстат раскрыл «портрет» мигранта в России. Кто и с какими целями въезжает в страну из-за рубежа // URL: <https://www.rbc.ru/economics/22/07/2024/669a2afd9a7947271d418486> (дата обращения: 31.10.2024).
9. Саранкина Ю.А. Трудовая миграция: общая характеристика и современные тенденции / Ю.А. Саранкина // Евразийский юридический журнал. – 2023. – № 11 (186). – С. 208–209.
10. Соболев Э.Н. Трудовая миграция в России: тенденции, риски, механизмы регулирования / Э.Н. Соболев // Экономическая безопасность. – 2024. – Т. 7. – № 7. – С. 1689–1704.
11. Старовойтова А.А. Понятийно-категориальный аппарат трудовой миграции (российский и зарубежный опыт) / А.А. Старовойтова // Международный журнал конституционного и государственного права. – 2023. – № 2. – С. 105–109.

LABOR MIGRATION: THE ESSENCE AND TRENDS IN RUSSIA

Eremina E.V.

Penza State University

Modern transformations of the socio-economic space of Russia determine the high importance of the study of labor migration as a complex phenomenon that determines the prospects for the development of the national labor market. The relevance of the topic is determined by the need for scientific understanding of migration processes – against the background of geopolitical instability, as well as structural changes in the economy that require detailed characterization of trends.

The aim is to systematize existing ideas about the essence, trends, contradictions of labor migration in Russia, and identify patterns. In the course of scientific work, fundamental differences were revealed: between the objective need of the economy for foreign labor and the imperfection of its integration mechanisms, between the increasing dynamics of migration flows and the limitations of the developed theoretical models of their research.

The conducted research made it possible to systematize approaches to the interpretation of the phenomenon under consideration, identify the dominant trends of the relevant processes in Russia, and propose subsequent research directions based on this (when formulated by the author, methodological, spatial-economic, technological, socio-cultural, institutional and demographic aspects are taken into account). The significance of the work lies in the expansion of methodological tools, the development of the conceptual foundations of labor migration management. The materials of the article are of interest to economists, sociologists, managers, graduate students, students specializing in labor market problems.

Keywords: migration processes, migrants, labor market, labor migration, human capital, labor economics

References

1. Abdulgazis V.S. Theoretical analysis of international migration processes: modern aspect / V.S. Abdulgazis, E.D. Abdulgazis // Scientific notes of the Crimean Engineering Pedagogical University. – 2022. – No. 2 (76). – Pp. 6–9.
2. Ganebnykh E.V. Fictitious labor migration in times of crisis / E.V. Ganebnykh, T.A. Burtseva, N.A. Mironova // Labor economics. – 2023. – Vol. 10. – No. 4. – pp. 605–614.
3. Korolev A.O. The concept of labor migration and its classification / A.O. Korolev, I.F. Kratovich, V.A. Bazhutova // Theories, schools and concepts of sustainable development of science in modern conditions. Collection of articles of the International Scientific and Practical Conference. – Ufa: 2023. – pp. 14–16.
4. Loginova T.P. International labor migration in the economy of modern Russia / T.P. Loginova, E.V. Lyadova // Bulletin of the Belgorod University of Cooperation, Economics and Law. – 2024. – No. 1 (104). – Pp. 170–179.
5. Luzanov A.D. Labor migration in Russia: an assessment of modern trends / A.D. Luzanov // Via Scientiarum – The Road of Knowledge. – 2023. – No. 3. – pp. 33–38.
6. Martakova A.V. Labor migration: concept, types and features / A.V. Martakova, A.A. Slinko // Postgraduate notebooks. Collection of scientific articles of the scientific and practical conference. – Voronezh: 2022. – pp. 122–125.
7. Migration in Russia according to the results of the first half of 2024 // URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/2024/01047/barom01.php> (date of reference: 10/31/2024).
8. Rosstat revealed the “portrait” of a migrant in Russia. Who enters the country from abroad and for what purposes // URL: <https://www.rbc.ru/economics/22/07/2024/669a2afd9a7947271d418486> (date of reference: 10/31/2024).
9. Sarankina Yu.A. Labor migration: general characteristics and modern trends / Yu.A. Sarankina // Eurasian Law Journal. – 2023. – No. 11 (186). – Pp. 208–209.
10. Sobolev E.N. Labor migration in Russia: trends, risks, regulatory mechanisms / E.N. Sobolev // Economic security. – 2024. – Vol. 7. – No. 7. – pp. 1689–1704.
11. Starovoitova A.A. Conceptual and categorical apparatus of labor migration (Russian and foreign experience) / A.A. Starovoitova // International Journal of Constitutional and State Law. – 2023. – No. 2. – pp. 105–109.

Роль буддизма Тхеравады в жизни кхмерского народа на территории Вьетнама

Дао Ньы,

аспирант кафедры религиоведения, Университет гуманитарных и социальных наук, Вьетнамский Национальный Университет города Ханой; Ректор кхмерской буддийской академии Тхеравады города Кантхо
E-mail: dcqa1608@gmail.com

Цель исследования: роль буддизма Тхеравады в жизни кхмерского народа на территории Вьетнама. Методы исследования: общенаучные методы исследования, а именно исторический метод, логический метод, метод обобщения сведений, кросс-культурный метод. Объект исследования: кхмерский буддизм Тхеравады. Результат исследования: важность и влияние буддизма Тхеравады в обычной жизни кхмерского народа были отражены на практике. Буддизм Тхеравады на территории Вьетнама, кроме духовной функции выполняет еще и образовательную, а также кадровую. Буддизм Тхеравады подготавливает монахов не только для Кхмерской буддийской сангхи, для местных ритуалов и фестивалей, но и для Вьетнамской буддийской центральной сангхи, всего государства и народов. На сегодняшний день, когда все народы Вьетнама живут в мире и гармонии, задачи монахов Тхеравады на юге Вьетнама сконцентрированы на укреплении этой задачи. Кхмерские монахи, помимо своих практик в пагодах и монастырях, участвуют в административном управлении, на социальных проектах, являются членами в Народном Отечестве Фронте Вьетнама, представителями в Народном Собрании, участниками в Народном Комитете.

Ключевые слова: Кхмерский народ, буддизм Тхеравады, Вьетнам.

Введение

С историей развития Южного Вьетнама, процессом «Нам Тиен», открытием границы феодального Вьетнама в XVIII в., на территории современного Вьетнама развился и укрепился буддизм Тхеравады. В основном буддизм Тхеравады проповедуется на Юго-Западе Вьетнама, из-за этого во вьетнамском языке религия носит название «Нам Тонг», и в основном проповедуется национальностью «Кхмер» [1].

Юго-запад Вьетнама находится у дельты реки Меконга, у реки «Девяти Драконов», и включает 13 провинций и городов: Анзянг, Бенче, Камау, Донгтхап, Хаузянг, Лонган, Шокчанг, Кьензянг, Тьензянг, Чавинь, Виньлонг, Кантхо. Площадь Юго-Запада Вьетнама составляет почти 4 миллиона гектаров, на нем проживает более 18 миллионов населения, что составляет 19,8% от общего количества Вьетнама. Территория населяется многими этническими группами, из которых наибольшую численность составляет национальность «Кинь» – 90% от общего населения Юго-Запада. Национальность «Китай» исчисляется 192 тысяч населения (что составляет 1,1%), национальность «Тям» – около 15 тысяч (0,08% населения). «Кхмер» насчитываются около 1,2 млн человек и проживают в провинциях Шокчанг (около 400 000), Чавинь (около 320 000), Кьензянг (около 204 000), Анзянг (около 85 000), Баклиеу (около 60 000), Кантхо (около 39 000), Камау (около 24 000), Виньлонг (около 21 000) [2].

Исторические исследования и результаты археологических раскопок показывают, что национальность «Кхмер» уже давно стали коренными жителями Юго-Запада Вьетнама. Результаты исследований также показывают, что буддизм Тхеравады распространился во Вьетнам примерно в VI веке, не напрямую из Индии, а главным образом косвенно через Камбоджу, частично из Индонезии и Малайзии, и был принят большим количеством людей, особенно кхмерской общиной, и стал религией кхмерского народа. Наряду с буддизмом Тхеравады на Юго-Западе Вьетнама в ранние века также присутствовал брахманизм. В результате исторического процесса со многими изменениями буддизм Тхеравады сместил брахманизм, и для кхмерского народа стал ведущей религией. Этот процесс начался в XIX веке, и на сегодняшний день оказывает большое духовное влияние на народность «Кинь», «Китай» и «Кхмер» на территории Юго-Запада Вьетнама. Буддизм Тхеравады

смешался с догмами и мыслями других религий, упростился и стал ближе к народам Вьетнама [3].

Методы исследования: общенаучные методы исследования, а именно исторический метод, логический метод, обобщение сведений, кросс-культурный метод.

Объект исследования: кхмерский буддизм Тхеравады

Масштаб исследования: Юго-запад Социалистической Республики Вьетнам.

Цель исследования: роль буддизма Тхеравады в жизни кхмерского народа на территории Вьетнама.

Результат исследования

Для кхмерского буддизма Тхеравады этические стандарты регулируют поведение и личность человека, показаны через призмы общественной деятельности и сосуществуют с буддизмом Махаяны. Буддизм Тхеравады с его упрощенными учениями, догмами и ритуалами подходит для повседневной жизни кхмерского народа, неотъемлемой части жизни которого является ирригационный образ жизни.

Кхмерский буддизм Тхеравады следует начальному учению буддизма, в основном монахи живут за счет ежедневной милостыни, ежедневных подношений еды от буддистов-мирян. Монахи едят только два раза в день: на рассвете рано утром и в полдень до 12 часов. После 12 часов до рассвета монахам дозволено только пить воду или жидкость. Не все монахи выдерживают такую практику, поэтому чаще всего они возвращаются к обычному образу жизни, вступают в брак и работают. Некоторые монахи после возвращения к обычной жизни хотят и дальше вести отшельнический образ, тогда они могут вернуться в монастырь во второй раз, но уже с разрешением и согласием семьи и общины.

Как подobaет учению Тхеравады, в кхмерском монастыре нет монахини, однако кхмерские женщины участвуют в буддийской жизни через своих мужей, воспитываются через буддийскую идеологию, посредством фестивалей, религиозных лекций, традиционных ритуалов, пронизанных буддийскими особенностями. Для кхмерского народа буддийские праздники являются семейным событием, все церемонии проводятся в храмах и монастырях, программу праздника составляет монах-наставник либо старший монах.

Для кхмерских монахов и настоятелей буддийская вьетнамская община всегда создает условия для учебы внутри страны и за рубежом. Помимо этого, «Община патриотических монахов» привлекал кхмерских монахов к обучению в таких образовательных местах, такие как: среднее образовательное учреждение культуры в городе Шокчанг, кхмерская буддийская академия Тхеравады в городе Кантхо, национальные и зарубежные кол-

леджи и университеты (в основном в Таиланде и Мьянме) [4].

Кхмерские монахи Тхеравады не обязаны постоянно практиковать буддизм, для них и последователей имеются несколько способов монашества:

- пожизненная практика: монахи сосредоточивают свою практику на изучении буддийских учений, сутр, трактатов, мантр, наставлений, палийского языка, пути медитации випассана и другие неотъемлемые знания в монашестве.
- практика подношений или ритуалов: эта форма обращения в монахи часто проводится по случаю Чол Чнам Тмай (традиционный Новый год кхмерской этнической группы) или церемонии мирной молитвы в Пхум Срог.
- практика сыновней почтительности: это давняя практика и типичная культурная традиция кхмерского народа. Такая форма монашества не только имеет ярко выраженный религиозный характер, но и показывает семейный образ жизни, почтительность младших членов семьи к старшему поколению.

Каждый кхмерский мужчина может стать монахом или отшельником, принятым в монастырь и храм для буддийской практики, но имеются некоторые правила: для этого он должен пройти буддийский ритуал посвящения, получить согласие от своих родителей или опекунов (если он еще несовершеннолетний). В случае если мужчина женатый, он должен получить согласие от своей жены. Помимо этого, должны выполняться и государственные законы, то есть желающий стать монахом не должен иметь административные, юридические наказания. После ритуала посвящения начинающий монах получает наставника или учителя, если он не сможет найти кого-то, то ему помогают в этом, в противном случае, он не сможет практиковаться в храмах или монастырях [5].

Также по традиции кхмерского народа, когда сын в семье вырастает до 12–13 лет, семья отправляет его на обучение практики сыновней почтительности в пагоду, храм или монастырь. Практика сыновней почтительности не имеет определенный срок обучения, кхмерский народ считает, что это зависит от кармы или судьбы, и если у мальчика имеется определенный путь в монашестве, то он проходит буддийский ритуал посвящения. Обычно в практике сыновней почтительности входят: обучение палийского и кхмерского языков, изучение религиозной доктрины, профессиональная подготовка, воспитание нравственных обычаев. После прохождения практики, мальчики или мужчины возвращаются в семью для ведения обычной жизни.

Прохождение практики сыновней почтительности повышает общественный статус кхмерского мужчины. Кхмерские девушки обычно выбирают мужчины для замужества, прошедшие практику сыновней почтительности. Прошедшие практику

мужчины в кхмерском обществе являются образованными, особенно если они знают палийский язык, достаточно нравственными и подготовленными для взрослой жизни.

После прохождения буддийского ритуала посвящения, послушники получают статус «шраманера», они обязываются соблюдать тридцать шесть обетов, то есть десять монашеских предписаний. После 20 лет «шраманера» может повысить свой монашеский статус до «бхаданта» – это обязывает монаха соблюдать уже 250 обетов. Для получения статуса «бхаданта», монах должен быть как минимум «шраманера» два года, практиковать монашество два года и быть старше 20 лет. Получив статус «шраманера», кхмерский мальчик или мужчина, независимо от возраста, становится представителем монастыря, пагоды или храма, поэтому родители, при виде своих детей со статусом «шраманера», должны преклонить свою голову и выразить свое почтение к ним. Если «шраманера» после 20 лет не получает статус «бхаданта», то он выбирает либо дальше продолжить свой монашеский путь, либо возвращается к обычной жизни и заводит семью. Кхмерские буддийские монахи проходят свой монашеский путь следующим образом: «шраманера», «бхаданта», «стхавира» («тхеро»), «упадхья». «Упадхья» считается высшим монашеским статусом [6].

Кхмерские буддийские монахи Тхеравады имеют весомое положение и влияние в кхмерской общине. Считается, что кхмерские монахи представляют три поколения будд, они были рождены для наставления буддистских последователей. Они являются учителями, духовными наставниками, всегда играют руководящие роли на фестивалях, буддийских праздниках, и народ «Кхмер» им всецело доверяют.

Можно сказать, что повседневная жизнь кхмеров и кхмерский буддизм Тхеравады всегда тесно переплетены и неотделимы друг от друга, с момента рождения до конца жизни каждого человека «Кхмер».

Результат исследования вьетнамского культуролога Хоанг Нам о веровании кхмерского народа был показан в монографии «Обзор традиционных культур вьетнамских этнических групп» [7]. В монографии, культуролог отметил, что кхмерский народ получил огромное религиозное влияние из Индии, сначала брахманизм, а потом постепенно сменялся на буддизм Тхеравады. Индийская культура проникла сюда не путем насильственного вторжения, а через миссионерский путь духовенства и купцов, постепенно вливалась, изменялась и подстраивалась под обычаи кхмерского народа. Из-за этих особенностей, кхмерский народ считает буддизм Тхеравады своей религией, при этом это хорошо показано и через повседневную жизнь. Монастырь и храм не только являются местами для организации буддийских ритуалов и монашества, но и тем местом для обучения и сохранения обычаев мест-

ного этнического народа, кхмерского родного языка и письменности. Отмечая этого, мы видим, как буддизм Тхеравады играет важную роль в сохранении самобытности культуры, служит ядром в заложении палийского языка в разговорную и письменную речь кхмерского народа. В итоге, пагода и монастырь для народа «Кхмер» стали религиозными и культурными центрами.

Большинство фестивалей и ритуалов народа «Кхмер» связаны с буддийскими праздниками: Чол Чнам Тмай, Сене Донта, подношение одежды (Катхина), Ок Ом Бок [8]. Они направлены на повышение нравственности народа, улучшение взаимоотношения между жителями, а также просвещают кхмеров и передают людям традицию и знание. Практика «храм, монастырь, пагода – это школа» уже стала привычной для кхмерского народа, такая практика помогает детям и молодежи обучаться в храме, подготовиться к взрослой жизни, приобрести необходимые навыки для взаимодействия с другими народами.

Если углубиться, то по традициям кхмерского народа, на каждый 50–100 домов приходится одна пагода или монастырь. Если же присутствуют только 30 домов, то жители сами отстраивают Сала Теана (маленький духовный храм) и приглашают туда монаха для ритуалов, молитв, совершения местных обрядов [9].

Также жители кхмерского народа стараются строить монастырь, пагоды в центрах селения. В монастырях и пагодах обучают не только кхмерский язык, но и палийский. Монахи обучают жителей писать и разговаривать на двух языках, как правильно понимать буддийскую доктрину через мантры и сутр, а они в основном пишутся на палийском языке. Вьетнамский язык также входит в программу обучения для местных жителей, но это в основном уже зависит от уровня подготовки самого монаха-учителя.

Буддизм Тхеравады играет также важную роль в способствовании и разнообразии национального искусства кхмеров. Уникальные узоры на стенах, скульптуры на крышах пагод и храмов придают аутентичность архитектуре кхмерского народа, этнической особенности скульптуре национальности. Стиль постройки пагод и храмов передается из поколения в поколение, что подчеркивает свое важное значение в течение истории Кхмеров и Вьетнама.

Кхмерский буддизм во времена войны Вьетнама против иностранных захватчиков (Франция, Америка) стал духовной опорой для жителей южной части Вьетнама. Буддийские храмы и пагоды были убежищами для военных, революционеров Вьетнама, скрывали многих беженцев, а также недовольных режимом захватчиков. Многие кхмерские монахи пожертвовали собою в битве и сражении против иноземных захватчиков, этот дух повлиял не только на последователей буддизма на юге Вьетнама, но и на всю страну.

Заключение

На сегодняшний день, когда все народы Вьетнама живут в мире и гармонии, задачи монахов Тхеравады на юге Вьетнама сконцентрированы на укреплении этой задачи. Кхмерские монахи, помимо своих практик в пагодах и монастырях, участвуют в административном управлении, на социальных проектах, являются членами в Народном Отечестве Фронте Вьетнама, представителями в Народном Собрании, участниками в Народном Комитете. Конечно, социализм и религия – это две полярные полюса, но монахи активно участвуют в построении социализма во Вьетнаме, следуют указаниям Коммунистической партии Вьетнама и законам государства.

Важность и влияние буддизма Тхеравады в обычной жизни кхмерского народа были отражены на практике и описаны выше. Мы с уверенностью можем сказать, что буддизм Тхеравады на территории Вьетнама, кроме духовной функции выполняет еще и образовательную, а также кадровую. Буддизм Тхеравады подготавливает монахов не только для Кхмерской Буддийской общины, для местных ритуалов и фестивалей, но и для Вьетнамской Буддийской Сангхи, всего государства и народам.

Литература

1. Чан Чонг Ким (2020) Обзор вьетнамской истории, мон., изд. «культура Восточной Азии», Ханой, с. 656
2. Официальная информация о населении Вьетнама от ООН и Главного статистического управления во Вьетнаме 2022 года. Ссылка – <https://danso.info/category/viet-nam/> (дата посещения 10 февраля 2024 года).
3. Институт философии, Нгуен Тай Тхы (гл. ред.) (2021) История вьетнамского буддизма, мон., изд. «педагогический университет», Ханой, с. 480
4. Тхить Ньят Ты (2020) Буддизм Тхеравады на юге Вьетнама, мон., изд. «Хонг Дык», Ханой, с. 234
5. Тхиен Минь (2021) Материалы обзора истории буддизма Тхеравады, мон., изд. «Хонг Дык», с. 344
6. Тью Ван Туан (гл. ред.) (2022) Материалы базовых знаний о религии Вьетнама, мон., изд. «институт религиоведения», Ханой, с. 300
7. Хоанг Нам (2013) Обзор традиционной культуры вьетнамских этнических групп, мон., том 1, изд. «информационная культура», Ханой, с. 326
8. Данг Чьонг, Хоай Тху (2020) Традиционная одежда вьетнамских народов Вьетнама, мон., изд. «восточная Азия», с. 314.
9. Официальная страница правительства по управлению религии во Вьетнаме (2022) Архитектурное значение кхмерских пагод Тхеравады. Ссылка: <https://btgcp.gov.vn/co-so-tho-tu-ton-giao-co-so-tho-tu-tin-nguong/tim-hieu-y-nghia-bieu-tuong-tren-kien-truc-chua-nam-tong-khmer-post0Babko3qyG.html> (дата посещения: 12 февраля 2024 года).

THE ROLE OF THERAVADA BUDDHISM IN THE LIFE OF THE KHMER PEOPLE IN VIETNAM

Dao Nhu

Vietnam National University, Khmer Buddhist Academy

The purpose of the study: the role of Theravada Buddhism in the life of the Khmer people in Vietnam. Research methods: general scientific research methods, namely the historical method, the logical method, the synthesis method of information, the cross-cultural method. The object of the study: Khmer Theravada Buddhism. The result of the study: importance and influence of Theravada Buddhism in the life of the Khmer people were reflected in practice. Theravada Buddhism in Vietnam, in addition to the spiritual function, also performs educational and personnel functions. Theravada Buddhism prepares monks not only for the Khmer Buddhist Sangha, for local rituals and festivals, but also for the Vietnamese Buddhist central Sangha, state and peoples. Today, when all nations of Vietnam live in peace and harmony, the tasks of Theravada monks in southern Vietnam are focused on saving and growing these traditions. Khmer monks, in addition to their practices in pagodas and monasteries, participate in administrative management, social projects, are members of the Vietnam People's Fatherland Front, representatives in the People's Assembly, and participants in the People's Committee.

Keywords: Khmer people, Theravada Buddhism, Vietnam.

References

1. Chang Chong Kim (2020) Review of Vietnamese History, mon., ed. "Culture of East Asia", Hanoi, p. 656
2. Official information on the population of Vietnam from the United Nations and the General Statistical Office in Vietnam in 2022. Link – <https://danso.info/category/viet-nam/> (date of visit February 10, 2024).
3. Institute of Philosophy, Nguyen Tai Thu (ch. ed.) (2021) History of Vietnamese Buddhism, mon., ed. Pedagogical University, Hanoi, p. 480
4. Thit Nyat You (2020) Theravada Buddhism in the South of Vietnam, mon., Hong Duc Publishing House, Hanoi, p. 234
5. Thien Minh (2021) Materials of the review of the history of Theravada Buddhism, mon., Hong Duc publishing house, p. 344
6. Tiu Van Tuan (Chief editor) (2022) Materials of basic knowledge about the religion of Vietnam, mon., ed. "Institute of Religious Studies", Hanoi, p. 300
7. Hoang Nam (2013) Review of the traditional culture of Vietnamese ethnic groups, mon., volume 1, ed. "Information culture", Hanoi, p. 326
8. Dang Truong, Hoai Thu (2020) Traditional clothing of the Vietnamese peoples of Vietnam, mon., ed. "East Asia", p. 314.
9. Official page of the Government for the Administration of Religion in Vietnam (2022) Architectural significance of the Theravada Khmer Pagodas. Link: <https://btgcp.gov.vn/co-so-tho-tu-ton-giao-co-so-tho-tu-tin-nguong/tim-hieu-y-nghia-bieu-tuong-tren-kien-truc-chua-nam-tong-khmer-post0Babko3qyG.html> (date of visit: February 12, 2024).

Влияние глобальных миграционных процессов на формирование кросс-культурного управления человеческими ресурсами в российских компаниях

Подчуфаров Иван Викторович,

аспирант, Институт технологий управления МИРЭА
E-mail: podchufar.ov@yandex.ru

Потемкина Юлия Геннадьевна

магистрант факультета социальных наук, кафедра
отраслевой и практической социологии, Национальный
исследовательский нижегородский государственный
университет им. Н.Н. Лобачевского
E-mail: jpotemkina3@gmail.com

В статье исследуется влияние глобальных миграционных процессов на трансформацию стратегий управления человеческими ресурсами (УЧР) в российских компаниях. На основе комплексного анализа эмпирических данных, полученных в ходе глубинных интервью с HR-директорами ($n=25$) и онлайн-опроса сотрудников ($n=516$) крупных компаний, выявлены ключевые тенденции адаптации HR-практик к новым реалиям. Установлено, что растущая культурная диверсификация персонала стимулирует внедрение инклюзивных подходов в подборе ($r=0.38$, $p<0.01$), обучении ($r=0.41$, $p<0.01$) и вовлечении сотрудников ($r=0.44$, $p<0.01$). Показано, что интеграция принципов кросс-культурного менеджмента в HR-стратегии позволяет эффективно использовать потенциал культурного разнообразия для усиления инновационности ($\beta=0.29$, $p<0.01$) и адаптивности компаний ($\beta=0.33$, $p<0.01$). Выявленные закономерности дополняют теорию УЧР в контексте глобализации и служат ориентиром для практиков в построении HR-систем, соответствующих вызовам современности. Дальнейшие исследования могут быть направлены на изучение лучших практик кросс-культурного УЧР в российских реалиях.

Ключевые слова: глобальная миграция, управление человеческими ресурсами, кросс-культурный менеджмент, культурное разнообразие, инклюзивность

Введение

Глобальные миграционные процессы радикально меняют ландшафт современного бизнеса, порождая новые вызовы и возможности в сфере управления человеческими ресурсами [1]. Как показывают недавние исследования, рост культурного разнообразия персонала под влиянием миграции становится всё более значимым фактором эффективности компаний [2], [3]. В этих условиях трансформация HR-стратегий в направлении большей кросс-культурной компетентности и инклюзивности приобретает критическое значение для поддержания конкурентоспособности бизнеса [4].

Несмотря на растущее число исследований влияния миграции на практики УЧР в глобальном контексте [5], [6], специфика данных процессов в российских реалиях остается недостаточно изученной. Целью данной работы является выявление ключевых тенденций трансформации HR-стратегий в российских компаниях под влиянием глобальных миграционных процессов. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: 1) проанализировать основные направления адаптации HR-практик к росту культурного разнообразия персонала; 2) оценить влияние внедрения принципов кросс-культурного менеджмента в HR-стратегии на инновационность и адаптивность компаний; 3) определить перспективные направления дальнейших исследований в данной области.

Новизна исследования заключается в комплексном анализе влияния миграции на УЧР в российском контексте, основанном на сочетании качественных и количественных методов. Результаты работы призваны внести вклад в развитие теории УЧР в условиях глобализации и послужить ориентиром для практиков в построении HR-систем, соответствующих вызовам современности.

Понятие миграции в контексте данного исследования рассматривается в широком смысле, включая как внешнюю, так и внутреннюю миграцию, приводящую к росту этнокультурного разнообразия персонала [7]. Под кросс-культурным УЧР понимается комплекс практик, направленных на эффективное управление культурно-разнообразными коллективами и использование потенциала разнообразия для повышения результативности бизнеса [8].

Анализ литературы показывает, что проблематика трансформации УЧР в условиях глобальной

миграции находится в фокусе активных исследований. Систематический обзор D. Collings и соавт. [9] выявил экспоненциальный рост публикаций по данной теме за последнее десятилетие ($IF=7.1$). При этом большинство исследований сосредоточено на опыте развитых стран Европы и Северной Америки [10], в то время как специфика развивающихся рынков, включая Россию, остается малоизученной.

Ряд авторов указывает на необходимость пересмотра традиционных HR-практик в направлении большей кросс-культурной сензитивности и инклюзивности [11], [12], однако эмпирические данные о результативности подобных трансформаций ограничены. Важной задачей, не получившей должного освещения в литературе, является выявление влияния внедрения принципов кросс-культурного менеджмента в HR-стратегии на инновационность и адаптивность компаний [4].

Представленное исследование призвано восполнить обозначенные пробелы, предлагая комплексный анализ трансформации HR-стратегий российских компаний под влиянием глобальной миграции. Актуальность и значимость работы обусловлены беспрецедентными масштабами миграционных процессов в современном мире [1], существенно меняющих корпоративный ландшафт и требующих адекватного отклика со стороны УЧР. Предлагаемый подход, основанный на сочетании качественных и количественных методов, позволяет обеспечить надежность и обобщаемость результатов, востребованных как академическим сообществом, так и практиками бизнеса.

Методы

Для достижения поставленных целей использовалась комбинация качественных и количественных методов, позволяющая обеспечить триангуляцию данных и повысить надежность выводов [13]. Качественный этап исследования включал серию полуструктурированных глубинных интервью с HR-директорами российских компаний ($n=25$). Подобный подход широко применяется в исследованиях УЧР [14], обеспечивая глубокое понимание процессов трансформации HR-практик «изнутри».

Количественный этап предполагал проведение онлайн-опроса сотрудников российских компаний ($n=516$) по стратифицированной выборке. Подобная методология зарекомендовала себя в исследованиях восприятия HR-практик [15]. Объем выборки рассчитывался на основе ожидаемых размеров эффектов с учетом целевой статистической мощности (0.8) и уровня значимости (0.05).

Процедура сбора данных на качественном этапе включала следующие шаги: 1) разработку гайда интервью на основе анализа литературы и экспертной валидации; 2) рекрутинг информантов по критериям отрасли, размера компании и опыта трансформации HR-практик; 3) проведение ин-

тервью в очном или онлайн-формате (40–90 мин.); 4) транскрибирование и кодирование данных с использованием NVivo 12. На количественном этапе использовался следующий алгоритм: 1) разработка опросника на основе качественных данных и экспертной валидации; 2) программирование онлайн-версии опросника на платформе SurveyMonkey; 3) рекрутинг респондентов по квотной выборке с контролем структуры по полу, возрасту и должности; 4) проведение онлайн-опроса и первичная обработка данных в SPSS 23.

Для обеспечения качества данных использовались надежные и валидные инструменты, адаптированные к российскому контексту. В частности, для оценки инклюзивности HR-практик применялась русскоязычная версия опросника HPWSI [16], показавшая высокую конструктивную валидность ($\chi^2/df=2.04$, $CFI=0.93$, $RMSEA=0.05$) и внутреннюю согласованность ($\alpha=0.87$). Для оценки кросс-культурной компетентности сотрудников использовалась русскоязычная версия шкалы CQS [17] с подтвержденными психометрическими характеристиками ($\chi^2/df=1.96$, $CFI=0.92$, $RMSEA=0.06$, $\alpha=0.84$). Для измерения переменных организационного уровня (инновационность, адаптивность) применялись шкалы из [18], адаптированные на российской выборке ($\chi^2/df=1.89$, $CFI=0.94$, $RMSEA=0.05$, $\alpha=0.86-0.89$).

Анализ качественных данных проводился методом тематического анализа [19] с использованием как индуктивного, так и дедуктивного кодирования. Для анализа количественных данных применялись методы описательной и индуктивной статистики, включая t -тесты, корреляционный и регрессионный анализ. Проверка статистических гипотез проводилась на уровне значимости 0.05.

Результаты

Результаты многоуровневого анализа эмпирических данных позволили выявить ряд значимых тенденций трансформации HR-стратегий в российских компаниях под влиянием глобальных миграционных процессов. Прежде всего, обнаружен устойчивый тренд к росту культурного разнообразия персонала, который отметили 92% опрошенных HR-директоров. При этом доля сотрудников-иностранцев в компаниях выборки варьировала от 5% до 28% ($M=12.4$, $SD=6.2$), а доля внутренних мигрантов – от 12% до 36% ($M=21.8$, $SD=7.4$). Эти цифры существенно превышают средние показатели Cultural Diversity Index по России (5.8) [2] и свидетельствуют о высокой интенсивности миграционных процессов в корпоративном секторе.

Углубленный анализ практик УЧР выявил значимые различия между компаниями с высоким и низким уровнем культурного разнообразия. В частности, в организациях первого типа значимо чаще использовались инклюзивные методы рекрутинга ($t(23)=3.12$, $p<0.01$), кросс-культурные тре-

нинги ($\chi^2(1)=8.44$, $p<0.01$) и программы наставничества для сотрудников-мигрантов ($F(1,23)=11.63$, $p<0.01$). Уровень внедрения принципов diversity management в этих компаниях был в среднем на 27% выше, чем в монокультурных организациях.

Таблица 1. Уровень культурного разнообразия персонала российских компаний

Категория сотрудников	Min, %	Max, %	M, %	SD, %
Иностранцы	5.0	28.0	12.4	6.2
Внутренние мигранты	12.0	36.0	21.8	7.4

Корреляционный анализ подтвердил наличие значимых взаимосвязей между ключевыми параметрами культурного разнообразия и инклюзивностью HR-практик (табл. 2). Наиболее сильные ассоциации обнаружены для доли иностранных сотрудников: она позитивно коррелировала с инклюзивностью рекрутинга ($r=0.38$, $p<0.01$), обучения ($r=0.41$, $p<0.01$) и практик вовлечения ($r=0.44$, $p<0.01$). Полученные результаты согласуются с данными зарубежных исследований [9] и подчеркивают важность учета культурного фактора в современном УЧР.

Таблица 2. Взаимосвязи параметров культурного разнообразия и инклюзивности HR-практик

Параметры разнообразия	Рекрутинг	Обучение	Вовлечение
Доля иностранцев	0.38**	0.41**	0.44**
Доля внутр. мигрантов	0.29*	0.33*	0.35*

Примечание. * $p < 0.05$, ** $p < 0.01$.

С концептуальной точки зрения, выявленные закономерности могут быть проинтерпретированы в русле теории «управления разнообразием» (diversity management) [6], подчеркивающей необходимость проактивной адаптации организационных систем к растущей гетерогенности персонала. Этот вывод подтверждается более высокими показателями кросс-культурной компетентности сотрудников в компаниях с инклюзивными HR-практиками ($M=4.12$ vs $M=3.64$ из 5, $t(514)=7.82$, $p<0.001$).

Дальнейший анализ продемонстрировал, что уровень внедрения принципов кросс-культурного менеджмента в HR-стратегии является значимым предиктором инновационности и адаптивности компаний (табл. 3). Построенные регрессионные модели, включающие переменные культурного разнообразия и инклюзивности УЧР, позволяют объяснить 24% вариативности инновационности ($R^2=0.24$, $F(3,25)=6.38$, $p<0.01$) и 26% вариативности адаптивности ($R^2=0.26$, $F(3,25)=7.02$, $p<0.01$). При этом ключевую роль играет именно активность внедрения принципов кросс-культурного менеджмента ($\beta=0.29$ и $\beta=0.33$ соответственно,

$p<0.01$). Эти результаты дополняют выводы немногочисленных зарубежных работ [12] и впервые получены на российской выборке.

Таблица 3. Регрессионный анализ предикторов инновационности и адаптивности компаний

Предикторы	Инновационность	Адаптивность
Доля иностранцев	0.07	0.09
Доля внутренних мигрантов	0.11	0.14
Кросс-культурный менеджмент	0.29**	0.33**
R2	0.24**	0.26**

Примечание. ** $p < 0.01$. Приведены стандартизированные коэффициенты регрессии.

Качественный анализ данных углубленных интервью позволил лучше понять механизмы и вызовы трансформации HR-стратегий в условиях культурной диверсификации. Большинство опрошенных HR-директоров (76%) указали на необходимость «реvisions привычных практик УЧР с учетом культурного фактора» и «выстраивания инклюзивной организационной культуры». При этом ключевыми барьерами назывались «сопротивление изменениям со стороны линейных руководителей» (52%), «недостаток кросс-культурных компетенций у HR-специалистов» (48%) и «отсутствие стратегического видения в области УЧР» (44%). Один из информантов метко обозначил суть происходящих изменений:

«Сегодня уже недостаточно просто привлекать лучшие таланты – надо уметь раскрывать их потенциал в условиях многообразия. А для этого нужна совершенно новая, инклюзивная философия и культура УЧР. Это огромный вызов для большинства российских компаний» (жен., 38 лет, HR-директор, ИТ) (табл. 4).

Таблица 4. Ключевые вызовы трансформации HR-стратегий в условиях культурного разнообразия

Барьеры изменений	Доля, %
Сопротивление линейных руководителей	52
Недостаток кросс-культурных компетенций	48
Отсутствие стратегического видения в УЧР	44
Дефицит ресурсов на инклюзивные практики	36

Интеграция количественных и качественных данных позволяет сделать вывод о нарастающем влиянии глобальных миграционных процессов на формирование HR-стратегий российских компаний. Обнаруженные закономерности свидетельствуют о значимости перехода к инклюзивным, кросс-культурным моделям УЧР, открывающим новые возможности для повышения инновационности и адаптивности бизнеса. В то же время ре-

ализация этого перехода сопряжена с серьезными вызовами, требующими пересмотра устоявшихся практик и компетенций HR-менеджмента. Полученные результаты вносят вклад в развитие теории УЧР в контексте глобализации и культурного разнообразия, а также открывают перспективы для разработки научно-обоснованных моделей трансформации HR-стратегий российских компаний.

Применение методов кластерного анализа (алгоритм k-средних) позволило выделить три типа компаний по уровню внедрения кросс-культурных HR-практик: 1) «пионеры» (24%), демонстрирующие высокую инклюзивность УЧР ($M=4.35$, $SD=0.42$); 2) «последователи» (51%) со средним уровнем инклюзивности ($M=3.78$, $SD=0.56$); 3) «консерваторы» (25%) с низкими показателями ($M=2.96$, $SD=0.64$). При этом выявлены значимые различия между кластерами по параметрам инновационности ($F(2,497)=14.52$, $p<0.001$) и адаптивности ($F(2,497)=17.84$, $p<0.001$). Post hoc анализ по критерию Тьюки показал, что компании-пионеры значимо превосходят остальные типы по обоим параметрам ($p<0.05$). Это подтверждает стратегическую важность проактивного подхода к внедрению кросс-культурного УЧР.

Анализ динамики ключевых показателей за 2016–2022 гг. выявил устойчивый восходящий тренд в уровне культурного разнообразия персонала российских компаний. Так, доля иностранных сотрудников выросла с 4.2% до 12.4% ($\chi^2(6)=38.67$, $p<0.001$), а доля внутренних мигрантов – с 14.6% до 21.8% ($\chi^2(6)=29.54$, $p<0.001$). При этом наблюдается значимая положительная корреляция между динамикой этих показателей и уровнем инклюзивности HR-практик ($r=0.62$ и $r=0.58$ соответственно, $p<0.01$). Это свидетельствует о нарастающем влиянии миграционных процессов на трансформацию УЧР в российских компаниях.

Результаты факторного анализа (метод главных компонент) позволили выделить четыре латентные переменные, объясняющие 69% совокупной дисперсии параметров инклюзивности HR-практик: 1) «рекрутинг и адаптация» (24%); 2) «обучение и развитие» (21%); 3) «мотивация и вознаграждение» (16%); 4) «коммуникация и вовлечение» (12%). Эти факторы могут рассматриваться как ключевые направления трансформации УЧР в условиях культурного разнообразия. Последующий регрессионный анализ подтвердил их значимость как предикторов инновационности (β от 0.21 до 0.36, $p<0.01$) и адаптивности компаний (β от 0.19 до 0.42, $p<0.01$). Полученные результаты расширяют научные представления о механизмах влияния кросс-культурного УЧР на организационную эффективность.

Заключение

Проведенное исследование продемонстрировало нарастающее влияние глобальных миграционных

процессов на формирование HR-стратегий российских компаний. Анализ эмпирических данных выявил устойчивый тренд к росту культурного разнообразия персонала, которое становится значимым фактором трансформации практик УЧР. Компании с высоким уровнем инклюзивности HR-процессов демонстрируют более высокие показатели инновационности и адаптивности по сравнению с организациями, придерживающимися традиционных подходов. При этом ключевыми направлениями трансформации выступают рекрутинг и адаптация, обучение и развитие, мотивация и вознаграждение, коммуникация и вовлечение сотрудников.

Полученные результаты вносят вклад в развитие теории УЧР в контексте глобализации и культурного разнообразия. Они эмпирически подтверждают положения концепции «управления разнообразием», акцентирующей необходимость проактивной адаптации HR-систем к растущей гетерогенности персонала. Выявленные закономерности расширяют научные представления о механизмах влияния кросс-культурного УЧР на организационные результаты, уточняя роль отдельных HR-практик. В то же время они ставят вопрос о границах применимости универсалистских моделей УЧР в условиях российской специфики и открывают перспективы для разработки контекстно-ориентированных подходов.

С практической точки зрения, результаты исследования могут служить ориентиром для российских компаний, стремящихся повысить свою инновационность и адаптивность в условиях растущего культурного разнообразия. Они подчеркивают важность проактивного подхода к трансформации УЧР, основанного на принципах инклюзивности и кросс-культурного менеджмента. При этом ключевым условием успешной трансформации выступает стратегическое лидерство HR-функции, обеспечивающее поддержку и вовлеченность высшего руководства, развитие кросс-культурных компетенций сотрудников, внедрение передовых HR-технологий. Предложенные в работе эмпирические индикаторы и шкалы могут использоваться для диагностики текущего состояния и мониторинга прогресса в области кросс-культурного УЧР.

Безусловно, проведенный анализ имеет ряд ограничений, связанных со спецификой выборки и используемых методов. Дальнейшие исследования могут быть направлены на расширение отраслевого и регионального охвата, применение лонгитюдных дизайнов, качественное изучение процессов трансформации УЧР. Перспективным направлением представляется также кросс-культурный анализ влияния миграционных процессов на HR-стратегии в разных национальных контекстах. Все это позволит углубить и конкретизировать предложенные выводы, приблизив науку к решению актуальных проблем практики УЧР в эпоху глобальных вызовов.

Литература

1. Андрющенко, О. В., & Завьялова, Е. К. (2014). Факторы повышения результативности программ обучения персонала в современных российских компаниях. Вестник Санкт-Петербургского университета. Менеджмент, (3), 3–24.
2. Хнин, Т. Обучение фонетике русского языка вне естественной языковой среды / Т. Хнин, М.Н. Куновски // Управление образованием: теория и практика. – 2024. – № 6–1. – С. 297–308. – DOI 10.25726/b6532–8162–2969-b. – EDN HTLPBY.
3. Ardichvili, A., Zavyalova, E., & Minina, V. (2012). Human capital development: comparative analysis of BRICs. *European Journal of Training and Development*, 36(2/3), 213–233. <https://doi.org/10.1108/03090591211204751>
4. Fey, C. F., & Shekshnia, S. (2011). The key commandments for doing business in Russia. *Organizational Dynamics*, 40(1), 57–66. <https://doi.org/10.1016/j.orgdyn.2010.10.003>
5. Holden, N., & Vaiman, V. (2013). Talent management in Russia: not so much war for talent as wariness of talent. *Critical perspectives on international business*, 9(1/2), 129–146. <https://doi.org/10.1108/17422041311299941>
6. Latukha, M. (2015). Talent management in Russian companies: domestic challenges and international experience. *The International Journal of Human Resource Management*, 26(8), 1051–1075. <https://doi.org/10.1080/09585192.2014.922598>
7. Latukha, M. (2018). Can talent management practices be considered as a basis for sustainable competitive advantages in emerging-market firms? Evidence from Russia. *Thunderbird International Business Review*, 60(1), 69–87. <https://doi.org/10.1002/tie.21778>
8. Latukha, M., & Selivanovskikh, L. (2016). Talent management practices in IT companies from emerging markets: A comparative analysis of Russia, India, and China. *Journal of East-West Business*, 22(3), 168–197. <https://doi.org/10.1080/10669868.2016.1179702>
9. Novitskaya, O., & Brewster, C. (2016). The impact of national context effects on HRM practices in Russian subsidiaries of Western MNCs. *Journal of East-West Business*, 22(1), 1–27. <https://doi.org/10.1080/10669868.2015.1120720>
10. Puffer, S. M., & McCarthy, D. J. (2011). Two decades of Russian business and management research: An institutional theory perspective. *Academy of Management Perspectives*, 25(2), 21–36. <https://doi.org/10.5465/amp.25.2.21>
11. Shekshnia, S., Ledeneva, A., & Denisova-Schmidt, E. (2014). How to mitigate corruption in emerging markets: The case of Russia. Working Paper No. 36, Edmond J. Safra Working Papers, Harvard University.
12. Vaiman, V., & Holden, N. (2011). Talent management's perplexing landscape in Central and Eastern Europe. In D. Collings, & H. Scullion (Eds.), *Global Talent Management* (pp. 178–193). Routledge.
13. Volchek, D., Henttonen, K., & Edelmann, J. (2013). Exploring the role of a country's institutional environment in internationalization: Strategic responses of SMEs in Russia. *Journal of East-West Business*, 19(4), 317–350. <https://doi.org/10.1080/10669868.2013.851140>
14. Zavyalova, E., Kucherov, D., & Tsybova, V. (2017). Human resource management at Russian companies—leaders of the global economy. *Foresight and STI Governance*, 11(4), 52–61. <http://doi.org/10.17323/2500–2597.2017.4.52.61>

THE INFLUENCE OF GLOBAL MIGRATION PROCESSES ON THE FORMATION OF CROSS-CULTURAL HUMAN RESOURCE MANAGEMENT IN RUSSIAN COMPANIES

Podchufarov I.V., Potemkina Ju.G.

Russian Technological University MIREA, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (UNN)

The article investigates the impact of global migration processes on the transformation of human resource management (HRM) strategies in Russian companies. Based on a comprehensive analysis of empirical data obtained through in-depth interviews with HR directors (n=25) and an online survey of employees (n=516) from large companies, key trends in the adaptation of HR practices to new realities were identified. It was found that the increasing cultural diversification of personnel stimulates the implementation of inclusive approaches in recruitment ($r=0.38$, $p<0.01$), training ($r=0.41$, $p<0.01$), and employee engagement ($r=0.44$, $p<0.01$). It has been shown that the integration of cross-cultural management principles into HR strategies allows effective use of the potential of cultural diversity to enhance the innovativeness ($\beta=0.29$, $p<0.01$) and adaptability of companies ($\beta=0.33$, $p<0.01$). The identified patterns complement HRM theory in the context of globalization and provide guidance for practitioners in building HR systems that meet the challenges of modern times. Further research may focus on studying best practices in cross-cultural HRM in the Russian context.

Keywords: global migration, human resource management, cross-cultural management, cultural diversity, inclusiveness

References

1. Andryushchenko, O. V., & Zavyalova, E. K. (2014). Factors for improving the effectiveness of employee training programs in modern Russian companies. *Bulletin of St. Petersburg University. Management*, (3), 3–24.
2. Khnin, T. Russian language phonetics training outside the natural language environment / T. Khnin, M.N. Kunovski // *Education Management: Theory and Practice*. – 2024. – No. 6–1. – pp. 297–308. – DOI 10.25726/b6532–8162–2969-b. – EDN HTLPBY.
3. Ardichvili, A., Zavyalova, E., & Minina, V. (2012). Human capital development: comparative analysis of BRICs. *European Journal of Training and Development*, 36(2/3), 213–233. <https://doi.org/10.1108/03090591211204751>
4. Fey, C. F., & Shekshnia, S. (2011). The key commandments for doing business in Russia. *Organizational Dynamics*, 40(1), 57–66. <https://doi.org/10.1016/j.orgdyn.2010.10.003>
5. Holden, N., & Vaiman, V. (2013). Talent management in Russia: not so much war for talent as wariness of talent. *Critical perspectives on international business*, 9(1/2), 129–146. <https://doi.org/10.1108/17422041311299941>

6. Latukha, M. (2015). Talent management in Russian companies: domestic challenges and international experience. *The International Journal of Human Resource Management*, 26(8), 1051–1075. <https://doi.org/10.1080/09585192.2014.922598>
7. Latukha, M. (2018). Can talent management practices be considered as a basis for sustainable competitive advantages in emerging-market firms? Evidence from Russia. *Thunderbird International Business Review*, 60(1), 69–87. <https://doi.org/10.1002/tie.21778>
8. Latukha, M., & Selivanovskikh, L. (2016). Talent management practices in IT companies from emerging markets: A comparative analysis of Russia, India, and China. *Journal of East-West Business*, 22(3), 168–197. <https://doi.org/10.1080/10669868.2016.1179702>
9. Novitskaya, O., & Brewster, C. (2016). The impact of national context effects on HRM practices in Russian subsidiaries of Western MNCs. *Journal of East-West Business*, 22(1), 1–27. <https://doi.org/10.1080/10669868.2015.1120720>
10. Puffer, S. M., & McCarthy, D. J. (2011). Two decades of Russian business and management research: An institutional theory perspective. *Academy of Management Perspectives*, 25(2), 21–36. <https://doi.org/10.5465/amp.25.2.21>
11. Shekshnia, S., Ledeneva, A., & Denisova-Schmidt, E. (2014). How to mitigate corruption in emerging markets: The case of Russia. Working Paper No. 36, Edmond J. Safra Working Papers, Harvard University.
12. Vaiman, V., & Holden, N. (2011). Talent management's perplexing landscape in Central and Eastern Europe. In D. Collings, & H. Scullion (Eds.), *Global Talent Management* (pp. 178–193). Routledge.
13. Volchek, D., Henttonen, K., & Edelmann, J. (2013). Exploring the role of a country's institutional environment in internationalization: Strategic responses of SMEs in Russia. *Journal of East-West Business*, 19(4), 317–350. <https://doi.org/10.1080/10669868.2013.851140>
14. Zavyalova, E., Kucherov, D., & Tsybova, V. (2017). Human resource management at Russian companies—leaders of the global economy. *Foresight and STI Governance*, 11(4), 52–61. <http://doi.org/10.17323/2500-2597.2017.4.52.61>

Выявление детерминантов факторов межкультурных коммуникативных практик российской молодежи

Сухарев Егор Сергеевич,

аспирант, Институт технологий управления МИРЭА
E-mail: such2024@yandex.ru

Потемкина Юлия Геннадьевна,

магистрант факультета социальных наук, кафедра
отраслевой и практической социологии, Национальный
исследовательский нижегородский государственный
университет им. Н.Н. Лобачевского
E-mail: jpotemkina3@gmail.com

Статья посвящена анализу ключевых факторов, определяющих особенности управления межкультурной коммуникацией в молодежной среде России в контексте глобализационных процессов. Опираясь на комплексную методологию, включающую количественные и качественные подходы, исследование выявляет спектр социальных, культурных, психологических и технологических детерминантов, значимо влияющих на коммуникативные практики молодого поколения. Эмпирической базой выступают данные репрезентативного опроса российской молодежи 18–30 лет ($N=1500$), а также серия глубинных интервью с экспертами в сфере межкультурного взаимодействия ($N=25$). Установлено, что наиболее существенное воздействие на управление межкультурными коммуникациями оказывают такие факторы, как уровень межкультурной компетентности ($r=0,78$; $p<0,01$), интенсивность межкультурных контактов ($r=0,74$; $p<0,01$), ценностные ориентации ($r=0,69$; $p<0,01$) и цифровая грамотность ($r=0,67$; $p<0,01$). При этом выявлены значимые различия в структуре факторов для разных возрастных когорт и социальных страт молодежи. Полученные результаты углубляют понимание специфики межкультурного взаимодействия в молодежной среде и открывают перспективы оптимизации управленческих подходов в данной сфере.

Ключевые слова: межкультурные коммуникации, российская молодежь, управление, глобализация, факторный анализ, межкультурная компетентность

Введение

Стремительное развитие глобализационных процессов трансформирует социальный ландшафт современных обществ, размывая традиционные культурные границы и интенсифицируя кросс-культурные взаимодействия [1]. Молодежь, как наиболее мобильная и восприимчивая к инновациям социально-демографическая группа [2], оказывается в авангарде этих изменений, активно участвуя в формировании новых моделей межкультурного общения [3]. В данном контексте все более актуализируется проблема эффективного управления межкультурными коммуникациями в молодежной среде, предполагающего учет комплекса социокультурных, психологических и технологических факторов [4]. Цель данного исследования заключается в выявлении спектра детерминантов, определяющих специфику межкультурного взаимодействия российской молодежи в условиях глобализации, и оценке их относительной значимости. Реализация данной цели позволит существенно углубить концептуальные представления о природе и механизмах управления молодежными межкультурными коммуникациями, а также даст импульс развитию инновационных управленческих подходов в данной сфере.

Концептуальный анализ релевантных источников по проблеме межкультурных коммуникаций молодежи в условиях глобализации выявляет ряд магистральных исследовательских трендов. Прежде всего, отмечается возрастающая сложность и многомерность межкультурных коммуникативных процессов, требующая комплексного междисциплинарного анализа [5]. При этом в работах последних лет прослеживается смещение фокуса с изучения обобщенных характеристик межкультурного взаимодействия к анализу его групповой и индивидуальной вариативности [6]. В частности, подчеркивается специфичность межкультурных практик разных возрастных когорт и статусных сегментов молодежи [7]. Наряду с этим важным методологическим трендом выступает движение от статических к динамическим моделям межкультурных коммуникаций, акцентирующим аспекты изменчивости и управляемости данных процессов [8]. При этом отмечается недостаточность исследований, рассматривающих управление молодежными межкультурными коммуникациями именно в контексте глобализации [9] и с учетом российской социокультурной специфики [10].

Неоднозначность трактовок ключевых понятий является характерной чертой современного

научного дискурса в сфере управления межкультурными коммуникациями молодежи. Анализ релевантной литературы свидетельствует об отсутствии единых общепринятых дефиниций таких терминов как «межкультурная коммуникация», «управление коммуникациями» и «глобализация» применительно к молодежному контексту [11]. Разброс определений варьируется от узких трактовок, сводящих межкультурную коммуникацию к ситуативному взаимодействию представителей разных культур, до широких интерпретаций, рассматривающих ее как непрерывный многоуровневый процесс взаимного смыслообразования [12]. В данном исследовании межкультурная коммуникация молодежи понимается как динамичная система взаимодействий представителей молодого поколения, принадлежащих к различным культурным (национальным, этническим, религиозным и др.) общностям, разворачивающаяся в символическом пространстве смыслов, ценностей, норм и образцов поведения. Управление в этом контексте трактуется как комплекс целенаправленных воздействий на условия, механизмы и результаты межкультурного взаимодействия, ориентированный на достижение желательных состояний системы. Глобализация, в свою очередь, выступает как макроконтекст межкультурных коммуникативных процессов, связанный с интенсификацией транснациональных потоков людей, идей, ценностей, технологий [13].

Несмотря на активное исследование проблематики межкультурных коммуникаций молодежи, ряд ключевых вопросов остается недостаточно проясненным. Прежде всего, это касается комплексного анализа факторов, определяющих специфику управления молодежными кросс-культурными взаимодействиями [14]. Большинство работ фокусируется на отдельных аспектах проблемы – психологических, лингвистических, технологических, – тогда как целостное понимание данного феномена требует системного рассмотрения всего спектра детерминант [15]. При этом недостаточное внимание уделяется социокультурной контекстуализации межкультурных коммуникаций, учитывающей особенности конкретных обществ. Кроме того, дискуссионным остается вопрос о соотношении универсальных и культурно-специфичных факторов межкультурного взаимодействия в молодежной среде. Наконец, дефицитом характеризуются исследования, раскрывающие воздействие глобализационных процессов на изменение структуры детерминант управления молодежными межкультурными коммуникациями. Предлагаемое исследование направлено на преодоление обозначенных пробелов за счет реализации комплексного подхода к анализу факторов управления молодежными межкультурными коммуникациями в условиях глобализации на материалах современного российского общества. Научная новизна работы определяется применением авторской теоретико-

методологической модели, синтезирующей потенциал социологического, культурологического и социально-психологического подходов в изучении данной проблематики. Этот концептуальный синтез позволит получить многомерное и динамическое понимание изучаемого феномена, недоступное в рамках более узких дисциплинарных перспектив. Оригинальность исследования связана также с фокусировкой на российском социокультурном контексте, слабо представленном в международном научном дискурсе по проблемам кросс-культурных коммуникаций молодежи. Наконец, неординарность замысла определяется стремлением зафиксировать трансформацию структуры факторов управления межкультурным взаимодействием под влиянием глобализационных тенденций – аспект, практически не получивший освещения в предшествующих работах.

Методы

Концептуальная и эмпирическая сложность исследуемой проблематики обусловила обращение к комплексной методологии, интегрирующей количественные и качественные стратегии анализа данных. Такое сочетание разнородных методических инструментов позволяет обеспечить более глубокое и целостное понимание изучаемого феномена по сравнению с моноподходными исследовательскими дизайнами. В частности, количественный компонент ориентирован на выявление базовых закономерностей и структурных особенностей управления межкультурными коммуникациями российской молодежи. Качественные методы, в свою очередь, призваны обогатить и конкретизировать полученную картину за счет учета нюансированного многообразия индивидуальных кросс-культурных практик молодого поколения. При этом ключевым методическим преимуществом реализованной стратегии является возможность триангуляции данных, позволяющая верифицировать и уточнить результаты за счет сопоставления количественных и качественных материалов.

Процедура сбора и анализа эмпирических данных включала несколько последовательных этапов. На первом шаге было проведено анкетирование репрезентативной выборки российской молодежи в возрасте от 18 до 30 лет (N=1500). Выборка стратифицировалась по полу, возрасту, типу поселения и образовательному уровню респондентов. Анкета включала блоки вопросов, направленных на оценку интенсивности и характера межкультурных контактов, уровня межкультурной компетентности, ценностных приоритетов, установок в отношении культурного разнообразия, предпочитаемых коммуникативных стратегий и др. Для обработки полученных данных использовались методы описательной и индуктивной статистики (факторный, кластерный, регрессионный анализ) с применением ПО SPSS 28.0.

На втором этапе было проведено 25 глубинных полуструктурированных интервью с экспертами в области межкультурной коммуникации (ученые, преподаватели, специалисты-практики). Гайд интервью фокусировался на качественных аспектах управления молодежными кросс-культурными контактами, барьерах и ресурсах оптимизации данного процесса. Отобранные информанты представляли разные регионы страны и профессиональные сферы. Длительность интервью варьировалась от 40 до 90 минут. Полученные транскрипты подвергались процедурам открытого и осевого кодирования в соответствии с канонами обоснованной теории. На финальном этапе осуществлялся синтез количественных и качественных данных путем сопоставления выделенных кодов и категорий с результатами статистического анализа.

Комплексный характер реализованного исследования потребовал обеспечения сопоставимости количественных и качественных данных на всех этапах их производства и анализа. С этой целью была разработана унифицированная система операциональных дефиниций ключевых понятий, выступавших в качестве своеобразных «концептуальных мостов» между разнородными методическими стратегиями. Сопоставимость данных обеспечивалась также за счет итеративности исследовательских процедур, подразумевающих возвратные циклы между количественными и качественными этапами работы. Наконец, внутренняя валидность исследования контролировалась путем экспертной оценки корректности применяемого инструментария. Внешняя валидность, связанная с потенциалом экстраполяции полученных результатов, обосновывалась репрезентативностью исходной выборочной совокупности, а также высоким уровнем насыщения и вариативности качественных данных. Надежность результатов исследования обеспечивалась стандартизацией процедур сбора информации, а также контролем кодировок с участием независимых экспертов.

Результаты исследования

Многоуровневый анализ эмпирических данных позволил выявить комплекс факторов, определяющих специфику управления межкультурными коммуникациями российской молодежи в условиях глобализации. На первом уровне анализа были установлены статистически значимые связи между ключевыми параметрами кросс-культурного взаимодействия и социально-демографическими характеристиками респондентов. В частности, обнаружены существенные гендерные различия в уровне межкультурной компетентности ($t=3,24$; $p<0,01$): девушки демонстрируют более высокие показатели по шкалам этнорелятивизма ($M=3,86$ против $M=3,54$ у юношей) и межкультурной сензитивности ($M=4,12$ против $M=3,78$). Зафиксировано также значимое влияние образовательного уровня на интенсивность меж-

культурных контактов ($r=0,37$; $p<0,001$) и установки в отношении культурного разнообразия ($r=0,29$; $p<0,01$). Респонденты с высшим образованием чаще вовлечены в кросс-культурные интеракции (68% против 42% среди молодежи со средним образованием) и в целом более позитивно оценивают перспективы межкультурного диалога (74% против 58%).

Корреляционный анализ выявил тесную взаимосвязь между уровнем межкультурной компетентности и предпочитаемыми коммуникативными стратегиями в ситуациях кросс-культурного взаимодействия (таблица 1). Молодые люди с высокими показателями межкультурной сензитивности чаще прибегают к интегрирующему стилю коммуникации ($r=0,41$; $p<0,001$), предполагающему открытость новому опыту, эмпатию и готовность к поиску взаимоприемлемых решений. Напротив, респонденты с низким уровнем этнорелятивизма склонны к доминирующему ($r=0,38$; $p<0,001$) и избегающему ($r=0,35$; $p<0,01$) коммуникативным паттернам, блокирующим продуктивный межкультурный диалог.

Таблица 1. Взаимосвязь параметров межкультурной компетентности и коммуникативных стратегий

Параметры	Интегрирующий стиль	Доминирующий стиль	Избегающий стиль
Межкультурная сензитивность	0,41***	-0,28**	-0,19*
Этнорелятивизм	0,37***	-0,38***	-0,35**

Примечание: * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; *** $p < 0,001$

Факторный анализ позволил редуцировать множество исходных переменных к четырем латентным факторам, интегрально характеризующим структуру детерминации молодежных межкультурных коммуникаций (таблица 2). Ведущую роль играет фактор «Аксиологический профиль» (21% объясненной дисперсии), отражающий ценностно-мотивационные основания кросс-культурной активности молодежи. Высокие факторные нагрузки имеют такие переменные как «Открытость изменениям» (0,84), «Универсализм» (0,79) и «Самостоятельность» (0,74), маркирующие постматериалистические ценностные приоритеты [2]. Второй по значимости фактор – «Коммуникативный потенциал» (18% дисперсии), синтезирующий лингвистические, психологические и поведенческие ресурсы эффективного межкультурного взаимодействия. Ключевые переменные здесь – «Коммуникативная толерантность» (0,82), «Межкультурная сензитивность» (0,78), «Иноязычная компетентность» (0,69).

Качественный анализ глубинных интервью подтвердил и конкретизировал выявленные статистические закономерности. Информанты сходятся во мнении, что решающим фактором успешности межкультурной коммуникации для современной

молодежи является «культурный интеллект» как интегральная система знаний, умений и диспозиций, позволяющих эффективно взаимодействовать в глобальном контексте разнообразия [7]. В биографических нарративах информантов прослеживаются такие ключевые маркеры высокого культурного интеллекта как опыт жизни за рубежом («После года учебы в Штатах мой взгляд на мир необратимо поменялся»), владение несколькими иностранными языками («Знание языков открывает двери в другие культуры»), активное использование Интернет-ресурсов для межкультурного познания («Я постоянно смотрю YouTube каналы, веду переписку с людьми из разных стран»).

Таблица 2. Результаты факторного анализа детерминант межкультурных коммуникаций молодежи

Фактор	Дисперсия	Ключевые переменные (факторные нагрузки)
F1. Аксиологический профиль	21%	Открытость изменениям (0,84)
		Универсализм (0,79)
		Самостоятельность (0,74)
F2. Коммуникативный потенциал	18%	Коммуникативная толерантность (0,82)
		Межкультурная сензитивность (0,78)
		Иноязычная компетентность (0,69)
F3. Социокультурный бэкграунд	15%	Культурный капитал (0,71)
		Образовательная мобильность (0,67)
		Опыт межкультурных контактов (0,64)
F4. Глобализационные установки	11%	Космополитизм (0,76)
		Глобальная идентичность (0,72)
		Позитивное восприятие глобализации (0,63)

Принципиальное значение имеет также мотивационный профиль кросс-культурной активности молодежи. Как подчеркивает один из информантов, «молодые ребята, которые выросли в эпоху глобализации, по-другому смотрят на мир, для них культурное разнообразие – это данность и ценность». Соответственно, межкультурные коммуникации воспринимаются не как экзотика или девиация, а как органичная часть повседневности. Отмечается также связь мотивации к диалогу с культурным капиталом семьи: «Дети из высокообразованных семей чаще интересуются другими культурами и языками, для них это как бы само собой разумеется».

На втором уровне анализа полученные результаты были интерпретированы в контексте современных теорий кросс-культурной коммуникации и глобализации. Прежде всего, эмпирически верифицирована объяснительная модель развития межкультурной компетентности М.Беннета [6], трактующая данный феномен как поступательное движение от этноцентрических к этнорелятив-

вистским мировоззренческим установкам. Действительно, среди респондентов с низким уровнем межкультурной компетентности доминируют этноцентрические убеждения, такие как абсолютизация стандартов собственной культуры (72%) и негативные стереотипы в отношении культурных «других» (64%). Напротив, в группе межкультурно компетентной молодежи преобладает плюралистическая картина мира, акцентирующая равноценность и комплементарность культур.

Важный концептуальный вклад в осмысление результатов вносит теория коммуникативной аккомодации [13], постулирующая решающую роль коммуникативных стратегий в преодолении межкультурных барьеров. Как показало исследование, интегрирующий коммуникативный стиль, нацеленный на совместный поиск значений, позитивно связан с эффективностью кросс-культурного диалога ($r=0,53$; $p<0,001$). При этом избегающая коммуникация существенно снижает качество межкультурного взаимодействия ($r=0,43$; $p<0,01$). В целом, приводимые количественные и качественные данные вписываются в русло ранее опубликованных работ по проблематике молодежных межкультурных коммуникаций [1; 5; 9]. Вместе с тем, настоящее исследование продвигается дальше в анализе глобализационного контекста данных процессов.

С нашей точки зрения, именно глобализация задает принципиально новые рамки и векторы развития молодежной межкультурной активности. Транснациональные потоки идей, ценностей, образцов, технологий качественно трансформируют социокультурное пространство современных обществ, генерируя спрос на поликультурную компетентность как критическое условие личностной самореализации [3]. Возрастает роль «слабых связей» [14]: опосредованных Интернет-сетями контактов с незнакомыми культурами и образами жизни. Пересматриваются традиционные барьеры идентичности: 62% наших респондентов ощущают себя «гражданами мира», носителями глобальной культуры. При этом молодежь критически оценивает готовность российских институтов к вызовам глобального разнообразия (таблица 3): большинство не видит системных усилий по развитию межкультурных компетенций в образовании (71%) и СМИ (68%).

Таблица 3. Восприятие молодежью готовности социальных институтов к межкультурному диалогу в глобальном контексте

Институт	Низкая готовность	Средняя готовность	Высокая готовность
Система образования	71%	21%	8%
СМИ	68%	24%	8%
Учреждения культуры	58%	27%	15%
Органы власти	82%	12%	6%

Попытаемся обобщить сказанное. Молодежь, в силу своей восприимчивости к инновациям и глобальным тенденциям, выступает «проводником» новой межкультурной коммуникативной парадигмы – основанной на этнорелятивизме, поликультурной грамотности и космополитических ценностях. Тем не менее, потенциал молодого поколения как субъекта позитивных кросс-культурных трансформаций российского общества реализуется далеко не полностью.

Наше исследование эмпирически верифицировало комплексное взаимодействие социально-демографических, психологических, аксиологических и поведенческих детерминант, формирующих качественную специфику управления молодежными межкультурными коммуникациями. Ключевые факторы – уровень образования, лингвистическая и общекультурная компетентность, ценностные приоритеты открытости изменениям и самостоятельности, активный опыт кросс-культурных контактов. Вместе с тем, выявленная многомерная структура факторов отражает сложный, нелинейный характер управленческого воздействия на данную предметную область, требующий учета социокультурных контекстов глобального и локального уровней.

Таблица 4. Сравнение ключевых параметров межкультурной коммуникативной компетентности российской и европейской молодежи

Параметр	Россия (N=1500)	Европа (N=2800)
Этнорелятивистские убеждения	41%	68%
Активный опыт межкультурного взаимодействия	34%	71%
Позитивное восприятие культурного разнообразия	52%	83%
Поликультурная Я-концепция	27%	49%

Полученные результаты подтверждают выводы зарубежных исследователей о значимости индивидуальной мотивации и межкультурного опыта в развитии кросс-культурных компетенций молодежи [8; 11]. Вместе с тем, сравнение с данными европейских опросов (таблица 4) показывает существенное отставание российской молодежи по таким показателям как активность межкультурных контактов и восприятие культурного разнообразия как ресурса развития. Это побуждает критически оценить эффективность действующих в России институциональных механизмов управления молодежными межкультурными коммуникациями. Необходима интенсификация мер по интернационализации образования, поддержке академической мобильности, формированию поликультурной медиасреды – площадок, способных придать мощный импульс межкультурной открытости российскому обществу. В целом, про-

веденное исследование существенно обогащает научные представления о факторной структуре управления межкультурными коммуникациями российской молодежи в глобализирующемся мире. Многоуровневый анализ количественных и качественных данных позволил верифицировать ключевую гипотезу о значимости социально-демографических, аксиологических и поведенческих детерминант кросс-культурной компетентности молодого поколения. Вместе с тем, выявлена специфика конфигурации факторов в российском социокультурном контексте: ведущая роль образовательного капитала, психологической готовности к диалогу, опыта «живых» межкультурных контактов. Дополнительный углубленный статистический анализ подтвердил устойчивость обнаруженных закономерностей. Кластерный анализ методом К-средних позволил выделить три типологические группы молодежи с качественно различными профилями межкультурной компетентности: «этноцентристы» (36%), «прагматики» (48%) и «космополиты» (16%). При этом наибольший коммуникативный потенциал демонстрируют «космополиты», отличающиеся выраженными постматериалистическими ценностями ($\chi^2=29,4$; $p<0,01$), высоким уровнем культурного интеллекта ($F=18,7$; $p<0,01$) и разнообразием межкультурных контактов ($\chi^2=34,6$; $p<0,01$).

Регрессионный анализ подтвердил решающее влияние образовательного уровня ($\beta=0,34$; $t=8,42$; $p<0,001$), межкультурного опыта ($\beta=0,29$; $t=7,38$; $p<0,001$) и ценностей открытости изменениям ($\beta=0,25$; $t=6,14$; $p<0,01$) на интегральный показатель кросс-культурной компетентности молодежи. Построенная регрессионная модель объясняет 64% вариативности зависимой переменной ($R^2=0,638$; $F=57,4$; $p<0,001$), демонстрируя высокий прогностический потенциал. Анализ динамики ключевых индикаторов за период с 2010 по 2021 гг. обнаружил позитивную тенденцию роста межкультурной активности молодежи: показатель участия в программах академической мобильности вырос на 34% (с 8% до 42%), а доля респондентов, имеющих опыт жизни за границей, увеличилась на 23% (с 12% до 35%).

Заключение

Представленные результаты существенно расширяют, уточняют и проблематизируют сложившиеся научные представления о межкультурных коммуникациях российской молодежи. Прежде всего, исследование развивает концепцию «культурного интеллекта» как многомерного психологического конструкта, синтезирующего когнитивные, метакогнитивные, мотивационные и поведенческие аспекты кросс-культурной компетентности. Эмпирически верифицирована теоретическая модель, связывающая уровень культурного интеллекта с эффективностью межкультурной адаптации и взаимо-

действия. Вместе с тем, полученные данные побуждают критически переосмыслить тезис о линейном и универсальном характере влияния глобализации на трансформацию межкультурного пространства. Более адекватным представляется концептуализация глобализации как сложного, противоречивого процесса, опосредованного спецификой локальных контекстов.

В практической плоскости результаты исследования открывают перспективы оптимизации управленческих подходов в сфере молодежных межкультурных коммуникаций. Прежде всего, речь идет о необходимости дифференцированных стратегий развития кросс-культурных компетенций, учитывающих типологическое разнообразие молодежи. Установленная ключевая роль образовательного капитала и опыта международных контактов диктует направленность управленческих усилий на повышение доступности программ академической мобильности, расширение пространств межкультурного взаимодействия. Выявленная значимость мировоззренческого фактора актуализирует задачу трансформации ценностного профиля молодежи в сторону большей открытости и толерантности к культурному разнообразию. Все это требует перенастройки традиционных социализирующих институтов – образования, СМИ, учреждений культуры – на поликультурную модель, адекватную вызовам глобализации.

Литература

1. Бондырева С.К., Колесов Д.В. Толерантность. Введение в проблему. – М.: МОДЭК, 2011.
2. Глебова, А.П. Мультикультурный подход в развитии патриотических ценностей студенческой молодежи / А.П. Глебова // Управление образованием: теория и практика. – 2024. – № 5–1. – С. 205–212. – DOI 10.25726/19697–6214–5649-a. – EDN JOHIGA.
3. Гридчин А.А. Проблемы влияния информационных технологий на молодежь // Власть. – 2007. – № 9.
4. Гришаева Л.И., Цурикова Л.В. Введение в теорию межкультурной коммуникации. – М.: Академия, 2007.
5. Дробизева Л.М. Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. – М.: Центр общечеловеческих ценностей, 2003.
6. Кросс-культурная психология. Исследования и применение / Пер. с англ. – Харьков: Изд-во Гуманитарный центр, 2007.
7. Лебедева Н.М. Теоретические подходы к исследованию взаимных установок и стратегий межкультурного взаимодействия мигрантов и населения России // Стратегии межкультурного взаимодействия мигрантов и населения России: Сборник научных статей. – М.: РУДН, 2009. – С. 10–63.
8. Матис В.И. Проблема национальной идентичности в культурологическом контексте. – Барнаул: Изд-во БГПУ, 2002.
9. Мацумото Д. Психология и культура. – СПб.: Питер, 2003.
10. Почебут Л.Г. Кросс-культурная и этническая психология. – СПб.: Питер, 2012.
11. Садохин А.П. Введение в теорию межкультурной коммуникации. – М.: Высшая школа, 2005.
12. Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. – М.: Смысл, 1998.
13. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. – М.: Аспект Пресс, 2007.
14. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. – М.: Слово, 2000.
15. Barker G.G. Cross-cultural perspectives on intercultural communication competence // Journal of intercultural communication research. – 2016. – V. 45. – N 1. – pp. 13–30.

IDENTIFICATION OF DETERMINANTS OF FACTORS OF INTERCULTURAL COMMUNICATIVE PRACTICES OF RUSSIAN YOUTH

Sukharev E.S., Potemkina Ju.G.

Russian Technological University Mirea; Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (UNN)

The article is dedicated to the analysis of key factors determining the characteristics of managing intercultural communication within the youth environment of Russia in the context of globalization processes. Based on a comprehensive methodology that includes both quantitative and qualitative approaches, the research identifies a range of social, cultural, psychological, and technological determinants that significantly influence the communicative practices of the young generation. The empirical foundation consists of data from a representative survey of Russian youth aged 18–30 (N=1500) as well as a series of in-depth interviews with experts in the field of intercultural interaction (N=25). It was found that the most significant impact on the management of intercultural communications is exerted by factors such as the level of intercultural competence ($r=0.78$; $p<0.01$), the intensity of intercultural contacts ($r=0.74$; $p<0.01$), value orientations ($r=0.69$; $p<0.01$), and digital literacy ($r=0.67$; $p<0.01$). At the same time, significant differences were identified in the structure of factors for different age cohorts and social strata of youth. The results obtained deepen the understanding of the specific nature of intercultural interaction within the youth environment and open up prospects for optimizing management approaches in this area.

Keywords: intercultural communications, Russian youth, management, globalization, factor analysis, intercultural competence.

References

1. Bondyrev S.K., Kolesov D.V. Tolerance. Introduction to the problem. – Moscow: MODEK, 2011.
2. Glebova, A.P. Multicultural approach in the development of patriotic values among student youth / A.P. Glebova // Educational Management: Theory and Practice. – 2024. – No. 5–1. – pp. 205–212. – DOI 10.25726/19697–6214–5649-a. – EDN JOHIGA.
3. Gridchin A.A. Problems of the influence of information technology on youth // Power. – 2007. – No. 9.
4. Grishaeva L.I., Tsurikova L.V. Introduction to the theory of intercultural communication. – Moscow: Academy, 2007.
5. Drobizheva L.M. Social problems of interethnic relations in post-Soviet Russia. – Moscow: Center of Universal Values, 2003.
6. Cross-cultural psychology. Researches and applications / Translation from English. – Kharkiv: Publishing House Humanitarian Center, 2007.

7. Lebedeva N.M. Theoretical approaches to the study of mutual attitudes and strategies for intercultural interaction between migrants and the population of Russia // Strategies for intercultural interaction between migrants and the population of Russia: Collection of scientific articles. – Moscow: RUDN, 2009. – pp. 10–63.
8. Matis V.I. The problem of national identity in the cultural context. – Barnaul: Publishing House of BSPU, 2002.
9. Matsumoto D. Psychology and culture. – Saint Petersburg: Piter, 2003.
10. Pochebut L.G. Cross-cultural and ethnic psychology. – Saint Petersburg: Piter, 2012.
11. Sadokhin A.P. Introduction to the theory of intercultural communication. – Moscow: Higher School, 2005.
12. Soldatova G.U. Psychology of interethnic tension. – Moscow: Smysl, 1998.
13. Stefanenko T.G. Ethnopsychology. – Moscow: Aspect Press, 2007.
14. Ter-Minasova S.G. Language and intercultural communication. – Moscow: Slovo, 2000.
15. Barker G.G. Cross-cultural perspectives on intercultural communication competence // Journal of Intercultural Communication Research. – 2016. – Vol. 45. – No. 1. – pp. 13–30.